

С У Р

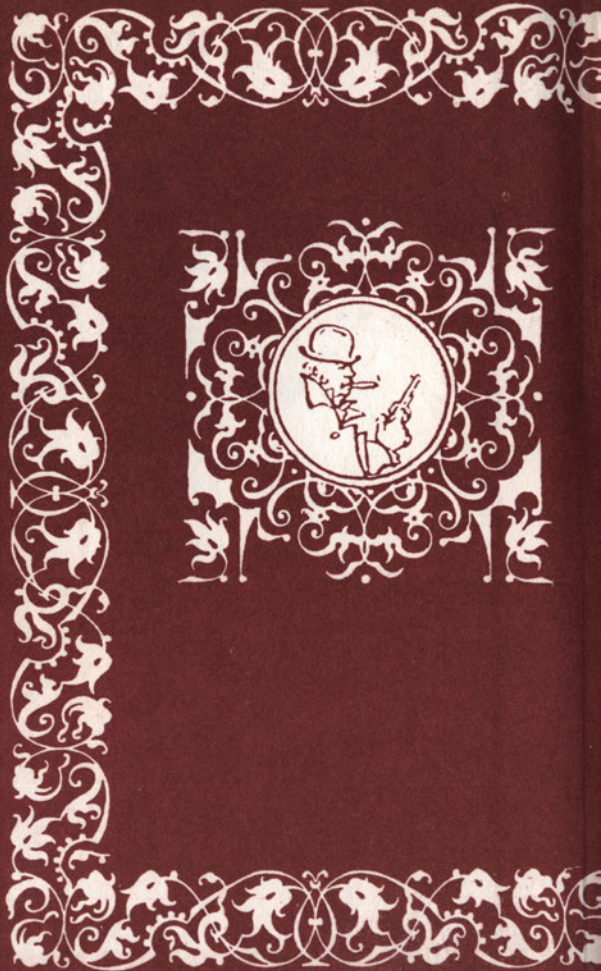
Н. Э.
ГЕЙНЦЕ

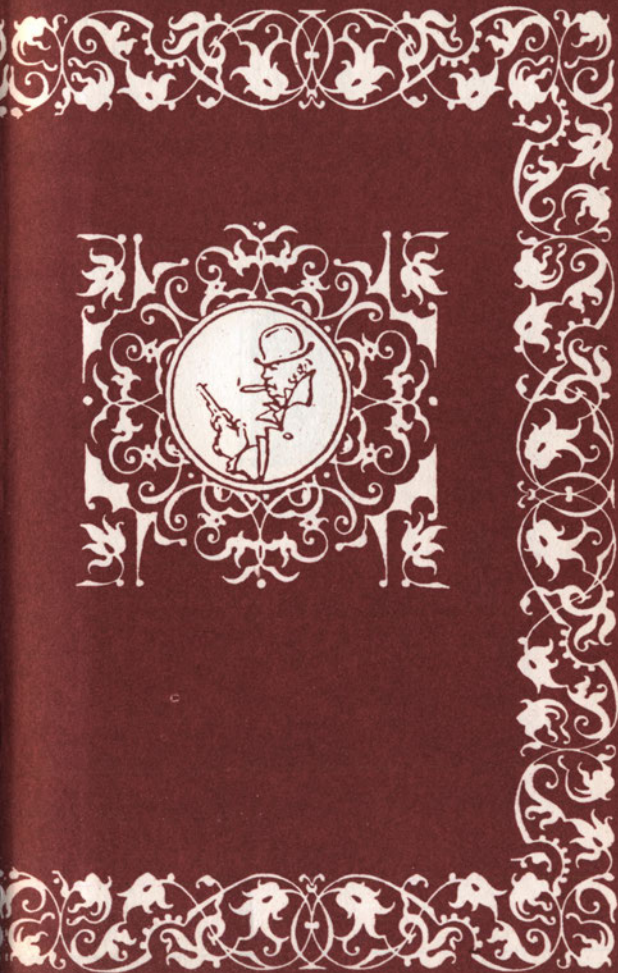
СТАРЫЙ УГОЛОВНЫЙ РОМАН

Н. Э.
ГЕЙНЦЕ

МЕСТЬ
ДИВЫ

СТАРЫЙ УГОЛОВНЫЙ РОМАН

Николай Эдуардович Гейнце (1852 – 1913) родился в Москве. Отец его – выходец из Чехии, был учителем музыки. Мать, урожденная Ерлыкова, – костромская дворянка. Николай Гейнце получил хорошее воспитание и образование, учась сначала в пансионе, затем в гимназии, наконец, на юридическом факультете Московского университета. По окончании его работал присяжным поверенным, товарищем министра, товарищем прокурора Енисейской губернии.

С детства его влекла страсть к литературе. В 1884 году Гейнце выходит в отставку и полностью отдается литературному труду.

Появляются его уголовно-бытовые романы, материал для которых давала ему богатая адвокатская практика, – «В тине адвокатуры», «Герой конца века», «Месть дивы», «Женищина-демон» и другие. Герои этих произведений – князья, сыщики, актеры, певички, кокетки и всякие проходимцы.

Произведения эти показали острую наблюдательность писателя, гуманистическую направленность их, получили признание читателей и выдержали несколько изданий.

СТАРЫЙ УГОЛОВНЫЙ РОМАН

Н. Э.
ГЕЙНЦЕ

МЕСТЬ ДИВЫ

РОМАНЫ

МОСКВА
«СОВРЕМЕННИК»
1995

ББК 84Р1
Г29

Серия «Старый уголовный роман» основана в 1995 году

Ответственный редактор серии *А. В. Диенко*

Текст печатается по изданиям:

Гейнце Н. Э. Месь дивы: Роман. Спб.: Изд. А. А. Каспари, 1905;

Гейнце Н. Э. Женщина-демон: Роман из петербургской жизни. Спб.: Тип. т-ва печатн. и изд. дела «Труд», 1902

Художественное оформление серии *Н. Б. Егорова*

Гейнце Н. Э.

Г29 Месь дивы: Романы. — М.: Современник, 1995. — 398 с. — (Старый уголовный роман).

ISBN 5-270-01928-0

В книгу известного, одного из самых читаемых и плодотворных в прошлом веке писателя Николая Эдуардовича Гейнце (1852—1913) вошли два романа, которые можно отнести к жанру детектива.

Убийства, рок, низменные страсти, коварство, подлость, измены, интриги — вот средства, которыми пользуются для достижения намеченных целей главные персонажи — «героини полусвета»: певица шансонеток Бланш Фражет («Месь дивы») и компаньонка в доме князя Осокина Конкордия Яцевич («Женщина-демон»).

Занимательная фабула, острая интрига, авантурный сюжет отличают произведения этого писателя.

Г 4702010101-031 Без объявл.
М106(03)-95

ББК 84Р1

ISBN 5-270-01928-0

© Н. Б. Егоров, оформление, 1995

ЖЕНЩИНА-ДЕМОН

Роман из петербургской жизни

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Мы случайно встретились, случайно сошлись с ней, случайно некоторое время прожили вместе и также случайно расстались.

Нынче — царство случая. Он является единственным стимулом жизни современных людей, бедных характерами.

Я не отказываюсь — любил ее, несмотря на все ее недостатки, скажу более — пороки; но эти пороки были заключены в такую изящную форму, что не отталкивали, а привлекали, не заставляли бежать от себя, но порабощали.

Я и теперь, разоренный, погубленный ею, по первому ее призыву пойду к ней, дам с наслаждением сосать кровь моего сердца этому вампиру в образе красивого демона, виноват, в образе красивой женщины...

Но мы расстались, хотя случайно, но расстались.

Квартира моя опустела. Я остался один. Атмосфера недавнего присутствия в ней любимой женщины стала для меня невыносима.

Чтобы утишить эту боль, я с дикой яростью начал истреблять все, сколько-нибудь о ней напоминавшее. Мне казалось в то время, что я ее ненавижу, что доставляло мне жгучее наслаждение, но, увы, я любил ее.

Когда все забытые ею безделушки, ленточки, лоскутки, пуговицы, булавки, шпильки были мною безжалостно выкинуты, я отправился шарить по опустевшим от ее вещей ящикам.

Я устал от этой бесплодной работы, но мне казалось, что она все еще не кончена. Присутствие ушедшей все еще чувствовалось.

«Верно, — думал я, — осталась здесь какая-нибудь вещь, которая о ней напоминает».

Несчастный, я не понимал тогда, что вещь — я сам.

Ящики столов и комода были пусты, и лишь в одном из ящиков туалета я увидел несколько десятков пожелтевших от времени листков, форматом в четвертку писчей бумаги, мелко исписанных.

Я со злобой схватил их, и первой мыслью моей было изорвать их в мелкие кусочки и велеть вынести, но я бросил взгляд на рукопись.

Это промедление изменило мои мысли. Они были написаны ее рукой, той самой рукой, которая еще вчера ласкала меня.

Мне стало жаль этих листков. Они мне вдруг стали страшно дороги, как единственное воспоминание о ней.

Я стал читать.

Это были в повествовательной форме ее записки, записки о совершенных ею преступлениях.

Мне неизвестно, под каким впечатлением она изложила на бумаге свою исповедь!

Быть может, это было тогда, когда она для спасения своей души ездила сестрой милосердия на театр итальяно-абиссинской войны, — она со смехом, от которого у меня мороз продирает по коже, рассказывала мне об этом — но, видимо бросившись в другую крайность — на скользкий путь падшей женщины, от которого я, безумец, хотел спасти ее, она позабыла о своих грехах и преступлениях и даже случайно забыла у меня свою исповедь.

Я бросил свою работу истребления и читал, читал...

Волосы поднимались дыбом перед порочностью и преступностью этой женщины, цинично изображаемыми ею самою.

Я прочел ее страшную повесть о самой себе до конца и... продолжал любить ее.

Я решил обработать ее рукопись для печати.

Сознаюсь, кроме того, что переписка этой рукописи доставила мне жгучее наслаждение страдания. Я не знаю наслаждения выше — пытки самого себя.

Вот происхождение этой повести.

I

В один поздний зимний вечер в столовой старинного помещичьего дома князя Сергея Сергеевича Осокина за чайным столом сидели двое.

Один из сидевших был сам князь, владелец великолепного имения, лежащего в нескольких десятках верст от Москвы, а другой или, лучше сказать, другая — молодая девушка оригинальной красоты.

Князь был пожилой, дородный, мускулистый человек, с добродушным лицом и тревожным взглядом больших серых глаз, выглядывавших из-под густых светло-русых бровей.

Такие же подстриженные под гребенку, по-английски, волосы на голове и густые усы, несколько темнее, в которых начиналась пробиваться проседь, дополняли приметы этого одного из «славных русских лиц», которым обладал князь.

Его собеседница заслуживает более пространного описания. Такие женские типы встречаются не часто.

Она была рыжая, но брови и глаза ее были черные, как уголь.

Эти брови, тонкие, точно нарисованные, имели особенность сдвигаться почти вплотную при малейшем волнении, и в такие минуты глаза и все лицо молодой девушки делались надменны и мрачны.

Но стоило этим бровям прийти в их нормальное положение, как выражение глаз молодой девушки становилось совершенно иным.

Они блестели, как две яркие звездочки, из-под длинных черных, как смоль, ресниц и освещали дивным светом прелестное матово-бледное личико, задумчивое и нежное.

Все очертания этого лица были тонки и правильны.

Рельефно выдавались на его ослепительной прозрачной белизне ее алые губки, подернутые влагой.

Улыбки этих губок были так же изменчивы, как и выражение глаз. Эти перемены казались присущими не одному лицу, но всему существу этой странной особы.

Изыщество манер, свобода позы, исполненной надменности, когда она сидела, откинувшись на высокую спинку мягкого стула, заставляли думать, что она дитя роскоши, привыкшее проявлять деспотическую власть над всем окружающим.

Но ее торопливость всякий раз, как князь допивал свой стакан, налить ему другой, эти пугливые взгляды, кидаемые ею на дверь, при малейшем шорохе, красноречиво говорили о привычке к зависимости, о вечной боязни не угодить тем лицам, которые платили ей за эти услуги.

Она была действительно наемницей в доме князя Осокина. Она служила компаньонкой его больной жены.

У этой оригинальной девушки было и оригинальное имя. Ее звали Конкордия Владиславовна Яцевич.

В описываемый нами вечер на ней было надето черное платье, плотно облегавшее ее красивый бюст и ярко оттенявшее белизну ее рук.

Она часто смотрела на эти изящные, как будто из мрамора изваянные, руки и сама, видимо, любовалась их красотой.

Глаза ее часто обращались на князя, и в эти минуты ее брови плотно сдвигались. Встречая эти дерзкие, презрительные взгляды, князь заметно смущался.

На дворе стояла ужасная погода. Ночь была темная, именно такая, какая определяется народным выражением «хоть глаз выколи». Метель привольно гуляла на просторе. Порывистый ветер бешено крутил снег и осыпал им окна барского дома, стоявшего на открытом со всех сторон пригорке.

Князь Сергей Сергеевич и Конкордия Владиславовна сидели молча. В столовой, где они находились вдвоем, было совершенно тихо.

Только за окнами выла вьюга, навевая какое-то жуткое чувство при господствовавшей в комнате тишине.

Князь только что допил третий стакан чаю.

Конкордия Владиславовна протянула руку за его стаканом, и при этом движении глаза их снова встретились.

Ее взгляд был так дерзок и холодно-насмешлив,

что князь Осокин не выдержал. Он тяжело оперся руками на стол и уронил голову на руки.

Стол затрещал под натиском, раздалось дребезжание посуды, но все это было заглушено звонким смехом Конкордии. Этот смех был так неожидан, что князь растерялся.

— Прошу, умоляю вас, — прошептал он.

— О чем вы меня просите? — холодно спросила Конкордия Владиславовна.

— Вы знаете сами, как мне невыносимо тяжело...

Лицо молодой девушки сделалось сурово и серьезно.

— Я вполне сознаю, — заговорила она после небольшой паузы, — что мой смех опрометчив, и прошу извинения у вашего сиятельства.

Князь сделал нетерпеливое движение, но она быстро продолжала, не дав ему выговорить ни слова:

— Я состою у вас в качестве компаньонки вашей супруги, вы платите мне жалованье, и, надобно прибавить, очень хорошее, вы, конечно, вправе требовать много, и если в вашем доме запрещено смеяться, то я подчинюсь этому правилу.

— Вы говорите так потому, что не знаете... — начал было князь Осокин, но молодая девушка снова перебила его:

— Вы совершенно правы, я ничего не знаю, и мне нечего знать.

— Я давно собираюсь...

Князь внезапно замолчал под мрачным и надменным взглядом Конкордии.

— Опять этот взгляд, — прошептал он тоскливо. — Если вы всегда будете смотреть на меня так ужасно, я положительно никогда не решусь.

Мрачное выражение лица молодой девушки вдруг сменилось выражением задорной веселости.

— На что вы не решитесь, ваше сиятельство? Объявить мне торжественно, что вы меня любите? Напрасный труд! Я давно это знаю.

— Как, Конкордия... вы знаете... но ведь я никогда...

— Перестаньте, пожалуйста. Ваше чувство ко мне не нуждается в словах, и разгадать его не трудно. Я ведь хорошо понимаю, что, живя у вас в доме в качестве наемницы, так сказать в зависимости, я между тем имею в нем все права полновластной хозяйки, и

вы бы не задумались бросить шальные деньги, чтобы исполнить мой самый пустой каприз. Вы даже сожалеете, что у меня нет капризов.

— Без всякого сомнения, — с жаром произнес князь Сергей Сергеевич.

На губах девушки мелькнула презрительная усмешка.

— Так вы не отрицаете этого? Вы признаетесь, что вы меня любите. Скажите же мне, какие у вас намерения относительно меня?

Князь вскочил и бросился перед ней на колени.

— У меня одно намерение, одна цель — беспрестанно исполнять вашу волю и этим доказать вам всю силу и искренность моей любви.

— Это не ответ, — заметила Конкордия Владиславовна. — Да и встаньте с колен. Это, право, смешно. Сюда могут войти. Могут даже довести до сведения княгини.

— Что мне княгиня! — с жаром воскликнул князь.

Глаза молодой девушки сверкнули фосфорическим блеском, по губам пробежала злорадная улыбка.

— Я не смею мешать вам относиться к княгине, как вам будет угодно, — строго заметила она, — но для меня ее особа имеет большое значение. Я состою при ней. Встаньте, наконец, я этого требую! Если вы не послушаетесь, я сейчас уйду.

Князь поднялся с колен.

— Потрудитесь теперь сесть на свое место, и мы будем продолжать разговор.

Он покорно исполнил и это желание.

— Вот так гораздо лучше, — заметила она. — Коленопреклонения ничего не доказывают, но я всегда ценю слепое послушание.

— О, я буду послушен, как раб, как собака. Я буду покорен.

— Молчите! — запальчиво перебила его Конкордия. — К чему мне ваши клятвы и ваши восклицания. Отвечайте же мне ясно на заданный вопрос: какие у вас намерения и цели и на что вы надеетесь?

Облокотившись на стол в выжидающей позе, она грела руки под абажуром лампы.

Князь Осокин, казалось, потерял способность отвечать. Он пожирал глазами эти руки.

— Признайтесь, — сказала, прищурившись, моло-

дая девушка, — вы дали бы много за позволение поцеловать мою руку?

Князь вздрогнул.

— Увы! Страшно подумать, — продолжала она, — что я живу у вас с лишком полгода и вам не удалось дожидаться от меня даже рукопожатия! Ведь это возмутительно — такая неудача и в такой долгий срок! Мне даже самой обидно за ваше самолюбие.

— Вы жестоки, но вы... очаровательны! — с неподдельным восторгом воскликнул князь.

— Опять пустые фразы, — пожалала она плечами. — Ведь я вам говорила, что они не приведут вас ни к каким результатам... Примите мой совет: примиритесь с действительностью и выкиньте из сердца бесплодную любовь.

Князь сделал жест протеста.

— Я никогда не сделаюсь вашей любовницей, — между тем продолжала она, — это мое твердое, непоколебимое решение.

Князь слушал ее молча, неподвижный и бледный.

Его душили слезы. Он любил ее.

Она поглядела на него с любопытством, затем отвернула кран у самовара, налила воды в чайник и небрежно спросила:

— Хотите еще чаю?

Князь Осокин сделался багровым.

— Вы демон, а не женщина.

— Вот как!

— В вас нет чувства жалости... Для чего я вас встретил, и чем вы заплатили за мою молчаливую, но глубокую преданность? Каждое ваше слово рвет мне сердце на части.

— Ну, от слов-то, положим, вам не трудно избавиться, — с усмешкой заметила она. — Нам стоит никогда не говорить друг с другом. Это поможет вам сберечь свое сердце в совершенной сохранности.

— Вы, кажется, находите большое удовольствие предлагать мне невозможные условия! За что вы меня мучаете?

— А скажите по совести, — перебила она, — вы бы очень обрадовались, если бы я уехала.

— Как! Расстаться с вами!.. Ни за что! Никогда!

— А мне придется уехать... я не вижу другого выхода из моего положения. Я уже сказала вам, что ни-

когда не буду вашей любовницей, быть же вашей женою я тоже не могу — вы не свободны...

— Но если бы я был свободен, — с трудом проговорил князь Осокин, — вы согласились бы быть моей женой?

— К чему ломать голову над такими вопросами. Я вообще не люблю говорить о несбыточном.

— Но я вас умоляю ответить мне решительно, согласились ли бы вы быть моей женою, если бы я был свободен.

— Не знаю...

Князь Сергей Сергеевич снова опустился перед ней на колени.

— Оставайтесь здесь, Конкордия... Княгиня умрет... Я буду свободен... Ее дни сочтены, вы сами это знаете.

Она быстро откинулась на спинку стула с выражением неподдельного ужаса. При этом движении одна из ее изящных ножек коснулась князя Осокина.

Он задрожал.

— Но ведь это бесчестно — говорить таким образом, — воскликнула она, — бесчестно рассчитывать на смерть бедной страдальцы!

— Я именно поэтому встречаю так спокойно ее близкий конец, — заговорил князь. — Ей тяжело страдать, она сама желает смерти. Наука бессильна возратить ей здоровье, она может только протянуть ее жизнь на короткое время. Мне иногда приходит мысль, что я сделал бы для нее благодеяние, если бы дал ей несколько лишних капель того лекарства, которое даю ей и которое поддерживает в ней тлеющий огонек жизни... Доктор сказал, что при увеличении дозы на несколько капель ее сердце разорвется и наступит конец, потому-то я лично и даю ей это лекарство, перед сном...

— Но ведь этот же доктор уверял вас на днях, что она может прожить при известных условиях еще два года.

— Он лгал.

Его мысли вдруг приняли другое направление. Он весь погрузился в созерцание маленьких ножек Конкордии Владиславовны.

Она заметила это.

— Вы опять за свое, — сказала она. — Сначала любовались моими руками, а теперь любуетесь моими

ботинками. Ну, что же, целуйте их, если они вам нравятся! Я вам не запрещаю.

Такая неожиданность ошеломила князя.

Он схватил в обе руки одну из миниатюрных ножек молодой девушки и стал покрывать ее горячими, страстными поцелуями.

— Довольно! Встаньте, — сказала Конкордия Владиславовна, освобождая свою ногу.

Князь хотел приподняться, но в это мгновение ее нежные ручки легли ему на плечи.

Он весь дрожал от волнения.

— Итак, вы меня любите, — прошептала молодая девушка, — вы будете мне верным и покорным рабом; вы способны пожертвовать мне, если встретится надобность, состоянием... жизнью?

— Всем! — решительно сказал он. — Я отдам все за право не расставаться с вами.

— Я верю в вашу искренность, — отвечала она. — Я ценю ваше чувство. Когда вы овдовеете, я выйду за вас замуж.

Он тяжело вздохнул.

— Придется долго ждать! — процедил он сквозь зубы.

— Что вы сказали?..

— Нет, я так, ничего... Я только пожалел о полной невозможности принять это великое и желанное счастье, когда мне стоит только протянуть к нему руку.

Конкордия Владиславовна презрительно пожала плечами.

— Ведь все это великое и желанное счастье зависит от возможности сделаться свободным человеком, — заметила она.

— Да! — как-то бессознательно согласился с ней князь.

— Ну, так за чем же дело. Время давать лекарство. Идем сию минуту.

И молодая девушка, схватив его за руку, увлекла к двери.

Он покорно позволил вести себя.

Они прошли анфиладу полуосвещенных комнат и вошли в спальню княгини Осокиной.

Голубой большой фонарь спускался с потолка и освещал мягким светом комнату, обитую шелком.

Шторы были спущены.

Дорогие ковры устилали весь пол.

В углу, наиболее недоступном для света, стояла кровать под большим балдахином. На ней лежала женщина. Болезнь оставила разрушительный след на ее молодом изнуренном лице. Она лежала тихо с закрытыми глазами и, видимо, спала. Но ее ускоренное дыхание, к которому примешивались слабые стоны и судорожные вздрагивания, ясно говорили, что болезнь не щадила ее даже во сне.

Это была княгиня Любовь Игнатьевна Осокина, урожденная графиня Бехтеева.

Неправильные роды были главной причиной ее неизлечимой болезни, осложнившейся параличом ног.

Слабая искра жизни, которая осталась в изнеможенном теле, поддерживалась только неустанным надзором, окружавшим княгиню.

Обстановка комнаты, в которой томилась несчастная страдальца, была роскошна, но эта роскошь перед лицом смерти носила особенный мрачный вид. Он особенно красноречиво говорил о тщете всего земного перед вечностью.

Войдя в комнату жены, князь Сергей Сергеевич был бледен как смерть.

Конкордия Владиславовна казалась совершенно спокойной.

Княгиня спала.

— Это так легко! — проговорила молодая девушка над самым ухом князя.

— Объясните мне, зачем вы меня привели сюда? — спросил он ее.

— Время давать лекарство. Несколько лишних капель...

Князь Осокин вздрогнул.

— Вы прекратите таким образом страдания вашей жены и завтра же сделаетесь свободным человеком...

Он судорожно провел рукой по лицу, потом опустил ее в карман сюртука, вынул из него толстый бумажник, схватил Конкордию Владиславовну за руку и потащил ее поспешно из комнаты.

Молодая девушка слегка вскрикнула.

Княгиня проснулась.

— Это ты, Серж? — спросила она.

Он вздрогнул при звуке этого голоса, но не вернулся, а потащил ничего не понимавшую Конкордию Владиславовну по всем комнатам вплоть до столовой.

Здесь он остановился, взял ее за плечо и прохрипел над самым ее ухом:

— Вы хотели склонить меня на преступление, и я чуть было не поддался искушению. Уйдите навсегда, чтобы сегодня же в ночь вас здесь не было... Вот деньги... Их достаточно, чтобы обеспечить вас на всю вашу жизнь.

Он оттолкнул ее и вышел из столовой по направлению к своему кабинету.

Она проводила его злобным взглядом.

— Господи Боже мой! Не случилось ли чего с ее сиятельством? На вас страшно смотреть! Вы бледны как смерть! — встретил вошедшего в кабинет князя его камердинер.

— Нет, ничего... Я сейчас пойду давать жене лекарство, — сказал князь, опускаясь в кресло.

Камердинер тихо вышел из кабинета, еще раз окинув князя Сергея Сергеевича удивленным взглядом.

II

Прошло три года.

В один осенний, особенно сумрачный петербургский день вагон конно-железной дороги остановился на разъезде против Гостиного двора.

В него вошла уже очень пожилая женщина в эксцентричном, не гармонирующем с ее летами ярком костюме и громадной шляпе, из-под которой выглядывало покрытое вуалью морщинистое лицо с бегающими маленькими глазами.

Толстый слой белил и румян, не будучи в силах сгладить глубокие морщины, проведенные летами и образом жизни, указывал лишь на тщетное желание молодиться и невольно вызывал улыбку.

Вагон был наполнен простым людом, встретившим новую пассажирку насмешливыми взглядами.

Последняя в свою очередь скорчила презрительную мину, оглядев своих спутников, и села на первое свободное место у двери.

Вдруг лицо ее заметно просияло при виде пассажира, сидевшего с ней рядом.

Это был мужчина лет тридцати.

Костюм его был не из числа изящных. Фасон его

пальто был не последней моды. Мягкая шляпа тоже носила следы давности.

Но все вместе взятое проявляло безусловную порядочность. Белье было на нем свежее и чистое, форма и нежность рук указывали на породу. На правильном лице и широком лбу лежал отпечаток энергии и силы.

Он сидел в глубокой задумчивости, не изменяя позы, которую принял, сев в вагон на углу Литейной улицы и Невского проспекта.

Он был, по-видимому, поглощен одной мыслью, и ему не было ни малейшего дела до всего остального.

Старуха все время смотрела на него, не отрывая глаз, но когда вагон стал подходить к Большой Конюшенной, она заявила желание выйти.

Кондуктор лениво дернул звонок. Лошади убавили ход.

В это самое время щегольская карета неслась быстро по Невскому. Она догнала конку как раз в ту самую минуту, когда ее остановили по желанию молодой старухи. Бравый кучер напряг все свои силы, чтобы сдержать лошадей.

Сидевший в карете господин высунулся из окна.

Старуха же в это время спускалась с подножки вагона.

В ту же минуту сидевший рядом с ней молодой пассажир стремительно выскочил из вагона, неосторожно толкнул старуху, которая, упав на мостовую около копыт лошадей, испустила неистовый крик и лишилась чувств.

Задумчивый пассажир между тем окинул беглым взглядом господина, выглядывавшего из окна кареты, и, перебежав улицу, пошел быстрыми шагами по Большой Конюшенной.

Все это произошло так быстро, как быстро собрался и народ к месту происшествия, окруживший остановившиеся вагон и карету.

Дверцы последней отворились, и из нее вышел высокий господин.

— Что случилось? — спросил он властным голосом, раздвигая толпу золотым набалдашником своей палки.

— Вот... упала дама, — заявил кондуктор.

Господин посмотрел на лежавшую и вздрогнул.

— Боже мой! Это она! — прошептал он и затем,

обратившись к выросшему как из-под земли городовому, сказал: — Я знаю эту даму. Помогите посадить ее в мою карету, я отвезу ее сперва к себе, а затем отправлю домой.

— Надо бы в участок, ваш-ство... — возразил блюститель порядка.

— Зачем? Вот моя визитная карточка. Я князь Осокин, живу на Галерной, в собственном доме... Ты доложишь приставу.

— Слушаю-с, ваше сиятельство.

Городовой, с помощью появившихся из толпы добровольцев, поднял бесчувственную старуху и посадил ее в карету.

Князь Осокин сел рядом. Городовой захлопнул дверцу. Карета покатила. Конка тронулась дальше. Толпа стала расходиться, понуждаемая просьбами городского:

— Идите себе... Пожалуйте своей дорогой.

Старуха в карете скоро пришла в себя и открыла глаза.

Они остановились с выражением удовольствия на шелковых подушках кареты, а затем обратились на своего спутника.

Она собственно не подверглась никакому увечью, ни даже ушибу, но, возвратясь к сознанию и увидев себя предметом участия многочисленной публики, она продолжала, из личных расчетов, лежать, как лежала, без всякого движения.

Князь Осокин сидел и смотрел в окно, но, почувствовав на себе пристальный взгляд своей спутницы, он быстро обернулся.

Она вся задрожала и откинулась в угол кареты.

— Убийца! — прошептала она, побледнев.

— Вы с ума сошли, — произнес князь Сергей Сергеевич. — Этот случай может вас обогатить... Где ваша дочь?

— Конкордия?

— Да.

— Та самая Конкордия, которую вы выгнали из вашего дома ночью, в сильнейшую стужу, когда на дворе бушевала вьюга... Только бесконечное Божье милосердие спасло ее от смерти.

— Везите меня к ней.

— Это невозможно.

— Почему?... Для меня это необходимо... Я заплачу вам, сколько хотите... Скажите мне только, где живет ваша дочь, доставьте мне возможность увидеться с нею и упрости простить мне прошлое. Я, повторяю вам, вознагражу вас за эту услугу, я исполню все ваши требования.

— Это невозможно! — повторила старуха. — Она окружила себя глубочайшей тайной... Она мне не простит, если я ее выдам. Я рискую потерять у ней пристанище.

В это время карета остановилась у шикарного подъезда одного из домов на Галерной улице.

— Зайдемте ко мне. Потолкуем, — сказал князь Осокин и, выйдя из экипажа, подал руку своей спутнице.

Последняя вышла из кареты с важностью самой кровной аристократки.

— Ты подождешь, — крикнул князь кучеру.

Князь Осокин и Станислава Осиповна Яцевич, — так звали мать Конкордии Владиславовны, — вошли в роскошную квартиру бельэтажа и вскоре очутились в комфортабельном кабинете князя Сергея Сергеевича.

Последний запер плотно двери и обратился к своей неожиданной гостье:

— Где живет ваша дочь?

— Но я, право, не знаю, должна ли я сказать.

— Сколько? — спросил он.

Он не дал ей закончить.

— Пять... семь... тысяч, — пролепетала старуха.

— Я дам вам десять, говорите...

— Но... — начала она.

— Говорите! — крикнул князь Сергей Сергеевич.

Он схватил ее за руку и стиснул так, что старуха вскрикнула от боли. Он оставил ее, толкнув в мягкое кресло. Станислава Осиповна с удовольствием упала на мягкие подушки.

— Вы в моем доме, в моей полной власти, я сломаю вам ребра, если вы не исполните моего приказа. Отвечайте немедленно: где живет ваша дочь, и вот вам деньги.

Князь Осокин подошел к стоявшему в кабинете нестергаемому шкафу, открыл его, вынул десять пачек и подал Яцевич.

Та поняла полную невозможность дальнейших препирательств.

— Она живет на Одиннадцатой линии Васильевского острова и занимается сдачей внаем мебелированных комнат, — сказала она, пряча деньги в карман.

— Вот как!

— Но я должна предупредить вас, что доступ к ней очень труден, она не принимает никого, и если вы желаете видиться с ней, то мы должны ехать вместе.

— Едем! — воскликнул князь.

Они снова вышли из кабинета, прошли анфиладу комнат, вышли из подъезда и сели в ожидавшую князя карету.

Конкордия Владиславовна занимала небольшой двухэтажный дом-особняк, стоявший в глубине двора, отделенный от улицы решетчатым забором и такими же воротами.

К подъезду дома вел дощатый помост.

На звонок Станиславы Осиповны дверь отворила горничная, но при виде князя метнулась назад.

— Не надо докладывать, моя дочь уведовлена, она нас ждет, — быстро сказала старуха.

Горничная стала снимать с пришедших верхнее платье.

Раздевшись, Станислава Осиповна стала подниматься по лестнице, ведущей прямо из передней во второй этаж.

Князь следовал за нею.

Достигнув площадки, старуха отодвинула тяжелую портьеру и вошла в будуар, вмещавший в себе все, что могла изобрести современная роскошь.

В глубоком кресле сидела и читала бывшая компаньонка князя Осокина — Конкордия Яцевич.

Она посмотрела рассеянно на мать, но, увидев за нею высокую фигуру и бледное лицо князя Сергея Сергеевича, быстро вскочила.

— Вы здесь? Зачем вы здесь? Как вы смели явиться ко мне?

Князь молчал. Он смотрел на нее с немым восторгом. Вдруг совершенно неожиданно для нее он упал перед ней на колени.

— Сжальтесь, Конкордия, моя жизнь после вас была тяжелой цепью мучений, я прошу вас простить меня за роковое прошлое.

Конкордия Владиславовна сделала вид, что не слушает его, и обратилась к Станиславе Осиповне:

— Это вы, моя мать, привели ко мне этого человека?

— Конкордия, извини, я не могла противиться!

— Так, значит, нет сомнения, вы ввели сюда этого человека?

— Он так меня упрасивал.

— Отлично, замолчите. Мы сведем потом счеты, а теперь потрудитесь последовать за мной!

Она твердой походкой направилась к двери, но князь Осокин догнал ее и с решимостью отчаяния удержал за рукав ее платья.

— Конкордия, прошу вас... — говорил он, задыхаясь.

— Пустите мой рукав! — крикнула она.

— Конкордия, еще раз умоляю вас, я принес вам мое искреннее раскаяние. Я послушался вас и давно овдовел.

Она остановилась.

По телу ее пробежала дрожь.

Ее рука, державшая в это время портьеру, судорожно сжалась и замерла на ней.

— Какое мне дело до вашего вдовства...

— Конкордия, умоляю...

— Хорошо! Так и быть. Я готова вас выслушать! Оставьте нас, матушка! — обратилась она к Станиславе Осиповне.

— Но ты, дитя мое... — начала было старуха.

— Послушайте! — прервал ее злобно князь Осокин. — Ведь вам русским языком сказали, чтобы вы убирались...

Его взгляд был так грозен, что старуха опрометью бросилась из комнаты.

Конкордия Владиславовна улыбнулась и, возвратившись на прежнее место, устроилась опять в полулежащей позе в своем бархатном кресле и сказала князю Сергею Сергеевичу:

— Говорите, я вас слушаю.

— Я люблю вас, Конкордия, вследствие этой любви я загубил свою жизнь.

— Постойте, — запальчиво перебила его Конкордия Владиславовна, — если вы добивались разговора со мной с целью болтать такие пустяки — вы добивались его совершенно напрасно.

— Но...

— Говорите дело.

— Через несколько дней я дал на ночь пять лишних капель моей жене. К утру ее не стало.

— Вы сделали это?

— Да. Затем я объездил всю Россию и Европу, отыскивая вас.

Он глядел на нее вопросительно-умоляющим взглядом.

— Итак, вы убили вашу жену? — произнесла она голосом, в котором слышались металлические ноты.

— Да, — скорее движением губ, нежели голосом произнес он.

— Вы теперь свободны, — с легкой иронией сказала она.

— Свободен, — заявил он, не заметив интонации ее голоса, — и предлагаю вам мое имя и состояние — почти миллион годового дохода.

— Вы низкий человек!

Князь Сергей Сергеевич побледнел.

III

— Да, вы низкий человек, — повторила Конкордия Владиславовна с тою же невозмутимостью.

— Что вы хотите этим сказать? — прохрипел князь Сергей Сергеевич Осокин.

— Вы стоите теперь передо мною в униженной позе и сознаетесь мне в том самом преступлении, перед которым вы трусливо отступили, когда я предлагала вам быть вашей сообщницей.

Князь вздохнул.

— Это доказательство решимости вашей пожертвовать мне всем, даже спокойствием совести, не прошло бы бесследно. Оно было способно вызвать мою любовь к вам. Теперь же ваша жертва потеряла цену, и даже не знаю, приму ли я ее, так как в таком случае я должна буду позволить вам бывать у меня.

— Но все же я могу надеяться, — перебил князь Осокин.

— Не спешите радоваться, — с усмешкой возразила Конкордия Владиславовна. — Я, быть может, подумаю, и приму ваши услуги. Если вы действительно хотите состоять в роли моего покорного раба, я разрешу вам посещать меня.

— Это моя заветная мечта, — с жаром заговорил

князь Сергей Сергеевич, — только ради этого я совершил преступление.

Он упал к ее ногам и дотронулся до одной из них рукой.

Она гневно отдернула и спрятала ноги под оборки пеньюара.

— Послушайте, князь, вы, кажется, вообразили, что ваше преступление доставило вам право на эту фамильярность... Я должна вам сказать, что вы жестоко ошибаетесь и такое нахальство заставит меня выгнать вас без дальнейших разговоров.

— Простите, этого больше никогда не будет.

— Вспомните же слова мои, — продолжала Конкордия Владиславовна, — вы не должны питать несбыточных надежд. Если ваша привязанность окажется искренней и вам удастся осмыслить наши отношения, я, быть может, прощу вам ваш поступок со мной...

— Научите меня, что мне следует делать, чтобы заслужить прощение как можно скорее.

— Вы должны поступать по следующей программе, — начала она, отчеканивая каждое слово, — повиноваться мне безусловно во всем, не говорить со мной, пока я сама не начну разговора, не смотреть на меня, пока я не позволю, не дозволять себе никаких фамильярностей, не сметь целовать даже моих башмаков, если вы их увидите где-нибудь в комнате, всегда видеть во мне потерянное счастье и не жалеть усилий и жертв всякого рода, чтобы возвратить его, но думать в то же время, что эти усилия могут очень легко довести до цели. Если вы соглашаетесь принять мои условия, я, пожалуй, позволю вам бывать у меня.

— Я знаю, что я выстрадал за эти длинные годы; перед этой мукой ничтожны все другие. Я согласен на все.

— А я даю вам право являться каждый день, — сказала Конкордия Владиславовна, — и если в это время не будет меня дома или мне будет некогда, прислуга передаст вам мои распоряжения.

— Они будут исполнены.

— Встаньте теперь с колен.

Он несколько замедлил.

— Ведь вам сказано: встаньте! — крикнула молодая девушка. — Вы в самом деле думаете, что ваши бессмысленные коленопреклонения доказывают чувство. Это страшная пошлость, и я вам запрещаю прини-

мать эти позы. Вообще я вам советую не ждать ничего приятного от ваших посещений. Вы случайно узнали о моем пребывании; ваша слепая преданность может мне пригодиться, и я буду ею пользоваться. Но я не дам взамен ничего, кроме права бывать у меня. Вы должны помнить это. Если ваши желания не пойдут дальше этого, я буду очень рада, но если...

Она сделала угрожающий жест.

— Перестаньте, Конкордия, — перебил ее князь, — я уже вам сказал, что счастье вас видеть исключает возможность других желаний.

— В таком случае садитесь к столу, возьмите перо. Вы должны написать то, что я вам продиктую.

Князь Осокин повиновался.

Конкордия Владиславовна стала диктовать:

— «Милостивая государыня

Конкордия Владиславовна!

Желание убедить вас в моей любви заставило меня совершить преступление. Доктор, лечивший мою жену, предупредил меня, что я ее убью...»

Князь Сергей Сергеевич положил перо.

— Этого я не могу.

— Вот как! — усмехнулась Конкордия Владиславовна. — Так слушайте же, — вдруг переменяла она тон, — пишите, если дорожите моим прощением, а не хотите, как хотите.

Она встала и пошла к дверям.

Князь Осокин взял снова перо.

Она остановилась у самого порога двери.

— Продолжайте, — прохрипел князь.

Она стала снова диктовать:

— «...если дам несколько лишних капель лекарства, поддерживающего ее жизнь. Я умышленно дал их и кладу к вашим ногам мою честь, мое имя и мое состояние».

— Теперь подпишитесь и пометьте сегодняшним числом.

Он исполнил и это.

Она протянула руку к письму.

Князь колебался.

Он был страшно взволнован.

— Но ведь вы можете погубить, обесславить меня, — прошептал он побелевшими губами.

— А хотя бы и так, — с наглостью заявила

она. — Впрочем, если ваша любовь не настолько сильна — изорвите письмо.

— Возьмите его, — быстро отдал ей князь письмо, — и я мог сомневаться в вас хотя мгновенье! Вы совершенный ангел!

Она расхохоталась.

— Вы в самом деле думаете, что я поступаю с вами по-ангельски, — сказала она, пряча письмо в карман. — Нельзя не сознаться, что вы ужасно глупы.

— Я люблю вас.

— Хорошо, хорошо! Но к делу... Я поручаю вам нанять и меблировать мне квартиру в другом конце города. Я хочу переехать так, чтобы мать совершенно потеряла меня из виду. Вы убедились на опыте, что я не могу на нее полагаться. Скажите, кстати, сколько вы заплатили ей за предательство?

— Я дал ей десять тысяч.

— Это не Бог весть сколько... Итак, позаботьтесь о моей квартире.

— Не лучше ли купить дом.

— Вы говорите глупости. Если я говорю о квартире, значит, должна быть квартира. Не спешите бросать на меня деньги. Я и без вас знаю, что могу взять сейчас все, что у вас есть, до копейки.

— Я не спорю об этом.

— Так к чему болтать глупости. В день моего переезда на новую квартиру я обедаю с вами у Контана. Там вы мне посоветуете, какую мне избрать профессию.

— Профессию... вам? Господи! Да на что же вам...

— Если вы не воздержитесь от нелепых замечаний, я, право, откажусь от ваших услуг, а потому не смейте никогда рассуждать.

— Не буду! — покорно ответил князь.

— Хорошо. Прощайте! Вы можете завтра явиться сюда в это же время. Что касается квартиры, мы отложим это на некоторое время, у меня есть соображения, я останусь здесь.

И Конкордия Владиславовна вышла, не протянув руки, не бросив даже взгляда на несчастного князя.

Он опустилсЯ в кресло и просидел в нем долго, усталый и задумчивый, поддерживая голову обеими руками.

Вошедшая горничная доложила ему:

— Барыня приказала напомнить вам, что ваша карета ждет у подъезда.

Тон горничной был вежлив, но не лишен лукавства.

Князь Сергей Сергеевич тяжело вздохнул и уехал.

Менее чем через четверть часа после отъезда князя Осокина в квартире Конкордии Владиславовны раздался звонок.

Отворившая дверь горничная поклонилась прибывшему посетителю с той полупочтительностью и полуфамильярностью, с которой встречают только частых посетителей.

Новый гость был мужчина лет под тридцать, сильный брюнет, с нерусским выражением лица.

Он и не был русским.

Это был обрусевший грек.

Его звали Григорий Константинович Станишев.

Он широко жил в Петербурге, вращаясь в кругу как «золоченой» аристократической, так и настоящей «золотой» — финансовой молодежи.

Какие средства к существованию, да еще такому многостоящему, были у Григория Константиновича, никто не знал, да в Петербурге этим мало и интересуются.

Он всегда платил свою долю, как за скромным то-варищеским завтраком и обедом, так и за гомерической попойкой, не стеснялся поставить приличный куш на карту и не раздражался при проигрыше.

Он не прибегал к мелким долгам в сотню рублей, а, напротив, у него можно было перехватить всегда сотняжку-другую. Все эти качества, несомненно, свидетельствовали в глазах петербургского «света», что он «порядочный человек».

Он и слыл таковым. Более близкие к Григорию Константиновичу люди знали еще, что он был вдовец и имел дочь Ольгу, которую, однако, никто никогда не видал.

На воспитание этой дочери он получал от брата своей покойной жены, князя Осокина, большие суммы; говорили также, что племянница князя должна получить после смерти своего дяди его огромное состояние, которое до замужества молодой девушки будет находиться в руках Григория Константиновича.

Этот странный пункт завещания, если только он существовал не в одном воображении рассказчиков, ко-

нечно, возбуждал, в связи с «невидимкой-дочерью» Станишева, самые разнообразные толки.

Прибавляли еще, что завещание составлено князем Сергеем Сергеевичем Осокиным вскоре после смерти его жены, когда он был несколько ненормален.

Особенно поражало и вызывало толки отсутствие близости между князем Осокиным и его шурином Станишевым, условным наследником всего состояния князя.

Объяснялось это, впрочем, вообще нелюдимостью князя Сергея Сергеевича, который производил действительно впечатление «маньяка» как по образу своей жизни, так и по отношению к сталкивавшимся с ним людям.

Таков был посетитель, впущенный горничной Конкордии Владиславовны Яцевич.

— Дома барыня? — спросил он ее, снимая пальто.

— Дома-с. Они ожидают вас в будуаре.

Станишев слегка побледнел и стал подниматься по лестнице.

Молодая девушка лежала в своем глубоком кресле.

Ее мать стояла перед ней в шляпе и перчатках, видимо собираясь куда-то.

Увидев Григория Константиновича, Конкордия Владиславовна кивнула ему слегка голрвой и обратилась к матери:

— Отправляйтесь с Богом, я на вас не сержусь.

— Но ты говоришь это так хладнокровно.

— Но как же прикажете говорить с вами, — медленно, с утомленным видом протянула молодая девушка. — Я на вас не сержусь и предоставляю вам владеть вашею собственностью... Прощайте и идите... Право, пора!

Она протянула матери руку, которую та молча поцеловала.

— И ты в самом деле прощаешь мне, Конкордия?

— Да, да, и совершенно искренно. Меня тронула твоя покорность и твое раскаяние. Но уйди наконец.

Старуха церемонно поклонилась Станишеву, который ответил ей таким почтительным поклоном, который удивил бы всякого, знавшего надменность Григория Константиновича.

По уходе Станиславы Осиповны Григорий Константинович сел на пуф возле Конкордии Владиславовны и заметил с нескрываемой насмешкой:

— Свет пошел вверх дном, и матери целуют руки у дочерей. Положим, ваши ручки очень красивы.

— Моя мать оказалась глубоко передо мной виноватой, она осознала это и потому так покорно просила прощения, — отвечала Конкордия Владиславовна. — Я не требовала такого унижения... К чему мне оно? А впрочем, как знать? Эта выходка способна увеличить вашу любовь ко мне. Вы — странный человек! Вас привлекает то, что способно вызвать в других отвращение.

— К чему нам переводить разговор на любовь! Ведь мы только союзники, — заметил Станишев.

— В самом деле, — прищурилась молодая девушка, — так возьмите малютку, и кончим все сношения. Говоря откровенно, они мне надоели, иногда я начинаю бояться, чем все это кончится.

Он злобно закусил свои бледные губы.

— Конкордия Владиславовна! — сказал он. — Вы сегодня злобно настроены и мучаете меня, не заботясь о том, что мне это тяжело.

— Но ведь вы уверяете, что вы в меня не влюблены.

— О, нет, я люблю вас, и вы это знаете, но когда иногда задумываюсь о ваших отношениях ко мне, в моей голове появляется какой-то туман.

— Вы должны меня выслушать, — сказала молодая девушка, — наш сегодняшний разговор будет очень серьезен.

Григорий Константинович вздрогнул.

— Я всегда рад вас слушать, исключая тех случаев, когда ваша речь касается таких предметов, которых я не хотел бы касаться.

— Моя речь всегда касается того, чего я найду нужным и удобным касаться, — отрезала Конкордия Владиславовна.

Станишев поднял голову с очевидным намерением протестовать, но, встретившись с злобным взглядом молодой девушки, снова молча и покорно опустил ее.

IV

— Слушайте же внимательно, — продолжала Конкордия Владиславовна, — я долго выносила вашу заносчивость, но теперь я решила положить ей предел,

потому что иначе я вас возненавижу и выгоню вон! Мне нужен человек, который сделался бы моею собственностью, то есть жил бы моею жизнью, мыслил бы моею мыслью, короче сказать, был бы моим рабом. Если бы мне удалось когда-нибудь найти такого человека, мы бы с ним обвенчались и он был бы, поверьте, невыразимо счастлив. Душа моя загадочна, но в ней затаены сокровища нежности, которые проявятся, когда мои мечты превратятся в действительность... Я всюду искала такого человека, и вы предложили себя.

— Но... — перебил Григорий Константинович Станишев.

— Не смейте со мной спорить, — раздражительно топнула она ногой. — Вы себя предложили, но вы оказались не настолько полезны, насколько я хотела. Для того чтобы сделаться моею собственностью, моим другом и мужем, вам нужно было сделаться богатым, имеющим силу и значение в обществе. У вас не оказалось ни веса, ни богатства. Когда, благодаря случаю, я добралась, усталая, перезябшая, до вашей усадьбы, в ту ночь, когда ваш шурин выгнал меня из дому, вы нехотя склонились на просьбу ваших слуг дозволить приютить меня до окончания вьюги. Только на другой день вы от нечего делать заглянули в людскую, где я пережидала все еще продолжавшую бушевать вьюгу, чтобы отправиться в путь. По выражению вашего лица я догадалась, что вас поразила моя красота. Но я озадачила вас несравненно сильнее, когда попросила достать мне экипаж, заявив готовность заплатить за него хоть тысячу рублей. Вы нагло засмеялись, — нужно отдать вам справедливость, вы всегда относились с беззастенчивой дерзостью ко всем, безразлично, исключая богатых и влиятельных лиц. Тогда эта нищая, — ведь вы приняли меня в это время за нищую и потому так глумились над моим предложением, — вынула свой бумажник и показала вам пачку радужных. Вы начали любить меня с этой минуты.

— Конкордия Владиславовна, ваши выводы оригинальны, но они, тем не менее...

— Вы начали любить меня с этой минуты, — с еще большим раздражением повторила она. — Вы мне предложили остаться у вас на несколько дней, не осведомляясь даже, кто я такая. Вы жили, конечно, одни, не говоря об Ольге, которая скиталась с утра до поздней ночи по крестьянским избам. Ваша забота бы-

ла обращена на возможность составить известную сумму и потом спустить ее в Петербурге. Насколько я заметила, вы ужасно скучали и сочли мое появление неожиданным развлечением.

— К чему вы говорите об этом, Конкордия Владиславовна?

— Пойдите! — перебила она нетерпеливо. — Я хочу сделать перечень всех наших отношений с минуты нашей встречи. Вы вечно повторяете, что боитесь навлечь мое неудовольствие, и вечно возмущаетесь против моей власти. Меня утомляют такие попытки. Я не хочу иметь мятежных рабов. Вы подчинились моему деспотизму без всякого насилия с моей стороны, так будьте же покорны или ступайте вон!

— Я вовсе не желаю изменять наших отношений! С чего вы это взяли? — заметил Станишев.

— К чему же в таком случае ваши поползновения вступать со мною в спор? А ваш вечный сарказм! Что его вызывает? Но слушайте внимательно, я буду продолжать. Я еще не успела прожить трех дней в вашем имении, как вы уже предложили мне все деньги, приготовленные на поездку в Петербург. Это была действительно громадная жертва, так как вы считали дни и даже часы, остававшиеся до вашего отъезда. У вас было всех денег тридцать тысяч рублей. Хорошая у меня память?

— Все это очень просто, — отвечал Григорий Константинович, — я предложил вам то, чем я располагал. Располагай я большим, я предложил бы больше.

— Я, значит, не ошиблась. Вы предложили мне все наличные деньги за согласие сделаться вашей любовницей. Но я отказалась от предложенной чести. Затем мы уехали вместе в Петербург. Однако же по прошествии двух скучных месяцев, после частых и долгих объяснений в любви, вы стали понимать, что только теряете напрасно время.

— Да, это справедливо! Я начал убеждаться, что вы не похожи совершенно на других женщин. Ваша гордость и сдержанность...

— Моя гордость и сдержанность, — холодно сказала Конкордия Владиславовна, — постоянно внушают уважение каждому, всякий должен понимать, что я честная женщина...

Григорий Константинович иронически улыбнулся.

Эта улыбка не ускользнула от зорких глаз Яцевич.

Они ярко сверкнули из-под темных бровей.

Она протянула указательный палец в уровень лба Станишева.

— Рука моя не дрогнет сгубить всю вашу будущность за такую улыбку.

Она была страшна.

Григорий Константинович струсил.

— Вы всегда относились ко мне с недоверием и были расположены считать за оскорбление каждое мое слово и каждое движение. Будьте же справедливы хоть на этот раз! Какой смысл мог скрываться за моею улыбкой? Ведь я знаю, увь, из собственного опыта, что вы честная женщина.

— Ну, хорошо! Оставьте это и дайте мне докончить. По прошествии двух месяцев я уже отлично знала все ваши дела. В один прекрасный день вы явились ко мне и, кинувшись к моим ногам, умоляли меня отдать вам мою руку. Я опять отказала, а вы продолжали убеждать и настаивать. Ваша самоуверенность не допускала мысли, что этот отказ был совершенно искренен.

— Но этот отказ объяснился тем, что вы знали жалкое положение моих денежных дел.

— Да, ваше положение было настолько шатко, что не давало вам ни малейшего права обращаться ко мне с подобными предложениями. У вас не было своих средств, и вы удовлетворяли свои привычки в роскоши из сумм, предназначенных для вашей дочери. Замечу вам к слову, что ей в то время шел пятый год и она была вами брошена на произвол судьбы, без всякого надзора. Поступать таким образом с своим беззащитным ребенком мог только один негодяй!

— Конкордия Владиславовна! — воскликнул всплывший Станишев.

— Я узнала потом многое другое, — продолжала Яцевич, не обратив никакого внимания на его восклицание, — и пришла к убеждению, что в вас помимо низости была еще склонность к грабежу и убийству. Ведь вы мне предложили умертвить эту девочку.

— Вы действительно демон! — воскликнул Станишев. — Человек не решился бы упрекнуть человека минутой безумия, когда слова срываются без поверки ума и участия сердца.

— Однако вы не отрицаете, что это было сказано.

— Хотелось бы знать, зачем вы вызываете эти воспоминания?

— Я объясню вам это когда-нибудь впоследствии, а теперь я продолжаю. Когда в моем уме выработалось решение, я сказала вам следующее: «Если вам удастся приобрести состояние в размерах, согласных с моими желаниями, я выйду за вас замуж, но это состояние не должно нам достаться ценою преступления». Ждать же без назначения срока я тоже не желаю. Мне двадцать один год. Если я не успею устроить себе жизнь по известной программе, мне предстоит два выбора, и оба неприятные: или идти вразрез с моими убеждениями, или же похоронить себя в монастыре. Но продажная женщина возбуждает презрение и достойна презрения, а я желаю жить уважаемой всеми. Монастырь призывает к смирению, к полному отречению от собственной воли, а я хотела властвовать: я была создана для блеска и роскоши. Пройдет несколько лет, и Ольга сделается взрослою девушкой; закон даст ей право располагать собою, и мы можем остаться совсем без средств. Мне удалось склонить вас принять предосторожность на случай ее смерти. Положение тем не менее продолжает быть шатким. Конечно, если Ольга останется жива, она будет источником богатства, нам только предстоит отнять у ней возможность требовать у вас отчета за время ее девичества, а также возможность выйти замуж. Я предложила вам для этого средство, и вы его одобрили.

— Я просто начинаю бояться вас, Конкордия Владиславовна, вы ужасная женщина.

— Я кажусь вам такою потому, что в вас нет энергии и мужества, которыми природа щедро наделила меня.

— И средство достигает желанной цели? — робко спросил Станишев.

Она смерила его с головы до ног взглядом, полным нескрываемого презрения.

— Нет, еще не совсем, — отвечала она. — Ваше корыстолюбие не имеет предела.

— Если я коснулся этого обстоятельства, — запальчиво возразил он, — так это потому, что я вас люблю и меня истомила продолжительность ожидания. Я вовсе не забочусь об этом состоянии и передам его вам из рук в руки. Но вы должны помнить, что всякое терпение имеет границы, а ваше обращение со мною возмутительно. Я исполняю, как раб, все ваши приказания. Я согласен сделаться, если вы пожелаете, человеком,

заслуживающим всеобщее презрение. Вы можете сделать со мной, что вы захотите, но избавьте вперед от таких незаслуженных оскорбительных взглядов.

Прошло пять часов.

— Почему же и нет, если вы только будете таким, как теперь, — отвечала молодая девушка. — Меня возмущает только ваша заносчивость. Я искренно прощаю вам ваши прежние вины и даю позволение поцеловать мою руку. Вы, конечно, обязаны принять этот знак моей милости с благоговением, — пояснила она тоном дружеской шутки. — Станьте же на колени, нет, подальше, вон там!

Конкордия Владиславовна с улыбкою указывала ему место, где стоял недавно князь Осокин.

Григорий Константинович поспешил исполнить приказание.

Она расхохоталась. Это его смутило. Он взглянул на нее с видом недоумения, но она поспешила предупредить вопрос:

— Не примите мой смех за личную обиду. Мне смешны все мужчины, и вы не исключение из общего правила. Притом же ваша поза заставила меня невольно вспомнить о картинах унижения, которые готовятся несчастным созданиям, находящимся в вашей полной зависимости. С какою бесчеловечностью вы воздадите им за те испытания, которым я подвергаю вашу адскую гордость. Это очень забавно. А пока прощайте, мне нужно отправиться, я заболталась с вами и чуть не опоздала.

— Опоздали? Куда и по какому делу?

— Ого, это уже нескромность, — возразила она, сдвинув брови. — Подобный вопрос непозволителен даже в устах мужа.

Она повелительно указала ему на дверь.

Он уже вышел из комнаты, но она его вернула.

— Послушайте, Григорий Константинович, — сказала она строго. — Если вы осмелитесь подстергать меня, — а у меня, заметьте, превосходное зрение, — то я даю вам честное, неизменное слово прервать безотлагательно все наши отношения. Помните это!

Он тихо поклонился и вышел.

Когда стук затворившейся за ним двери подъезда донесся до Конкордии Владиславовны, она позвонила.

— Поскорее подать мне одеться, — сказала она явившейся на звонок горничной. — Мне надо идти.

Через четверть часа она вышла из дому.

Ее костюм был более чем прост — темное платье, плюшевая кофта, темная шляпа и густая вуаль.

Осмотрев внимательно улицу, она пошла быстрыми шагами к набережной Невы.

V

Спускались сумерки.

Александровский сад был почти совершенно пуст.

Осенью петербуржцам не до прогулок; подстеречь несколько часов хорошей погоды трудно, а вообще петербургская осень гонит скорее в дом, нежели из дому.

Описываемый вечер между тем был очень хорош. Как это зачастую бывает в Петербурге, подул вдруг неизвестно откуда теплый ветерок, на несколько часов превративший осень в раннюю весну.

По дорожке, ведущей к фонтану, ходили двое молодых людей. Один был наш знакомый пассажир конки, толкнувший так неосторожно и так прибыльно для нее Станиславу Осиповну Яцевич при выходе из вагона конки на Невском, другой был молодой человек с нерусским типом лица.

Последний говорил:

— Итак, ты влюблен, Бехтеев, а я думал, что твое несчастье застраховало тебя от этого зла.

— Ты очень ошибаешься! Я влюбляюсь сравнительно чрезвычайно редко.

— Но все же настолько часто, что успел спустить все свое состояние.

— Я не любил тех женщин, на которых спустил его, — отвечал Бехтеев.

Грюнберг — так звали второго молодого человека — недоверчиво покачал головой.

— Право, так, — продолжал Бехтеев, — объяснение этого заняло бы много времени. Я займусь им впоследствии и расскажу тебе все с полной искренностью... А сегодня давай говорить о другом, хотя бы, например, о твоих успехах в литературе. Твое имя гремит!

— Но ведь и ты не можешь пожаловаться, твои картины сходят успешно с рук. Ты зарабатываешь хо-

рошие деньги, у тебя есть талант, и ему начинают отдавать справедливость.

— Да, люди, не знавшие меня при прежней обстановке. А старые мои друзья отрицают его.

— Это очень просто... Нет великого человека для его лакея.

— Оставим, однако, это.

Бехтеев вынул часы и посмотрел на них.

— Не пора ли нам проститься? — спросил Грюнберг.

— Нет, еще половина шестого, а мы условились встретиться ровно в шесть.

— Так поговорим о твоей дульцинее! К какому классу общества принадлежит она?

— Я этого не знаю.

— Как?

— Не знаю... Вот и все.

Этот странный ответ озадачил Грюнберга.

Он даже обиделся.

— Послушай, мой милый, я, право, не навязывался на твою откровенность, — заметил он не без примеси колкости. — Встретив тебя как-то раз здесь, рассеянно глазевшего по верхам деревьев, я спросил, что ты делаешь. Ты бы мог мне ответить, что обдумываешь свою новую картину или размышляешь о потере своего состояния, — все это отклонило бы дальнейшие расспросы. Ты же пустился со мной в откровенность и объявил мне, что ожидаешь женщину, которая тебя любит. Теперь же на вопрос сравнительно скромный, так как я не спрашиваю ни имени, ни адреса, — ты мне отвечаешь чуть ли не дерзостью.

Бехтеев улыбнулся.

— Ты чересчур обидчив... Я сказал тебе, что я ее не знаю, и я не солгал...

— И ты, встречаясь с нею уже почти полгода, не мог разведать...

— Ничего...

— Как! Ты должен же знать — вдова ли она, девушка, замужняя женщина, дама из общества или кокетка?

— Замолчи, не богохульствуй...

— О, — воскликнул Грюнберг, — это, значит, серьезнее, чем я думал! Вспомни предметы своих прошлых увлечений.

— Это большая разница, — перебил его Евгений

Игнатьевич, — так звали Бехтеева, — я привязан к ней самым чистым и честным чувством. Она дает мне новые силы на труд. Когда я, просидев дня три в мастерской, ожидаю приближения свидания с нею, мое рвение к делу доходит до апогея. Я рисую, рисую. А на другое утро со свежими силами поправляю эскизы, набросанные мною с лихорадочной торопливостью. В этих-то переходах от страшного волнения к глубокому спокойствию заключается та сила, которую люди называют талантом... Не будь этих волнений, я бы не вынес тяжести моего положения...

— Наконец, черт возьми, ты должен же знать ее адрес, так как вы назначаете свидания друг другу. Повторяю опять, я не требую от тебя полного отчета...

— Я рад бы удовлетворить твое любопытство, но, к сожалению, я знаю весьма немного. Я до сих пор не имею понятия ни кто она такая, ни где она живет. Она даже скрывает от меня свое имя.

— Но ведь это роман в полном смысле слова.

— Ну, да, это роман.

— Расскажи, по крайней мере, как ты с ней познакомился?

— О, самым странным образом.

— Я слушаю...

— Вот уже прошел год, как я ни с кем не встречаюсь. Ты мой единственный собеседник и друг... Я занят целый день в моей мастерской. С осени прошлого года я начал ежедневно гулять по Английской набережной. Верный этой привычке, я сидел раз в апреле на гранитной скамейке. Ночь была светлая. Вдруг я увидел женскую фигуру, лицо ее было закрыто густою вуалью. Рядом с ней шел молодой, франтовато одетый человек, один из давно разошедшихся со мной товарищей. Я не обратил было внимания на эту пару, но до меня донеслись слова женщины: «Кончите вы ваше преследование, милостивый государь? Это просто бесчестно...» — «Вы так полагаете? — ответил он ей. — Но какое вы имеете право запрещать мне ходить по этому тротуару?» — «Как жаль, что здесь нет поблизости городского!» — воскликнула она угрожающим тоном. «А что мне может сделать городской? Я имею право гулять, где мне угодно...»

— Да, это несомненно, и это право каждого, — заметил Грюнберг.

— Они поравнялись в это время со мною. Женщина говорила:

«Вы употребляете во зло мое бессилие избавиться от вас, но будь со мною муж или друг-защитник...»

Меня глубоко тронул звук этого голоса.

Я немедленно встал.

«Он к вашим услугам», — сказал я.

— А! — произнес сквозь зубы Иосиф Самсонович — так звали Грюнберга.

— Франт, видимо, не узнал меня. Он принял меня за одного из тех оборванцев нищих, которые проводят целые ночи на этих гранитных скамейках набережной. Он бросил мне какую-то монету и весело сказал:

«Садись-ка, брат, на прежнее место».

Я не принял совета. Ты знаешь, что я очень силен. Я схватил наглеца за шиворот и перекинул его на противоположный тротуар. Я был убежден, что женщина, воспользовавшись этой свалкой, уйдет, но, к моему удивлению, она прехладнокровно стояла и смотрела на всю эту сцену. Я подошел к ней.

«Теперь, если желаете, я могу проводить вас, куда вы укажете», — сказал я ей.

Франт уже успел оправиться от своего падения и бросился было к нам, но я принял угрожающую позу. Он постоял минуту, не зная, видимо, на что решиться, но затем рассудил показать мне кулак и быстро удалиться в противоположную сторону.

Незнакомая дама громко расхохоталась.

Этот смех удивил меня, но он мне и понравился. Я вывел заключение, что она не труслива. Она была одета изысканно, но просто, рассмотреть же лица ее я никак не мог.

— Это интересно, — пробормотал Грюнберг.

— Мы пошли с ней рядом. «Я вам очень признательна, — сказала она мне, — вы мне оказали большую услугу». — «Так этот простой случай имеет в ваших глазах серьезное значение?» — спросил я шутливо. «Очень серьезное», — сухо ответила она. Разговор оборвался. «Скажите мне, кто вы? — вдруг спросила она. — Я обязана доказать фактически мою благодарность, скажите же мне вашу фамилию».

В ее голосе слышалась по временам надменность, от которой меня бросало в холод. Я сказал ей мою фамилию, конечно без титула, от которого я, в сущ-

ности, давно отказался. Сиятельный титул почти не применим к ремеслу живописца.

— Э, полно, мой милый, — сказал Грюнберг, — почему бы графам не заниматься делом.

— Да, я с тобой согласен. Былые резкие сословные различия отжили свое время. Однако тем не менее наши титулы ставят нам серьезные преграды. Графу или князю не предосудительно делать то и другое, но ему неприлично простое ремесло. Он может быть писателем, художником и прочее, но только с условием не продавать свой труд. Если же этому графу или князю нечего кушать, то почему бы обществу не дать ему свободы зарабатывать хлеб, не стесняя его тем взглядом удивления, с каким его осматривают с головы до ног.

— Да, нельзя не признать, что в твоей теории есть доля справедливости, — согласился Грюнберг.

Бехтеев продолжал:

— «Меня зовут Евгением Игнатьевичем Бехтеевым, — ответил я ей, — но вы сильно ошиблись: я, право, не нуждаюсь ни в каком вознаграждении». — «Я вовсе не ошиблась. Я просто хотела попросить вас зайти куда-нибудь выпить чашку кофе. Мы бы поговорили, а вы бы меня увидели... Если, конечно, ваше желание не расходится с моим».

Я тотчас же согласился.

«Но нам придется ехать... Здесь поблизости нет ни ресторана, ни кондитерской». — «Что же, поедемте», — сказала она.

Я нанял извозчика, и мы вскоре были в отдельном кабинете «Малого Ярославца». Она подняла вуаль. Я не мог удержаться от возгласа восторга. Она была божественна, идеально прекрасна. Мы вошли в ресторан в десять часов и вышли из него в половине двенадцатого. Она была, по-видимому, веселого характера, но ее брови хмурились или, вернее сказать, совсем сдвигались при каждом вольном слове, а лицо принимало выражение угрозы. Я не видал женщин с таким своеобразным выражением лица. В половине двенадцатого она дала понять, что нам пора расстаться. Тогда я попросил сказать мне ее имя.

«Это уже нескромность», — заметила она.

Я ей не возражал. Я начал чувствовать над собою власть.

«Но я вам обещаю, — продолжала она, — что вы меня увидите не позднее воскресенья, в шесть часов,

в Александровском саду, у фонтана, но это обещание я даю вам с условием». — «Скажите мне его». — «Никогда не стараться наводить обо мне какие-либо справки».

Я стал протестовать.

«А, — сказала она, — как видно, вы хотите последовать примеру франта, от которого вы меня защитили».

Я прижал свои губы к ее маленьким ручкам и обещал исполнить все, что она хотела.

— Я сдержал свое слово, — добавил Евгений Игнатьевич.

— Как, — воскликнул Грюнберг, — и ты до сих пор пребываешь в том же наивном неведении?!

— Да.

— Чудак...

— Я не знаю до сих пор ее имени, но вместо того я знаю, что она меня любит.

— Любит? — усмехнулся Иосиф Самсонович.

— Да.

— И у тебя есть доказательство?

— Да, судя по тому, что люди разумеют под словом «доказательство».

— Однако.

— Я только три раза целовал ее руки.

— Немного.

— Но я чувствую, что она любит меня.

— А! — довольно-таки иронически протянул Грюнберг.

VI

— Повторяю тебе, это странная женщина, — продолжал Евгений Игнатьевич Бехтеев. — Я увиделся с нею через несколько дней, потом мы не раз назначали свидания на том же месте, а зимой у Исаакиевского собора. Я видел постоянно в ее дивных глазах благо-склонное чувство, но она возмущалась и говорила колкости за малейшую двусмысленность. Так прошла вся зима, я был влюблен в нее, как говорится, по уши, но не знал положительно ни степени, ни свойства ее расположения.

В один прекрасный день я стал убеждать ее сказать мне свое имя. Она мне ответила:

«Окрестите меня одним из имен, которое вам нравится, я буду с удовольствием на него отзываться».

Ее разговор так же был загадочен, как ее личность, и в нем было много противоречий: иные меня огорчали, другие пугали. Она подробно знала всю мою жизнь, исключая моего титула, а сама продолжала быть воплощенной загадкой. Ни разу за все время она не намекнула, что меня любит. В конце прошлого месяца мы поехали с ней в «Самарканд». Сад был пуст, по обыкновению, в обеденное время. За одним из столиков, впрочем, сидел господин, история которого была мне известна во всех отношениях. Я стал ей рассказывать его биографию. Это был банкир, достигший известности путем своего громадного богатства, рекламой и выходками, свойственными всякому выскочке.

Она довольно продолжительно остановила на нем свой взгляд, чтобы лучше рассмотреть эту знаменитость.

Он это увидел и, вскинув на нос золотое пенсне, окинул ее наглым взглядом.

Она сдвинула брови.

«Смотреть таким образом — величайшая дерзость, — сказала она мне. — Подите и заставьте его извиниться».

Я подошел к банкиру; он сначала рассмеялся на мое замечание. Я дал ему пощечину и бросил на стол свою карточку.

Он весь как-то съежился и, быстро позвав лакея, расплатился и исчез.

«Благодарю, — сказала моя собеседница, — вы меня убедили, что я вполне могу положиться на вас».

Мы скоро тоже вышли из ресторана. На другой день банкир прислал ко мне своего кассира; он просил убедительно не разглашать историю и предлагал за это значительную сумму. Я ответил, конечно, полнейшим согласием не прибегать к огласке и положительно отказался принять от него деньги; я просил передать ему мой искренний совет быть вперед осторожнее. Когда я сообщил об этом моей незнакомке, она сказала:

«Я знала вперед, что это так и кончится, вообще все эти выскочки никуда не годятся, но этот доставил мне давно желанный случай испытать ваше мужество, не подвергая вас ни малейшему риску. Вы любите меня?»

— Наконец-то! — воскликнул Грюнберг. — Что же дальше? Не томи...

— На этом должно кончиться мое сообщение, я не имею права рассказывать дальнейшее... Могу только добавить, что мы любим друг друга, но я и теперь не имею о ней никаких ясных сведений. Я не знаю ни ее имени, ни положения в обществе, ну, словом, ничего...

— Ты просто сумасшедший, — заметил Иосиф Самсонович. — Такое положение приводит безусловно к двум решениям: или она интриганка и смеется над тобой, или же она честная женщина, но в тебе нет предприимчивости.

— Я сам об этом думал, — согласился Бехтеев.

— Если ты обязан уважать ее тайну, то, право, обязательство подобного рода...

— Я не давал ей решительно никаких обязательств, — перебил его Евгений Игнатьевич.

— Так что же тебе мешает?

— Если бы ты знал, как она осторожна... Мы с ней расстаемся всегда на какой-нибудь людной улице, она всегда указывает, в какую сторону пойдет, и требует, чтобы я шел в противоположную. Она, вероятно, живет где-нибудь за Невой, но где, как это узнать?

— Очень просто... Надо проследить за ней незаметно, издали...

— Средство простое, но ведь это предательство...

— Да, но ты клялся ей, что ли, блуждать в вечных потемках?

— Прощай, Грюнберг, сейчас шесть. Все это останется, конечно, между нами. Я на тебя полагаюсь.

— Без сомнения, прощай.

Они расстались, пожав друг другу руки.

Грюнберг пошел к выходу на Невский проспект, но вдруг остановился и крикнул Бехтееву:

— В будущую среду у меня соберутся несколько человек из моих знакомых артистов и писателей. Придешь или нет?

— Конечно, приду.

— Так помни мой новый адрес: Одиннадцатая линия Васильевского острова, дом девятый.

Иосиф Самсонович ушел.

Евгений Игнатьевич сел на скамейку.

«Грюнберг прав, — подумал он, — она меня зна-

ет, а я ее не знаю. Разочарование в ней будет мне тяжело...»

Он не успел закончить свою мысль.

По аллее шла женщина.

Он пошел к ней навстречу.

— Здравствуйте, Евгений Игнатьевич, — сказала она, протянув ему руку. — Я явилась позднее условленного времени и прошу извинения.

— Это совершенно лишнее, так как вы пришли.

— Пришла, но могу уделить вам сегодня только четверть часа.

— Вот это уже дурно, и в этом вам следует просить извинения...

— Но я обещаю отдать вам целый вечер на будущей неделе. Мы поедем к Фелисьену... А теперь давайте руку, вы меня доведете до выхода из сада. Ну, как идет работа?

— Не могу пожаловаться... Дело идет вообще не совсем неудачно, — ответил Бехтеев, — я доволен судьбою; жизнь летит незаметно, полная труда и вечных дум о вас...

— Когда я шла сюда, мне показалось издали, что с вами разговаривал какой-то господин?

— Да, это мой приятель, даже друг.

— Он тоже художник?

— Нет, писатель.

— У вас много друзей?

— Один, Грюнберг.

— Знакомых, родных?

— Знакомых мало... Родной один зять... Муж моей бедной покойной сестры.

— Вы его посещаете?

— Нет. Я даже недавно узнал, что он здесь, встретив на улице... Придется пойти к нему свести некоторые счета. Но вы вечно сводите разговор на меня, а между тем мне было бы приятнее говорить о вас.

— Вы большой эгоист.

— Эгоист?

— Да... И я тоже... Мне приятно говорить о вас.

— Значит, вы меня тоже любите.

— Кажется, что так... Вы мне нравитесь, несмотря на то, что вы далеко не изящны в вашем костюме... Взгляните, пожалуйста, на вашу шляпу... Она потеряла совершенно форму, пальто тоже поношено. Такое

отношение к своей внешности возводится в Петербурге в степень преступления.

Он грустно улыбнулся.

— У меня мало средств, чтобы тратить на туалет, но тем не менее я бы давно сделался лучше, если бы не был уверен из ваших же слов, что вы к этому относитесь безразлично.

— Однако это безразличие не беспредельно, — возразила она. — Мне было бы приятно, если бы вы занялись более своей особой.

— Это будет исполнено, — вздохнул он.

Она как-то порывисто склонилась к нему.

— Вы нуждаетесь в деньгах?

— К чему этот вопрос?

— Чтобы предложить их вам; это очень просто.

— Вы сошли с ума, — отрывисто ответил он.

— Почему вы так думаете? Значит, вы меня не любите... Я знаю, что мужчины поступают нечестно, когда они принимают такое предложение от продажных созданий, но они в полном праве принять эту услугу от своей невесты или своей жены, а из всех союзов, возможных между нами, я могу допустить только один брачный.

Этот более чем прозрачный намек не рассеял грустного раздумья Евгения Игнатьевича.

— Я люблю вас безумно, — ответил он ей, — но я не приступлю к подобному вопросу, прежде чем не узнаю...

— Что я достойна чести быть вашей женой? — досказала она...

Он молчал.

— Вы в этом убедитесь, когда настанет надобность. В настоящее время вам достаточно знать, что я честная женщина и что деньги, о которых я сейчас говорила, безусловно мои.

— О, я в этом уверен, и если я отказываюсь, то это только в силу принципа: жить только на свои средства.

— Замолчите, вы меня оскорбляете, нравственность мужчин и нравственность женщин расходится во многом. Мужчина, по-моему, обязан ограничиться при выборе невесты только одним вопросом: любили вы другого? А я бы вам ответила: никого, кроме вас, и это было бы вполне искренно.

— Мне страшно и больно слышать ваши слова.

Оставьте эту тему. Я думаю иначе и полагаю, что законы нравственности должны распространяться без всякого различия на мужчин и женщин.

Бехтеев и его спутница дошли до выхода на Исаакиевскую площадь.

— Прощайте же, мой друг! — сказала незнакомка. — Приходите в четверг в шесть часов сюда же.

Она пошла по тротуару по направлению к Галерной, позабыв, очевидно, о тех предосторожностях, к которым прибегала при прежних расставаниях с молодым человеком.

У Евгения Игнатьевича явилась мысль проследить ее.

Сказано — сделано.

Он медленно пошел сзади, далеко пропустив ее от себя, но не теряя из виду.

Так он достиг 11-й линии Васильевского острова и заметил ворота, в которые она вошла.

Обождая несколько времени, он осторожно приблизился к дому и с большим удивлением прочел: «№ 9-й».

— Какое совпадение. Она живет в одном доме с Грюнбергом.

Он несколько минут простоял в раздумье и пошел назад медленным шагом прогулки.

Когда незнакомка вернулась домой, — читатель, конечно, узнал в ней Конкордию Владиславовну Яцевич, — то, не сказав ни слова горничной, дала ей понять, чтобы она не сердила ее своими услугами.

Ее умение властвовать над всеми окружающими было развито до грандиозных размеров.

Одно едва заметное движение бровей показало камеристке, что ее госпожа находится в дурном настроении духа, и она постаралась скрыться с ее глаз неслышными шагами.

Она знала из опыта, что самый легкий шорох в подобные минуты доводил до неистовства раздражительность этой нервной загадочной натуры. Конкордия Владиславовна улеглась в своем любимом кресле.

«Им не понять меня, — неслось в ее голове. — Я не люблю Осокина, мне противен Станишев. Евгений объяснил мне весьма вразумительно, что он прочно держится своих убеждений. А ведь он любит меня, я найду в нем при случае надежного защитника, и он не будет ползать как раб у моих ног. А эти болваны!

Они убеждены, что коленопреклонения, целования ботинок способны произвести на меня впечатление. Я им не запрещаю разыгрывать комедию, я пользуюсь ею для своих личных выгод, что же в этом дурного? Разве это преступление? Разумеется, нет! Мне пришлось родиться в практический век, который измеряет качество человека количеством его денежных средств. Все мое богатство заключается в моей красоте, и я, конечно, могла бы спекулировать ею и составить себе большое состояние. Я этого не делала и никогда не сделаю, и мои обожатели относятся ко мне с глубоким уважением. Моя красота служит мне орудием, и, с этой стороны, я подхожу близко ко многим женщинам, но лишь отличаюсь способом приводить это орудие в действие. Конечно, между мной и продажными женщинами есть сходство. Я ведь тоже продажна, я зорко сторожу свою непогрешимость, но я это делаю не столько из принципа, сколько из расчета. Я стараюсь создать себе прочное положение и тогда выйду замуж за Евгения, конечно... Я изучила его, он человек недюжинный. Я сделаюсь богатой и буду для него выгодной партией. Он пойдет далеко под моим руководством. Он очень щепетилен и может полюбить только женщину, уважаемую в обществе, и я приобрету в нем почетное место. Но как он любопытен, этот Евгений! Это гадкое качество, но ведь и то сказать, мне никто не мешает выбрать другого. А все-таки, мне кажется, что я люблю Евгения. Я буду доброй матерью и примерною женою... Мои действия сводятся к этой цели... Я только ради этого согласилась принять... Вообще у меня нет серьезного повода бояться за будущее; у меня много шансов на семейное счастье, каков бы ни был муж, избранный мною, но, вернее сказать, у меня один шанс, но шанс громадный! Это мое умение подчинять моей воле самых самостоятельных и упрямых людей».

Так размышляла Конкордия Владиславовна Яцевич, лежа в своем покойном кресле.

VII

С тех пор как князь Сергей Сергеевич Осокин отыскал Конкордию Владиславовну Яцевич, он аккуратно пользовался ее разрешением бывать каждый

день, являясь постоянно ни раньше, ни позже двенадцати часов.

В одно прекрасное утро он явился в определенное время.

Горничная ввела его в будуар своей барыни.

Когда Конкордия Владиславовна вышла к нему, он встретил ее почтительным поклоном и взглядом обожания, так как коленопреклонения были запрещены.

— Я рада вас видеть, — сказала она, — так как нам предстоит серьезный разговор. Садитесь, вот здесь...

Она указала ему на диван.

Князь сел.

— Я должна просить вас сегодня об услуге, которая составит крайний предел всему, что я вправе требовать от вас.

— Что же это такое? Что я должен отдать: состояние, жизнь?

— Ни то ни другое! Услуга, о которой я хочу вас просить, покажется вам гораздо тяжелее потери состояния.

— Говорите же скорее, что это такое?

Она села рядом с ним и взяла его руки самым дружеским образом.

— Ведь вы меня любите? — спросила она, пожимая ему руки.

— К чему этот вопрос? — спросил вместо ответа князь Осокин.

— Он вызывается громадностью жертвы, которую вы вынуждены принести.

— Мое состояние в вашем распоряжении, честь и жизнь моя отданы всецело в ваши руки, и я не понимаю, чем еще я мог бы доказать вам свою преданность.

— Вы должны сначала внимательно меня выслушать, а затем мы решим, что делать. Я должна возвратиться к давно прошедшему времени. В ту ночь, когда вы выгнали меня из дому, я нашла приют в усадьбе Станишева...

— Я этого не знал! Я несколько раз хотел спросить вас, каким чудом спаслись вы от несомненной гибели во время выюги, уйдя пешком, не взяв ни лошадей, ни провожатого, но мне было совестно, и я не решался на этот вопрос.

— Григорий Константинович влюбился в меня до

безумия, — продолжала между тем Яцевич, — но я не отвечала на эту любовь, я ее отвергла, как отвергла и вашу. Моя мать приучила меня смотреть с благоговением на мою красоту, вероятно, в надежде получить через нее большие выгоды. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, я тотчас же поняла расчет моей матери и твердо решила достигнуть блестящего положения в жизни, но не ценою самопродажи, без унижения моего самолюбия. Я хотела остаться честной женщиной.

Она повторила последнюю фразу, как бы желая отнять у Осокина всякий повод к протесту.

Князь Сергей Сергеевич и не думал протестовать.

Он молчал.

— Убедившись вскоре, что я не соглашусь унижить себя до роли его любовницы, Станишев сделал мне предложение быть его женой. Я тоже отказала ему, заявив, что он недостаточно богат для этого. Тогда в его уме блеснула мысль убить свою дочь, вашу племянницу...

— Ужели Станишев хотел серьезно на это решиться? Если этот умысел приходил ему в голову, то нам не приходится завидовать друг другу. Мы стоим с ним на степени совершенного равенства по части преступления.

В его шутилом тоне слышалась грусть.

— Я опять безусловно отвергла его план, — продолжала Конкордия Владиславовна, — да он и не дал бы ничего в результате. Вы были всегда вправе изменить завещание, между тем как жизнь Ольги приносила ему постоянный доход, так как вы обязались давать ему пятьдесят тысяч на ее воспитание. Ему только следовало отнять у нее возможность выйти замуж до вашей смерти. Я ему указала, как на верное средство, постараться помешать развитию умственных способностей ребенка, короче, сделать девушку настоящей идиоткой.

Князь Осокин до сих пор хладнокровно следил за ходом рассказа, принимая его за желание Конкордии Владиславовны поглумиться над ним, но когда он увидел, что в нем нет ничего похожего на шутку, он просто испугался.

— Но вы говорите ужасные вещи! — сказал он с расстановкой.

— Увольте, пожалуйста, от ваших замечаний, —

перебила его Яцевич. — Ваш зять отдал Ольгу на мое попечение. Вот уже несколько месяцев, как я держу ее взаперти и пугаю каждую ночь, входя к ней закутанная в простыню.

— Это страшное преступление.

— Да разве я повинна в нарушении закона? — воскликнула она. — Что я, в сущности, сделала? Я дала вам совет не верить безусловно предписаниям медиков и дать жене, для ее же пользы, несколько лишних капель укрепляющего лекарства. Я наряжаюсь в простыню и шучу с ребенком... Это просто шалость. Вот если бы я как-нибудь иначе истязала ребенка, тогда другое дело... А я с нею обращаюсь, как с родной дочерью.

— Меня ужасает ваш взгляд на это дело, — сказал князь задумчиво. — Но меня еще более ужасает сознание, что моя любовь к вам не уменьшилась, после того что я от вас услышал.

— Да вам и нет причины переставать любить меня! — возразила Конкордия Владиславовна. — Я желаю достигнуть намеченной цели, но мое самолюбие заставляет меня идти не тою дорогою, по которой другие приходят к обеспечению. Я, короче сказать, нечестный человек, но я честная женщина.

— Все это тем не менее не давало вам права отнositельно Ольги.

— Я именно хотела поговорить о ней, так как сегодня ночью произошел случай, выдавший меня с головой; до сих пор никто и не подозревал о существовании у меня девочки... Ольга, испугавшись, когда я вошла к ней в простыне, бросилась с постели к окну, последнее было не заперто, она распахнула его и упала на двор.

— Со второго этажа? — испуганно воскликнул князь Осокин.

— Да... Но главное, что в это время у живущего в этом же доме литератора Грюнберга были гости; они выходили от него, и он пошел их провожать. Он поднял девочку и отнес ее к себе, крикнув мне, что не оставит дела так и даст знать в полицию. Мне думается, что ему показалось, что я столкнула девочку, между тем как я бросилась к окну, когда она уже упала. Надо предупредить огласку.

— Но как?

— Вы ее родной дядя, вы имеете право решающе-

го голоса в этом деле. Подите к Грюнбергу и уговорите его.

— Удивляюсь, Конкордия Владиславовна, как вы могли решиться обратиться ко мне с таким предложением.

Она только взглянула ему прямо в глаза и затем продолжала невозмутимо:

— Наконец, Станишев, как отец, выразит тоже свое мнение. Вы условитесь с ним, как повести это дело.

— Быть заодно со Станишевым?! Теперь, когда я знаю, что вы хотите выйти за него замуж! Ни за какие блага!

— Вы можете быть совершенно спокойны: я никогда не сделаюсь женой Станишева, и я предлагаю вам вступить с ним в соглашение с исключительною целью замять все это дело.

— Если это так, я исполню ваше желание, — ответил князь Осокин.

— Это еще не все... Станишев не имеет своего состояния. Вы должны обеспечить его лично. Клянусь вам, я не выйду за него никогда.

— Согласен и на это, я дам ему сто тысяч, если вы поклянетесь прекратить с ним знакомство.

— Это еще не все мои требования, — заметила Конкордия Владиславовна. — Я не люблю Станишева, но не желаю лгать, я также равнодушна и к вам.

— Я уже успел освоиться с этой горькой действительностью и просил не взаимности, а только позволения видеть вас ежедневно.

— Нет, это невозможно, так как я люблю другого...

— Вы любите, Конкордия! — воскликнул князь, бледнея.

— Да, и я желаю сделаться достойной моего избранника во всех отношениях. К несчастью, он был вчера в числе гостей Грюнберга и участвовал во всей этой истории... Он открыл мое убежище... Но он любит меня, и с помощью вашей, князь, и Станишева я восстановлю в его глазах мою репутацию. Он поверит и вам, и мне, так как он любит меня... Но мне нужна и ваша материальная помощь.

— Располагайте мною.

— Вы мне дали недавно двести тысяч рублей. Их

вполне достаточно для моих личных надобностей, но их не хватит на двоих.

— Сколько вам еще надо?

Она молча смирila его презрительным взглядом.

— Вы должны помочь моему избраннику.

— Да вы меня считаете совершенным дураком! — крикнул разгневанный князь Осокин. — Вы ведь отлично знаете, что я вас люблю, и решаетесь требовать, чтобы я сознательно отрубил себе голову и стал бы способствовать успеху соперника. Вы сильно ошибаетесь. Любовь моя к вам не довела меня до идиотизма.

— Так вы меня не любите настолько, чтобы принести в жертву свое счастье?

— Нет, безусловно, нет!

— Хорошо! Перестанемте говорить об этом! — перебила она. — Я слишком себя ценю, чтобы унижить себя повторением раз неисполненной просьбы. Я больше не прошу, я вам просто приказываю...

Князь сделал жест протеста.

— Не перебивайте меня, князь, вы знаете, что я этого не люблю. Человек, внушивший мне чувство любви и уважения, слишком самолюбив и не захочет пользоваться моим состоянием. Он должен иметь собственные и свободные средства, и в этом случае я полагаюсь на вас, князь.

— Назовите мне прямо мою роль в этом деле, — сказал Сергей Сергеевич отрывистым, недовольным голосом.

— Вы напрасно волнуетесь! — заметила спокойно Конкордия Владиславовна. — Ваша роль в этом деле, как вы сейчас выразились, роль далеко не сложная. Человек, о котором я говорю, — художник, живет своим трудом. Вы должны доставлять ему заказы, содействие, рекомендации.

— Отдать лично вам все свое состояние? Я сейчас это сделаю, — продолжал между тем он.

— Нет! — сказала она презрительно. — Мне не нужны ни вы, ни ваше состояние. Я теперь приказываю, не в качестве женщины, проявляющей власть над влюбленным мужчиною. Я просто отдаю приказание судьи подсудимому. У меня есть улика — и я вас погублю, если вы не исполните моего приказания.

Князь Сергей Сергеевич был возмущен до глубины души.

— Вы низкое создание! — воскликнул он с презрением.

— Пусть будет по-вашему: я гнусное создание. Я сознаюсь в этом и сбрасываю маску. Судьба вас поставила на пути моей жизни, вас, надменных, порочных, пресыщенных людей, и я вами воспользовалась без угрызания совести, как средством создать себе блестящую будущность. Это мое прошедшее. Настоящее произвело перемену в моем образе мыслей, но вы в моих руках и должны покориться.

— Ни за что! — отвечал решительно князь.

— Ну, если вы желаете огласки и скандала, поступайте как знаете. Я, конечно, погибну, но я ни в каком случае не погибну одна. Я выведу всех на чистую воду. Ведь вот вы же убили вашу жену и подтвердили письменно, что совершили это ужасное преступление.

Князь Сергей Сергеевич побледнел.

— Вы воплощенный демон! — прохрипел он.

— Да, я демон для вас и для подобных вам, но буду для него ангелом-утешителем, — добавила она с невыразимой нежностью.

Ее перебил раздавшийся звонок.

Она торопливо обратилась к князю:

— Ну, что же, исполните вы мое приказание, отвечайте скорей: да или нет? Это, вероятно, Станишев или Грюнберг.

На лестнице послышались шаги.

Руки князя тряслись от сильного волнения.

— Положение страшное и без малейшего выхода! — простонал он.

— Ну так да или нет? — повторила Конкордия Владиславовна.

— Я буду, как и прежде, послушен вашей воле! — произнесли с трудом его бледные губы.

— Это будет удобнее и для вас и для меня, — заметила она.

— Но вы мне позволите любить вас, как и прежде? — спросил он робким голосом.

— Как вы смеете предлагать мне условия? Вы теперь потеряли на них всякое право.

Горничная раздвинула портьеру.

— Господин Станишев! — доложила она, пропуская его почтительно в будуар.

Григорий Константинович Станишев вошел, как всегда, развязно и надменно, но при виде князя Осокина его самоуверенность сменилась смущением.

Его ошеломила неожиданность встречи. Это продолжалось не более секунды. Как светский человек, он понял неловкость своего изумления и, поклонясь хозяйке, прямо подошел к князю Сергею Сергеевичу и пожал ему руку.

— Это вы, Сергей, или только ваш призрак? — сказал он ему с дружеской улыбкой. — Вы, значит, примирились с Конкордией Владиславовной.

— Да, пожалуй, что так, — ответил в свою очередь сконфуженный князь Осокин.

Конкордия Владиславовна устремила на них пристальный взгляд. Он ни в каком случае не обещал пощады.

— Отложите на время наши шутки, Григорий Константинович, — заметила она. — Нам нет более надобности морочить друг друга. Для нас наступил критический момент. Мои ожидания недоброго исхода оправдались на деле.

И Конкордия Владиславовна рассказала Станишеву происшествие прошлой ночи.

Григорий Константинович при этом рассказе с трудом переводил дыхание. Он был бледен как смерть.

Сообщение Яцевич, конечно, было страшно, но его приводил положительно в ужас ее смелый рассказ об этом темном деле в присутствии князя Осокина.

— Позвольте мне заметить, — прервал он ее, — что мой шурин не имеет никакого понятия.

— Вы сильно ошибаетесь, князь слышал от меня все подробности дела, — возразила молодая девушка.

— А, он узнал от вас? Это страшная подлость! — крикнул Станишев. Он поднял гордо голову и окинул князя Сергея Сергеевича презрительным взглядом.

Последний отвечал ему тем же.

— Мы разочтемся в более удобную минуту, — сказал он Станишеву. — Я во многом не прав, но я любил Конкордию, вы же руководствовались только корыстными целями.

— Перестаньте, пожалуйста, — остановил его Григорий Константинович. — Я могу доказать, что мы с вами на степени полного равенства. Я желал иметь

средства, потому что их у меня не было. Это весьма понятно. Вы же, наоборот, были страшно богаты, и вы не имели тех личных качеств, в которых заключается единственное право на взаимность в любви.

— Вы, кажется, стоите и в этом отношении на степени равенства, — перебила его Яцевич. — Перестаньте же спорить. Вы достойны друг друга. Я вам не запрещаю свести впоследствии счеты, но теперь вы обязаны исполнить немедленно мои распоряжения.

Станишев отвечал почтительным поклоном.

— Все сводится к тому, чтобы замять это дело, которое может погубить мою будущность, а вместе с нею и вашу. У нас есть на это только одно средство.

— Какое? — спросил Станишев.

— Вы, как отец ребенка, и князь Осокин, как его дядя, подтвердите перед этим литератором Грюнбергом, что этот случай только несчастье, что вы знаете, как я любила этого ребенка, чтобы решиться выбросить его в окно... Что девочка подвержена галлюцинациям, и незапертое окно есть только оплошность прислуги... Последнее так и есть...

Станишев приосанился и, видимо, старался принять вид человека, готового стать грудью за свое самолюбие.

Он хотел что-то сказать, но Конкордия Владиславовна не допустила его до этого.

— Дайте мне досказать, — заметила она ему. — Вы можете после отвечать, если вам будет угодно, но я почти уверена, что мои комбинации придутся вам по вкусу. Князь Осокин согласен обеспечить вас крупной суммой. Примите это к сведению. Мы, конечно, заплатим за лечение ребенка, я слышала, что ее уже отправили в больницу. Мы поместим ее по выздоровлении в один из лучших пансионатов Петербурга. Теперь нет основания продолжать ее мучить, и, по правде сказать, мне это надоело.

Князь Сергей Сергеевич сидел все в той же позе глубокой неподвижности.

Он был возмущен этой страшной испорченностью и, главное, собственным бессилием вырвать с корнем из сердца роковую страсть к этой женщине-вампиру.

Даже сам Станишев, потерявший уже давно способность возмущаться чужою и собственной испорченностью, не находил ответа на слова молодой девушки.

— Мы перестанем видеться, — продолжала она. —

Встречаясь со мною в обществе, вы должны ограничиться почтительным поклоном. Мне нужен этот знак вашего уважения, я его требую и кончаю на нем все мои приказания. Вы сами понимаете, что я могу потребовать более крупных жертв, но я этого не делаю. Я вполне сознаю, что вам не легко расстаться со мной, и не стесняю вас никакими обязательствами. Мы мирно разойдемся в разные стороны.

— Как, разлучиться с вами и сделать это ради гадательной опасности? Нет, это невозможно, это слишком, Конкордия! — сказал вспыхливо князь Сергей Сергеевич.

Она плотно сдвинула свои тонкие брови.

— Берегитесь, князь, — прошептала она, — если мы не примем решительных мер, чтобы замять это дело, мы будем обесславлены в глазах Петербурга.

Разговор был прерван приходом горничной.

Она что-то шепнула на ухо своей барыне и сейчас же ушла.

Конкордия Владиславовна встала с места.

— Я должна вас оставить на некоторое время, — заявила она, — предоставляю вам обсудить это дело и прийти к соглашению относительно способа уладить его. Замечу вам еще, что ваше соглашение должно состояться в мое отсутствие. К моему возвращению все должно быть кончено. Если вы не придете ни к каким результатам, вы можете винить только самих себя.

Она вышла.

По ее уходе князь Осокин, обратясь к Станишеву, сказал с глубокою грустью:

— Я теперь убедился, что она не любила ни одного из нас.

— Понятно, что нет! — согласился Григорий Константинович.

— И знаете, Грегуар, я начинаю думать, что этот разрыв послужит мне спасением. Я выстрадал так много за последнее время.

— Пожалуйста, однако, — прервал его Станишев, — мы должны торопиться и вступить в соглашение, пока ее нет.

— О, на это соглашение не надо много времени. Объясните мне прямо, что вы хотите и сколько вы хотите. Я согласен заранее на все ваши требования. Я не жалею денег. Я был сильно несчастлив при своем богатстве.

Глаза Станишева блеснули радостью.

— Вы знаете, Сергей, что я прожил буквально все мое состояние. Теперь я без средств и жил только на деньги Ольги.

— Но сознайтесь, Грегуар, вы поступили с ней бессовестно. Она ваша дочь...

— Вы тоже ей дядя, но это не помешало бы вам принести ее в жертву капризу Конкордии, — возразил Григорий Константинович.

— Да, я не отрицаю, я безумно люблю этого демона в образе женщины. Но вы другое дело... Вы ей повиновались из корыстных расчетов...

— Отложим этот спор до будущего времени. Нам предстоит теперь исполнить план Конкордии Владиславовны.

— Если я решусь на это, то не отдам ребенка на ваше попечение... Я, право, не желаю взвалить на свою совесть еще одно убийство...

Он вдруг остановился.

Станишев, всецело отдавшийся открывающейся будущности, не заметил смущения князя.

— Да я и сам отказываюсь от Ольги... Распоряжайтесь ею, как вам будет угодно, я не желаю ей зла, и так как вы хотите устроить ее будущность...

— Я дам вам триста тысяч, — перебил его Осокин. — Эта сумма достаточна для ваших потребностей... На имя Ольги, если она останется жива, я положу два миллиона... Это будет ее приданое. До замужества она будет пользоваться процентами... Таков будет смысл моего измененного завещания. Вам довольно трехсот тысяч?

— О, да, вполне достаточно...

— Дело, значит, улажено. Приезжайте ко мне, пожалуйста, завтра утром... Мы съездим в банк. Я вручу вам деньги в бумагах и кредитными, как хотите...

Станишев не ожидал такой скорой развязки. Он был ошеломлен и быстротой перехода от слов к исполнению и щедрости князя Осокина.

— Я вижу, что вы сильно любили эту женщину, — сказал он ему.

— Да, любил как дурак, как несчастный безумец. Я проживу недолго: это наказание мне не по силам, но я отбываю его без жалобы и без ропота. Я его заслужил.

Голова его низко опустилась на грудь.

— А впрочем, как подумаешь, что я отдаю ее добровольно другому, — сказал он, оживляясь, и щеки его вспыхнули болезненным румянцем. — Нет, это слишком глупо! — воскликнул он порывисто. — Я не могу позволить глумиться так нахально над моим самолюбием. Я не хочу унизиться до роли дурака в глазах ее любовника.

— Вы правы, — горячо согласился с ним Григорий Константинович. — Вы принесли ей в жертву слишком много для того, чтобы позволить первому встречному отнять ее у вас. Вы должны наказать ее за подобную наглость, это ваша обязанность, и я вам помогу всеми зависящими от меня средствами. Эти деньги, Сергей, я беру их от вас... но я должен сознаться, что был бы способен отдать их Конкордии! Теперь же я воспользуюсь ими как средством насолить ей и ее избраннику.

— Вы тоже ее любите, — сказал с чувством князь Сергей Сергеевич, — а я, признаюсь, думал, что вы с нею сблизились из корыстных расчетов.

— Да, я любил ее.

Станишев не успел досказать свою мысль.

В дверях появилась Конкордия Владиславовна, за нею шли Бехтеев и Грюнберг.

— Художник! — вскричал изумленный Григорий Константинович.

— Евгений, — прошептал в свою очередь князь Осокин, — как он сюда попал?

Несколько удивившись, что князь и Станишев знают Бехтеева, Конкордия Владиславовна, впрочем, не обратила на это особенного внимания и представила им Иосифа Самсоновича Грюнберга.

— Вот отец и дядя ребенка... Они подтвердят, что отдали девочку мне на воспитание и я относилась к ней как к дочери... Девочка была подвержена галлюцинациям. Я по ночам сама следила за ней, а вчера не уснула, и произошло несчастье у меня на глазах... Ее отец и дядя, слышите ли, не допустят и мысли, что с моей стороны был умысел.

Григорий Константинович и князь Осокин горячо подтвердили правду слов Конкордии Владиславовны.

— Я не смею не верить... Но я тут ни при чем. Девочка отправлена в больницу. У ней перелом спинного хребта, и в лучшем случае, по мнению докторов, она останется горбатой.

— Это ужасно! — воскликнула Яцевич.

— Это ужасно! — как эхо повторили Станишев и князь.

— Полиции я сообщил только падение девочки, не вдаваясь в подробности, — продолжал Грюнберг.

— Но вы их и не знали, — вызывающе сказала Конкордия Владиславовна.

— Да... — загадочно отвечал он. — Имею честь кланяться.

Он церемонно раскланялся и вышел.

«Что там она ни рассказывай, — думал Грюнберг, возвращаясь к себе, — все это очень подозрительно. Тут есть какая-то тайна, но зачем я буду мешаться в это дело и терять золотое, невозвратное время. Ночью она говорила не то, что говорит теперь. Бедный Бехтеев... И это женщина, в которую он влюблен... Помоему, это просто фурия».

IX

Безмолвный свидетель происшедшей сцены Евгений Игнатьевич Бехтеев стал думать, что Грюнберг ошибался.

Он, конечно, не придал бы никакого значения свидетельству Станишева, но он смело верил наравне с многими в безусловную честность и правдивость князя Сергея Сергеевича Осокина.

Его успокоило заявление князя о любимой им девушке, но тем сильнее начал тревожить вопрос об ее отношениях к Станишеву и князю.

Он стремительно встал и, очевидно, намеревался заговорить, но Конкордия Владиславовна, видимо, поняла его мысль и, обратившись к князю Осокину, сказала ему, указывая на Евгения Игнатьевича:

— Теперь, князь, потрудитесь рассказать откровенно этому господину, в каких отношениях вы находитесь ко мне.

— Вы серьезно приказываете это сделать? — спросил князь Сергей Сергеевич.

— Совершенно серьезно!

Руководясь своим изумительным тактом, она предложила князю говорить, что он вздумает.

Она была уверена, что он ее выставит в самом выгодном свете.

— Я люблю Конкордию Владиславовну, — сказал с волнением князь, — я ее любил с такою же искренностью во время пребывания ее в моем имении, куда она приехала в качестве компаньонки моей покойной жены. После смерти Любы, — голос князя Осокина заметно задрожал, — я предложил ей сделаться моей любовницей, но она отвергла это. Не зная, что делать, чтобы удержать ее и иметь хотя изредка возможность ее видеть, я уговорил Грегуара просить ее заняться воспитанием Ольги. Затем я увиделся с нею здесь. Мое чувство стало еще сильнее. Я предложил ей сделаться моей женой, она мне отказала.

— Что же касается до господина Станишева, — прибавила Конкордия Владиславовна, — то он знает меня только несколько месяцев, а именно со дня, когда он привез и поручил мне девочку. Он тоже, как я догадываюсь, влюблен в меня. Может быть, впрочем, я ошибаюсь, но если бы это было и так, то он не имеет на меня тоже никаких ровно прав, как и князь. Им вовсе не приходится завидовать друг другу.

— Все это справедливо, — заметил Григорий Константинович, — но интересно знать, какое побуждение могло вас заставить перевести разговор на подобную тему.

В этот самый момент Евгений Игнатьевич под влиянием сердечного раскаяния схватил руки молодой девушки.

— Простите ли вы мне все мои подозрения, — сказал он голосом, в котором слышалась мольба.

Лицо Конкордии Владиславовны засияло от радости.

— Вы хотите, Григорий Константинович, — сказала она добродушно-шутливо, — узнать побуждение, лежащее в основе нашего разговора? Оно очень просто, Евгений любит меня.

— Да, глубоко и искренно! — подтвердил Бехтеев.

— И я его люблю! — добавила она.

— Конкордия! — воскликнул с чувством Евгений Игнатьевич. — Я только теперь оценил вас. Вы решились сносить за скудный заработок такое положение! А вам в это время предлагали миллионы. Это честно, Конкордия!

— Это черт знает что! — пробормотал Станишев.

— Шш! — сказала Конкордия Владиславовна. — Если я отказалась быть госпожой Станишевой и кня-

гиней Осокиной, то это потому, что я себя считаю невестой Евгения. Мы с ним не заговаривали серьезно о браке, но если он желает, я согласна.

— Как! — воскликнул князь Сергей Сергеевич. — Вы выходите замуж за моего шурина?

Конкордия Владиславовна окинула его удивленным взглядом.

— Разве Евгений ваш шурин?

Станишев расхохотался.

— Как! Вы этого не знаете, — глумился он над ней с величайшим злорадством. — Ха, ха, ха! Вы не знаете своего жениха — графа Бехтеева, родного брата жены князя Осокина.

Лицо молодой девушки покрылось смертельной бледностью.

Она подскочила к Евгению Игнатьевичу и судорожно схватила его за руки.

— Вы граф Бехтеев?

Он молча наклонил голову.

— Вы граф Бехтеев? — повторила Конкордия Владиславовна и упала без чувств на ковер.

Когда она опомнилась, она лежала на диване, у которого на коленях стояли Станишев и князь Осокин и усердно старались привести ее в чувство.

Бехтеев стоял поодаль и смотрел на нее с немym обожанием.

— Мне нужно объясниться наедине с Евгением, — объявила Конкордия Владиславовна.

— Вам прежде всего нужно полнейшее спокойствие, — заявил Станишев.

— Вот как... — приподнялась она на диване, — ведь я же приказала вам, чтобы вы уходили...

Князь Осокин встал с колен и вышел из комнаты, Григорий Константинович хотел было настаивать на своем, но гневный взгляд молодой девушки заставил его последовать за князем.

Евгений Игнатьевич и Конкордия Владиславовна остались с глазу на глаз.

— Граф, — сказала она серьезно и печально, — вы меня обманули.

— Зачем вы говорите мне это, Конкордия? — возразил он ей. — Я был далек от мысли вводить вас в заблуждение. Я уже давно отказался от моего титула. Я счел это необходимым... Разорившийся граф становится предметом неблагоприятных толков...

— Боже мой, Боже мой! — воскликнула Конкордия. — Я создала себе заветную мечту! Для нее я готова была на все жертвы, да, на все положительно! — повторила она, вся вспыхнув. — Я вас полюбила, я хотела идти с вами рука об руку в жизнь, дать вашему таланту развиться, освободив его от материальных нужд, создать из вас что-то великое, прекрасное и сделаться самой под вашим влиянием образцом женской честности, энергии, верности. Я лелеяла с детства эту мечту и с болезненным нетерпением ждала и искала такого человека. Я начала верить, что я его нашла.

— Я вас не понимаю, — перебил ее Бехтеев. — Какое значение может иметь для вас мой графский титул?

— Какое значение? — повторила Конкордия. — Он ставит навсегда преграду между нами. Мы не поймем друг друга... Положение наше слишком различно, и вы принадлежите к тому самому кругу, к какому принадлежат эти два человека — князь Осокин и Станишев. Вы любите меня за мою красоту, но во мне нет других прав на равенство с вами, и все ваши усилия установить его в своем убеждении не приведут положительно ни к каким результатам.

— Но, Конкордия Владиславовна, чувство моей привязанности к вам идет в уровень с чувством уважения.

— Это только слова! — отвечала она. — Что могло возбудить такое уважение? Красивая наружность! Этого недостаточно! А я хотела стать относительно вас в положение женщины, способной возвысить вас своею любовью в вашем собственном мнении и в уважении общества.

— Да вы ведь и остались в таком же положении, — перебил ее Бехтеев. — С тех пор как я вас встретил, я начал пролагать себе путь к возвышению, чтобы сделаться достойным вашей любви. Какое вам дело до сословных различий? Вопрос о них исчерпан: они отжили свое время.

— Когда вы меня встретили, — продолжала Конкордия Владиславовна, — вы, конечно, взглянули на меня не так, как вы взглянули бы на молодую девушку вашего круга. Все ваши расчеты по отношению ко мне сводились к возможности уговорить меня со временем сделаться вашей любовницей.

Евгений Игнатьевич сделал жест протеста.

— Молчите, я знаю это! Я не имею права на высокую роль, и все на основании того же неравенства. Вся моя кровь кипит при этой одной мысли. Я привыкла смотреть на всякого мужчину, как на существо далеко ниже меня и вследствие этого безусловно обязанное относиться ко мне с полным уважением. Я могла допустить привязанность к себе, исходящую исключительно из этого чувства, и любить, в свою очередь, единственно того, кто бы мог уважать меня. Я вас полюбила, придя к убеждению, что я встретила в вас такого человека! Разубедившись в этом...

— Вы разубедились совершенно ошибочно, — горячо возразил Бехтеев, — я именно и есть тот самый человек! Я смотрю безразлично на богатство и звание. Я дорожу единственно моим личным достоинством и возможностью жить с незапятнанной честью. Я жду с нетерпением счастья назвать вас моею женою, но я тем не менее ни за что не решусь на этот важный шаг, пока не получу положительных сведений о всем вашем прошлом.

— Вы безжалостны, граф, — заметила Конкордия Владиславовна, — если бы вы только знали, как мне горько и больно. Чем я могла заслужить такое отношение, объясните мне?

Склонив печально голову, она полулежала на диване в глубоком раздумье.

— Конкордия! — окликнул ее Бехтеев. — Я сильно к вам привязан. Граф ли я Бехтеев или просто Бехтеев, но я женюсь на вас. Дайте мне только срок узнать вас покороче. Я верю безусловно, что ваша красота скрывает чистую и прекрасную душу, но вы знаете сами, как сильно в наше время искушение роскоши. Извините за смелость подобного намека, — он может быть оправдан нашею странною встречей и вашею таинственностью при дальнейших свиданиях. Желание убедиться в безупречности женщины, которой я готовлюсь отдать всего себя, не должно уронить меня в вашем мнении, Конкордия.

— Без сомнения, нет, — отвечала она, — это чувство достойно моего уважения, но мое самолюбие уязвлено этим... следствием.

— Я не могу в этом случае щадить его, — перебил ее Евгений Игнатьевич, — и повторяю вам, что я люблю вас, Конкордия, если только вы...

Она встала с дивана и поспешила скорее протянуть ему руку.

— Хорошо, я согласна. Я выйду за вас замуж.

— Я надеюсь на это всем сердцем.

— Но вы еще колеблетесь.

— Нет, и даю вам слово, что если разговор с моим зятем вселит во мне уверенность...

Глаза ее сверкнули.

— Пускай будет по-вашему... Поговорите с князем, — отвечала она.

— Затем нам предстоит побеседовать с вами, и этот разговор займет много времени... Назначьте мне час для этого свидания.

— Я буду ждать вас завтра от двух до четырех часов, — отвечала она.

Он пожал ей руку, тихо поклонился и прильнул к ней губами.

Она другой рукой обвила его шею.

— Дай Бог, Евгений, — прошептала она, — чтобы вы меня любили так, как я вас люблю...

Тем временем князь Осокин и Станишев ожидали в соседней комнате конца разговора Бехтеева и Яцевич.

Князь был очень расстроен происшедшей сценой и встречею с шурином.

Он бросился в кресло и сидел в состоянии совершенного изнеможения.

Но Григорий Константинович успел победить свое горе. Солидный куш, назначенный ему князем Сергеем Сергеевичем, вознаграждал его совершенно за потерю Конкордии Владиславовны. Он благодушно строил воздушные замки и был в самом розовом настроении духа. Станишев был вообще из числа тех людей, которые живут, окруженные роскошью, в глубоком убеждении, что их личные достоинства растут и понижаются соответственно с колебанием их материальных средств. Потеряв состояние, эти люди хватаются без разбора за средства опять иметь богатство. Их леньность сменяется лихорадочною деятельностью. Они энергично побеждают препятствия. Но как только случай вернул им неожиданно растраченное благо, они принимают за тот же образ жизни и опять прозябают в бездействии и роскоши, забывая прошедшее и не думая о будущем.

Станишев согласился на преступное дело только

ради возможности составить себе прочное положение в жизни, но щедрость князя Осокина вернула его сразу к тому же безразличному отношению ко всем и ко всему вообще, с которыми освоили его роскошь и праздность.

Он до сих пор боролся и вносил в борьбу порядочную долю терпения и энергию, но процесс борьбы не имел положительно для него интереса, и он был очень рад, что ему не придется продолжать ее далее. Он вынес из нее легкое утомление, но без малейшей примеси угрызания совести. Исход был блестящий, и Григорий Константинович стал добр, потому что стал счастлив. Он весело ходил по гостиной и напевал мотив модной шансонетки. Он, видимо, даже забыл о присутствии угрюмого князя Осокина.

Он подошел к окну и стал барабанить по стеклу, выбивая тот же мотив.

На этом занятии его застала Конкордия Владиславовна, которая, проводив Евгения Игнатьевича Бехтеева, пришла в гостиную.

Она направилась в ту сторону комнаты, где сидел князь Сергей Сергеевич, и присела к нему, приказав Станишеву не трогаться с места, но и не стучать по стеклу.

Тот повиновался.

Князь Осокин взглянул вопросительно на молодую девушку.

— Итак, моя участь решена бесповоротно! — сказал он печально.

Конкордии Владиславовне стало жаль его.

Х

— Послушайте, князь, и поймите меня, — заговорила Конкордия Владиславовна Яцевич, — я, право, не могу отвечать вам взаимностью. Я сначала рассчитывала устроить свою будущность через ваше посредство, но план мой изменился, и вы теперь свободны или, вернее сказать, вы будете свободны.

— Прошла одна неделя с тех пор, как я отдал себя и свою волю в ваше распоряжение, и я уже раскисаюсь. Вы со мною поступили дурно и бессердечно.

— Я это сознаю, — отвечала молодая девушка. — Я хотела воздвигнуть на вашей привязанности грандиоз-

ное и великолепное здание, но я не достигла цели, или, лучше сказать, я иду теперь к цели совсем другим путем. Я не буду богата, но зато буду счастлива. Вы меня полюбили, и у вас не хватает силы разорвать приковывающую вас ко мне цепь... Это большое несчастье для вас, но я все-таки всегда буду вашим другом.

Князь Осокин тяжело вздохнул.

— Наутро после свадьбы я вам возвращу ваше письмо ко мне, Евгений вас уважает, вы можете бывать у меня каждый день; я вам не запрещаю обожать меня издали... Вы станете смотреть спокойнее на вещи. У вас не будет горя, конечно, потому что не будет надежды, но признайтесь — уже кстати — жила ли внутри вас когда-нибудь надежда?

— Зачем поднимать подобные вопросы? Во мне теперь живет одно только сознание, что я теряю вас.

— Вы меня не теряете! Мы будем с вами видеться. Я предлагаю вам заслужить мою дружбу. Евгений почти педант по части уважения к собственному достоинству. Он даже не решится заключить этот брак, пока не убедится в полной безупречности моей прошлой жизни. У вас есть, несомненно, влиятельные знакомые, данное мне право бывать в их салонах будет в глазах Евгения самым верным ручательством за мою чистоту. Убедите какую-нибудь из ваших родственниц вывозить меня в свет под ее покровительством. Мой дядя был офицер, мой отец служил в одном из министерств, вы все это знаете. Вам, конечно, не трудно будет пополнить и прикрасить мою биографию...

— Такое поручение, говоря откровенно...

Но Конкордия Владиславовна заметила в этот самый момент попытку Станишева отойти от окна и, перебив князя, крикнула ему повелительным тоном:

— Не смейте шевелиться и ждите терпеливо, пока вас не позовут...

Григорий Константинович с кислой миной вернулся к окну.

Его странный характер находил удовольствие в подобном подчинении.

Князь Осокин продолжал:

— Вы хотите заставить меня помочь исполнить желание соперника. Когда речь шла о моих денежных средствах, я вам повиновался без всяких отговорок. Не далее как завтра я выдам деньги Грегуару.

— Боже вас сохрани! — перебила она его. — Вы должны это сделать через день после моей свадьбы. Я желаю держать вас обоих в руках: вас посредством улики, ну и вашей ко мне привязанности, Станишева же — единственно играя на струне его алчности.

Князь Сергей Сергеевич успокоился. Сознание, что Станишев несет тоже долю горьких последствий, его утешило. Его рабство не показалось ему так тяжело. Он разделял его с другим.

— Вы слышали, верно, о княгине Зининой, — отвечал он Конкордии Владиславовне, — она мне доводится двоюродной сестрой. Я с ней поговорю и вообще постараюсь.

— О, да! Княгиня Зинина — это очень почтенная дама... Я надеюсь на вас... А покамест прощайте!..

Она дружески подала ему руку.

— Вы теперь убедились, что я предан вам искренно, — промолвил он вполголоса. — Я приношу вам в жертву даже мою любовь, так как ваше замужество...

— При чем тут мое замужество! Вы можете бывать у меня каждый день, и наши отношения ни сколько не изменятся.

Он хотел возразить. Она не допустила.

— Уходите... До завтра...

Проводив его взглядом, она закрыла дверь и подошла к Станишеву. Она положила ему руки на плечи. Он быстро обернулся.

— Безумец! Разве можно быть мрачным и задумчивым в минуту достижения желанной цели?..

— Вы очень ошибаетесь, — отвечал Григорий Константинович. — Деньги — хорошая вещь, но счастье заключается не в одном состоянии. Вы должны помнить, что я теряю вас...

— Вы меня не теряете, — возразила она.

— Как же так? Объясните!

— Ужели вы думаете, взаимность достигается только браком? Любовь вольная пташка, летит — куда захочет...

— О, повторите мне, что это не шутка! — воскликнул радостно Станишев, не веря своим ушам.

— Шш! Молчите и уходите... Не пройдет и двух месяцев, мы опять увидимся...

Она быстро исчезла за тяжелой портьерой, послав ему дружески насмешливый поцелуй.

Она прошла к себе в будуар и легла, утомленная, на низеньком диване.

Ее мысли перенесли на Евгения Игнатьевича Бехтева.

«А он положительно похож на свою сестру, как это я забыла ее девичью фамилию и как я не заметила этого ранее. Я и сама не знаю в настоящее время моих чувств к нему. Что во мне шевелится: любовь или ненависть? Он будет моим мужем! Это я знаю. В наше время борьбы, труда и наслаждения супружество дает большое преимущество. Моя репутация безусловно чиста. Жизнь представляет шансы на блестящий успех. Следует только одолевая препятствия! О, да как еще следует! Я подчинилась своей власти Осокина и ублажала Станишева надеждами. Он считает себя почти что миллионером... и надеется быть моим любовником... Глупец! Он способен поверить, что я могу решительно изменить убеждения, которые слились с моим существованием, и позволить себе запятнать мою честь. — Она сжала руками свою, отуманенную думами, красивую головку. — А все-таки было бы интересно знать, люблю ли я Евгения и для кого этот мой громадный труд? Из любви ли к нему, из любви ли к себе?»

Она быстро привстала и громко сказала, выпрямив стан:

— Я, конечно, тружусь... Ведь это страшный труд — пройти незапятнанною мимо всех искушений.

Через несколько дней после описанной нами сцены брак Конкордии Владиславовны Яцевич и графа Бехтева был вопросом решенным.

Княгиня Надежда Федоровна Зинина была очень привязана к князю Осокину и с полной готовностью изъявила согласие принять под свое покровительство молоденькую девушку, дочь друга князя Сергея Сергеевича и невесту Евгения, к которому княгиня всегда благоволила.

Она даже предложила взять Конкордию Владиславовну в свой дом до дня ее замужества, но последняя отклонила это предложение.

Княгиню поразила ее красота. Она могла сделать из нее знаменитость! Зинина пришла в безусловный восторг. Да она и вообще легко восторгалась.

Все сомнения Евгения Игнатьевича рассеялись как дым.

Покровительство княгини Зининой было, в его мнению, самым прочным ручательством нравственного совершенства любимой им девушки.

Он объявил Грюнбергу о своем предстоящем браке с Яцевич.

Последний не успел вполне отрешиться от своих подозрений и усердно старался отклонить Бехтеева от этого намерения.

Потеряв, однако, надежду сломить его упрямство и не имея фактов, которыми мог бы подтвердить справедливость опасений за будущность своего друга, он перестал настаивать.

Тем не менее разговор между ними был очень продолжителен. Они перешли к будущему Ольги.

Девочка все еще была в больнице, хотя выздоравливала.

Увы, она должна была остаться горбатой. Иосиф Самсонович принял в положении девочки горячее участие и предложил отдать ее по выздоровлении в хороший пансион. Евгений Игнатьевич обещал поговорить с Конкордией Владиславовной.

Ей не было расчета держать у себя девочку.

Она бесповоротно изъявила согласие.

Уступив настойчивым убеждениям друга, Грюнберг явился к ней и был очарован радушным приемом. Он предложил Конкордии Владиславовне отдать ее воспитанницу в пансион его родственницы, куда и отвезли девочку прямо из больницы. Евгений Игнатьевич и Конкордия Владиславовна были очень довольны и очень благодарны.

Это избавляло их от забот приискивать и делать потом выбор в бесчисленном множестве подобных учреждений.

Пансион помещался на Литейном проспекте.

Последнее время пребывания Конкордии Владиславовны на ее квартире в 11-й линии Васильевского острова пролетело в толках о будущем.

Князь Осокин, как и прежде, являлся каждый день и встречал самый дружески приветливый прием со стороны Яцевич.

Он принимал его за теплое сочувствие к его положению и был глубоко тронут.

Князь почти примирился с печальным настоящим и заглядывал реже в свое мрачное прошлое.

Бехтеев не видел в нем опасного соперника и об-

ращался с ним с дружелюбной корректностью давнишнего знакомства и близкого родства.

Он не знал мрачной драмы, окончившей страдания его бедной сестры, и глубоко верил в безусловную честность князя. Он уважал его ровно настолько, насколько ненавидел и презирал Станишева.

Но Конкордия Владиславовна сумела одурачить Григория Константиновича и избавить Евгения от встреч с ним у нее.

Прошло уже две недели с тех пор, как Бехтеев был объявлен женихом Конкордии Владиславовны.

В один прекрасный день князь Сергей Сергеевич объявил, что ему удалось отыскать для Евгения Игнатьевича заказ одного знатока-любителя на несколько картин на сумму шесть тысяч рублей. Чем бы ни вызывалась эта услуга князя, его ли добрым сердцем или желанием доказать покорность Конкордии Владиславовне, во всяком случае, она имела для Бехтеева огромное значение. Заказ такого рода служил, так сказать, официальным признанием его дарования.

Он вел его, по мнению Евгения Игнатьевича, к богатству и к блестящей будущности.

Бехтеев горячо благодарил князя.

Пользуясь таким случаем, князь Осокин заметил вскользь с добродушной улыбкой, что Евгений, вероятно, нуждается в деньгах при крупных расходах, вызываемых предстоящей свадьбой, и что сумма заказа может быть ему выплачена не иначе как только по доставке картин заказчику.

Он выразил надежду, что шурин не откажется взять пока у него несколько тысяч, а он их предложил бы ему от чистого сердца.

Сначала Бехтеев отказался от предложения, но князь Сергей Сергеевич отвечал, что деньги он предлагает не как подарок, а взаймы, и тем успокоил щепетильность Евгения Игнатьевича.

Он получил от князя три тысячи рублей и вручил их Конкордии Владиславовне на устройство их будущего семейного хозяйства.

Он считал нужным заметить, чтобы она устраивалась как можно экономнее, ввиду невозможности исполнить в скором времени этот сложный заказ.

Восторг княгини Зининой от красоты Яцевич возростал с каждым днем, и когда день венчания был уже

совсем назначен, она стала настойчиво снова просить молодую девушку переехать к ней в дом.

Конкордия Владиславовна исполнила эту просьбу.

Она ей открывала доступ в высшее общество.

Евгений Игнатьевич с этих пор стал ежедневным гостем в доме княгини Зининой на Английской набережной.

Но чем менее оставалось времени до свадьбы, тем Бехтеев становился тревожнее и задумчивее.

Княгиня вывозила беспрестанно Конкордию Владиславовну, и ее красота доставляла ей в обществе блестящий успех.

Бехтеева преследовала безотвязно мысль, что он не в состоянии будет доставить жене возможность продолжать эту шумную, рассеянную жизнь.

Конкордия Владиславовна в упоении своего торжества не замечала облака, которое ложилось все чаще и чаще на лицо ее жениха.

XI

Несмотря на хлопоты по предстоящей свадьбе, Евгений Игнатьевич Бехтеев ежедневно долгие часы работал в своей мастерской.

Забота по найму их будущей семейной квартиры, ее меблировке и убранству лежала на Конкордии Владиславовне.

В один прекрасный день она объявила своему жениху, что квартира готова, и просила его осмотреть ее вместе с ней.

Он ожидал увидеть уютную небольшую квартирку, отделанную, конечно, со вкусом и сравнительно со скромным комфортом, а увидел великолепные апартаменты, отделанные и меблированные с царскою роскошью.

Квартира помещалась в бельэтаже, и в нее вело грандиозное антре с представительным швейцаром.

Вид этого швейцара и антре, убранного тропическими растениями и статуями, произвел на Евгения Игнатьевича неприятное впечатление.

— Но все это потребовало бешеных денег! — отрывисто заметил он.

— Ничуть не бывало, — отвечала Конкордия Владиславовна, — это все стоит около пятнадцати тысяч.

— Пятнадцать тысяч... Откуда вы их взяли? Кто дал вам эту сумму?

— Мне никто ничего не давал... Я купила все это на собственные деньги.

— На собственные деньги! — повторил Бехтеев. — Я вас не понимаю.

— Вы опять начинаете свое, — перебила его молодая девушка. — Такая щепетильность совершенно некстати... Вы имеете право считать своими собственными средства, приобретенные трудами вашей жены.

Он не дал ей договорить.

— Ваши средства, — перебил он ее, — это странное слово... Вы были компаньонкой, затем воспитательницей... Вы занимались отдачей внаем меблированных комнат. Все эти занятия исключают возможность крупной наживы... Вы легко бросили пятнадцать тысяч на убранство квартиры. Эта сумма огромная сравнительно с нашими средствами, ведь вы сами говорили, что не имеете своего состояния.

Ее взгляд выразил сильную досаду.

Она отвечала с деланной надменностью:

— Я говорила правду, у меня его не было, но оно было нажито впоследствии трудом.

— Ну что вы мне рассказываете... Вы жили у Осокиных не больше полугода.

— Что же это доказывает?

— То, что в такой короткий срок вы не могли заработать столько, чтобы с легкостью богача выбросить пятнадцать тысяч.

— Я наживала деньги не у одного Осокина, но и в других домах.

Лицо его приняло холодное и суровое выражение.

— Конкордия! — сказал он. — Я этого не знал, когда дал обещание жениться на вас...

— Опять подозрение! — воскликнула она. — Вы страшно недоверчивы... Спросите, наконец, у вашего зятя, мои ли это деньги? Он вам ответит «да».

Он отрицательно покачал головой.

— Подтверждение князя Сергея не может разрешить моих недоумений. Я верю в безупречность вашего поведения, но подобная сумма могла быть предложена вам только одним князем Осокиным. Я положительно не хочу ею пользоваться... Вы должны немедленно возвратить ее князю... Если вы не согласны на мое предложение, мы должны расстаться, и... с этой минуты...

— Вы сходите с ума! — воскликнула Конкордия Владиславовна.

— Это мое последнее, решительное слово, — сказал твердо Евгений Игнатьевич. — Я не желаю пользоваться этими деньгами, но так как вы уже купили всю мебель, то я постараюсь трудиться вдвое и возвращу князю пятнадцать тысяч... Остальную же сумму... если вы хотите быть моей женой...

— Как, еще оговорка...

— Да, — сказал он решительно. — Я готов отдать вам свою душу! Я позволю убить себя, чтобы отклонить от вас малейшее несчастье, но я не пожертвую вам моею честью...

— Довольно! Перестаньте! — сказала она, сильно сжав его руку. — Вы совершенно правы, я отдам эти деньги.

Бехтеева удивило железное пожатие этой маленькой ручки, но он приписал это волнению молодой девушки и потянулся обнять ее.

Она оттолкнула его внезапным движением, но тотчас раскаялась в своей неосторожности и с страстной нежностью обвила руками вокруг его шеи.

— У тебя благородное сердце, Евгений! — воскликнула она, прижимаясь к нему и тяжело рыдая. — И я тебя люблю...

На следующий день князь Осокин сообщил своему шурину, что Конкордия Владиславовна возвратила ему его деньги.

Князь отнесся в душе с глубоким уважением к поступку Бехтеева и оценил также поступок Яцевич.

«Она меня отвергла с полнейшим бессердечием, — думал он, — но последний поступок мирит меня с нею... Вообще эта личность очень загадочная...»

Неделю спустя Конкордия Владиславовна Яцевич была повенчана с графом Евгением Игнатьевичем Бехтеевым. Венчание было совершено в церкви пажеского корпуса и не было многолюдно. Со дня свадьбы прошло четыре месяца.

Бехтеев окончил заказы и всю полученную сумму отдал князю Сергею Сергеевичу Осокину.

Он продолжал трудиться с удвоенной энергией, чтобы заплатить князю и остальную, должную ему сумму из потраченной Конкордией Владиславовной.

Князь горячо протестовал против этого, но безуспешно.

Князь окончательно поселился в Петербурге и сделался частым гостем и своим человеком у Бехтеевых. Последние жили на Фонтанке, недалеко от Чернышева моста.

В квартире не было места для мастерской, и Евгений Игнатьевич сохранил свою прежнюю на Васильевском острове. Все его время поглощалось работой. Только вечером возвращался он домой.

Первое время он считал себя счастливейшим из смертных.

Он был до безумия любим своей женой. Их домашняя жизнь представляла из себя образец семейного согласия. Они, казалось, жили одними и теми же чувствами и смотрели на вещи одними и теми же глазами.

Когда Евгений Игнатьевич возвращался домой усталый и измученный, его встречало красивое личико и нежная обходительность его милой жены. Время быстро летело в веселых разговорах и в составлении планов на будущее.

Конкордия Владиславовна поддерживала энергию мужа и старалась разжечь его самолюбие.

Все мечты Бехтеева сводились к возможности обставить свою жену комфортом и роскошью. Он думал, что понял вполне характер Конкордии Владиславовны, и чувство уважения к ее прекрасным качествам росло наравне с чувством его привязанности.

Она деликатно обходила вопросы о частых недочетах в их материальных средствах. Он часто погружался в глубокое раздумье при печальном сознании, что он еще далеко не у конца борьбы, что ему предстоит еще долго трудиться, чтобы обеспечить себя даже от существенных нужд. Евгению Игнатьевичу приходилось не раз, со времени женитьбы, подмечать, что по губам его жены пробегала загадочная улыбка, когда он говорил с ней о будущности и вдруг обращал на нее глаза. Он часто доискивался смысла этой улыбки, когда оставался наедине с самим собою. Она его тревожила, но он не решался спросить разъяснения. Он замечал вдобавок, что она улыбалась этой загадочной улыбкой в те минуты, когда думала, что на нее никто не смотрит.

Но подозрение, вызванное этими мелочами, не было устойчивым. Оно разбивалось о сознание полного счастья.

Бехтеев влюблялся все сильнее и сильнее в свою жену. Он не мог бы решиться посвятить хоть минуту свободного времени кому-нибудь другому, исключая своей Конкордии. Он не мог упрекнуть ее ни в одном недостатке, и чувство его к ней перешло в обожание.

В один солнечный полдень наступившей весны Конкордия Владиславовна сидела еще в утреннем платье, когда ей доложили о приезде Станишева.

— Прости! — приказала она.

Григорий Константинович развязно вошел в комнату и, подойдя к Бехтеевой, поцеловал ее руку с дружеской фамильярностью.

— Вы нас совсем забыли! — заметила небрежно Конкордия Владиславовна. — Это нежное чувство, о котором прежде вы так часто толковали, испарилось, как видно, с тех пор, как вы сделались богатым человеком.

— Почему вы так думаете? У вас для этого нет основательных данных, но вы были при встрече так холодны со мною, что я мог подумать...

— Нет, вам просто надоело ухаживать за мной, — перебила его молодая женщина. — Вы получили деньги и могли находить другие удовольствия.

— Увы, мои средства не настолько блестящи.

— Как, у вас сотни тысяч и вы смеете жаловаться!..

— Вы не должны забывать, что я не умею считать деньги и веду роскошный образ жизни. Мне пришлось рассчитаться с моими кредиторами, сам я потерял недавно значительную сумму на процентных бумагах и еще потеряю, судя по настоящему состоянию биржи.

— Вы сходите с ума! Зачем вы играете на бирже? Послушайте, Григорий Константинович, вы должны помнить, что я от всей души желаю вам добра.

— Я надеюсь на это и даже явился в настоящее время, чтобы напомнить вам про одно обещание, которое вы сделали в знаменательный день жизни, когда вы объявили себя невестой вашего мужа.

— И про это обещание вы вспомнили через полгода.

Она расхохоталась.

— Нет, я являлся раньше, но вас или не было, или вы были заняты беседой с вашим мужем.

— Вам изменило счастье в биржевой операции, и в вашем уме созрело решение сохранить те затраты, в

которые вас вводят новые связи, и начать по-прежнему ухаживать за мной, полагая, что это обойдется вам несравненно дешевле.

— Признаюсь, вам приходят в голову странные мысли...

— Я могу вас уверить, что это так... Да и зачем вам разубеждать меня! Я вас освободила от прежнего рабства и не вижу в нем надобности на будущее время. У меня в голове совсем другой план! Я рада вас видеть, но вместе с тем...

— Нет, вы несправедливы, все ваши комбинации совершенно ошибочны. Я вам искренно предан. Моя мысль никогда не отрывалась от вас... Я еще никогда никого не любил так, как люблю вас.

— Я могу ошибаться, — заявила она. — Вообще этот вопрос не должен вызывать дальнейших разговоров. Я отношусь к нему с глубоким безразличием. Я вас приняла для того, чтобы сказать вам, что мой муж вас не любит и что ваше присутствие не доставит ему, конечно, удовольствия. А я не желаю дальнейших неприятностей.

— Клянусь вам честью...

— Князь Осокин! — сказала, вбегая, камеристка.

Князь вошел.

Он был, видимо, в сильном возбуждении.

— Что с вами? — спросила Конкордия Владиславовна после взаимных приветствий.

— Я сейчас с биржи... Там прямо вавилонское столпотворение... Бумаги летят вниз с невероятной быстротой.

— Какие? — дрогнувшим голосом спросил Станишев.

Князь назвал павшие бумаги.

— Я разорен вконец, я погиб! Боже мой! — воскликнул Григорий Константинович и выбежал из комнаты, ни с кем не простившись.

Князь Сергей Сергеевич с удивлением посмотрел ему вслед.

Конкордия Владиславовна только пожала плечами.

— Да он спекулирует, что ли, на бирже? — спросил ее князь.

— Да, и весьма рискованно! — ответила она.

— Ба! — произнес князь Осокин.

— Тем хуже для него, — заметила Конкордия Владиславовна. — Он нажил эти деньги не собствен-

ным трудом, да и не честным способом и, право, недостойн сожаления. Будем говорить о чем-нибудь другом.

ХП

— Вы говорили, князь, о падении... этих... там бумаг, — сказала Конкордия Владиславовна после некоторой паузы, — но у меня тоже...

— О, относительно себя не беспокойтесь, — отвечал князь Сергей Сергеевич, — я как бы предвидел, что случится на бирже, и купил на ваши семьдесят тысяч более надежные бумаги, которые, напротив, идут на повышение.

— Сознайтесь, князь, что эта покупка более надежных бумаг обошлась вам не дешево, — улыбнулась Конкордия Владиславовна, — так как вы именно советовали мне купить те бумаги, с которыми случился крах. Я помню, что я согласилась именно на покупку этих бумаг. Теперь вы просто заменили упавшие в цене своими, более, как вы выразились, надежными.

— Нет, — отвечал князь с невольной улыбкой, — уверяю вас, что вы ошибаетесь.

— Молчите... Я знаю, но я принимаю дар с глубокою благодарностью. Вы меня действительно любите.

— А вы сомневаетесь? — с упреком в голосе сказал князь Осокин.

— Нет, но видите ли что, — проговорила Конкордия Владиславовна, — нас, женщин, упрекают в изытке эгоизма. Но честно ли желать, чтобы мы давали больше, чем получаем сами. Возьмем, например, Станишева. Он меня полюбил от нечего делать, но ему только стоило получить от вас деньги, чтобы позабыть меня и отдаться всецело биржевой игре и легким победам... Я на него не жалею, а только указываю этот случай, как факт.

— Да, но я не Станишев! — горячо заявил князь Сергей Сергеевич. — Я пожертвовал вам моим личным достоинством, моею в то еще время незапятнанною честью и даже моею страстью. Я решил способствовать вашей любви к другому. Это было безумие, болезненный результат борьбы преступления с укорами совести. Нет, подобное чувство выдается из ряда, как всякая уродливость — это Божья казнь за совершен-

ный грех. Я любил вас сильно, безграничной любовью, мучительной любовью старика или каторжника, над которою бессильны и воля, и рассудок. Она признает одну только власть, и власть эта — смерть.

— Да, вы меня любили так, как говорите, — прошептала она печально и задумчиво.

— К тому же мне и некого любить в настоящее время...

— О, да, я вам верю... И я, в свою очередь, питаю к вам чувство невольной признательности. Вы приняли на совесть тяжелое бремя... и все из-за меня. Я ценю вас гораздо выше Станишева, у которого врожденное влечение ко всевозможным низостям, ценю вас, пожалуй, даже выше Евгения, который не пожертвует ради меня ни малейшей частицей того, что он именуется «долгом чести».

По всему существу князя Осокина пробежало чувство неизъяснимой радости.

— Вы еще в первый раз говорите со мною с такою душевностью, — заметил он ей. — И вы не поверите, как я счастлив и тронут этим редким доверием.

— Это очень понятно, — заметила молодая женщина, — я начинаю верить, что вы меня любите с большею нежностью, чем все другие, а мой эгоизм нуждается в преданности, и я принимаю с признательностью вашу.

Она говорила совершенно серьезно.

У князя положительно потемнело в глазах.

Будущее, в смысле обладания этой женщиной, так безусловно и жестоко им владевшей, встало перед ним в радужных мечтах.

— Однако вернемся к личным счетам, — опустила Конкордия Владиславовна князя с неба на землю.

— Ах, да! — заторопился князь. — Вот те десять тысяч, которые отдал мне Евгений. Он воображает, что я согласился принять от него деньги. Как он еще наивен и как он плохо знает меня и мой характер! Однако тем не менее, приняв на себя должность управляющего графини Бехтеевой, я прошу позволения дать ей отчет. А знаете ли что? — вдруг добавил он. — Я стал вас любить гораздо сильнее с тех пор, как услышал от вас обещание возратить мне письмо, в котором я сознался, что убил свою жену. Моя покорность к вам осталась в прежнем ви-

де, но в ней уже нет неприятного чувства постоянного страха.

Ее искренно тронула эта слепая преданность.

— Вы любите меня... Я это понимаю! — сказала она, протянув ему обе руки.

Он стал покрывать их горячими поцелуями.

Это был, быть может, единственный момент беззаветного счастья, который судьба послала на долю князя за все долгое время жалкой, бесплодной, томительной любви.

— Так графиня дозволит представить ей отчет? — спросил он шутливо.

— Ну, давайте считать! — отвечала она ему в тон.

Князь вынул из кармана огромный бумажник и выложил на стол пачку разных процентных бумаг.

Конкордия Владиславовна потянулась к небольшому бюро и, достав из него известное читателям письмо, положила его подле пачки процентных бумаг.

— Я теперь безусловно полагаюсь на вас, — сказала она, — мне не нужна улика. Вот вам письмо! Возьмите его.

Она привстала с кресла и подошла к столу, чтобы взять с него деньги, а князь протянул руку к письму, но оба сразу вздрогнули и опустили руки.

Дверь быстро отворилась.

На ее пороге появился Евгений Игнатьевич.

Прошло полгода со дня его женитьбы, и он еще ни разу не входил в эту пору в будуар своей жены.

— Здравствуйте, душа моя, — сказал он Конкордии Владиславовне. — А, и вы здесь, Сергей? Я вбежал так стремительно, потому что со мной случилось происшествие, и настолько серьезное, что я оставил, как видите, работу.

Говоря это, он подходил все ближе к столу.

Лицо князя покрылось синеватой бледностью.

Конкордия Владиславовна, в свою очередь, была сильно взволнована, но еще сохранила остаток осмотрительности и прикрыла процентные бумаги батистовым платком.

Но платок, к сожалению, был очень мал, а пачка довольно объемиста.

Бехтеев поставил шляпу и хотел было сесть, но при этом движении глаза его упали на жену и князя.

Его поразило смущение их обоих.

— Да что с вами случилось? — спросил он с изумлением и взглянул в то же время инстинктивно на стол.

Ему бросилась в глаза пачка процентных бумаг, выглядывавших из-под платка.

Он вдруг страшно побледнел.

Зрочки его заискрились.

— Презренные! — вскричал он. — Я теперь убедился, что мне сказали правду. Бессердечные люди, вы меня обесчестили.

Он кинулся к жене и схватил ее за руку.

— Говорите немедленно... Зачем здесь эти деньги?

Ее зубы стучали от внезапного испуга. Ее ошеломило также непредвиденное сцепление неудач. Ее страшная наглость как будто бы смирилась под железной рукой, сжимавшей ее руку. Она только испуганно глядела в глаза мужа и шепотом повторяла:

— Пощади, Евгений.

— Вы просите пощады, значит, вы сознаетесь, что вы виноваты передо мной! Вы меня опозорили! Вот этот человек, — он указал на князя, — ведь это ваш любовник?

И князь, и Конкордия Владиславовна сделали жест протеста, но Евгений Игнатьевич не обратил на это внимания.

— Презренный негодяй! — обратился он к князю Осокину. — Я теперь понимаю, для чего ты старался устроить этот брак. Я должен расплатиться за твои заботы. Возьми же, получи!

Не помня себя от гнева и отчаяния, Бехтеев кинулся к князю и дал ему пощечину, взглянул ему в глаза и дал вторую.

Обернувшись стремительно к жене, он крикнул ей повелительно:

— Между нами все кончено! Убирайтесь отсюда навсегда и немедленно...

Неожиданность взрыва и смелость оскорбления жестоко потрясли всю нервную систему несчастного князя Сергея Сергеевича.

Он упал в кресло и, стиснув крепко голову обеими руками, застыл в этой позе неподвижно.

Но натура Конкордии Владиславовны была совершенно отлична от натуры князя Осокина.

Ее адская гордость проснулась.

Это было, впрочем, единственное чувство, которое жило, действовало в ней в этот страшный момент.

— Вы меня выгоняете! — крикнула она. — Это довольно оригинально. Я должна поневоле поставить вас в известность, что все, что вы здесь видите, все это — моя собственность.

Евгений Игнатьевич почувствовал, что у него подкашиваются ноги.

Он опустился в кресло.

Циничное возражение сорвало сразу завесу, под которой скрывалась личность его жены.

Он отступил перед страшной действительностью.

— Боже мой! Он был прав! — тоскливо произнес он, роняя голову на дрожащие руки.

Картина была достойна кисти талантливого жанриста.

Конкордия Владиславовна, видимо, бравировала перед мужем. Она уже успела совладать со своим страхом и, кажется, решила отстоять свое положение при помощи дерзости. Она грациозно выпрямила свой стройный стан. Все ее существо выражало холодную, спокойную энергию. В лице уже не было ни мольбы, ни смущения, никакого проявления нечистой совести.

Она посмотрела с презрением на мужа и заговорила твердым голосом, в котором слышались металлические ноты:

— Да, вы здесь у меня. Я купила все это на собственные деньги. Я, право, не желала давать вам это почувствовать, но так как вы решились говорить со мной повелительным тоном, то я должна поставить вам это на вид.

Он не имел сил вскочить при этом хладнокровном и наглом оскорблении и только отвечал с рыданием в голосе:

— Вы меня обманули! Вы меня опозорили!

Конкордия Владиславовна вообразила, что ее муж уже освоился со своим положением, и, подойдя к нему, провела рукой по волосам и сказала ему нежно, но твердо:

— Вы оскорбили вашего зятя, которому обязаны многим и многим. Вы поступили безрассудно, друг мой, и совершили в своем неосновательном, но искреннем отчаянии безумный поступок относительно князя.

Он оттолкнул ее.

— Ага, вы так думаете! — воскликнул он в ответ. — Вы в самом деле полагаете, что я ограничусь этим исходом. Но вы увидите, что я отлично понимаю, что моя роль не кончена.

Он стремительно встал и подошел к князю Сергею Сергеевичу.

Конкордия Владиславовна испуганно отступила.

— Князь Осокин, — начал хладнокровно Бехтеев, — вы отравили мое настоящее и испортили будущее. Вот она мне напомнила, что вы были моим зятем, — он указал глазами на жену. — Дело теперь не в этом. Я хочу еще верить, что вы не подлец. Я вас оскорбил в пароксизме запальчивости, но я теперь спокоен и оскорбляю вас совершенно сознательно.

Он снял с левой руки перчатку, измял ее и бросил в лицо князя.

При этом предумышленном ужасном оскорблении князь Сергей Сергеевич подпрыгнул как раненый лев и, сжав кулаки, занес их было над головой Бехтеева, но в то же мгновение эти мощные руки внезапно опустились. Князь тяжело вздохнул и спокойно сказал, обращаясь к Бехтееву:

— Мои секунданты будут завтра у вас!

— Я буду их ждать, — отвечал Евгений Игнатьевич, — а теперь удалитесь! Мне нужно объясниться наедине с моей женой.

— Я, кажется, довольно ясно сказала, что я здесь у себя, — заговорила Конкордия Владиславовна, — и не позволяю вам отдавать приказания.

— И вы, конечно, — хладнокровно отвечал ей муж, — пожелаете подтвердить свои права перед лицом полиции.

Она не отвечала.

Князь Осокин в это время подходил к дверям.

— Вы позабыли деньги! — крикнул ему Бехтеев.

Но князь не обернулся. Он вышел ровным шагом. Лицо его было спокойно и бесстрастно.

ХІІІ

Евгений Игнатьевич Бехтеев бросился к столу, где лежали процентные бумаги, но Конкордия Владиславовна прыгнула с легкостью кошки и закрыла их обеими руками.

— Вы, надеюсь, не думаете, что я допущу вас удержать эти деньги, — сказал он ей.

— Не смейте их трогать! — воскликнула она. — Это положительный грабеж! Эти деньги мои!

Он взглянул на нее с беспредельным презрением.

— Ваш порыв опрометчив! — хладнокровно отвечал он. — Если во мне таилась искра привязанности к вам, то и она потухла. Тем лучше, так как не нужно будет выдерживать борьбы. Но я тем не менее не дам вам воспользоваться этими деньгами.

Он отвел ее руки и, овладев билетами, направился к окну.

Конкордия Владиславовна попыталась остановить его, но он оттолкнул ее движением полного отвращения.

В ней наконец проснулось чувство стыда. Она вдруг поняла всю низость своей роли и, оставив мужа, скорее упала, нежели села на диван.

Графский переулок, куда выходили окна будуара, не особенно люден. Бехтеев распахнул окно и бросил пачку бумаг на улицу.

Конкордия Владиславовна испустила крик гнева и отчаяния.

Евгений Игнатьевич закрыл окно и подошел к дивану, на котором полулежала его жена, задыхавшаяся от сдержанных рыданий.

— Ну-с, я теперь готов приступить к разговору! — объявил он ей.

Его руки дрожали, но лицо было совершенно спокойно.

— Евгений! — проговорила с усилием Конкордия Владиславовна. — Между нами все кончено! То, что вы сейчас сделали...

— Да, вы не ошибаетесь, между нами все кончено, — ответил он спокойно и решительно.

Ее оскорбило его равнодушие к предстоящей развязке.

— Так вот чем разрешилась вся ваша любовь, — сказала она.

— И вы еще решаетесь взывать к этому чувству, — заметил строго Бехтеев. — Я, впрочем, не желаю возвращаться к прошедшему. Я начал разговор, чтобы сказать только то, что считал нужным поставить вам на вид. Это будет последний разговор между нами.

— Говорите, я слушаю, — отвечала она серьезно и бесстрастно.

Но прежде чем описывать последнюю беседу Конкордии Владиславовны с ее мужем, вернемся к событиям, подготовившим эту мрачную сцену раздора и разрыва.

.....
За час до того времени, как Бехтеев вошел в бу-
дуар своей жены и встретил там князя Сергея Сергее-
вича, он шел из мастерской к одной барыне, с кото-
рой он писал в то время портрет.

На углу Большой Конюшенной и Невского он
столкнулся с Иосифом Самсоновичем Грюнбергом, ко-
торого не видал уже давно.

— Грюнберг! — воскликнул он с непритворной ра-
достью. — Куда ты так спешишь! Хорош ты, нечего
сказать, не вспомнишь даже, что тебя ждут с нетерпе-
нием и что ты для нас самый приятный гость. Ты
просто не поверишь, как я рад нашей встрече.

Но Иосиф Самсонович очень холодно пожал ему
руку и сказал церемонно:

— Я тоже рад вам, граф.

— Граф! — повторил Бехтеев. — Что за глупое
слово! Да вы сердитесь на меня, что ли, Грюнберг?

Литератор промолчал.

— Вы не шутя чем-нибудь недовольны! — воск-
ликнул Евгений Игнатьевич. — Но чем? Я и не при-
думаю. Объясните, Грюнберг, если я дал вам повод
быть на меня в претензии. Я вас очень люблю и ува-
жаю. Я всегда дорожил вашей дружбой ко мне.

— Я на вас не в претензии, — сказал сухо Грюн-
берг. — Я вас называю титулом, на который вы име-
ете право. Все это очень просто.

— Это вовсе не просто, — возразил Бехтеев. —
Мы были постоянно друзьями и товарищами.

— Ну, да, были когда-то, — отвечал литера-
тор, — когда оба нуждались и работали. Я остался
чем был, но вы — другое дело.

— Но я тоже тружусь и нуждаюсь по-прежнему.

Иосиф Самсонович пожал плечами.

— Между нами исчезло и равенство труда, и ра-
венство бедности, — пояснил он Евгению Игнатьевичу.

— Но я вас уверяю, что оно существует, — горя-
чо сказал Бехтеев.

— Нет, я вам не товарищ, и затем извините, я сильно тороплюсь, а поэтому прощайте...

В тоне, которым были сказаны эти слова, слышалось нескрываемое презрение.

Евгений Игнатьевич схватил его за руку.

— Послушайте, Грюнберг! — решительно сказал он. — Сегодняшняя встреча дала мне понять, что вы переменяли то хорошее мнение, которое имели обо мне и изменить которое я не подал вам повода. Прошу вас убедительно, во имя прежней дружбы, объяснить мне сегодня же с полнейшей откровенностью, что заставило вас изменить отношения, в которых мы находились так долго друг к другу?

Грюнберг быстро и зорко взглянул ему в глаза. Он, казалось, хотел проникнуть в сокровенную глубину его мысли, но Бехтеев выдержал этот пытливый взгляд. Он только с изумлением посмотрел на товарища. Литератор задумался и, помолчав минуту, отвечал очень резко:

— Ага! Так вы хотите от меня объяснения. Запаситесь же мужеством. Я, пожалуй, способен исполнить вашу просьбу.

— Я только этого и хочу и буду вам глубоко благодарен.

— Так вот это объяснение, и оно вполне искренно: вы сами говорили, что не имеете теперь никакого состояния...

Он остановился.

— Да, это верно! — сказал Евгений Игнатьевич.

— Вы недавно женились на хорошенькой девушке, за которой не взяли никакого приданого. Зарботок ваш, как известно, не особенно велик.

— Все это справедливо, — перебил Бехтеев, — но я не понимаю, к чему нас приведет такое перечисление.

— Вы наняли роскошную квартиру, — продолжал Грюнберг. — Жена ваша одета с княжеской роскошью, ее туалеты стоят громадных денег. Она разъезжает в экипажах князя Осокина, является в театрах в сопровождении князя... Князь сделался у вас безвыходным гостем.

— Но Сергей — мой зять, — заметил Бехтеев.

— Да, это мне известно, но он почему-то сделался к вам со дня вашей женитьбы уж чересчур родственно нежен, тогда как прежде был с вами едва знаком...

Мне нет, конечно, дела до ваших отношений, но я разделяю общее мнение, что ваша женитьба обогатила вас довольно странным образом. Ваша жизнь обставлена слишком роскошно. Я никак не могу быть вашим товарищем... Предположите просто, что я вам завидую... и порвем отношения.

— Грюнберг, Грюнберг! — проговорил Евгений Игнатьевич. — Все, что я теперь слышу, действительно ужасно!

Лицо Бехтеева было мертвенно-бледно. Он дрожал от волнения и сдерживаемого гнева. Горячие слезы подступили к его глазам. Он сдержал их с усилием и снял свою судорожно трепетавшую руку с руки литератора.

— Все это ложь, Грюнберг! — продолжал он с убеждением. — Обо мне почему-то находят удовольствия распускать разные небывальщины! Бог видит, это ложь! Горе тем негодяям, которые дерзнули бесславить таким образом мое доброе имя!

Отчаяние Евгения Игнатьевича было настолько искренно, что вызвало даже сочувствие Иосифа Самсоновича.

— Я жалею вас, — заявил он ему. — Если я сказал вам что-нибудь оскорбительное... — поспешил он добавить.

— Нет, я вам благодарен за ваши сообщения, — отвечал Бехтеев. — Прощайте до возможности убедить вас не словами, а фактами, что я остался беден... и честен, как прежде...

Он вежливо поклонился Грюнбергу и быстрыми шагами отправился к себе домой.

Мы знаем, что произошло там.

Конкордия Владиславовна и Евгений Игнатьевич сидели в положении двух бойцов, ожидающих условного знака, чтобы схватиться друг с другом.

В глазах жены светилось любопытство, не чуждое злорадства и отваги. На бледном лице мужа было выражение угрозы и холодной, нескрываемой решимости.

Она вдруг протянула руку к электрическому звонку.

Бехтеев привстал и схватил эту руку.

— Да вы еще способны прибегнуть к насилию! — воскликнула она.

— О! — сказал он с презрением. — Вы хотели

позвать сюда ваших слуг и послать их на улицу подобрать ваши деньги. Но я сказал вам раз навсегда, что не допущу вас воспользоваться ими.

— Эти деньги мои, — возразила она, задыхаясь от бешенства, — и подобный поступок — величайшая низость.

— Вы так полагаете? — отвечал он насмешливо. — Как же мне после этого назвать ваши поступки относительно меня?

Она поняла, что ей не победить упрямства мужа.

Она плотно прижалась к спинке дивана и сказала язвительно:

— Вы стоили мне не дешево...

— Стыдитесь! — возразил презрительно Евгений Игнатьевич. — Чем потеря значительнее, тем она мне приятнее. Вспомните, наконец, что вы меня покрыли позором... Я мог пережить и труд, и лишения, и все, кроме презрения честных людей! Оно мне не по силам. — Он остановился перевести дух.

Она молчала.

— Я не люблю вас больше, — продолжал он мрачным голосом. — Это чувство исчезло в ту именно минуту, когда с ваших губ сорвалась последняя фраза. Я любил вас еще, когда вышел Сергей, хотя во мне созрело уже тогда решение разорвать навсегда наш несчастный союз... Я не желаю лгать, я страдал бы жестоко от этого разрыва. Благодарю вас! Вы облегчили мне мучения разлуки... Эта горькая чаша пройдет мимо меня теперь, когда завеса упала с моих глаз и во мне не осталось к вам ничего, кроме чувства глубочайшего презрения...

Она его слушала с видимым нетерпением. Ей хотелось скорее закончить эту сцену и кинуться за деньгами. Она лелеяла страшную надежду еще найти их. Но она начинала бояться Евгения Игнатьевича. Этот муж, исполнявший беспрекословно ее волю, относившийся к ней с беспредельным доверием, перешел теперь в роль ее судьи и повелителя.

В ее памяти проносились их длинные прогулки до замужества, убеждения, которые он высказывал задолго до их свадьбы, его уклонения совершить этот шаг без тщательной проверки ее прошлого.

Ей припомнилось многое, позабытое ею в эти полгода, которые он провел у ее ног, покорный и влюбленный, как и все ее поклонники. Суровая действи-

тельность рассеяла туман и показала вещи в их настоящем свете. Бехтеев прозрел, а жена увидела в нем другого человека.

Он показался ей великим и прекрасным. В ней родилось моментально решение пожертвовать деньгами и оправдать себя в глазах мужа.

«Я сумею вернуть его чувство к себе, — подумала она, — а князь Осокин, конечно, заплатит мне убытки».

Эта мысль вернула ей самообладание. Она подняла свои прекрасные глаза. Две слезинки скатились с ее длинных ресниц.

— Ты судишь меня слишком строго, Евгений! — произнесла она.

Он вздрогнул при звуке этого голоса, но не слышал отчетливо слов.

Он понял только то, что она перестала угрожать и бравировать, и снова погрузился в свои безотвязные, тяжелые думы.

— Да, — сказал он отрывисто, — я ломал часто голову, добираясь до смысла странных улыбок, которыми встречали меня довольно нередко в обществе; меня удивила холодность со стороны моих прежних товарищей, я ее принимал просто за чувство зависти, но теперь я все понял. Это было презрение! Да, — слышите вы, что ли? Это было презрение.

— Я, право, не совсем понимаю, Евгений, — прошептала она.

— А! Вы не понимаете, что я унижался пять лет, работая, как поденщик, и боролся без устали, чтобы сберечь незапятнанным мое доброе имя, и был побежден, почти у самой цели, вашей двуличностью. Свет не может поверить, чтобы граф, растратив свое состояние, мог себе проложить дорогу к независимости одним дарованием и личным трудом. Он не хочет и думать, чтобы тут не замешалась какая-нибудь низость, и если при этом является повод...

Бехтеев вскочил и подбежал к жене с сжатыми кулаками.

— И что меня удерживает уничтожить тебя, презренное создание! — воскликнул он в порыве безумного отчаяния.

Она подняла на него глаза, полные слез.

— Что же, убейте меня, — отвечала она с покор-

ностью. — Отчего же вы медлите? Смерть несравненно легче, чем ваши оскорбления.

Он быстро отступил и тяжело опустился в свое кресло.

XIV

Конкордия Владиславовна воспользовалась минутой затишья и сказала печально и кротно мужу:

— Я была виновата, потому что боялась нужды за тебя... Князь отказался принять от меня деньги. Что же мне оставалось?... Сжечь эти процентные бумаги! Но князь дал слово удостоверить тебя, что он получил всю сумму обратно. Это был только подарок, клянусь тебе, Евгений! Я думала о будущем, мне приходило в голову, что, когда твой талант обеспечит нас более положительным образом, мы можем всегда...

— Не лгите! — перебил ее запальчиво Бехтеев. — Если бы даже ваша вина вытекла действительно из этого источника, я все-таки остался бы в роли нагло обманутого. Но все это неправда... Вы гораздо хуже... Вы просто продавались этому старику.

— Я тебе сказала правду, клянусь тебе, Евгений!

Он вскочил с места и направился к выходу.

Дойдя до порога, он обернулся к ней и сказал с холодной и настойчивой решимостью:

— Вы меня обесчестили! Я вам предоставляю полнейшую свободу. Прощайте...

— Евгений, сжался... Евгений! — умоляла она.

— Будьте прокляты!..

Когда его шаги затихли в отдалении, Конкордия Владиславовна крепко стиснула обеими руками пылающую голову.

— Да, теперь все пропало, навсегда, безвозвратно! — прошептала она. — Его чувство исчезло... Нельзя отвергать, что в жизни бывают роковые минуты...

Она задумалась. Бледное лицо ее загорелось румянцем.

— Во мне совершается что-то необъяснимое! — сказала она. — Мое сердце сжимается опять тем же тоскливым и непонятным чувством, которое, бывало, охватывало душу во время наших встреч с ним в Александровском саду. Что это за чувство? Неужели

любовь? Нет, это невозможно! Я его ненавижу! И он решается еще говорить о бесчестии? Понимает ли он великое значение этого слова? Он писал картины, чтобы сберечь свое имя от всякого пятна, он принес ему в жертву только время и труд! Но я ему пожертвовала спокойствием совести, я даже не задумалась совершить преступление, чтобы сберечь незапятнанную чистоту репутации.

Она подошла к окну, в которое ее муж за четверть часа времени бросил весь ее капитал, и отворила его.

Внимательно оглядев переулочек, она убедилась, что процентные бумаги уже подобраны кем-то из прохожих.

На ковре лежало немного облигаций, которые Евгений Игнатьевич обронил второпях, высвобождая деньги из рук жены.

Конкордия Владиславовна наклонилась к этим жалким остаткам своего капитала, но в эту же минуту ей вспомнилось письмо, которое князь Осокин не успел захватить.

Она стала искать его с лихорадочной торопливостью, но все поиски ее остались без успеха.

Собственноручное сознание князя в убийстве жены перешло в те же руки, в которые попали и процентные бумаги.

Начинало смеркаться.

— Странное дело, — шептала она, — муж мой обвинил меня в том поступке, в котором я не была виновата.

Евгений Игнатьевич Бехтеев между тем нервной походкой взбирался по лестнице мебелированного дома «Пале-Рояль» на Пушкинской улице, где жил Иосиф Самсонович Грюнберг.

Последний только что сел за письменный стол, закурил папиросу и, откинувшись в кресле, стал думать о статье, которую готовил к следующему дню.

Быстро отворенная без всякого стука дверь номера заставила его обернуться.

Перед ним стоял Евгений Игнатьевич.

— А, это вы, граф! — сказал ему Грюнберг с преувеличенною вежливостью. — Чем могу вам служить?

Вся фигура Бехтеева изобличала сильное душевное волнение.

Он даже не заметил, очевидно, холодности приема и бросился в кресло так же бесцеремонно, как и в былое время.

— Грюнберг, ты был прав, — сказал он отрывисто, — моя жена действительно презренное создание.

Иосиф Самсонович невольно вздрогнул.

— Что у вас случилось?

— Я пришел к убеждению, что она опозорила мое доброе имя... Не жди от меня подробных сообщений. Я много тебе обязан, ты вывел меня из моей непростительной, нелепой апатии.

— Я... — перебил Грюнберг. — Вы, значит, возлагаете на меня всю ответственность в этой семейной распри.

— Нет, я благодарен тебе от всей души, Грюнберг, и эта благодарность подтверждается фактом. В эту минуту скорби, которая разбила мою душу и жизнь, я обращаюсь к тебе, благородному другу незабвенного прошлого, когда я боролся с нуждой и трудился, но был уважаем за честность моих поступков. Я прошу тебя не требовать от меня объяснений и оказать мне просто серьезную услугу, не ставя мне в условие рассказать тебе все подробности моей семейной драмы. Мне было бы тяжело передать их тебе — рана слишком свежа! Но я тебе клянусь, что все твои опасения относительно моей честности были неосновательны! Моя совесть свободна от всякого упрека!

Вся эта речь дышала такою искренностью, что Иосиф Самсонович быстро протянул ему руку.

— Я верю тебе вполне.

— Я час тому назад нанес оскорбление действием князю Осокину, и дуэль неизбежна. Он не дальше как завтра пришлет секунданта. Мне также нужны секунданты, но я не решился просить этой услуги ни у кого из тех, с которыми сблизился после моей женитьбы. Я боялся отказа. Я не переступлю порога того дома, где мы жили с женою. Я теперь одинок и беден, как прежде, или, лучше сказать, я остался совершенно без средств. согласишься ли быть моим секундantom? Позволишь ли переночевать у тебя? У меня нет квартиры, я брошу и мастерскую, за нее платились общие деньги. Отыщешь ли ты в кругу своих знакомых второго секунданта, который решился бы принять на себя эту роль, не зная ни меня, ни причины пое-

динка? Готов ли ты сам, во имя нашей дружбы, помочь мне отстоять мое доброе имя?

— Да, и от всей души. Но и я, в свою очередь, прошу тебя, Бехтеев, простить мне также искренно за то, что я нарушил твой душевный покой и отравил невольно твое счастье!

— Мое счастье, — перебил Евгений Игнатьевич. — Да разве позор можно назвать счастьем? А ты меня спас от дальнейшего позора!

— Увы! — отвечал печально литератор. — Это еще вопрос, и ты его решил слишком быстро.

— Ты хочешь сказать, что я не переделаю общественного мнения и что огласка не вызовет в нем веры в мою безукоризненность. Ну, и пусть их не верят! Я же, по крайней мере, останусь при сознании, что я поступил как честный человек. Надо, однако, приниматься за дело. Садись и пиши князю Осокину: Галерная, собственный дом, что ты будешь ждать его секундантах завтрашний день до шести часов вечера. Они могут искать и не найти меня, и князь будет вправе обвинять меня в трусости.

* * *

Прошло семь часов, когда Осокин, вызванный запиской Конкордии Владиславовны, вошел в ее гостиную.

Гнев, страх и волнение положительно охватили, как лихорадкой, молодую женщину.

Князь еще не успел переступить порога, как она закричала:

— Он дал вам две пощечины, ведь вы убьете его?

— И брата и сестру? Это было бы ужасно! — сказал князь Сергей Сергеевич.

— Как! Вам нанесли такое оскорбление, и вы после этого решаетесь говорить...

— Я убийца его сестры! — перебил он ее.

— Он этого не знает! — возразила она.

— Конкордия Владиславовна, — сказал князь, — вы ужасная женщина. Вы вызвали меня на это преступление, и я не знаю с тех пор ни минуты покоя. Вы с полным бессердечием разбили мне жизнь.

— А вы все меня любите?..

— Я этого не знаю! — ответил задумчиво князь.

Она невольно вздрогнула.

— Да, — продолжал князь Осокин, — я понял

слишком поздно, что вы руководились только низменным расчетом: я был для вас орудием к достижению цели. Вы истощили все, что во мне осталось, — здоровье и силы. Я был крепок и бодр, когда встретился с вами, прошло немного времени, и я стал стариком. Я сам теперь раскаиваюсь в моей прежней покорности вашему произволу. Я не возьму на совесть второго преступления. Я пошлю к Евгению своих секундантов, и мы будем стреляться, но в моей душе нет ни вражды к нему...

— Ни любви ко мне! — закончила Конкордия Владиславовна.

— Пожалуй, вы правы, но это охлаждение не предвещает доброго. Я ощущаю здесь, — он указал на грудь, — что-то невероятное, томительное присутствие пустоты. Пощечина Евгения пробудила во мне только чувство боязни за мнение общества, но мое самолюбие не забило тревоги, ничто во мне не отозвалось на это оскорбление. Во мне замерло все, кроме чувства раскаяния.

Станишев прервал эту грустную исповедь наболевшей души. Он был сильно сконфужен, и в нем не было тени его прежней застенчивости, но князь и Конкордия Владиславовна были слишком расстроены, чтобы обратить внимание на эту перемену.

— У меня куча дел, но я тем не менее поспешил явиться по вашему призыву! — заявил он Бехтеевой. — Биржевой крах окончательно разорил меня.

— У нас произошел громадный скандал, — объяснила Конкордия Владиславовна.

— Ага! Ну, и что же? — спросил равнодушно Григорий Константинович.

Холодность его тона поразила молодую женщину.

Второй ее поклонник хотел, очевидно, последовать за первым.

Она побледнела.

— Я рад вас видеть, Грегуар, — сказал ему князь Осокин. — Я буду, вероятно, стреляться с Бехтеевым и вполне убежден, что вы не откажете быть моим секундантом.

— Без всякого сомнения, — отвечал Станишев, — я не давал вам повода думать обо мне иначе.

Конкордия Владиславовна, сидевшая задумчиво поодаль, быстро поднялась с места и подошла к дверям.

Князь и Станишев не сказали ей ни слова.

Рука ее судорожно подняла портьеру.

Она остановилась в нерешительной позе, как будто собираясь что-то сказать, но, видимо, передумала и молча удалилась из гостиной.

Князь Осокин остался наедине с Станишевым.

— Так вы не на шутку стреляетесь с Бехтеевым? — спросил его Григорий Константинович.

— Конечно, не на шутку.

— Что заставляет вас прибегнуть к такой крайности?

— Он меня оскорбил.

— Что вызвало его на это оскорбление?

— Он увидел здесь деньги и, конечно, подумал, что я без его ведома подарил их Конкордии.

Станишев побледнел.

— Он вообще уклонялся от моих одолжений, а тут еще вдобавок ему врезалось в голову, что я ее любовник.

— А вы не были им?

Князь грустно улыбнулся.

— К чему этот вопрос? Вы знаете Конкордию. Мне даже не пришлось поцеловать ее руки со дня ее замужества.

— А что он сделал с деньгами?

— Он выбросил их в окно... Их подобрал, конечно, какой-нибудь бедняк. Я радуюсь при мысли, что они облегчили чью-нибудь нужду.

— И много было денег?

— Тысяч шестьдесят в процентных бумагах... но я не понимаю, к чему эти вопросы.

Князь Осокин посмотрел в глаза своему родственнику.

Станишев дрожал от волнения, но замечание князя указало ему всю его опрометчивость.

Он превозмог себя и сказал равнодушно:

— Это дело так странно, что возбуждает невольный интерес.

— Да, я с вами согласен... Оно очень странно.

XV

— Таким образом, ваша дуэль должна состояться на днях? — спросил Григорий Константинович Станишев князя Осокина после небольшой паузы.

— Да, по всей вероятности.

— Но вас могут убить.

— А если бы и так... Моя жизнь куда хуже смерти...

Разговор оборвался. Оба взяли за шляпы и пошли молча к выходу.

Выйдя из подъезда, выходящего на набережную Фонтанки, князь Сергей Сергеевич обратился к Станишеву:

— Грегуар! Поедем прямо ко мне. Я почти убежден, что меня ожидает письмо от Бехтеева.

— Я очень рад... Поедем, — согласился Григорий Константинович.

Они сели оба в ожидавшую у подъезда карету князя Осокина.

Возвратясь к себе домой, князь Сергей Сергеевич прошел вместе с своим гостем в кабинет и провел этот вечер с глазу на глаз с Станишевым.

Он впал в состояние глубокой апатии.

— Я сознаю, Грегуар, — сказал он неожиданно, — что все это заслуженно. Я был очень виновен. О, если бы я мог рассказать вам прошедшее!

Он кинулся с рыданием в объятия Григория Константиновича.

— Я сердечно желаю, — продолжал он, — чтобы Евгений убил меня. Смерть от его руки смягчит мою виновность перед Божьим судом.

Он взглянул на Станишева. Тот еще не успел скрыть насмешливой улыбки. Князь Осокин отшатнулся.

— Вы темный человек, и вы меня пугаете! — сказал он ему. — В вас нет никакого человеческого чувства. Вам даже недоступны угрызания совести.

— Угрызания совести известны только людям, которым приходилось совершать преступления, — отпарировал Станишев.

— А вы способны думать, что образ ваших действий относительно Ольги...

Князь не закончил фразы.

Вошел камердинер.

— Господин Грюнберг! — почтительно доложил он.

— Просить! — кинул ему князь Осокин.

Литератор вошел и поклонился князю с необычайной любезностью.

— Граф Евгений Игнатьевич Бехтеев поручил мне

сообщить вам, что он в моей квартире, Пушкинская, «Пале-Рояль», и ваши секунданты могут застать его до шести часов вечера. Мне, конечно, не нужно прибегать к объяснениям, — добавил Иосиф Самсонович.

— Совершенно не нужно, — сказал князь Сергей Сергеевич.

— Но я счел за лучшее, — продолжал литератор, — явиться к вам лично и предоставить себя в ваше распоряжение.

— Душевно благодарю за такую любезность, — ответил ему князь, — и так как вы желаете этого поединка...

Грюнберг удивился и стал протестовать с большим воодушевлением:

— Не мы его хотели. Это ваше желание, ведь оскорбление было с нашей стороны.

— Да, — отвечал князь Осокин, — вы совершенно правы! Я совсем позабыл.

Он встал с своего кресла.

— Господа, — сказал он, — я вам предоставляю условиться друг с другом... Имею честь представить: господин Грюнберг, секундант графа Бехтеева, — обратился князь к Станишеву. — Григорий Константинович Станишев, мой секундант, — пояснил он Грюнбергу.

Он простился с писателем с утонченной вежливостью.

Подойдя уже к двери, он вдруг остановился.

— Я согласен решительно на все ваши условия, — сказал он равнодушно.

Григорий Константинович Станишев возвратился домой только в полночь.

— Какой счастливый случай, — говорил он сам себе. — Не пройдишь я сегодня мимо окон Конкордии, ведь я был бы теперь ничтожным человеком. А письмо-то, письмо! Ведь это просто перст Божий! Боже мой! Боже мой!.. Как трудно человеку устоять на вершине! И когда же настанет блаженная пора спокойствия и отдыха от всех моих забот.

Он вынул из кармана объемистую пачку процентных бумаг и опустил ее в стол.

Из кармана же он вынул исписанный лист почтовой бумаги и положил его немедленно в конверт.

Затем он написал имя Бехтеева и адрес Грюнберга.

Закончив это занятие, он вышел на улицу и опустил письмо в ближайший почтовый ящик.

Возвратившись домой, он поспешил раздеться и уснул крепким сном человека, живущего в ладу с своею совестью.

Дуэль состоялась в назначенное время.

Она происходила за Новой Деревней, на берегу Черной речки.

Евгений Игнатьевич выстрелил первый.

Пуля пролетела, не коснувшись противника.

Он отнесся спокойно к своей неудаче.

Дружелюбно простившись глазами с Грюнбергом, он стал ожидать ответного выстрела.

Князь Осокин стал прицеливаться.

Лицо его было неподвижно и мрачно.

Он метил, очевидно, в грудь Бехтеева, но вдруг быстрым движением повернул дуло пистолета вверх и выстрелил в воздух.

Лицо Евгения Игнатьевича покрылось мертвенной бледностью.

Он подозвал Грюнберга и сказал ему на ухо несколько слов. Иосиф Самсонович махнул рукой Станишеву.

Григорий Константинович понял знак, и они оба отошли на несколько шагов.

Вторые секунданты — репортер одной газеты со стороны Бехтеева и какой-то приятель Станишева со стороны князя Осокина и присутствующий доктор не шевельнулись с места.

Совещание длилось две-три минуты.

Грюнберг говорил с большим воодушевлением. На губах Григория Константиновича мелькнула улыбка. Затем оба они поклонились друг другу и молча возвратились: Грюнберг к Бехтееву, а Станишев к князю.

Наступила минута глубокого молчания.

Сергей Сергеевич и Евгений Игнатьевич стояли на расстоянии пятнадцати шагов.

Новое соглашение секундантов предоставляло им полнейший произвол стрелять, не дожидаясь никакого сигнала.

Евгений Игнатьевич стал целиться.

— Вы дали мне пощечину, граф Бехтеев, — сказал глухо князь Осокин, — но я не имею к вам ни малейшей вражды. За что ненавидите вы меня с таким ожесточением?

Он говорил вполголоса, но они находились так близко друг от друга, а тишина была настолько глубока и настолько торжественна, что все могли расслышать эти слова князя.

Бехтеев отвечал:

— Я мщу за мою оскорбленную честь, и... вспомните уж, кстати, и про вашу жену.

Воздух дрогнул от выстрела.

Князь Сергей Сергеевич без стона свалился на землю.

Секунданты столпились вокруг него, чтобы подать ему помощь, но он махнул рукой.

Они отошли.

Он позвал Евгения Игнатьевича.

— Граф, — сказал он слабеющим голосом, — вы убили меня, но я вас не виню. Я признаю себя достойным наказания. Вы, однако, не знали, что я был убийцей вашей сестры.

Бехтеев отвечал:

— Я этого не знал до вчерашнего дня, но вчера мне принесли ваше письмо к Конкордии Владиславовне, в котором вы сознаетесь, что убили вашу жену, чтобы доказать любовь к Конкордии Владиславовне.

Князь глухо простонал и закрыл глаза. На его лице отразилось жгучее душевное страдание. Такое предательство со стороны Конкордии Владиславовны и в такую минуту переполнило его сердечные муки.

— Это другое дело, — отвечал он с усилием, — вы были в полном праве ненавидеть меня... Я был в недоумении... Я признавал себя вполне невиновным относительно вас. Я вам желал добра, а в последнее время я начал вас любить...

С ним сделался припадок жестокого удушья.

— Берегитесь, Станишев! — шепнул он слабым голосом и потерял сознание.

Григорий Константинович подбежал и поддержал заботливо голову князя, но сквозь эту заботливость просвечивала радость.

Он был не в силах скрыть, что очень доволен исходом поединка.

Доктор наскоро сделал перевязку.

Бесчувственного князя положили в карету и повезли на Галерную улицу.

Бехтеев с Грюнбергом и вторым секундантом князя поехали в Петербург.

Рана была опасна, и положение больного было почти безнадежно. Князь был ранен в грудь. Выздоровление больного зависело, по мнению доктора, только от случая.

Одно только счастливое стечение обстоятельств могло помочь князю Осокину поправиться после раны, но оно не предвиделось в данный момент.

В том и другом случае он был осужден на весьма продолжительные и сильные страдания.

Ему был предписан безусловный покой. Доктор запретил допускать в его комнату самых близких друзей. К вечеру состояние больного ухудшилось. Князь начал сильно бредить и после этого впал в глубокое беспамятство.

Убедясь в бессознательном положении князя, Станишев оставил его на попечении слуг, которым сказал, что князь ранен случайно на охоте, и поспешил на Фонтанку, к графине Конкордии Владиславовне Бехтевой.

— Князь Осокин умирает! — объявил он ей без всяких предисловий.

— А Евгений? — перебила торопливо она.

— Здоров и невредим! — успокоил ее Станишев.

— Жаль! — сказала она и слегка призадумалась.

— Как? — спросил он ее. — Вы недовольны тем, что он остался жив?

— Да... Это, к сожалению, совершенно естественно. Если бы он был убит, я бы могла начать совсем новую жизнь, здесь или в другом месте. Между тем как теперь...

Она остановилась, взглянула на Станишева и сказала с досадой:

— Никто из вас не понимает меня и не поймет никогда, а у меня, однако, чисто мужской характер.

— Я тоже эгоист, — заметил Григорий Константинович, — но мой эгоизм пасует перед вашим... Я даже никогда не думал, что он может достигнуть подобных размеров.

— Он велик, это правда, но у меня есть взамен то, чего вы не найдете в другой женщине: я строго отношусь к делу своей собственной чести.

— Неужели? — язвительно спросил Станишев.

— Да, меня пугает возможность потерять уважение света, а наш разрыв с мужем, конечно, вызовет толки.

— Я, право, начинаю бояться вас, Конкордия Владиславовна, — сказал Григорий Константинович.

Она не обратила внимания на его слова, встала с дивана и протянула ему руку.

— Благодарю вас за сведения. Мы увидимся завтра.

Он пожал ей руку и сейчас же ушел.

«Она будет моей, — думал он. — Мне нужно только сделаться богатым человеком, а это обогащение невысказанно без Ольги. Доход с двух миллионов... этого мало... Надо решиться... Тут препятствие... Но это пустяки. Так или иначе, а мысль послать письмо была весьма удачна! Не прочти он его, его выстрел, пожалуй, не был бы так меток».

Станишев возвратился в квартиру князя Сергея Сергеевича Осокина и занял свой прежний пост у постели раненого.

XVI

Первым чувством Евгения Игнатьевича Бехтеева при падении князя Осокина было желание тотчас же удалиться с места поединка.

Он нехотя исполнил просьбу своего зятя и, выслушав его, не замедля ни секунды, отправился в Петербург. Его ненависть к князю была еще во всей своей силе. Он видел в нем по-прежнему любовника жены и убийцу сестры.

Несколько дней спустя ему удалось отыскать небольшую комнату на Пушкинской, на самом верху чуть ли не шестиэтажного дома.

Он простился с Грюнбергом и устроился в ней без удобств и без средств.

Его жизнь была, безусловно, разбита. Общественное мнение было против него. Его разрыв с женой, дуэль с князем Осокиным, о которой в общество проникли смутные слухи, бросили на него неблагоприятный свет. Некоторая известность Бехтеева усилила огласку. О нем толковали не только в великосветских гостиных столицы, где его знали как графа и бывшего богача, но и во всех концах Петербурга, где его знали как художника.

Он был обесславлен, без поддержки, без средств. За мрачным настоящим глядело ему в глаза долгое, безотрадное будущее. Им овладело чувство безумного отчаяния. Но его энергический решительный характер взял верх над минутной слабостью и заставил его отнестись хладнокровнее к своему положению.

Бехтеев при посредстве Грюнберга получил работу при нескольких иллюстрированных изданиях, работу, оплачиваемую грошами, но все же дававшую возможность существовать честным трудом.

Жизнь князя Сергея Сергеевича Осокина висела между тем положительно на волоске от смерти. Его крепкое сложение боролось энергично с непрерывными переходами от худшего к лучшему, которые грозили внезапным удушением или предвещали счастливый исход. Он был окружен неусыпной заботливостью многочисленных слуг, но подле него не было ни друга, ни родного.

Несмотря на ужасный упадок сил, физических и нравственных, он думал постоянно о своем одиночестве, и оно мучило его невыносимо. Конечно, очень многие из знакомых являлись и оставляли карточки, но князь понимал, что эти посещения делались единственно из приличия. Все это совершалось без участия сердца.

Даже Конкордия Владиславовна, присылавшая прежде каждое утро узнавать о больном, начала, очевидно, забывать о нем. Приход ее прислуги в дом князя внезапно прекратился. Один только Станишев ухаживал за князем с неусыпной заботливостью, которая бы вызвала удивление всякого, кто знал его испорченность и эгоизм.

Просыпаясь, князь Осокин находил его у своего изголовья, так как Григорий Константинович совершенно перебрался в дом больного.

В первые дни болезни князь относился довольно недоверчиво к этим проявлениям душевного участия, но заботы Станишева, его предупредительность, видимое облегчение вследствие внимательного ухода и попечения невольно усыпили подозрение Сергея Сергеевича. Он стал верить сочувствию этого человека, который был осыпан его благодеяниями. Больной проводил дни в постоянной дремоте.

Конкордия Владиславовна представлялась редко его

воспоминаниям. В первые дни болезни он горько улыбался, когда ему докладывали, как о какой-то радости, что графиня прислала проведать о его здоровье. Когда эти доклады внезапно прекратились, он долго не замечал этого перерыва.

Все заботы князя Сергея Сергеевича обратились на Евгения Игнатьевича. Он постоянно спрашивал, не был ли Бехтеев, не присылал ли он?

Он начал часто упоминать об Ольге.

Он был любезен со Станишевым и обращался с ним с дружелюбною короткостью, но в беседах их не было никакой задушевности.

Наступил конец августа, и в положении князя произошло заметное изменение к лучшему. Больной продолжал находиться в опасности, но доктор рассчитывал на хороший исход. Услышав о возможности его выздоровления, Григорий Константинович удивился и выразил тотчас же живейшую радость. Избыток этой радости произвел неприятное впечатление на князя. На следующее утро это впечатление изгладилось. Григорий Константинович продолжал относиться к князю с обычной заботливостью, да больной был еще слишком слаб, и его утомляло всякое напряжение. Его восстановившееся доверие к Станишеву не было результатом зрелого обсуждения, а просто результатом полнейшей апатии.

В одно раннее утро один из слуг князя Осокина прокрался к нему в спальню. Больной не пошевелился. Он, видимо, спал. Григорий Константинович сидел и пробегал газеты. Лакей подошел и доложил ему шепотом:

— Графиня Бехтеева желает с вами видиться.

— Графиня Бехтеева? — шепотом переспросил Станишев.

— Точно так.

— Где она?

— В гостиной и просит вас сейчас же...

Больной открыл глаза, но лежал недвижимо и внимательно слушал.

— Хорошо, я приду!

Слуга вышел из спальни. Григорий Константинович встал и начал осторожно пробираться к двери.

— Куда вы так рано, Грегуар? — спросил его князь слабым голосом.

— Меня зовут в гостиную, но я сейчас вернусь.

— А! Деловой визит, — заметил князь Осокин. —
Ко мне или к вам?

— Не знаю хорошенько, вероятно, ко мне.

Князь отлично расслышал фамилию Конкордии Владиславовны. Ее ранний приезд мог быть объяснен многим. Но старания Станишева скрыть этот визит и вообще его лживость снова пробудили все подозрения князя Сергея Сергеевича.

Григорий Константинович возвратился через некоторое время и сел опять в кресло возле постели больного. Он был озабочен. Это не ускользнуло от внимания князя Осокина. В нем явилось желание проверить основательность возникшего подозрения.

— Кому это вздумалось явиться так рано? — спросил он равнодушно.

— Это был мой камердинер, он приходил с докладом по различным делам.

— Ну, что у вас нового?

— Боже мой, ничего! Вечная возня с долгами и расчетами. У меня их немало. Ах, да, кстати, Сергей, я должен отлучиться на сегодняшний вечер или даже на всю ночь... Я вернусь только завтра, и то после обеда... Мне предстоит уладить одно сложное дело с одним из моих кредиторов, другой тоже грозит представить векселя ко взысканию.

— Ну, так что же! Отправляйтесь, — сказал князь Осокин. — Вы сами предложили проводить ночи, я очень ценю важность этой услуги, но я не имел бы права претендовать на вас, если бы ваши дела отвлекли вас совсем от этой добровольной, но тяжелой обязанности. Я много благодарен и за то, что вы сделали...

— Что это вы, Сергей? Я не верю ушам... вы хотите избавиться от моих попечений.

— Нет, я только хотел сказать, что я вас не стесняю, если вы утомились.

— Перестаньте, Сергей! Вы меня огорчаете! Это просто указывает, что вы уклоняетесь от моего присутствия.

— Нет и нет! — перебил больной с большим воодушевлением. — Вы извращаете смысл моих слов. Я только опасаюсь, чтобы ваша заботливость не нанесла ущерба вашим делам.

— Я исполняю только долг благодарности... Я обязан вам всем, — сказал с чувством Станишев.

Разговор, видимо, утомил больного, да притом же он был запрещен доктором. Григорий Константинович отдал строгое приказание слугам и уехал.

Обязанность дежурить на ночь у постели князя Осокина легла на его камердинера.

Прошло несколько дней.

Станишев сидел на своем прежнем месте у изголовья князя и углубился в чтение своей корреспонденции. Доктор, бывший поутру, остался доволен состоянием больного и выразил надежду, что он скоро поправится. Однако тем не менее глаза князя светились лихорадочным блеском. Он следил внимательно за малейшим движением Григория Константиновича, и это наблюдение, видимо, имело для него громадный интерес. Его пристальный взгляд был прикован к бумагам, которые лежали на маленьком столике, стоявшем подле кресла Станишева.

Князь Осокин напрягал все способности зрения, чтобы разобрать, кому адресовано письмо, и вместе разобрать и почерк надписи на конверте. Желание больного достигнуть этой цели было настолько сильно, что он, несмотря на свою слабость, приподнялся с подушек.

Станишев, продолжая читать так же внимательно, ничего не заметил. Он только что окончил деловую бумагу, испещренную цифрами, и взял в руки письмо.

В ту же минуту лицо больного вспыхнуло ярким румянцем.

Он быстро протянул исхудалую руку и выхватил письмо из-под носа Станишева.

Измучение последнего не имело пределов. Сначала он положительно опешил, но затем порывисто вскочил, сжал кулаки и кинулся к кровати. Глаза его сверкали гневом. Он вступил в борьбу с раненым и вырвал письмо.

Князь Осокин, однако, успел нажать пуговку электрического звонка, находившегося у кровати.

Камердинер явился тогда, когда письмо было снова уже в руках Станишева.

— Побудьте здесь, Петр! — сказал ему князь. — Вы мне будете нужны.

Станишев опустился в изнеможении в кресло, опустив письмо в карман.

— Скажите мне, пожалуйста, — произнес он вполголоса, — какую цель имела ваша странная

выходка и что могло вас вызвать на такое насилие.

Князь Сергей Сергеевич усмехнулся.

— Мне бросился в глаза почерк Конкордии Владиславовны... Мне захотелось узнать, о чем она вам пишет, я мог таким способом разрешить еще более интересный для меня вопрос, о чем она говорила с вами в понедельник, когда вам доложили, что она просит вас в гостиную.

Григорий Константинович побледнел. Искусственное возбуждение князя, однако, быстро прошло. Во время борьбы с Станищевым он сдернул повязку.

Он вдруг застонал и откинулся на подушки. На белом одеяле показалась широкая кровавая струя.

Камердинер подбежал и приподнял заботливо голову больного.

Подскочил и Григорий Константинович.

— Поскорей за доктором! — приказал он лакею.

— Не нужно, — прошептал едва слышно князь Осокин. — Петр, не уходите, не смейте оставлять меня ни на одну секунду.

— Бегите же! — повторил настойчиво Станишев.

Но больной собрал остатки своих сил и протянул руку к звонку и нажал его.

Явился другой лакей.

— За доктором! — сказал с усилием князь Сергей Сергеевич. — Петр, не отходи... беги же, Василий... А кстати... за нотариусом. Петр, я вам приказываю... не смейте отлучаться от меня ни на шаг.

Князь еще имел силу улыбнуться при виде озадаченного и смущенного Станишева при слове «нотариус». Затем больной потерял совершенно сознание. Одежда все больше окрашивалась кровью.

— Вы можете уйти и подождать в прихожей, пока приедет доктор, — обратился спокойно Григорий Константинович к камердинеру.

— Нет, извините, господин, я не могу уйти. Я не смею послушаться приказания его сиятельства, — отвечал Петр почтительно, но твердо.

— А... — сказал Станишев угрожающим голосом, — вы решаетесь спорить... чего же вы боитесь?

— Я только исполняю приказания его сиятельства, но я не боюсь да и не знаю, чего бы мне бояться.

Петр с изумлением смотрел на Григория Константиновича.

Станишев молчал.

В комнате воцарилась тишина. Кровь вытекала каплями из обнаженной раны, и струя расплывалась все шире и шире. Слуга стоял в почтительной и неподвижной позе у изголовья князя. Станишев был готов разорвать его. Мечта всей его жизни могла осуществиться, и пустое препятствие отдаляло исполнение. Его губы тряслись от бессильного бешенства. Вскоре явился доктор. Он жил в соседнем доме. Он осмотрел больного и сделал перевязку.

— Этот случай пройдет без серьезных последствий, — объявил он Григорию Константиновичу. — За мной прислали вовремя, но я должен предупредить, что повторение его повлечет за собою смерть. Отчего это произошло?

Князь Сергей Сергеевич пришел в себя и ответил слабым голосом:

— От быстрого движения при перемене позы.

В это время лакей, посланный за нотариусом, открыл тихонько дверь.

Князь Осокин увидел и подозвал его.

— Ну, что? — спросил князь.

— Господин нотариус отправился за город и будет послезавтра утром у вашего сиятельства! — доложил слуга. — Но в конторе сказали, что если вы прикажете, то можно сейчас же послать телеграмму.

— Нет, это бесполезно, я не умру до завтра.

Он несколько призадумался и затем добавил:

— Да, я еще успею изменить завещание! Благодарю вас, доктор... Вы свободны... Григорий Константинович пробудет здесь до вечера, но ты, Петр, обязан отныне ночевать в соседней комнате.

— Слушаю! — отвечал почтительно камердинер.

Князь закрыл глаза.

Петр вышел из спальни.

Станишев поместился у кровати больного. В уме его теснились беспорядочные мысли. Лицо было бледно и выражало муку. Он долго просидел, не изменяя позы, не поднимая глаз. Пробило пять часов. Он торопливо встал и прошел так же быстро в соседнюю комнату.

— Петр! — окликнул он дремавшего слугу. — Посмотри за князем. Я должен отлучиться, но я скоро вернусь.

Шум двери, затворившейся за ушедшим Станишевым, прервал сон больного. Он открыл глаза, и они прямо упали на сонное лицо входившего камердинера. Он зевал во весь рот. Переступив порог, он взял несколько вправо и плюнул на ковер. Затем он преспокойно утерся рукавом и обратился к постели безжизненный взгляд. Когда он увидел, что князь бодрствует, лицо его выразило ощущение среднее между недоумением и маленьким испугом. Он вдруг засуетился и нагнулся к полу, как будто отыскивая что-то очень нужное. Князь Сергей Сергеевич обернулся осторожно к стене. И в этом человеке, прежде крепком и бодром, а теперь обессиленном болезнью и страданием, произошел внезапно страшный переворот.

Он подумал о вечности. Ему пришли на ум его отношения к Конкордии Владиславовне, и вся его жизнь стала проноситься перед ним как будто в панораме. Он вспомнил свое детство в роскошной барской усадьбе, раскинувшейся на просторе необозримой степи. Вслед за тем перед ним прошла его молодость, когда он был еще властелином многих тысяч крепостных. Ему живо припомнилось, как его утомляли все это раболепство, эта праздная жизнь. В России еще не было ни путей сообщения, ни телеграфных линий. Нужно было пробыть три месяца в дороге, чтобы доехать до Парижа. С каким наслаждением он предавался чтению иностранных романов, которые выписывал с таким затруднением и которые доставлялись так убийственно медленно в деревенскую глушь. Его мысли тогда уносились через родные степи в эту чудную Францию, где жизнь неслась волною, где прихоть богача не встречала преград к своему выполнению и люди не испытывают одуряющей скуки, в которой проходили его лучшие годы.

Он мечтал встретить женщину, настолько совершенную, что он отдал бы душу за один ее взгляд. Это было в то время задачей его жизни. Потом князю припомнился его зрелый возраст. Благодатное царствование Александра II разогнало туман, стоявший над Россией, и вызвало наружу ее скрытые силы. Расстояния сблизились. Глушь закипела жизнью. Князь мог осуществить мечты своей молодости. Он побывал во всех европейских столицах, исчерпал до дна все наслаждения жизни и вернулся на родину пресыщенный, скучающий и все еще мечтающий о каких-то неведо-

мых сердечных ощущениях. Одиночество жизни в отдаленной деревне показалось ему еще более неприглядным. Он решился изведать спокойное счастье семейного очага. Выбор был сделан. Это была молоденькая, хорошенькая девушка, преданная и любящая. По бледным губам князя пробежала чуть заметная улыбка. Эти воспоминания его далекого прошлого были ясны и мирны. В это блаженное время он мог смотреть в глаза целому свету. На совести его не лежало упрека, и когда мысль о смерти и о Божьем суде являлась ему в голову, он относился к ней совершенно спокойно. Несясь все далее, его воспоминания ввели его в большую мрачную комнату. Перед ним промелькнул образ его жены. Он невольно сравнил свою спальню в Петербурге с такой же мрачной комнатой в его далекой усадьбе и нашел между ними разительное сходство. Вообще нервы больного были сильно расстроены.

Ему вдруг почудилось, что последний легкий вздох княгини пробежал по складкам оконной драпировки и привел их в движение.

Он страшно заметался, пересиливая робость, приподнялся с подушек и осенил себя широким крестным знамением.

Но в это время глаза князя встретились со взглядом Петра.

Последний смотрел с изумлением на его движения и улыбался бессмысленной улыбкой. Князь перевел дыхание и прилег на подушки. Он уже не ощущал ни малейшего страха. Им овладела тихая, но глубокая грусть. Он вспомнил с отвращением свою любовь к Конкордии Владиславовне и порочность этой женщины, свою непростительную слабость и горько пожалел о Евгении Игнатьевиче и Ольге.

В нем созрело решение искупить свое прошлое.

В наболевшей душе прозвучали отрадно слова Искупителя: «Истинно говорю вам: в небе будет больше радости об одном раскаявшемся грешнике, чем о десяти праведниках».

Князь Осокин успокоился и заснул крепким сном.

Было два часа полуночи. Дрожащее пламя догорающих свеч, вставленных в массивные бронзовые канделябры, освещало обширную спальню князя Сергея Сергеевича. Ослабленный значительно потерей крови и нравственным волнением, больной крепко спал за шелковыми занавесами. Григорий Константинович Стани-

шев сидел в ногах его постели. Он вернулся еще вечером. Петр рассказал ему, как барин волновался после его отъезда.

Он не забыл того чувства набожности, которое было им проявлено в это время. Станишев не обратил особенного внимания на этот доклад. Петр стоял у постели и ожидал пробуждения его сиятельства.

Но князь Сергей Сергеевич проснулся только в седьмом часу утра. Он протер глаза и увидел Григория Константиновича.

— Дорогой мой родственник, — сказал он с презрительной иронией. — Я постараюсь выздороветь, теперь моя смерть не принесет вам пользы; я не в силах писать, но могу диктовать и подписать.

Лицо его приняло строгое выражение. В голосе прозвучала угроза.

— Я советую вам просить усердно Бога, чтобы Он продлил мне жизнь... так как моя смерть оставит вас без средств... Клянусь вам в этом честью... Петр, — окликнул он своего камердинера, — вы должны безотлучно находиться в соседней комнате и являться сюда по первому звонку.

Станишев, по-видимому, что-то хотел сказать, но князь закрыл глаза, и он полождал с минуту, а затем вышел из спальни и из дому. Но его отсутствие не было продолжительным. Не прошло и получаса, как он опять сидел у постели больного.

За этот день князь Осокин уклонился с намерением от малейших услуг с его стороны, а, встречая в них надобность, звонил тотчас Петру. Станишев делал вид, что он не замечает этого обстоятельства. Да он был вдобавок так нервно расстроен, что не мог усидеть на месте ни минуты. Он выходил из комнаты без малейшего повода и опять возвращался. Он поджидал кого-то, поджидал с нетерпением и с душевной тревогой. Это не подлежало никакому сомнению.

Продремав целый вечер, князь Сергей Сергеевич проснулся около полуночи и сам же позвонил. Петр вошел в спальню.

— Нотариус придет завтра утром, — сказал ему князь, — вы должны немедленно проводить его ко мне.

Он взглянул на Станишева с насмешливой улыбкой.

— Слушаю-с... — отвечал Петр.

— Ступайте.

Петр вышел. Князь снова задремал. Волнение Григория Константиновича росло с каждой минутой. Он вздрагивал всем телом при самом легком шорохе, пробирался кошачьими шагами к окну и внимательно вслушивался в каждый шум, долетавший с улицы.

Пробило три часа. Дверь тихо отворилась, и в спальню вошел Петр, видимо спросонья.

— Графиня Бехтеева желает вас видеть, я не смел просить ее сюда, но если вы прикажете.

— Наконец-то! — сказал с облегчением Григорий Константинович. — Что же, просите ее! Я никак не могу отлучиться от князя, он может, чего доброго, опять сбить перевязку. Мы будем говорить тихо и не потревожим больного.

— Конечно, не потревожите, — согласился Петр. — Барин не просыпается, когда я вхожу в спальню, и вам стоит только говорить шепотом.

Но Станишев не слушал дальнейших пояснений. Все его внимание обратилось на кресло, которое он нес к самому отдаленному от кровати окну. Установив его без малейшего шума, он взял другое и понес и его все с той же осторожностью. Отослав камердинера предупредить Конкордию Владиславовну, что он ждет ее в спальне, он вторично направился к постели князя Осокина и, вынув из кармана перочинный ножик, перерезал проволоку электрического звонка.

Князь ничего не слышал. Он спал глубоким сном. Минуты через две дверь тихо отворилась, Петр пропустил почтительно графиню и вышел.

Станишев и графиня Бехтеева сели рядом у дальнего окна.

— Наконец-то! — сказал с волнением Григорий Константинович. — Я искал вас везде. Куда вы запропали?

— Я ездила по делу...

— Он увидел письмо, присланное мне вами...

— Кто он?

— Ну понятно, Сергей...

— Ага, ну и что же?

— Он, видимо, что-то заподозрил, потребовал нотариуса и хочет изменить завещание.

— Это скверно... Но как же вы неосторожны, зачем было читать при нем письмо?

— Я думал, что он спит.

— Это очень серьезно, — повторила Конкордия Владиславовна. — И вы говорите, что он решился?..

— Да! Он проявил громадную энергию... Но в то время, когда я отнимал у него письмо, я сдернул ему перевязку, последовала сильная потеря крови, и доктор предупредил меня, что если бы она повторилась опять, то за ним следует быстрая смерть.

— В самом деле? — сказала, прищурившись, Конкордия Владиславовна. — Это довольно странно! И доктор был испуган этим кровотечением?

— Да, и князь тоже! Он послал за нотариусом, который явится завтра утром.

— Так... — загадочно произнесла графиня Бехтеева.

ХVIII

— Хотите ли вы сделаться счастливым, обеспеченным на всю жизнь человеком, а затем и моим мужем?.. — заговорила Конкордия Владиславовна Бехтеева.

Станишев положительно впился в нее глазами при этих словах.

— Несколько лет тому назад, — продолжала она, — я предложила то же самое тому человеку, который лежит теперь с простреленной грудью и осужден на смерть... Ему не было надобности добиваться богатства, но ведь он уверял, что меня любит... Он отверг предложение...

— Отверг!.. — шепотом повторил Григорий Константинович.

— Да, отверг! Теперь я делаю это предложение вам... Способны ли вы идти наперекор предрассудкам совести, напролом всем преградам ради моей любви?..

Она пристально посмотрела на него вызывающим взглядом.

— Вы знаете, Конкордия Владиславовна, что я всегда готов исполнить вашу волю...

Она как бы не обратила внимания на этот ответ и вдруг спросила:

— А кстати... Где мое письмо, из-за которого у вас произошла борьба с князем?

— Я сжег его, так как оно было запачкано кровью, и...

— Хорошо, я вам верю... — перебила его молодая женщина. — Если вы даже лжете, какое мне дело... Мы будем скоро связаны неразрывной цепью, и горе вам...

Она сделала угрожающий жест.

— Я вас люблю, Конкордия. Зачем же вы грозите?..

— Вы меня любите... Тем лучше для вас... Перед нами стоит более интересный и серьезный вопрос... Необходимо помешать князю изменить завещание.

— Да, — отвечал Станишев, — его надо усовестить, и если убеждения окажутся бессильны, его надо заставить...

— Убеждать, — перебила насмешливо Конкордия Владиславовна. — Перестаньте, пожалуйста, это ни к чему не приведет... Он чересчур упрям. Наконец, объяснения дадут в результате потерю времени, а оно для нас дорого... Притом он ослабел от потери крови и не в силах осмыслить то, что ему скажут... Нет, здесь нужны решительные, энергичные меры.

— Я заранее угадал, что вы обратитесь к этому выходу, — прошептал Станишев, — и обрезал проводку электрического звонка у его постели.

Глаза их встретились. Участь князя Осокина была решена.

Наступила минута тяжелого молчания.

— Так поймите же... Надо действовать скорее! — глухо сказала она, обратившись к Григорию Константиновичу.

— Мне... — вздрогнул он.

— Ну да, вам...

— Я... не... могу... — произнес он дрожащим голосом.

Она окинула его презрительным взглядом.

— Трус!..

Он весь как-то съежился.

Она между тем вынула из кармана носовой платок, смяла его в руке, прошла быстро и смело к постели князя Сергея Сергеевича и раздвинула занавесь.

Больной спал крепким сном.

Конкордия Владиславовна наклонилась, засунула скомканный платок в полуоткрытый рот князя и прижала изо всей силы его голову к подушке.

— Идите сюда! — повелительным шепотом позвала она Станишева.

Трепещущий от страха скорее перед преступницей, нежели перед преступлением, Григорий Константинович повиновался и подошел к постели.

— Откиньте одеяло, — скомандовала она.

Он повиновался.

Князь Осокин потянулся, рука его машинально протянулась к звонку, и он изо всей последней силы нажал его пуговку, но, увы, спасительного звонка не раздалось.

И перед его глазами во второй раз в течение суток промелькнул образ его жены. Ему вспомнилась темная непроглядная ночь... Ее взгляд, полный тяжелой грусти и беспредельного доверия, когда она принимала из его рук лекарство, несшее ей смерть... Завывание вьюги за окошком...

И князь Осокин с безусловной покорностью отдался на волю Провидения. Он принял настоящее, как возмездие за прошлое. По его лицу пробежало молнией выражение тихой и благодарной радости. Руки в изнеможении протянулись, и все тело задрожало.

Потом его глаза открылись. Он увидел Конкордию Владиславовну. Она из всех сил нажимала платок. Князь взглянул ей прямо в глаза. В этом тоскливом взоре выразились упрек и кроткая покорность. Она побледнела и отвернулась. Глаза его закатились и движение тела как-то вдруг прекратилось.

Между тем Станишев, откинув одеяло, начал тихо развязывать бинты. Удивленный наступившей вдруг неподвижностью жертвы, он выразительно поглядел на Конкордию Владиславовну. Ее мрачно сдвинутые брови ответили ему без слов. Он понял, что ему надо продолжать свою работу. Он сорвал повязку. Из обнаженной раны полилась кровь. Было что-то демоническое в этой мрачной картине насилия и убийства. Судьба как будто с умыслом заставляла умирать князя Осокина тождественной смертью, какой умерла его жена, и от той же руки, которая направляла его на убийство несчастной страдальцы. Сначала кровь сочилась крупными каплями и простыня покрылась ярко-красными точками, затем эти капли слились и потекли широкой струей. Конкордия Владиславовна осталась в той же наклонной позе над лицом умирающего. Она зорко следила за его возрастающей синеватой бледностью, пока не убедилась, что если в этом теле еще таится искра жизни, то она не замедлит угаснуть и без на-

сильственных мер. Тогда она слегка приподняла платок. Вслед за этим движением из груди князя вылетел едва слышный вздох, и Конкордия Владиславовна почувствовала, что тело его вытянулось.

Повернувшись к Григорию Константиновичу, она спросила сильно изменившимся голосом:

— Что, кровь идет?

— Да...

— Много ли ее вышло?

— Немало... Он умер или нет?

Она не отвечала и приложила руку к бледному лбу князя Осокина. Она не ощутила никакой теплоты. Переждав минуту, она сняла платок. Перед ней лежало безжизненное тело.

Она опустилась или скорее упала в кресло, стоявшее возле кровати.

— Все кончено... — сказала она.

— Все кончено... — машинально повторил Станишев.

— Да... Но я так страшно устала... Вы не можете поверить, как я страшно устала...

Григорий Константинович не отвечал.

Услыхав о смерти князя, он побледнел как смерть и дрожал как осиновый лист. Им овладело чувство неодолимой трусости. Конкордия Владиславовна поняла опасность положения.

— Вы сгубите все дело! Опомнитесь, что с вами... Сюда сейчас войдут, — убеждала она его.

Он с необычайным трудом пересилил себя, подошел к постели, окутал князя одеялом и вообще придал телу естественный вид спящего человека.

Конкордия Владиславовна тем временем встала, подошла к дивану, сильно нажала пуговку электрического звонка, находившегося над ним. Как ни велико было ее самообладание, на лбу ее выступили крупные капли пота. Она вынула платок, чтобы вытереть лицо, но едва он коснулся ее щек, как она глухо вскрикнула. Платок был еще влажен от дыхания князя Сергея Сергеевича.

Из пяти свечей, вставленных в бронзовые канделябры, две уже совсем погасли, другие догорали, и мертвенная бледность Конкордии Владиславовны и Станишева рельефно выдавалась в полумраке комнаты.

— Это мое последнее преступление в жизни! — сказала вдруг графиня Бехтеева.

— Ну! — протянул Григорий Константинович без иронии.

Он уже отчасти сумел совладать со своим страхом и начинал глумиться над сообщницей.

В спальню, разбуженный звонком, вошел Петр.

Станишев молча указал ему на постель, смоченную кровью.

— Боже мой, сколько крови! — воскликнул камердинер.

— Он опять, видимо, ворочался во сне, — сказал Григорий Константинович, — беги за доктором как можно скорее.

— Мы были заняты разговором... Но услышали стон и только сейчас заметили, что началось кровотечение... — сочла нужным вставить Конкордия Владиславовна.

Петр вышел. Станишев и Конкордия Владиславовна остались одни. Руководясь желанием отклонить подозрение и тем необъяснимым ощущением боязни, которое является у каждого преступника и придает значение самым обыкновенным мелочным обстоятельствам, они тотчас же сели на прежние места у окна друг против друга.

Они оба дрожали, и дрожали так сильно, что это отзывалось на непрерывном мерном сотрясении кресел.

— Мы наконец у цели! — проговорил Григорий Константинович.

Она не отвечала. Ее взгляд был неотводно устремлен на мертвеца, каковым она считала князя Осокина.

Вдруг ей показалось, что он пошевелил губами.

Она судорожно схватила руку Станишева.

— Он жив! — проговорила она с невыразимым ужасом.

Заря начала заниматься на небе. Мрак огромной комнаты начинал редеть и заменяться бледным сиянием рассвета.

За дверью слышались поспешные шаги.

— Успокойтесь... Идут!.. Доктор может подумать... — быстро произнес Станишев.

Доктор быстро вошел в сопровождении камердинера и подбежал к постели. Он отбросил одеяло, покачал головой и обратился к присутствующим:

— Я вчера говорил, что повторение кровотечения повлечет за собой смерть. Это же кровотечение было очень сильное... Оно продолжается уже с полчаса...

Меня призвали поздно... Большой погиб, и наука бессильна помочь ему.

— Он умер? — спросил отрывисто Станишев.

— Нет еще, — сказал доктор, — но он скоро умрет, не приходя в сознание; он истекает кровью, а она все течет, и я не в состоянии остановить ее... Жизнь быстро угасает... Он только в крайнем случае протянет до полудня.

Прослушав заявление о полной безнадежности князя Осокина, Конкордия Владиславовна вздохнула с таким облегчением, что доктор обернулся и посмотрел на нее с удивлением.

По телу Григория Константиновича пробежал озноб.

— Лучше конец, чем так страдать, — сказала, спохватившись, графиня Бехтеева, — он сильно страдал последнее время... Я его родственница по мужу, — сказала она.

— Господи, Господи... — прошептал Петр.

Доктор очистил рану от запекшейся крови и сделал перевязку.

Конкордия Владиславовна и Станишев продолжали сидеть, как пригвожденные к месту, и лишь изредка обменивались взглядами, выражающими внутреннюю тревогу.

Пробило семь часов, настал белый день, пробило восемь, а они все сидели, не смыкая глаз. Доктор тоже сидел задумчиво у постели своего умирающего пациента. Ровно в девять часов дверь спальни отворилась, и в ней появился нотариус.

— Я явился сюда по требованию князя Осокина, по нужному делу, как мне передали, но, кажется, я явился слишком поздно.

— Вы не ошиблись... Князь Осокин покончил со всякими делами, — ответил доктор.

— Он умер?

— Нет еще. Но его пульс слабеет с каждой минутой. Он не может прожить больше двух, трех часов.

— Он не придет в сознание?

— Нет.

— Это очень жаль, — заметил нотариус, — я крайне сожалею о моей отлучке... Князь, вероятно, хотел изменить свое духовное завещание.

Доктор пожал плечами.

— И вы не имеете никаких средств привести его в сознание?

— Увы! Нет... — ответил доктор.

ХІХ

Прошло несколько лет после смерти князя Сергея Сергеевича Осокина.

Доктор оказался прав. К полудню того дня, в который над князем Сергеем Сергеевичем было совершено насилие, его не стало. Он испустил последний вздох, и его убийцы, графиня Бехтеева и Станишев, вздохнули свободно. Они спокойно вступили в роли родственников князя и стали распоряжаться в доме.

Конкордия Владиславовна даже имела вид убитой горем по поводу невозвратимой и незаменимой, как она говорила, потери друга в лице князя Осокина.

На утренние и вечерние панихиды собирался, как принято выражаться, весь Петербург. Графиня Бехтеева так искусно играла роль оскорбленной, покинутой без вины жены и глубоко потрясенной смертью князя Осокина его родственницы, что внушила симпатии обществу.

Ее муж был осужден вторично. Смутные слухи называли его еще, кроме того, виновником смерти князя Осокина.

Григорий Константинович, распорядившийся похоронами, не ударил в грязь лицом и не пожалел расходов из денег покойного. Похороны происходили при торжественной обстановке с участием множества столичного духовенства и одного из духовных лиц высшей церковной иерархии. Из приходской церкви, где происходило отпевание, печальный кортеж двинулся по Галерной, через Сенатскую площадь, мимо Александровского сада, по Гороховой, Загородному, Владимирской и Невскому проспекту, в Александро-Невскую лавру, на кладбище которой гроб с прахом последнего в роде князей Осокиных и был опущен в склеп.

Единственной наследницей, по завещанию князя, кроме назначенных выдач слугам, была его племянница Ольга Станишева. Состояние в два миллиона она должна была получить при выходе в замужество, а до тех пор могла пользоваться только процентами, но дом и движимость переходили в ее собственность тотчас же.

Завещание было утверждено судом.

Григорий Константинович, как отец и естественный опекун наследницы, был назначен таковым и дворянской опекой. Он переехал в дом князя, ныне принадлежащий его дочери, которая была взята из пансиона и к которой были приставлены гувернантка, учителя и учительницы. Нечего говорить, что Станишев стал бесконтрольно распоряжаться состоянием Ольги Григорьевны. В этом распоряжении доходами с двух миллионов ему помогала его сообщница графиня Конкордия Владиславовна Бехтеева. Последняя осталась жить на своей прежней квартире, и нельзя сказать, что Григорий Константинович был ее частым гостем. Она охраняла с такой же строгостью репутацию честной женщины, как когда-то свою репутацию честной девушки.

— Положение соломенной вдовы требует еще большей осмотрительности. Я не позволю себя компрометировать частыми посещениями, — говорила она протестовавшему Станишеву.

Впрочем, все его протесты оставались по-прежнему безрезультатными.

Конкордия Владиславовна, как мы знаем, умела властвовать, особенно когда в ее руках было орудие. А орудие это, как известно, было. На трусливого Григория Константиновича оно производило подавляющее впечатление. Это орудие было последняя сцена в спальне князя Сергея Сергеевича Осокина. Им Конкордия Владиславовна приковала к себе крепкой цепью Станишева, держа его в почтительном от себя отдалении. Ее осторожность и настойчивое преследование цели быть вне подозрений нельзя сказать, чтобы не имели основания.

Когда прошло некоторое время со дня смерти князя Сергея Сергеевича Осокина, когда улеглось первое впечатление от этой смерти и стушевался образ плачущей родственницы, покинутой жены убийцы своего зятя, в обществе, как это всегда бывает, наступила реакция. Стали раздаваться голоса в защиту графа Евгения Игнатьевича Бехтеева, высказывались предположения, что нет дыму без огня и что не сумасшедший же он, чтобы стреляться с князем Осокиным без всяких оснований.

Появилось сомнение. Самая смерть Осокина, по мнению многих, начала считаться более чем странной. Лечивший его доктор громко говорил о двух загадоч

ных кровотечениях, сгубивших его пациента, находившегося на пути к выздоровлению. Эту смерть стали связывать с присутствием у постели больного Григория Константиновича Станишева, а в последний день и графини Бехтеевой. Появилось подозрение. Эти сомнения и подозрение могли быть роковыми для обоих, если бы их близость была удостоверена. Приходилось быть действительно осторожными. Конкордия Владиславовна была более чем осторожной. Но толки и пересуды не прекращались. Евгений Игнатьевич Бехтеев продолжал между тем жить своей трудовой жизнью.

С получением занятий в редакциях положение его улучшилось, но отнюдь не поправилось совершенно. Приходилось все так же заботиться постоянно о каждой лишней копейке и изыскивать средства сокращать расходы на еду и одежду. Энергия расходовалась на безделицы, на мелкую борьбу, которая более всего истощает молодые силы. Увеличившиеся заказы дали ему возможность устроить себе сравнительно безмятежную жизнь. Он работал по утрам, потом ел и спал с глубоким безразличием человека, откинувшего все заботы о будущем.

Его выводила из апатии только мысль о жене. Когда воображение рисовало ему это некогда милое, дорогое лицо, он проводил дни и ночи в отчаянной тоске. Потом впечатление постепенно бледнело, и жизнь текла опять спокойно, бесцельно, всегда однообразно. Его сердце не волновалось никаким живым чувством. Он ненавидел женщин и отжил в тридцать лет.

Издатель газеты, в иллюстрированном приложении к которой Бехтеев уже работал несколько лет, застав его однажды в редакции в мрачном настроении духа, спросил о причине.

Евгений Игнатьевич вздрогнул, но смолчал на вопрос.

— Скажите откровенно, может быть, вы нуждаетесь в деньгах... Я согласен вам дать аванс... Я должен вам отдать справедливость, вы работаете добросовестно в течение нескольких лет, и я вами доволен.

— Да, если можно, дайте мне денег, я буду вам обязан... — ответил Бехтеев.

— Я вам выдам двести рублей... Довольно?

— Благодарю вас.

Издатель написал ордер в кассе, и Евгений Игнатьевич в тот же день получил деньги.

Он вдруг как бы переродился и круто изменил свой образ жизни.

Он без видимой цели пробегал по модным петербургским улицам и посещал театры, не в видах развлечения, а скорее в виде розыска кого-то весьма нужного или весьма желательного.

Его часто видели в один и тот же вечер на разных представлениях, всегда зорко оглядывающего ложи и вообще всех входящих в театр и выходящих из него.

Он нередко наталкивался на бывших товарищей. Все они большею частью старались избегать встречи, и ему приходилось кланяться первому. Они с ним перекидывались односложными фразами и спешили откланяться. Раза два или три ему не отвечали на поклон.

Евгений Игнатьевич нахмурил брови и в весьма резком тоне выражал сожаление о такой слабой памяти. Перед ним извинялись, весьма сухо и холодно, но все-таки извинялись.

Несмотря на желание потребовать объяснения, Бехтеев не находил положительно случая, к которому мог придраться. Сдержанность большей части его прежних друзей и ледяная вежливость, с которой отзывались на его замечания остальные знакомые, не подавали повода ни к малейшей придирке.

В один прекрасный вечер он явился в Михайловский театр и взял себе билет в партер. Он был в этот вечер грустнее обыкновенного. Ему пришлось разменять последние двадцать пять рублей, не подвинувшись к цели, к которой он стремился. Отыскав свое место, Бехтеев стал вглядываться с напряженным вниманием в окружающую его публику.

Вдруг он сильно побледнел.

Он увидел жену. Ее ложа в бенеуаре была в близком соседстве от его кресла в партере.

С Конкордией Владиславовной сидела горбатая девушка, в которой Евгений Игнатьевич тотчас узнал Ольгу Станишеву. Сзади них выдавалась фигура Григория Константиновича. Лицо графини было точно так же пленительно, как несколько лет назад, но его выражение заметно изменилось. Оно сделалось строже, печальнее и задумчивее. Глаза Бехтеева обратились на ложу. Они смотрели строго, надменно и решительно.

Конкордия Владиславовна побледнела и подняла на мужа свои великолепные глаза, затем медленно опу-

стила их книзу и наклонила голову. Бехтееву показалось, что взор его жены выражал печаль и кроткую мольбу. Станишев отодвинулся в глубь кресла и, скрывая волнение притворным равнодушием, стал в бинокль обводить ложи.

Начался второй акт.

Доверчивая ласковость, с которою Ольга обращалась к графине, и небрежные ответы ее же своему отцу показали Евгению Игнатьевичу, что молодая девушка не придает ему никакого значения и вся ее привязанность обращена к Конкордии Владиславовне. Он увидел из взглядов, которыми обменивались графиня и Станишев, что между ними шла глухая борьба и отношения их были страшно натянутые. Бехтеев заметил две легкие морщины, прорезавшие бледный и чистый лоб его жены. Лицо ее носило неизгладимый след глубоко затаенного душевного страдания. В сердце Евгения Игнатьевича зашевелилось чувство сожаления к жене, желание оправдать ее в собственном мнении.

«Как знать, — думал он. — В ней много эксцентричности, она, конечно, способна совершить преступление, но ее очевидная заботливость об Ольге, чувство к ней этой девочки и их общее презрительное отношение к Станишеву приводят к заключению, что она не воспользовалась состоянием князя Осокина».

Казалось, Конкордия Владиславовна начала угадывать инстинктом настроение мужа. Взгляд, который она устремила на него, был нежен и кроток. Она как будто вымаливала прощение за прошлое. Бехтеев был тронут.

«Что, если бы я простил ее! — невольно подумал он. — Мы могли бы уехать куда-нибудь далеко и начать новую жизнь. Она меня любила, и я ее любил...»

Но почти в это время занавес опустился, и Григорий Константинович привстал и посмотрел в партер. Направив свой бинокль в лицо Бехтеева, он слегка наклонился к Конкордии Владиславовне и сказал ей несколько слов, видимо предложив посмотреть в ту же сторону. Щеки графини вспыхнули ярким румянцем. Бледные руки ее, лежавшие на борте ложи, тревожно затряслись на голубом бархате. Станишев рассмеялся бесцеремонным смехом. Этот смех изменил все положение дела. Глаза Евгения Игнатьевича сверкнули мрачным блеском.

— Нет! — сказал он решительно. — Я не дам им остаться безнаказанными!

Партер опустел с наступлением антракта, но Бехтеев не последовал примеру большинства и остался на месте.

Он напряг все внимание и стал чутко прислушиваться к тому, что говорилось в ложе его врагов.

XX

В этот вечер в театре шла одна из известнейших комедий Островского, и Ольга с восторгом сообщала Конкордии Владиславовне свои впечатления относительно ее первых актов.

Вдруг девочка прервала рассказ и спросила:

— Итак, я завтра еду на бал, это окончательно решено?

— Да, завтра! — отвечала, улыбнувшись, графиня Бехтеева.

— И вы это исполните? — допрашивала молоденькая девушка. — Нам ничто не помешает?

— Нет, мой ангел! Я завтра повезу тебя на детский бал к Долинским...

— Я расцелую вас по приезде домой за это обещание! — воскликнула с восторгом Ольга.

Раздался третий звонок. Занавес взвился. Евгений Игнатьевич поднялся с места. В это время Григорий Константинович наклонился к Конкордии Владиславовне и сказал, понижая голос до шепота:

— Однако ваш-то оперился, стал появляться в обществе, надо принять меры...

— Не нужно! — отрывисто отвечала Конкордия Владиславовна.

— Но ведь немыслимо... Мы не будем иметь ни минуты покоя! — возразил он взволнованно.

— Вы должны отказаться от малейшей попытки причинить ему зло. Я говорю решительно.

— Конкордия Владиславовна!!! — прошептал он с глухой угрозой.

Она не отвечала, а только посмотрела ему прямо в глаза.

Этот взгляд был блестящ и холоден как сталь.

Бехтеев в это время успел уже выбраться из театра на улицу и, повернув с Михайловской улицы, шел

по Невскому проспекту. Дойдя до дома на Литейной, где квартировал, он стал подниматься на пятый этаж.

— Благодарю Создателя! Все это скоро кончится! — прошептал он.

Взобравшись в свою темную одинокую комнату, Евгений Игнатьевич зажег свечу, выдвинул большой ящик с бумагами и стал их выкладывать на письменный стол аккуратно и медленно, одну вслед за другой. Он очень хладнокровно пробежал их глазами. Вдруг он остановился и слегка вздрогнул. Ему попало в руки измятое письмо. Он горько улыбнулся.

— В нем все мое оправдание.

Это было письмо князя Осокина к Конкордии Владиславовне Яцевич с признанием убийства им жены. Он положил в конверт и надписал адрес Грюнберга. Но прежде нежели запечатать конверт, он написал краткую записку своему другу. В ней стояло следующее:

«Передаю тебе в руки документ, который должен после моей смерти оправдать меня в обществе и осудить действительно виновных.

Твой *Бехтеев*».

Он вложил эту записку в тот же конверт и запечатал его.

Комната Евгения Игнатьевича начала озаряться сиянием рассвета. Вскоре затем на улице послышалось движение. Он же все сидел у письменного стола в глубокой задумчивости. Пробило семь часов, когда он лег в постель.

Просидев в театре, по настоянию Ольги, до конца представления, Конкордия Владиславовна возвращалась домой в карете Станишева. Выходя из кареты у своего подъезда, она подала ему на прощанье руку и сказала:

— До завтра!..

Он отрицательно покачал головой.

— Мне нужно сказать вам несколько слов, графиня, — сказал он ей.

— Вы скажете их завтра! — отвечала она с нетерпеливым жестом.

— Извините, графиня, дело очень серьезное. Я прошу позволения поговорить о нем непременно сегодня.

— Извольте, я согласна! — отвечала она с досадой.

Он вошел вместе с нею и своею дочерью в прихожую.

Два лакея стали снимать с графини, Ольги и Станишева верхнее платье.

— Иди спать, дитя - мое! — сказала Конкордия Владиславовна Ольге, целуя ее в лоб с чисто материнской нежностью. — А вы, — отнеслась она сухо к Станишеву, — потрудитесь пройти со мной в гостиную, так как вы не находите почему-то возможным отложить разговор до завтрашнего дня.

Войдя вместе с Конкордией Владиславовной в гостиную, Григорий Константинович скрестил на груди руки и произнес глухим, угрожающим голосом:

— Вы меня предаете!

Глаза графини Бехтеевой гневно сверкнули.

— И вы еще решаетесь говорить о предательстве? На чем вы основываете такое обвинение? На том, что я беру к себе гостить Ольгу, которую вы тираните или держите взаперти... На том, что я теперь вступилась за Евгения.

— Безусловно на этом!

— Но что же вы хотите? — возразила Конкордия Владиславовна негодующим голосом. — Вам достались миллионы, и ваше преступление осталось безнаказанным...

— Конкордия Владиславовна!.. — крикнул он.

— Я знаю, что вы не любите этих напоминаний, а ведь вы сами знаете, что это преступление было совершено.

— В самом деле? — поспешил заметить Станишев. — Почему же вы считаете себя вправе забыть, что вы помогали и, весьма энергично, совершить это дело?

— О, нет, я не забыла, — отвечала она. — Между нами та разница, что я прежде не знала, что значит преступление, а когда узнала, то мне показалось невыразимо страшно. А вы наоборот. Когда вы убедились, что первое убийство осталось безнаказанным, вы начали мечтать о новых преступлениях.

— Нет, вы меня не поняли: это было не так.

— Замолчите, пожалуйста, я знаю вас отлично: вы трусливы и низки! Припомните, как вы тряслись в кабинете князя Осокина...

— Это только доказывает...

— Ничего, кроме того, что вы трус.

— Я только благоразумен. Я и теперь боюсь вашего мужа, раз он, видимо, поправил свои дела. А вы забыли, кажется, о нем.

Конкордия Владиславовна побледнела.

— Муж не имеет решительно никаких доказательств, — отвечала она. — Все это дело было чрезвычайно запутано, даже в самом начале, а теперь и подавно. Возбужденные им суждения и толки постепенно затихли, и ваше честолюбие достигло наконец желанных результатов.

— Вы это полагаете? — сказал Станишев. — Вы сильно ошибаетесь! Я прошу вас припомнить, что я вас любил, что теперь это чувство стало еще сильнее, а вместе с ним выросла и надежда назвать вас своею женою. А этот человек... стоит передо мною воплощенной угрозой и вечною преградой между мною и счастьем. Чувство моей вражды к нему совершенно естественно.

— Не лгите! — крикнула Конкордия Владиславовна. — Этот брак не имеет для вас особого значения.

— Вы, однако же, знаете, что я вас люблю?

— И в этом уверении очень немного правды. Вы вовсе не способны на искреннее чувство.

— Но если я решился совершить преступление, ведь оно же было вызвано привязанностью к вам.

— Не лгите! — нетерпеливо повторила Конкордия Владиславовна. — Мысль о браке со мной явилась только следствием вашего убеждения, что я могу вступить только в такой союз.

— Вы ничему не верите! Ваш скептицизм ужасен!

— Это не скептицизм, — возразила она, — это не что иное, как верное понятие о ваших личных качествах. Вы низкий человек! У вас восемьдесят тысяч годового дохода. Вы домогались прежде еще большего состояния и, как вы уверяли, исключительно с целью предложить его мне. Этот предлог исчез с тех пор, как вы убедились, что я не возьму из него ни копейки. Вы возвратили мне только деньги, выброшенные из окна моим мужем и поднятые вами. Я приняла их как мою собственность. Я не нуждаюсь в большем. Вы поняли отлично, что моя неустанная забота об Ольге вызвана, конечно, не корыстными целями, а искренним желанием отстоять ее будущность и оградить ее от ваших низких замыслов. К чему же вам столько денег теперь, когда вы знаете,

что я их не приму и далека от мысли выходить за вас замуж.

Станишев был бледен от гнева.

— А прежде вы говорили совершенно другое! — надменно заметил он.

— Ах, да! Вы намекаете на мое обещание, — возразила она. — Да разве преступники, подобные нам, способны уважать святость честного слова? Неужели вы думаете, что я бы согласилась соединить когда-нибудь вашу судьбу с моею? Да отвечайте же мне! — воскликнула она, встав стремительно с места. — В течение этих лет я приняла на совесть тяжесть двух преступлений. Да вы забыли, что ли, что мы вместе убили нашего благодетеля?

— Бога ради, потише!.. — стал умолять Григорий Константинович. — Не кричите так громко: люди могут услышать.

— Как вы жалки и низки... Боже мой, как вы низки! — повторила Конкордия Владиславовна. — В вас есть только два чувства: бесконечная трусость и алчное желание иметь побольше денег... и вы еще хотите, чтобы я вас любила?.. Уйдите с моих глаз! Я жду только, когда подрастет Ольга... Я найду ей мужа и удалюсь от света... Это избавит меня от вашего присутствия.

— Конкордия Владиславовна, — возразил взволнованно Станишев. — Вы меня оскорбляете без всякого основания! Я глубоко люблю вас, и если я смотрю враждебно на Евгения, то только потому, что вы его жена! Вы должны меня выслушать. Я не стану оспаривать, что деньги были прежде целью моей жизни, но теперь их значение ослабело в моих глазах. Я чувствую к вам то же, что чувствовал князь Осокин... Изъявите согласие быть моей женою, моею любовницей, для меня равносильно как то, так и другое, и я совсем забуду и о графе Бехтееве, и об Ольге, я буду безусловно исполнять вашу волю. Поймите, наконец, что я гасну в непосильной борьбе... что любовь моя к вам глубока, беспредельна.

— Что ж, я очень довольна, — отвечала она, — а я вас не люблю и не буду любить. Пусть это признание будет вам наказанием. Мое же наказание, и, верьте, наказание не менее тяжелое, это — ваше присутствие! Я не могу вас видеть без чувства отвращения. Меня вечно преследует мысль об этом убийстве,

об этой мрачной комнате, освещенной пламенем догорающих свечей.

— Пощадите, к чему вызывать эти воспомина-
ния... — взмолился Григорий Константинович.

— Уходите отсюда! — воскликнула она. — Отбросьте все попытки принести вред Евгению, если вы не хотите иметь дело со мной! Вы знаете меня... Рука моя не дрогнет послать вас на каторгу, невзирая на то, что я могу попасть туда вслед за вами.

— Но это безумие! Ведь я вам предлагаю...

— Я не приму от вас никаких предложений. Я буду смело действовать против всех ваших происков.

— Берегитесь!..

— Как, вы еще грозите? — удивленно спросила она.

— Нет, я вам не грожу, я хотел вам напомнить, что свет может взглянуть с неблагоприятной точки зрения на такой способ действий.

— Что мне мнение света! — возразила она. — Он потерял в моих глазах прежнее значение. Я сделалась теперь совсем другой женщиной. Я достигла цели, к которой стремилась с неутомимой деятельностью. И что же оказалось!

Она остановилась и как будто задумалась.

Затем она подняла на Григория Константиновича свои глаза, блестящие лихорадочным блеском, и сказала отрывисто:

— Вы любите меня? А я вас ненавижу, я презираю вас и... я люблю его...

Она с громким рыданием упала на диван.

— О, как я заблуждалась! Как ошибочно я смотрю на жизнь и на задачу жизни! — воскликнула она, заливаясь слезами. — Боже мой, Боже мой! Эта попытка ужасна! Это кара за грехи!

Она встала с дивана дрожащая и бледная и направилась к дверям, которые вели в ее жилые комнаты. Ей пришлось проходить мимо кресла Станишева. Он сидел в положении совершенно изнеможенном, закрыв лицо руками. Она остановилась и сказала ему резко, сурово, каким-то нервным и надорванным голосом:

— Вы трус, а он храбр! Вы низки, а он честен, я поняла теперь все его превосходство! И он любит меня, я в этом убедилась. Общественное мнение, большей частью ошибочное, за неимением времени произвести подробную и верную расценку, дало мне, кажет-

ся, все, к чему я стремилась: почет и уважение... И что же! Жизнь без Евгения потеряла для меня теперь всякий смысл.

Конкордия Владиславовна пошла далее, но, подходя к дверям, вдруг обернулась и сказала Григорию Константиновичу:

— Еще раз не забудьте того, что я сказала: полное повиновение или... каторга.

XXI

Вскоре после встречи Евгения Игнатьевича с женой в Михайловском театре у одного из иностранных послов в Петербурге был блестящий раут. Роскошные залы посольского отеля кипели шумной жизнью оживленного бала. В одной из гостиных, примыкающих к ним, отдыхала от танцев графиня Конкордия Владиславовна Бехтеева, окруженная цветом петербургской молодежи высшего общества.

Княгиня Зинина сидела в той же комнате. Она говорила в это время с Григорием Константиновичем Станишевым.

В этот вечер Конкордия Владиславовна была в хорошем расположении духа, что за последнее время случалось с ней очень редко. Графиня Бехтеева слыла в обществе за примерную женщину, даже за мученицу. Дуэль ее мужа с князем Осокиным, трагический исход этого поединка возбудили весьма шумные толки и привели к такому заключению: граф Евгений Бехтеев, промотавший все свое состояние, женился на Конкордии Владиславовне и хотел спекулировать красотой жены, но она разгадала его низкие цели и заявила жаркий, энергический протест. Все знают, что покойный князь Осокин любил ее пламенной и безумной любовью, но она, разумеется, не платила взаимностью, а жалела о нем и обращалась с ним дружелюбно-приветливо. Он писал к ней не раз перед ее замужеством, и Евгений Игнатьевич овладел этой перепиской и пользовался ею, заставляя князя Сергея Сергеевича платить шальные деньги за сохранение тайны. Князь сначала поддался желанию оградить честь неповинной женщины, но рассудил потом, что жалобы его на холодность Конкордии Владиславовны и ее недоступность отнюдь не в состоянии навлечь на нее даже тени по-

дозрения, — а все его письма писались в этом смысле, — стал сопротивляться настойчивым требованиям, заявленным шурином. Эти сопротивления раздражали графа Бехтеева. Состоялась дуэль. Право первого выстрела принадлежало князю. Он выстрелил в воздух. Граф Бехтеев ответил выстрелом в грудь.

Таковы были светские толки об известной нашим читателям истории дуэли между Евгением Игнатьевичем и князем Осокиным.

Так иногда пишется история, особенно... в светских гостиных. Все душевно жалели о несчастьи Конкордии Владиславовны, и все благоговели перед ее терпением и силой воли. В кружке, образовавшемся вокруг кресла графини Бехтеевой, смеялись, болтали с большим одушевлением.

В это время один из двух ливрейных лакеев, стоявших по бокам входной двери в большой зал и докладывавший о прибывающих, возгласил:

— Граф Евгений Игнатьевич Бехтеев.

Говор сразу смолк. Все глаза обратились по направлению зала. Станишев побледнел и начал сильно дрожать. Княгиня Зинина встала с места. Конкордия Владиславовна тоже встала.

Посол приветствовал церемонным поклоном прибывшего гостя. Он не знал его и взглянул на него с видимым удивлением и недоумением. Благородное и красивое лицо Евгения Игнатьевича оживлялось румянцем душевного волнения. Он был очень хорош и очень представительен в безукоризненно сидевшей на нем фрачной паре.

Исполнив все формальности представления, Бехтеев направился прямо в гостиную, где сидела Конкордия Владиславовна.

В толпе пронесся шепот. Княгиня Зинина обратилась к Григорию Константиновичу:

— Все эти иностранцы готовы принимать всех без разбору... И весело встречаться Бог знает с кем... Да что такое с вами? Вы страшно побледнели! Боже мой! Да он, кажется, идет прямо на вас.

Графиня Бехтеева стояла с поникшей головой в положении преступника перед своим судьей. Княгиня Зинина в то время взяла под руку Григория Константиновича. Рука его тряслась с неудержимой силой.

— Да что случилось с вами? — повторила княгиня. — Вы как будто боитесь? Это довольно странно!

Евгений Игнатьевич между тем приблизился к группе блестящей молодежи, окружавшей графиню.

Ему дали дорогу. Он подошел к жене.

— Я явился просить вас в глазах целого общества опровергнуть все слухи, которые грязнят мое честное имя! — обратился он к ней с спокойной торжественностью. — Я не хочу быть отныне предметом презрения при полном сознании, что оно не заслужено. Я обвиняюсь, между прочим, в том, что женился на вас из корыстных расчетов на вашу красоту. Я прошу вас сказать с безусловной правдивостью, виновен ли я в том, в чем меня обвиняют?

Конкордия Владиславовна молчала. Она, видимо, потеряла способность говорить. Все кругом стояли тоже в молчании, ожидая продолжения интересной сцены. В это самое время посол пробрался в самый центр этой группы. За ним шли два лакея.

Они остановились ожидать приказания на пороге гостиной.

— Милостивый государь, — сказал хозяин дома, обращаясь к Евгению Игнатьевичу, — я не имею чести вас знать, но всеобщие отзывы дают мне понять, что ваше присутствие в моем доме шокирует очень многих. Я не хочу расследовать, в силу какого права вы явились ко мне, но я прошу вас покорнейше удалиться немедленно...

— Граф, — отвечал Бехтеев с изысканной вежливостью, — я позволил себе явиться в ваш дом, чтобы оправдать себя от ложных обвинений...

— Но мой дом не здание суда, милостивый государь! Притом же я иностранец и не желаю вмешиваться ни в какие общественные, а тем более семейные дела. Я знаю только, что ваш приезд ко мне не согласуется с условиями общественных приличий, и прошу еще раз сейчас же удалиться...

— Так справедливость, значит, только мертвая буква! — воскликнул Евгений Игнатьевич. — Нужды нет, я считаю своею обязанностью говорить всегда правду и смело обвиняю графиню Бехтееву и ее достойного сообщника господина Станишева в грабеже и убийстве...

— Вывести его немедленно! — распорядился посол, махнув рукой лакеям...

— Пусть они уличат меня, если могут, во лжи и клевете! — продолжал Бехтеев.

Но в эту минуту два рослых лакея взяли его под руки и вывели к выходу.

Евгений Игнатьевич не сопротивлялся.

Публика расступилась и дала дорогу.

— Куда его ведут? — воскликнула Конкордия Владиславовна. — Евгений!.. Остановитесь!.. Я люблю вас, Евгений!

— Вы с ума сошли! — сказала строго подошедшая к ней княгиня Горина.

— Нет! Оставьте меня, — сказала графиня Бехтеева. — Вы ничего не знаете... Он говорил правду! Я во всем виновна!

— А! — протянула княгиня презрительно и надменно.

Посол вернулся в это время в гостиную и подошел к Конкордии Владиславовне.

— Прошу извинить меня за подобную меру, — сказал он ей холодно, — но она вызвана...

— Не извиняйтесь, граф, — остановила его княгиня Зинина, взяв его под руку и направляясь к двери. — Я, напротив, обязана просить у вас прощения за то, что ввела к вам подобных людей. Все они хороши! Этот щеголь Станишев дрожит, как преступник... да он и есть преступник...

Когда княгиня Зинина ушла, Конкордия Владиславовна оглянулась. Гостиная была совершенно пуста. Один Григорий Константинович сидел на своем прежнем месте, тревожный и расстроенный. Графиня Бехтеева вышла из комнаты и прошла через зал на парадную лестницу. Никто не спросил ее, куда она уходит. Ей давали дорогу в глубочайшем молчании.

«Все кончено... Тем лучше!.. Началось искупление», — подумала она.

После ухода Конкордии Владиславовны Станишев оправился от своего смущения и вошел смело в зал. Бал был в полном разгаре. Все, казалось, забыли о происшедшем, но Григорий Константинович заметил, что все сторонились его.

Он подошел к княгине Зининой.

— Княгиня, — сказал он, — вы давно уже слышали, что этот человек окончательно помешался.

— Вы доводите наглость до последней крайности. Как вы осмелились заговорить со мной? — смерила его княгиня презрительным взглядом с головы до ног.

Посол шепнул в это время несколько слов лакею,

которого он подозревал. Лакей подошел и доложил Станишеву:

— Ваша карета подана.

Позеленев от злости, Григорий Константинович пытался было попросить объяснения. Хозяин дома презрительно повернулся к нему спиной. Свет произнес свой приговор с привычной неразборчивостью.

Он слил в одно целое всех действующих лиц и стал их презирать, не вдаваясь в расследование: кто прав, кто виноват?

Выйдя из посольского отеля на улицу, Евгений Игнатьевич некоторое время оставался в том странном состоянии оцепенения, физическом и нравственном, которое является неизбежным следствием крупного кризиса, который переживает человек.

Он хотел оправдаться и потом умереть, прокричав на прощанье безучастной толпе:

— Вы видите, что я не был виновен! Клевета и презрение, при глубоком сознании чистоты моей совести, отравили мне жизнь! Пусть смерть моя падет на вас, моих судей и палачей!

Но он не оправдался. Все считали его безусловно виновным, и он стал понимать, что смерть его упрочит сложившееся о нем мнение. Он горько пожалел о том, что написал Грюнбергу. Его мысли были в полном беспорядке. Он стоял, прислонившись к стене дома, находившегося против окон отеля посольства. Был третий час ночи. Бал приходил к концу. Начался разезд. Нарядные женщины являлись на подъезд и садились в кареты. Все они проносились мимо, окидывая, как казалось ему, его фигуру презрительным взглядом. Все они, быть может, хотя и глядели на него, но, конечно, не узнавали его. Но в том настроении, в котором находился Бехтеев, всякий вздор принимал серьезное значение. Он был убежден, что все эти равнодушные и рассеянные взгляды были взглядами презрения.

Кареты подавались, отъезжали от подъезда и уносили в разные стороны утомленную публику. Так прошел целый час. Сердце Евгения Игнатьевича билось все сильнее и сильнее. Он всматривался жадными, пристальными взглядами в лица всех проезжавших. В виду грозного призрака наступающей смерти, в нем зародилось страстное, безумное желание унести с собой в могилу хоть один взгляд сочувствия от этих

проносящихся мимо него людей. Он не мог понять всей несостоятельности его желания, не мог рассудить, что никому из них не могло прийти в голову, что этот человек, прислонившийся к углу незнакомого дома и бледный, как мертвец, был мелькнувший на балу, всеми забытый граф Евгений Бехтеев. Небо покрылось тучами. Пошел мокрый снег. Бехтеев не ощущал ни холода, ни сырости. Состояние человека, стоящего на грани между жизнью и смертью, не подлежит анализу. Через четверть часа мимо него проехало ландо, запряженное парой серых. В нем сидели две дамы: княгиня Зинина и ее компаньонка, дальняя родственница. Когда экипаж поравнялся с Евгением Игнатьевичем, молодая женщина повернулась к княгине и схватила ее за руку.

— Взгляните, там стоит человек, какое у него злое лицо, — сказала она.

— Да, вижу, это тот...

Ландо уже проехало, и Бехтеев не слышал окончания фразы.

Узнали ли его или приняли просто за ночного бродягу?

Но в уме Евгения Игнатьевича сложилось убеждение, что слова безусловно относились к нему.

XXII

Евгений Игнатьевич Бехтеев застегнул пальто и пошел тихим шагом куда глаза глядят. Незаметно для себя очутился на набережной Невы. Одна лишняя капля, и чаша переполнилась. Разорванные тучи неслись быстро по небу. Снег перестал. На пустынной набережной царствовало глубокое молчание.

Бехтеев стоял, прислонившись к решетке, и пристально смотрел на широкую снежную поверхность окованной льдом реки.

В это время послышались тяжелые шаги. Евгений Игнатьевич обернулся. К нему приближался запоздалый прохожий. Он шел, слегка пошатываясь, и все жался к перилам. В разгоряченной голове Бехтеева появилась мысль, что это злоумышленник. Он с тайной радостью стал ожидать нападения. Но это был простой и к тому же не в меру подгулявший рабочий. Повстречав преграду в особе человека, он сильно по-

качнулся и схватился рукой за плечо Бехтеева, но затем рассмеялся самым искренним смехом, замотал головой и направился далее все тою же нетвердой, колеблющеюся походкой.

«А мы еще решаемся выражать сожаление о незавидной доле рабочего сословия! — подумал Евгений Игнатьевич. — Вот этот человек так же беден, как я, и принижен, как я, а между тем он счастлив... Если бы я мог зажить точно такой же жизнью: есть, спать и напиваться! Нет, это невозможно! Я исполнял несколько лет урочную работу, был вполне огражден от материальных нужд, вел, одним словом, жизнь, которою живут очень и очень многие, безусловно хорошие и достойные люди — я не мог с ней свыкнуться, как они. У всех их не было прошлого, стоящего в контрасте с занимаемым ими положением тружеников за условную плату. О, если бы на мне не лежало позорных обвинений!.. Если бы эта женщина не отняла всего. Я бы мог спокойно жить здесь или в другом месте. Я избрал бы профессию свободного художника! Как? Начинать сначала! Это просто немыслимо... У меня не хватило бы ни воли, ни энергии! И притом... я люблю ее... Одно это чувство отравило бы мне жизнь. Нет, следует покончить; чем скорее, тем лучше».

Евгений Игнатьевич стоял у гранитного спуска к реке. Он начал спускаться по ступеням, окидывая взглядом видимое пространство реки. Того, что он искал, не было. Он искал проруби. Он был далек от того места, где они находились.

Он решил искать прорубь и пошел вдоль реки по льду.

«Умереть, — думал он. — Я даже не могу умереть, как другие, спустя рукава... Прорубь в реке, несомненно, есть... Стоит в нее кинуться, — но я умею плавать... Я могу испугаться, вынырнуть и спастись. Газеты разнесут во все концы Петербурга, что я покушался на свою жизнь. Это будет просто позор. Затем, почему знать, что первая попытка не убьет во мне мужества и не вселит отвращения к смерти. Тогда придется жить, маяться и бороться, не предвидя конца... Нет, надо нырнуть дальше под лед, чтобы не было выхода. Тут на дне-то лежит немало трупов... Они спят, горемычные, а рыбы и раки поедают и безобразят их».

Бехтеев шел по реке, то вязнул в снегу, то спотыкался, скользя. Он шел долго. Проруби не было.

— И тут неудача! — воскликнул он запальчиво. — Ведь это черт знает что!

И он продолжал путь.

«Это просто ужасно, — рассуждал он сам с собою с глубоким душевным сокрушением, — что длинные годы страданий, возмущения, тяжелой борьбы, даже самая смерть не вызовут сочувствия, а дадут только пищу насмешкам и толкам. Свет скажет обо мне: «Он глупо разорился, глупо женился, совершил преступление и сделался предметом всеобщего презрения без всякой личной выгоды!» Нужно же отнять у общества хоть возможность сказать: «Он даже не сумел умереть так, как следует!»

Евгений Игнатьевич воззвал к милосердию Божию, взглянул на звездочки, сверкавшие кое-где из-за туч. Он подходил к широкой проруби. Еще миг, и он бы кинулся. Но именно в этот миг в уме его блеснула неожиданная мысль, под впечатлением которой он отскочил с испугом от края проруби. Он услышал наверху на Троицком мосту глухой шум проезжавшей кареты.

«Если даже во мне будет настолько силы, чтобы самому не выкарабкаться и не закричать о помощи, мое тело могут найти... Это слишком людное место... Начнутся розыски... Газетчики проведуют — и пойдет кутерьма. Все станут толковать, что я убил себя вследствие угрызения совести... Станишев засмеется своим беззвучным смехом... вся кровь моя кипит при мысли об улыбке этого человека... Нет, этого не будет! Он сделался бы счастлив... да и Конкордия тоже... Впрочем, глаза ее выражали раскаяние. Как дивно хороши эти неприступно глубокие глаза!»

Бехтеев расхохотался истерическим смехом.

«Ну, мыслимо ли думать о подобных вещах! Мне, полумертвецу? Я воображаю радость Конкордии и Станишева, если бы они узнали, что я покончил с собою и не стою над ними в виде вечной угрозы выдать их преступление. Нет, этот способ смерти отдаляет меня от цели скрыть от них мою смерть. Мое самоубийство должно наделать шуму, не оставив возможности узнать, что это я...»

Евгений Игнатьевич стал очень внимательно осматривать свои карманы и вынимать из них все, что в

них находилось. При нем было письмо, полученное им при отъезде на бал, визитные карточки, платок с его меткою. Он разорвал все это на мелкие куски и бросил в прорубь. Затем он пошел назад той же дорогой, которой шел ранее.

Когда он поднялся на набережную, начало светать.

«А я все еще жив! Какой я негодай!» — подумал он.

Он пошел снова твердыми шагами по улицам Петербурга. Он проходил их, осматривая с зорким и бдительным вниманием высокие каменные дома. Было шесть часов утра. Торговцы мелочных и овощных товаров начали понемногу открывать свои лавки. Отворяли и булочные. Людный город проснулся и стоял наготове зажить своей обычной суетливой жизнью. Это начало утренней лихорадочной деятельности увеличило нервное волнение Бехтеева.

— Нет, надобно скорее покончить! — проговорил он вслух. — Я не в силах прожить еще целые сутки.

Он находился на набережной Фонтанки и зорко оглядывал ближайшие дома. Один из них, угловой, по видимому, соответствовал цели, к которой он стремился. Это можно было заметить по тому пристально-глубокому вниманию, с которым он осматривал и изучал его.

Это был большой пятиэтажный дом, окна чердачного помещения которого были открыты настежь.

«На чердак можно забраться по черной лестнице, — мелькнуло в его уме. — Теперь все еще спят и меня не увидят, а если бы и увидели, — то на вопрос, конечно, у меня найдется ответ».

Он быстро перешел улицу и скрылся в воротах дома. Он был в таком нравственно угнетенном состоянии, что положительно не обратил внимания на местность, где он находился. Иначе он узнал бы, что дом, в который он вошел, находится напротив дома, в котором жила его жена.

Конкордия Владиславовна, возвратившись с рокового для нее бала, прошла в свою спальню, разделась и легла. Комната освещалась матовою лампою, но и этот тусклый свет действовал раздражительно на нервы молодой женщины. Она встала с постели, погасила огонь и силялась заснуть. Но все ее старания оказались безуспешными.

Бессонница, чем дальше, становилась мучительнее.

Молодая женщина не могла лежать ни минуты на месте. Она стала раздумывать о своей прошлой жизни, о мотивах, которыми она руководствовалась, и ее охватило болезненное чувство тоски и сожаления, тем более горькое, что оно пришло слишком поздно, и никакая сила, никакое раскаяние не давали возможности возвратить невозвратное.

Конкордия Владиславовна не считала себя до этого времени дурной и злой женщиной. Она была тщеславна. Это ее оправдывало в ее собственном мнении. Мать ее приучила смотреть с благоговением на свою красоту, как на средство достигнуть блестящей будущности. О нравственном развитии дочери она не позаботилась. Самолюбие, а частью здравый смысл указали Конкордии Владиславовне, как жалко и позорно положение женщин, пролагающих себе дорогу к обеспеченной или роскошной жизни ценою унижений, и она с отвращением отвергла эту роль. Она была уверена, что вся нравственность заключается только в полной непогрешимости ее лицевой стороны. Она рассуждала с искренней наивностью, что поступки ее не имели решительно преступного характера и в основе их не было желания вреда. На долю ее выпала тяжелая борьба. Она ее вела настойчиво и мужественно и была беспощадна только к людям, стоявшим преградой между нею и целью ее жизни. Она припоминала, что она не отказывалась облегчать, по возможности, нуждающихся и подавала милостыню от искреннего сердца. Один только проступок тяготил ее совесть. Она не могла вспомнить без чувства содрогания своей роли в убийстве князя Осокина и своего содействия корыстным побуждениям и проискам Станишева.

За исключением этого она себя считала вполне безупречной. Она эксплуатировала для своих личных выгод сумасбродные страсти пресыщенных людей. Но ведь все эти люди были страшно порочны и не имели права на ее снисхождение.

Евгений был ее мужем. И в этом отношении она строго исполняла предписания законов церковных и гражданских.

Князь Осокин и Станишев были ее поклонниками, но она их держала на далеком расстоянии и не была повинна относительно их ни в одном вольном слове.

Единственное преступление, совершенное ею, избежало расследования и было позабыто.

Она могла рассчитывать на уважение света и требовать его. Но происшествие на балу указало ей, что одно слово мужа разрушало все здание, воздвигнутое ею ценою долгих усилий и многих крупных жертв. Как она ни старалась уронить и унижить его в мнении света, общество тем не менее поверило ему и отнеслось к ней тотчас же с глубочайшим презрением. Эта мысль о муже усилила ее душевную тревогу. Сердце ее сжалось ощущением новой, неиспытанной муки.

«Я была виновна перед ним! — подумала Конкордия Владиславовна. — Но я, право, не чувствую никакого раскаяния относительно прочих. Они руководились низменными расчетами. Ну, какое мне дело до чужих преступлений, если бы даже в основе лежала непритворная привязанность ко мне? Однако же князь Сергей...»

Она слегка вздрогнула и тяжело вздохнула.

— И что меня заставило взвалить на свою совесть это преступление? — добавила она. — Я даже ничем не воспользовалась! Все досталось Станишеву!..

XXIII

Яркий солнечный луч пронизал драпировку и осветил спальню графини Бехтеевой.

Конкордия Владиславовна поняла, что ей уже не удастся заснуть. Она встала с постели, набросила пеньюар, обшитый кружевами, и присела к окну, раздвинув драпировку. Картина пробуждающейся уличной деятельности повлияла благотельно на настроение ее духа. Она ободрилась и улыбнулась слабой, но спокойной улыбкою.

— Он меня еще любит! — прошептала она. — Что же мне отчаиваться. Я отыщу его, и он меня простит. Мы еще молоды! Мы отправимся с ним куда-нибудь подальше, и будем оба счастливы.

Конкордия Владиславовна машинально посмотрела на улицу. Ее начинающееся оживление отразилось на ней.

«Это дело решенное! — подумала она. — Я не стану откладывать и ныне же начну разыскивать Евгения. Это мне не доставит особенных хлопот. Да он и не скрывается. Примирение последует за первым моим словом».

Она самодовольно улыбнулась.

«Его взгляд убедил меня, что он любит меня так же сильно, как и прежде. Мы скроемся в каком-нибудь уединенном уголке. Мы станем зарабатывать свое существование. Он меня не отвергнет! Я докажу ему, что я честная женщина».

Несчастная забыла в порыве увлечения о смерти князя Осокина, о его продолжительной, бескорыстной любви и о том, как она заплатила ему за все эти годы внимания и терзаний.

«Мы всегда можем скрыться от преследований света. Нам только надо начать новую жизнь с новыми людьми! И притом я люблю его. Какое мне дело до всего остального? Он готов будет исполнить все, что я захочу, но я буду просить только его привязанности... Этой супружеской чистой любовью я очищу себя перед Богом...»

Конкордия Владиславовна подняла глаза к небу и... вдруг...

На крыше дома, находившегося напротив, стоял человек.

Это был граф Евгений Игнатьевич Бехтеев.

— Он! — вскричала она. — Это он, мой Евгений!

Но вслед за этим именем из груди ее вылетел раздирающий душу вопль.

Граф Бехтеев перекрестился и бросился в пространство между домами.

Раздался глухой стук и болезненный стон, и затем наступило могильное молчание.

Не прошло и минуты, как Графский переулок загрохотала толпа народа. Явилась полиция. Руководимая единственно только инстинктом, Конкордия Владиславовна бросилась к выходной двери квартиры и быстро сбежала по лестнице. Лицо ее было бледнее ее пеньюара. Глаза смотрели бессознательно, безумно. Швейцар посторонился с движением испуга, чтобы дать ей дорогу. Она скользнула тенью и выбежала на улицу. Толпа тоже расступилась перед ней. На мостовой у ног двух городских и околоточного лежало распростертое неподвижное тело графа Евгения Игнатьевича Бехтеева.

Он ударился головой о тумбу. Череп был раздроблен на мелкие куски. Лицо неузнаваемо. Мозг лежал в стороне, перемешанный с кровью. Бехтеев избежал мучения агонии. Смерть была моментальна. Конкордия

Владиславовна посмотрела опять тем же пристальным и бессознательным взглядом на труп самоубийцы, преклонила колена и ударилась лбом о плиты тротуара, обрызганные свежей, почти теплой кровью. Присутствующая публика смотрела с изумлением на это прелестное создание в таком легком щегольском утреннем туалете, рыдавшее без слез на снегу над безобразным трупом. Наконец нервы Конкордии Владиславовны не выдержали. Она лишилась чувств. Опомнившийся швейцар вместе со слугами графини Бехтеевой бережно унесли ее в квартиру.

Труп самоубийцы также увезли в покойницкую ближайшей полицейской части.

Дворники замели следы крови, а пошедший снег окончательно уничтожил их.

Толпа любопытных разошлась. Прохожие по Графскому переулку и не подозревали, что идут мимо того места, которое послужило так недавно театром для эпилога кровавой жизненной драмы.

Желание покойного графа Бехтеева не исполнилось. Появление у его трупа графини Конкордии Владиславовны выдало его личность, которую он так старательно хотел скрыть.

Графиня объявила явившемуся к ней на другой день полицейскому чиновнику, что самоубийца — ее муж граф Евгений Игнатьевич Бехтеев, от которого она последнее время жила отдельно.

Вышедшие на другой же день газеты на разные лады рассказывали об ужасном самоубийстве в Графском переулке, украшая действительность и снабжая его подробностями, родившимися в фантазии репортеров.

Имя самоубийцы названо не было. Оно запестрило газетные столбцы только через несколько дней, придав самоубийству романтический характер, который ранее только угадывался газетными обозревателями столичной жизни.

Весть о самоубийстве графа Бехтеева на другой день после произведенного им скандала на посольском рауте с быстротой молнии облетела все великосветские гостиные.

Обстановка самоубийства перед окнами спальни своей жены придавала ему пикантный характер и возбуждала любопытство.

Никто, конечно, не мог догадаться, что покойный

граф выбрал дом, с крыши которого бросился на мостовую, совершенно случайно.

— Он хотел отомстить жене даже своей смертью! — решили в свете.

— Это уже с его стороны возмутительная жестокость... — умозаклучали беседовавшие.

— Несчастливая женщина!

Граф Бехтеев, таким образом, не только свою смертью не снял с себя обвинения, но даже возбудил симпатии общества к графине, которую после посольского раута петербургский «свет» изгнал было из своей среды.

Эта симпатия сделала то, что те самые дамы, которые отшатнулись от нее накануне в залах посольского отеля, поехали к ней с выражением соболезнования.

Надо, впрочем, признаться, что истинным двигателем для этих визитов было более любопытство, чем симпатия.

Графиня Конкордия Владиславовна не принимала. Разнежившиеся светские дамы не поленились повторить визиты.

Графиня Бехтеева встретила их в глубоком трауре и не оправдала их ожиданий.

Она говорила мало, но повторила, впрочем, каждой из посетительниц стереотипную фразу:

— Для меня тем тяжелее эта его страшная смерть, что виновна в ней я...

Это произвело хорошее впечатление. Никогда не обвиняют самообвинителей. Только с княгиней Надеждой Федоровной Зининой, которая не удержалась не приехать к своей бывшей любимице, она говорила долго с глазу на глаз.

Она рассказала ей всю свою жизнь, не утаив ничего, как, впрочем, только казалось самой Конкордии Владиславовне или, лучше сказать, утаив немного, но самое важное.

Результатом этой беседы было то, что расположение к графине Бехтеевой в обществе было восстановлено, а перед Григорием Константиновичем Станишевым двери великосветских гостиных закрылись еще плотнее.

Конкордия Владиславовна выхлопотала разрешение похоронить своего мужа-самоубийцу по христианскому обряду и не пожалела денег на пышные похороны.

«Весь Петербург» был на этих похоронах.

Гроб с останками безвременно погибшего графа Евгения Игнатьевича Бехтеева опустили в могилу на кладбище Александро-Невской лавры, недалеко от могилы князя Сергея Сергеевича Осокина.

Графиня не плакала, но на ее лице был отпечаток такого ледящего душу безмолвного горя, которое действовало на окружающих сильнее всяких слез и рыданий.

Она ехала за гробом мужа, медленно двигавшимся под великолепным балдахинном, украшенным графской короной, в карете с княгиней Надеждой Федоровной Зининой.

Старуха снова была очарована Конкордией Владиславовной. Нечего говорить, что Станишева на похоронах не было. Он отомстил графине Бехтеевой тем, что отобрал у нее свою дочь.

Конкордия Владиславовна без протеста отпустила девочку.

Последняя, как и многое другое, напоминала ей ее страшное прошлое.

После похорон мужа графиня Бехтеева зажила замкнутой, тихой жизнью. В течение сорока дней ее каждый день видели на могиле ее мужа забывающейся по нескольку часов в горячей молитве.

По истечении шести недель она послала записку Григорию Константиновичу Станишеву, в которой назначала ему свиданье с ней в девять часов утра.

Он не замедлил исполнить ее приказание. В его душе еще жила надежда назвать ее своей женой и устроиться где-нибудь вдали от Петербурга или же даже от «дорогой» родины.

Неудовлетворенная страсть все еще кипела в этом преступном сердце.

Конкордия Владиславовна приняла его в гостиной.

— Станный час вы назначаете для свидания... Можно подумать, что вы страдаете бессонницей и предполагаете, что и другие тоже не имеют обыкновения спать... — развязно начал он, поздоровавшись с графиней.

Она вскинула на него глаза. Взгляд их был так суров и так металлически-холоден, что Станишев невольно прикусил язык.

— Что вам угодно, графиня? — спросил он после некоторой паузы.

— Если я приказала вам явиться ко мне, значит, вы сейчас и узнаете, что мне угодно, — сказала она холодно-надменным тоном, не приглашая его садиться.

Он было подошел к креслу, стоявшему против дивана, на котором сидела Конкордия Владиславовна, но сесть, видимо, не решился и стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Мне надо сто тысяч рублей... — вдруг сказала она.

— Сто... тысяч? — повторил с расстановкой он.

— Вы слышали... — ответила она. — И в течение этой недели...

— Но...

— Без всяких «но»...

— У меня их нет.

— Они должны быть.

— Откуда?..

— Мне нет дела.

— Но, графиня...

— Я сказала вам. Если деньги к будущей пятнице не будут доставлены в бумагах...

Она встала.

— Что же тогда? — спросил он, силясь, но неудачно, принять иронический тон.

— Я поеду к прокурору, — ответила она.

Он как-то весь съежился.

— Самому прикажете привезти? — спросил он.

— Можете сами. В пятницу в этот же час. Это будет наше последнее свиданье в жизни.

— Слушаю-с.

— Можете идти.

Он медлил.

— Слышите?..

И она, не дожидаясь исполнения своего приказа, сама вышла медленной походкой из гостиной.

Григорий Константинович постоял несколько минут, смотря с искаженным от злобы лицом на дверь, за которою скрылась Конкордия Владиславовна, а затем повернулся и пошел в переднюю.

— Демон! Вампир! — злобно повторил он несколько раз, видимо в адрес негостеприимной хозяйки.

Внутренность всякого храма вообще принимает всегда с наступлением вечера торжественный характер. Но эта торжественность выдается сравнительно гораздо рельефнее в храмах старинной готической постройки. К числу таких храмов принадлежит костел св. Екатерины в Петербурге. Он подчиняет своим обаянием всех невозмутимых.

Безотчетное чувство охватывает душу под этими высокими темными сводами, в виду неисчислимого количества свеч, над которыми носится сквозное облако ладана.

Колени как бы сами подгибаются. Уста бессознательно произносят молитву. Вечерние сумерки окутывали землю. Было восемь часов, и в церкви оставалось мало молящихся.

В задних рядах скамеек сидело еще несколько старушек-богомолок. У стены, подле чаши со святою водою, стояла, прислонившись, сестра милосердия. Она машинально читала молитву и также машинально перебирала четки. Еще несколько женщин стояли на коленях и горячо молились.

Швейцар мерно расхаживал вдоль и поперек церкви, и шаги его гулко отдавались под сводами.

В это время дверь церкви отворилась. В нее вошла женщина. Она остановилась в нерешительности.

Ее, очевидно, охватило чувство глубокой робости среди этой торжественности безмолвного храма.

Это была графиня Конкордия Владиславовна Бехтева. Она была одета вся в черном и укутана черной вуалью. Заметив швейцара, она подошла к нему и сказала:

— Я желаю увидаться с каким-нибудь священником.

— Как? В такую пору? — спросил вместо ответа швейцар.

— Ну, да, в такую пору, — повторила она. — Служитель алтаря должен безразлично, во всякое время, являться на призыв и утешать всех страждущих.

Швейцара озадачила повелительность, звучавшая в голосе женщины.

Он посмотрел на нее с любопытством.

— Потрудитесь пройти поближе к алтарю, и я

предупрежу дежурного аббата, — сказал он почтительно.

— Нет, — сказала она, — я стану на колени и подожду священника.

— Но вам здесь беспокойно, и вы будете стоять на голом полу, а там вам подадут ковер и подушку.

— Спасибо, — ответила она нетерпеливо, — мне не нужно подушки, — я хочу исповедоваться.

Эта странная смесь смирения и надменности изумила швейцара.

Он низко поклонился и сказал торопливо:

— Я сейчас доложу господину аббату.

Конкордия Владиславовна отошла от швейцара и опустилась на колени среди обширного храма, склонилась на грудь голову и, видимо, не забылась в молитве, а глубоко задумалась...

Она не обратила никакого внимания на пристальные взгляды старух-богомолок, любопытство которых было, видимо, сильно возбуждено.

Она отнеслась с таким же невниманием к выразительному взгляду, который бросил на нее молодой человек, вышедший из церкви. Она вся погрузилась в воспоминание прошлого. Аббат между тем подошел к ней, но она не слыхала шума его шагов. Он должен был дотронуться до ее плеча, чтобы заставить ее поднять голову.

Конкордия Владиславовна слегка вздрогнула, увидев его, встала и покорно пошла за ним к исповедальне.

Здесь она снова опустилась на колени.

Священник спросил:

— Вы давно уже не были у святого причастия?

— Не помню! — отвечала едва слышно молодая женщина.

Ее голос дрожал.

— Как, вы даже не помните?

— Я сказала «не помню», и сказала вам правду.

Священник посмотрел на нее с изумлением.

— На вас в таком случае очень много грехов? — сказал он.

— Да, вы не ошибаетесь! — подтвердила она.

— Поведайте мне их без ложного стыда, без малейшей утайки. Милосердие Божие не имеет границ!

— Я именно и рассчитываю на это милосердие, — перебила его Конкордия Владиславовна, — и прошу отпущения всем моим преступлениям.

Повелительность ее тона возмутила священника.

— На вас, значит, лежат, кроме других грехов, еще и преступления.

— Да, — сказала она.

— И вы, насколько видно, не молитесь Всевышнего о прощении, а, напротив, требуете от Него отпущения грехов. Гнев Божий смягчается только одним раскаянием.

— И я теперь раскаиваюсь, — заметила она.

— Там, где нет смирения, не может быть и раскаяния! — заметил священник. — Вам не внушали с детства, и вы не понимаете страшного великого таинства, к которому вы вызваны одним внушением совести.

— О, нет, я понимаю. Я твердо решила удалиться от света и вступить в общину сестер милосердия. Это ясно указывает, что я сильно желаю искупить мое прошлое и заслужить прощение милосердного Бога.

— И у вас есть призвание к этой жизни смирения и самоотвержения?

— Да, я почти уверена, что оно у меня есть.

— Я в этом сомневаюсь, в вас слишком много гордости.

— Да, сатанинской гордости! — перебила она.

Этот ответ смутил священника.

Такого рода исповедь выходила из ряда.

Глаза молодой женщины блестели мрачным блеском. Ее брови грозили.

Аббат перекрестился и отошел от нее.

Конкордия Владиславовна встала с колен и торопливо заступила ему дорогу.

— Почему вы уходите? Почему вы мне отказываете в поддержке и прощении? — спросила она.

— Дочь моя! — ответил нежно аббат. — Я никогда не вправе уклониться от исповеди самых ужасных грешников, когда они взывают со слезами смирения к милосердию Божьему, но я также не вправе поступать против совести и давать отпущение там, где я не вижу даже тени раскаяния.

— Останьтесь, прошу вас! — убеждала Конкордия Владиславовна, придерживая его за руку.

Он высвободил руку и указал ей на художественно сделанное Распятие.

Свет восковой свечи падал прямо на бледное лицо Искупителя.

Она побледнела.

— Дочь моя! Принесите раскаяние перед Ним! — сказал кротко священник. — Умолите Его ниспослать вам смирение. А я пережду пока в алтаре и дам вам возможность подготовиться к исповеди.

Она грузно упала перед ним на колени.

— О, простите меня! — воскликнула она. — Я каюсь и смиряюсь.

Священник обратился на нее испытующий взгляд и снова наклонился над ней.

— Я виновна в убийстве двух человек! — сказала она.

— Вы? — перебил он с ужасом.

— Ну, да, конечно, я! — отвечала она.

— Продолжайте.

— Один из этих двух был богатый князь, истощавший до дна все наслаждения жизни. Он умирал от скуки, но, встретившись со мной, полюбил меня. Но я не поддавалась никаким обольщениям. Я была в этом случае вполне безупречна.

Она остановилась, взглянула на аббата и затем продолжала:

— Он полюбил меня всею страстью и силою последней любви. Я воспользовалась ею и склонила его на преступное дело...

— Вы сейчас утверждали, что ваше поведение было безукоризненное! — остановил ее священник.

— Я и не подавала ему ни малейшей надежды. Ему самому нравилось мое пренебрежение и робкая покорность перед моей волей. У него было громадное состояние. Он долго уговаривал меня выйти за него замуж. Но я не пожелала продаться старику. Он совершил убийство по моему совету, но я не считаю себя его сообщницей. Я держала его потом точно так же, как и прежде, в положении раба. Я должна вам сознаться, что я была тронута этою самоотверженной, безграничной любовью и дала ему право бывать у меня; я в этом раскаиваюсь — такое сострадание было преступно.

Аббат перекрестился.

— Дочь моя, — сказал он, — признания ваши страшны.

— Он любил во мне мое умение властвовать. Он желал еще смолоду найти такую женщину, я же сама видела в нем человека богатого, знатного, influen-

го, который мог быть при случае мне очень полезным. Но этим и кончились все наши отношения. Через некоторое время мне действительно встретилась надобность обратиться к нему за важной услугой, но власть моя над ним, видимо, ослабела. Его смерть вела меня к достижению моих целей, и я его убила. Я привыкла считать его только за автомата, за слепое орудие мое... и разбила орудие. Я в этом раскаиваюсь.

Она говорила с таким хладнокровием, что священник закрыл руками лицо.

— Ваш способ раскаяния страшен настолько же, насколько и ваши преступления.

Конкордия Владиславовна продолжала более мягким голосом:

— Я вышла замуж за другого и не могла осмыслить моих чувств к нему. Лицо его мне нравилось, его громкое имя щекотало приятно мое самолюбие. Он был очень красив, хорошего характера и строго охранял собственное достоинство, а я все же считала себя выше его. Мать меня возрастила в фанатическом поклонении перед собственной личностью. Человек тот мог приблизить меня к цели, к которой я стремилась. Я жаждала почестей и уважения общества и не могла их достигнуть без посторонней помощи. Мое происхождение было самое скромное, и мне пришлось вдобавок вступить в борьбу с бедностью. Я вышла победительницей и нажила довольно значительные деньги, заставляя людей совершать преступления из чувства беспредельной любви ко мне и грозя им потом выдать их правосудию. Я выбрала в мужа человека, способного доставить мне почетное положение в обществе, я хотела взамен освободить его от материальных нужд, но его щепетильность расстроила все мои планы и испортила дело. Я его очернила в общественном мнении, разбила его будущность, и он убил себя. Но когда я взглянула на его распростертое, безжизненное тело, я сразу поняла, чем он был для меня и что я потеряла в этом человеке...

Священник быстро встал.

Лицо его дышало негодованием.

— Объясните, зачем вы пришли в церковь? — спросил он ее.

— Я пришла обрести утешение в скорби и вымолить прощение милосердного Бога.

— И вы надеетесь на это?

— Надеюсь! — тихо сказала она.

— Скажите мне теперь, — обратился он к ней, — как и чем вы надеетесь оправдать и умолить перед Вышним судом эту длинную цепь тяжелых преступлений?

— Отсутствием руководства, моей молодостью, моей красотой...

— Молодость не способна на такие рассчитанные, бесчеловечные поступки.

— Обольщением роскоши... — перебила она, — испорченностью общества, в котором я жила...

Священник молча отошел от нее и пошел к алтарю.

Но она потащилась за ним на коленях и колотилась лбом о каменные плиты.

— Отец мой! Вернитесь! Я искренно раскаиваюсь... Я хочу искупить и отмолить мои грехи.

— Ваше горе неискренно... Благодать не проникла в вашу гордую душу!

Из груди ее вырвалось судорожное рыдание.

— Отец мой! Вернитесь! Я повисла над бездною... Не дайте мне заключить эту длинную цепь страшных преступлений грехом самоубийства!..

Священник содрогнулся.

Глаза его упали на кроткий лик Христа.

Он приблизился к кающейся и благословил ее.

— Да будет мир над вами! — сказал он ей с кроткой грустью. — Да простит вас Господь! Я, смиренный служитель у Его алтаря, не вижу в вашем сердце искреннего раскаяния. В ваших словах звучит только гордость и гнев. Я, темный человек, не нахожу возможности простить и отпустить все ваши прегрешения, но всевидящий Бог будет к вам милосердным. Он прощает с любовью смирившемуся грешнику! Умолите Его ниспослать вам смирение.

Она молча лежала на холодном полу, обливая его горячими слезами.

XXV

Через несколько месяцев в петербургских великосветских гостиных только и было толков, что о преступлении графини Конкордии Владиславовны в сестры милосердия общины Красного Креста.

Она, как оказалось, пожертвовала в это благотворительное общество все свое состояние, простиравшееся до ста тысяч рублей, и принялась самоотверженно за исполнение своих обязанностей, принимала и даже вышивала себе миссии у постелей самых трудных и даже заразных больных.

Прошло несколько лет.

Толки умолкли.

Имя графини Бехтеевой стало забываться в «свете», из которого она окончательно удалилась.

Началась абиссино-итальянская война.

Газеты были переполнены известиями из далекой страны «черных христиан».

Община Красного Креста командировала на театр военных действий несколько врачей, фельдшериц и сестер милосердия.

Имена командированных были опубликованы.

В числе сестер милосердия, уезжавших из Петербурга, значилась графиня Конкордия Владиславовна Бехтеева.

С этим же пароходом, отходившим из Одессы, на котором ехала экспедиция Красного Креста, уехал в Абиссинию в качестве корреспондента нескольких петербургских газет знакомый нам Иосиф Самсонович Грюнберг.

Он встретился на палубе лицом к лицу с молодой женщиной, облеченной в платье сестры милосердия.

Ее лоб исчезал под неуклюжим чепчиком, но лицо ее было пленительно и прекрасно.

Ее скромный костюм, с нашитым красным крестом на переднике, стоял в резком контрасте с блеском ее глаз, белизной ее зубов и прелестью, которою веяло от всего ее существа.

Грюнберг отступил.

— Графиня Бехтеева! — произнес он отрывисто.

— Господин Грюнберг! — прошептала она в свою очередь, вздрогнув всем телом.

— Вы, — повторил опять Иосиф Самсонович, — и притом в этом платье?

Она молчала.

— Ну, признаюсь по совести: я был способен ожидать всяких невероятностей, но эта перешла за пределы возможности.

Он взглянул на нее с нескрываемым отвращением и хотел удалиться.

Она схватила его за руку.

— Постойте!

— Пустите мою руку! — сказал он строго. — Между нами не может быть ничего общего. Я приучил себя смотреть с уважением на почетный костюм сестры милосердия, но мое уважение разбивается мыслью, что он надет на женщине без сердца и без чести.

Но она еще крепче сжала его руку.

— А! — сказала она. — На каком основании вы дали себе право относиться ко мне с таким пренебрежением... Да разве вам известна моя прошлая жизнь? Если бы со мною встретился точно таким же образом Станишев или Ольга, то было бы, конечно, совсем другое дело. Я не имела бы права претендовать на них! Но вы — совсем иное.

— Милостивая государыня, — перебил Грюнберг.

— Подождите немного, — возразила она. — Постарайтесь припомнить, при каких обстоятельствах вы встречались со мною... Когда вы познакомились со мной в первый раз, я была воспитательницей и за мной увивались богатые люди, предлагавшие мне все свое состояние. Но я отказалась вступить с ними в брак и сделалась женой человека, жившего трудами своих рук. Затем вы меня видели замужней женщиной, выполнявшей со строгою честностью семейные обязанности. Теперь в последний раз вы встречаете меня в звании сестры милосердия. Я готова сознаться, что существуют личности, имеющие право относиться ко мне с полным пренебрежением, но вы исключены из этой категории, а потому обязаны сейчас же попросить у меня извинения.

Грюнберг напряг всю свою силу и высвободил свою руку.

— Неужели? — сказал он иронически.

— Да.

— Ваша наглость безмерна.

— Я имею право на ваше уважение, — горячилась Конкордия Владиславовна.

— Вот как?

— Я вела борьбу со всеми искушениями и вышла победительницей.

— С чем вас и поздравляю.

— Я имела почетное положение в обществе. Смерть мужа изменила весь строй моей жизни, и я

не захотела давать повод злословить мое доброе имя и оставила свет, чтобы вступить в общину. Я не дала вам повода относиться ко мне так, как вы относитесь. Я имею право на уважение каждого, а тем более на ваше.

Он засмеялся дерзким, оскорбительным смехом.

— Я признал бы за вами это право, если бы не имел в руках документа.

— Документа? — вопросительно повторила Конкордия Владиславовна.

Грюнберг нагнулся к ней.

Его дыхание обожгло ей лицо.

— Евгений за день до смерти прислал мне письмо князя Осокина.

— Письмо... князя... — повторила она. — К кому?

— К вам, где он сознается...

Она побледнела.

— Он этим отомстил и вам, и мне.

— И вам?

— Презрение, с которым я отнесся сначала к нему, переполнило чашу его сердечной муки... Я это понял и с тех пор больше не живу. Я только путешествую в погоне за забвением. Мой талант, моя прежняя веселость и общительность, все надежды на будущее, все это сразу рухнуло под непосильным гнетом, который называется угрызением совести. А ведь моя вина гораздо легче вашей.

Она вся дрожала и едва держалась на ногах.

— Я любила его, — прошептала она.

— Полноте... Не кощунствуйте...

— Я любила его, — повторила она. — Вы этого не знаете!.. Я глубоко раскаиваюсь... пощадите меня!

— Нет! Я не верю вам.

— Смягчитесь и простите.

— Нет! — сказал он решительно.

Она ухватила за полу его дорожного пальто, но он освободил его, не говоря ни слова, и скрылся в мужской каюте.

Раздался третий свисток.

Конкордия Владиславовна печально посмотрела вслед ушедшему от нее литератору, затем пошла в общую каюту третьего класса, приютилась на одной из скамеек и стала смотреть задумчиво на безбрежное море.

Пароход отошел от пристани.

Известие о трагической смерти графа Евгения Игнатьевича Бехтеева, дошедшее до Григория Константиновича Станишева, прежде всего пробудило в его сердце сладостные надежды.

Конкордия Владиславовна делалась вдовой, и шансы на то, что она наконец согласится сделаться его женой, казалось ему, увеличивались.

Кроме того, Станишев сообразил, что самоубийство Бехтеева против окон жены подтвердит перед обществом ненормальное состояние его умственных способностей и сцена во время посольского раута будет объяснена как бред сумасшедшего.

А на основании такого бреда «нельзя составлять мнения» о «порядочных людях».

К категории последних Григорий Константинович со свойственной ему скромностью причислил и себя.

Скандал в посольском отеле забудется. Все пойдет по-старому. Он, Станишев, будет дышать свободнее. Граф Евгений Игнатьевич Бехтеев, перед которым Григорий Константинович чувствовал панический страх, сошел с его дороги навсегда.

Он тотчас же поехал к Конкордии Владиславовне, но не был принят. Это его взбесило. Он послал к ней свою дочь. Ольга Григорьевна была привезена в родительский дом.

— Что графиня? — спросил ее Григорий Константинович.

— Графиня больна.

— Больна?

— Да... Она так убита горем, что опасаются за ее рассудок.

— Гм! — крикнул Станишев.

Он решил выждать время и дать ей успокоиться или, как думал он, сделать вид, что она успокоилась.

«Комедию ломает!...» — решил он.

Дня через два, когда весть о самоубийстве графа Бехтеева сделалась достоянием всего города, Григорий Константинович поехал с визитами.

Он заранее уже приготовился говорить с сожалением о несчастной участи молодого человека, к которому он никогда не питал ничего, кроме приязни, но который всегда был ненормален и почему-то избрал его мишенью для своих нападок.

«Но я всегда все прощал ему и простил даже последнюю выходку на балу. Я только жалел его... Я и теперь жалею его».

Так думал окончить Станишев свою беседу о несчастном самоубийце.

Ему не пришлось вести ее. Он нигде не был принят. Это поставило его в тупик. Он окончательно растерялся.

Через прислугу, подосланную им в квартиру Конкордии Владиславовны, он между тем узнал, что у графини были с визитами жены именно тех лиц, двери домов которых так нелюбезно затворялись перед его носом, и что графиня не приняла их.

«Ей, значит, смерть мужа послужила на пользу... А мне?» — подумал он.

Ему ничего не оставалось, как только выжидать. Он стал выжидать. Полученная им от Конкордии Владиславовны записка с приглашением явиться к ней ободрила его.

Мы знаем, что его и тут ожидало разочарование. Он вернулся домой взбешенный.

Кроме страсти к Конкордии Владиславовне, в его сердце была еще страсть к деньгам. Предмет первой страсти погиб для него навсегда, а для второй страсти был нанесен тяжкий удар требованием ста тысяч рублей. Но отказать было нельзя. В назначенный день и час он привез графине Бехтеевой потребованную ею сумму в процентных бумагах.

Она приняла его в той же гостинной и также не пригласила сесть.

Сосчитав тщательно деньги, она сказала:

— Хорошо! Можете идти...

— Но, Конкордия... — начал было он.

— Можете идти!.. — властно повторила она и сама вышла из гостинной.

Позеленев от злобы, он принужден был уехать. После этого последнего свидания он возненавидел ее.

Положение Григория Константиновича Станишева в Петербурге стало невыносимым. Он решил покинуть оказавшиеся для него негостеприимными берега Невы. Он стал хлопотать о разрешении продать дом, принадлежавший его дочери, мотивируя эту просьбу ее слабым здоровьем и необходимым переездом на юг. Он не пожалел денег и, конечно, без труда достал для Ольги медицинское свидетельство в этом смысле, под-

писанное одним из петербургских светил медицинского мира. Эта подпись в связи с другими представленными в опеку и сенат доводами решила дело. Продажа была разрешена.

На прекрасный дом князя Осокина, конечно, очень быстро нашелся покупатель, приобретший его дом со всей обстановкой.

Григорий Константинович с своей дочерью вместо того, чтобы ехать на юг, отправился в город, вблизи которого было расположено имение покойного князя Осокина, перешедшее по завещанию к Ольге Григорьевне Станищевой, то самое имение, где несколько лет тому назад Конкордия Владиславовна искушала покойного князя Сергея Сергеевича убить его жену, но он в первые минуты не поддался этому искушению и выгнал ее из дома.

Он не сумел, однако, выгнать ее из сердца.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

На этом записки Конкордии Яцевич обрываются.

Мне удалось случайно узнать дальнейшую судьбу действующих лиц.

Петербургское светило медицинской науки оказалось право, выдав Ольге Григорьевне Станишевой свидетельство о необходимости для нее благотворенного воздуха юга — она через два года после отъезда из Петербурга умерла от чахотки.

Сам Григорий Константинович Станишев, не особенно огорченный смертью дочери, сделался нищим-богачом.

Скупость сделалась положительно его манией.

Он стал до того подозрителен, что держал свой огромный капитал дома, боясь доверить его даже Государственному банку, и жил в каморке под лестницей собственного дома, весь отдавая его внаймы, жил впроголодь, питаясь буквально отбросами его жильцов.

В один роковой день он был найден в своей каморке убитым, с разбитым черепом. Все деньги исчезли. Убийцы не разысканы. Оставшееся после него недвижимое имущество оказалось выморочным.

Иосиф Самсонович Грюнберг не вернулся из Абиссинии. Он был убит наповал шальной пулей в сражении под Адудей.

Судьба автора этих записок уже известна дорогим читателям и очаровательным читательницам. Она до сих пор одна из шикарных кокоток Петербурга. Ее мать живет при ней, радуясь, что дочь взялась за ум и умеет получать хорошие проценты на свой капитал — красоту.

Я встречаю ее на Большой Морской в часы катанья в роскошном экипаже, в богатом эксцентричном туалете, в театрах, в концертах, в веселых загородных уголках.

Она не обращает на меня внимания, как будто не узнает меня, а я...

Я до сих пор люблю ее!

МЕСТЬ ДИВЫ

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Стояло лето 1890 года. Горячее солнце весело заливало Старо-Петергофский парк и небольшую изящной постройки дачу, уютившуюся между деревьями недалеко от дороги, но вдали от других дач. Большой густой сад, окружавший дачу, был девственен, а тишина и отсутствие в нем жизни придавали ему особую таинственность.

Но вот дверь террасы дачи шумно распахнулась, и на пороге ее появилась хорошенькая горничная с розовым оживленным личиком, вся в белом, несшая в руках маленький кувшинчик и детскую кружку. Весело мурлыкая себе под нос какую-то песенку, она спустилась со ступеней террасы и, повернув направо, пошла в глубь сада. Целью ее прогулки был огромный полосатый зонт, находившийся между самыми тенистыми деревьями и служивший верным убежищем от жары. Там должна была быть ее хозяйка со своей двухлетней дочкой, проводившая каждый день в этом убежище по семь-восемь часов.

Приближаясь, горничная различила кресло барыни и коляску ребенка, но ни той, ни другого около них не было.

«Пошли прогуляться», — подумала она и прибавила шаг.

Дойдя до зонта, горничная поставила молоко и кружку на столик, стоявший тут же, и, сложив руку трубкой, громко крикнула: «Ау, ау!» Ответом ей было только эхо.

Все еще не тревожась, горничная вышла из-под зонта и снова стала кричать, но желанного ответа не последовало.

Взгляд служанки упал на что-то белое, видневшееся в кустах, и она бросилась туда.

Картина, представившаяся ее глазам, была поистине ужасна. Распростершись во весь рост, на траве лежала молодая женщина, одетая во все белое. Ее грудь была залита кровью, большие карие глаза широко раскрыты, и в них выражались такой ужас, такое безысходное отчаяние, что, раз глянув на них, никогда нельзя было забыть этот взгляд.

При виде этой ужасной картины горничная неистово закричала и бросилась прочь. Натыкаясь на деревья и кусты, она бежала изо всех сил к дому, не переставая кричать. Навстречу ей высыпали уже и другие слуги.

— Что случилось? Что? — слышались возгласы.

— Барыню убили!.. — успела крикнуть девушка и без чувств упала на руки поддерживавшего ее рослого лакея.

Все так и ахнули. Заспанная старуха-нянька даже заголосила и принялась рвать свои седые волосы.

— Говорила Нинушке, — причитала она, — не сиди одна! Нет, гнала меня, сама все хотела делать. Вот и дождалась. О, мой грех, что я слушалась. Мой грех! — И, видя, что горничная, спрыснутая водой, пришла в себя, она кинулась к ней с расспросами: — А Нюрочка-то жива? Не тронули ее?

— Нет, ее на видела, — ответила горничная и громко зарыдала.

— Надо заявить в полицию, — первый подал благоразумный совет лакей и торопливо пошел из сада.

Оставшиеся, кроме няньки, не решались идти к труп. Они продолжали галдеть около дачи до тех пор, пока не приехала полиция.

Начался тщательный осмотр места преступления. Явившийся с властями врач попробовал вернуть к жизни женщину, но напрасно: рана, нанесенная в грудь, хотя была и не глубока и не широка, однако жестокость убийцы, повернувшего в ней орудие, сделала ее ужасной. Ребенка нигде не оказалось.

Судебный следователь, ведению которого было поручено это дело, очень ярко и верно нарисовал картину убийства.

— Несомненно, целью преступления был ребенок. Он спал в коляске, когда его схватили. Мать в это время гуляла поблизости и, увидев похитителей, бросилась на помощь. Удар ножа свалил ее, не дав приблизиться к месту. Убийц было двое.

— Но зачем им ребенок? — спросил прокурор.

— Это пока мне неизвестно. Надо дожидаться мужа этой несчастной, может быть, он прольет свет на происшедшее.

Вся эта драма случилась в Старом Петергофе, в половине июня месяца, на собственной даче, принадлежащей Всеволоду Александровичу Кутузову, блестящему светскому жуиру и красавцу, известному всему Петербургу. Он три года тому назад женился на бедной дворянке, Нине Сергеевне Хамшиной, она-то и стала жертвой вышеописанного преступления.

По отзывам слуг и всех знавших их, этот брак не был счастливым. Легкомысленный кутила, Кутузов очень быстро пресытился красотой своей ангелоподобной жены и стал развлекаться на стороне. К счастью для молодой женщины, у нее был ребенок. Она вся ушла в его воспитание, и частые отлучки мужа и его холодность мало тревожили ее. Уединенная дачка в Петергофе, тенистый сад, тишина, верные слуги и обожаемый ребенок составляли для Нины Сергеевны все, и она была вполне довольна. Муж приезжал к ней два-три раза в неделю, и всегда ненадолго. Такова была жизнь этой женщины.

Все это без труда удалось узнать властям.

Опытный агент был послан в Петербург, на розыски Кутузова, а пока что на месте преступления велось тщательное следствие. Нашли место, через которое проникли убийцы, нашли следы их ног и установили, что, несомненно, одним из них была женщина.

Несколько сыщиков отправились на разведку и вне дачи. Вскоре один из них вернулся и принес известие, что дворцовые сторожа в полуверсте от места происшествия видели ехавшую по дороге карету со спущенными шторами именно в тот час, когда, как предполагалось, произошло убийство.

Пока дело этим и кончилось. Покойницу внесли в дачу, обмыли, одели в чистое платье и уложили в зале.

Только в одиннадцать часов вечера посланному агенту удалось привезти мужа жертвы на место убийства.

Кутузов, красивый двадцатипятилетний брюнет, был растерян, удручен и на все расспросы следователя отвечал уклончиво. Когда ему показали убитую, он отчаянно разрыдался и долго не мог оторваться от ее

широко раскрытых глаз. Он самобичевал себя, но из этого судебному следователю не удалось получить ничего такого, что способствовало бы раскрытию преступления.

— Не было ли у вас любовницы, которая желала бы вам отомстить? — наконец спросил следователь.

— Отомстить? — недоумевающе произнес Кутузов.

— Ну да... Которая бы вам грозила?

— Была одна такая, — задумчиво произнес Кутузов, — но, я слышал, она умерла.

— Как ее звали?

— Маргарита Вернье.

— Француженка?

— Выросшая в России.

— Вы долго с нею жили?

— Два года. У нее был сын. Потом я женился и бросил ее. Она, правда, кричала о мести.

— И вы больше не видели ее?

— Никогда! Я слышал, что она умерла...

Большого следователь не мог добиться.

Начались энергичные поиски. Полиция приложила все старания, все усилия, но — увя! — ни ребенка, ни убийц матери не отыскиали, и следствие было прекращено.

Таинственная карета, виденная дворцовыми сторожами, так и осталась неразысканной, хотя ее видели еще двое или трое лиц. Розыски Маргариты Вернье тоже не привели ни к чему. Хотя дата о ее смерти и не подтвердилась, но француженка как сквозь землю провалилась.

Кутузов горевал хотя искренне, но недолго. Интересного вдовца быстро утешили полусветские и светские красавицы.

П

ЖИВОЙ ТОВАР

Прошло более шестнадцати лет.

В загородном увеселительном саду в теплый августовский вечер за столиком сидело несколько женщин в кричащих шляпках, с раскрашенными лицами, горячо жестикулировавших и рассуждавших. Некоторые были еще молоды и красивы, но бессонные ночи поло-

жили свой отпечаток на их лица и лишили их красок молодости и здоровья.

Шикарные туалеты и слишком бесцеремонный грим, равно как и развязное обращение с лакеями, составляли предполагать в них певиц этого сада, что и было на самом деле. Все они были второстепенными интернациональными певичками и теперь, перед началом спектакля, собрались, чтобы отвести душу и позлословить относительно своих более счастливых товарищей, имена которых появлялись на афишах и в газетах.

— Видеть не могу эту противную Фражет! — ораторствовала молоденькая блондинка с сильно помятым личиком, носившая прозвище Мурки, а на афише громкое имя Мэри Брантон. — Зазнается Бог знает как!

— Опять не ответила на твой почтительный поклон? — насмешливо сверкнула великолепными черными глазами высокая, дородная брюнетка, несомненно еврейка, певшая под фамилией Каскарет.

— Конечно! — обиженно воскликнула Мурка. — Идет со своим прихвостнем, будто бы братцем, и ноль внимания. Чем я хуже?

— Ну, положим! — иронически кинула брюнетка.

Блондинка вспыхнула, как зарево.

— Я... я хуже? — задыхаясь, крикнула она. — Да мне двадцать лет, а ей пятьдесят. Старая кочерыжка, вот кто она!.. Видеть не могу.

— Зачем и лезть?

— А ты не отвешиваешь ей первая поклонов?

— Не отрицаю. Ведь ты знаешь, что она для директора... Жрать захочешь, так не ей поклонись.

— Какое рабство! — фыркнула Мэри.

Окружавшие ее женщины захохотали.

— Ишь, каких слов нахваталась от студента. Браво, Мурочка, браво! — закричали они.

— Конечно же рабство! Подумайте сами: у директора три любовницы и одна законная половина — унижайся, у режиссера — унижайся, распределителю — делай подарки, говори любезности. Разве это — не рабство? Да мы — бедные рабыни, ей-Богу. А гости, а публика? Да и перед лакеями иногда голову приходится приклонить, потому что выгодный гость велит позвать, а он другую ему сведет.

— Верно... верно...

— А наши противные примадонны? Они нас презирают. Я каждый день страдаю от той насмешливой улыбки, которая появляется у Даржан после моего второго номера. Она радуется, что мне слабо хлопают... Противная!

— А ты пой лучше! — наставительно произнесла Каскарет серьезным тоном, насмешив остальных женщин.

— Где уж тут лучше! — безнадежно махнула рукой Мурка. — Все лучшие шансонетки наши примадонны разобрали. Сколько раз просила режиссера, чтобы дал мне спеть, а он ни за что. Даржан, видите, поет. А эта шансонетка у меня отлично выходит. Колька мой в восторге, — и маленькая блондинка, качая головой, вдруг приятным, нежным голосом запела первые куплеты модной шансонетки.

— Тише ты! — остановили ее подруги и, увидав идущего к ним через веранду господина в цилиндре, зашептали: — Папашка идет... папашка.

Певшая моментально смолкла и устремила свои глаза по тому же направлению, куда смотрели и ее подруги.

Господин, шедший к ним, был немолод, и седина заметно пробивалась в его усах и бороде, но его лицо и вся фигура носили такой жизнерадостный вид, что невольно при виде его делалось как-то веселее на сердце. Он еще издали закивал сидевшим женщинам и махнул в знак приветствия тросточкой.

Те встретили его радостными возгласами: «Папашка!», «Здравствуйте, милый!», «Как поживаете?».

— Здравствуйте, здравствуйте, милашки!.. — пожимал он тянувшиеся со всех сторон руки. — Живу, как видите... Здрав и невредим.

— Что нас забыли?

— Дела... И сегодня по делу.

— К директору?

— Конечно же, душечки. К кому же больше?

— Зачем? Не секрет?

— Ни малейшего. Новую подругу вам хочу доставить.

При этом известии лица певиц вытянулись.

— Подругу? — разочарованно произнесли они.

— А вы бы хотели дружка? — захихикал жизнерадостный господин. — Шалите!

— Нас и так много, — произнесла Каскарет.

— Эта особенная... знаменитость, всех за пояс заткнет. Такая штучка!

— Это совсем скверно, — откровенно высказалась Мурка. — Ведь если она будет иметь особенный успех, то многим из нас дадут по шапке. Теперь директор берет количеством, а тогда уже начнет качеством.

— Что делать, душечки? Судьба! — развел руками Папашка. — Наш Никодим Иванович все плачется, что дела плохи, надо ему их поправлять...

— А мы-то куда денемся? — воскликнуло несколько женских голосов.

— Пристрою и вас, — ответил их собеседник и, сев на придвинутый ему лакеем стул, шутливо подмигивая, сказал: — Не угостите ли, медам, меня коньяком?

Певицы тотчас же велели подать коньяк. Они, видимо, дорожили расположением этого человека, что и не представляло собою ничего особенного, так как последний был театральным агентом по доставке «живого товара» в наши кафешантанные эдемы. Ни одна знаменитость этого мирка не миновала его рук, и он смело считал себя царьком этих женщин. Очень и очень многие удостаивались и его особенного внимания, но печать молчания сковывала их уста. Он был фамильярен со всеми одинаково и ненавидел, когда женщина, бывшая к нему близкой, кричала об этом. Почему? — это была его тайна. Все знали, что он холост, живет с сестрой, но далее этого сведения не шли. Звали его Иваном Петровичем Козыревым, но в большинстве просто Папашкой, и это прозвище твердо укоренилось за ним.

Поглощая рюмку за рюмкой, Козырев краснел и хохотал веселее. Начавшая собираться в сад публика удивленно поглядывала на эту компанию и делала свои замечания.

— Не пора ли вам, пупочки, одеваться? — наконец напомнил Козырев певицам, когда в глубине сада зазвучал колокольчик.

— И правда, пора, — согласились некоторые и повскакали с мест, а за ними двинулись и остальные.

Остались сидеть только Мэри Брантон да Козырев. Он продолжал тянуть коньяк, она задумчиво смотрела куда-то вдаль. Слетевшие с ее лица оживление и бравада сделали его невыразимо милым и жалким и почти детским, беспомощная улыбка скользнула по губам.

Козырев, наблюдавший за нею, ласково дотронулся до ее руки и проговорил:

— О чем думает Мурочка?

Она вскинула на него глаза и вместо ответа спросила:

— Очень хороша та новая... которая приедет?

— Дивно хороша!.. — восторженно ответил Козырев.

— И молода?

— Лет двадцати, не больше...

Мэри вздрогнула и нахмурилась.

— Барышня, вас просят в кабинет, — неожиданно раздался около нее голос лакея. — Николай Владимирович и Осокин.

— Скажи, сейчас приду, — просияв, кинула Мурочка и вскочила с места.

— Побежим к милому дружку? — лукаво подмигнул ей Козырев, наливая себе новую рюмку коньяку.

Она заодно вздернула головку.

— Завидуете чужому счастью?

Папашка захихикал сильнее:

— Счастье, ха-ха-ха. Нашла счастье!

— Конечно, счастье для такой, как я! Коля молод, красив, любит меня...

— И быстрехонько бросит, — иронизировал театральный агент.

— А вы почему знаете? Кто вам сказал?

— Изучил психологию мужчины. Как новинка, так старая и побоку. Все мы таковы.

— Ну, Коля не такой. Шалите! Он честный, хороший, жить мне вместе предлагал.

— Отчего же не согласилась?

— Боюсь. Привыкла одна.

— Удобнее шалить? — подмигнул Козырев.

Мурочка вспыхнула, хотела что-то возразить, но сдержалась и только сказала:

— Грех вам, что вы меня дразните. Ну, мне пора, до свидания!

— Увидимся. Я останусь до конца, — ответил он.

Мурочка быстро пошла по направлению внутреннего помещения веранды, где помещались кабинеты и прочие комнаты, служащие нуждам ресторана, а через пять минут уже входила в кабинет, где ее ждали.

Как только ее фигура появилась в дверях, сидев-

ший на диване высокий красивый блондин вскочил и бросился ей навстречу.

— Мэри, наконец-то! — воскликнул он, полунежно, полустрастно целуя певицу в накрашенные губки. — Мы уже тут заждались.

— Кажется, я недолго! — весело ответила она и любовно ответила на его поцелуй. — Соскучился, милый?

— Конечно же. Не видел тебя с утра, — искренне произнес он.

— Голубки! — раздалось насмешливое восклицание сзади них.

Блондин сконфуженно выпустил Мэри из своих объятий.

— А, злой гений! — приветствовала последняя подошедшего к ней высокого bruneta, типично южное лицо которого в эту минуту было искажено иронически-злой улыбкой.

— Скорее добрый, — в тон ей ответил он, — потому что привез ваше ненаглядное сокровище сюда. Кланяйтесь и благодарите!

— Врешь, Ленка, — запротестовал блондин, — не ты меня привез, а я тебя. Кто настаивал на «Монелизвер»?

— Настаивал, но не очень.

— Все равно ты знал, что придется сдаться. Где моя ненаглядная Мурочка, там и я! — и Николай Владимирович снова поцеловал Брантон.

Последняя погрозила пальчиком brunetu.

— Какой вы хитрый, Осокин, лжете и не краснее-те. Нехорошо, нехорошо!

Недобрая улыбка снова появилась на губах bruneta.

— Моя ложь послужила к украшению Николая. Чего же вы хотите? — насмешливо произнес он.

— Однако соловья баснями не кормят, — засуетился блондин и обратился к певице: — Чем угощать тебя, Мурочка? Что выпьешь?

— Мне все равно, — рассеянно ответила она, садясь на диван и стягивая длинные белые перчатки.

— Но все-таки... Шампанского, крюшона, пунша? Говори, голубка, не стесняйся!

— Ну, пожалуй, крюшона. Ужасно жарко.

— Отлично, отлично, я сейчас устрою, — засуетился ее возлюбленный и бросился к звонку.

— Ты бы сам пошел, выбрал ананас, — снова заговорил брюнет, уже усевшись рядом с Мэри, — а то прошлый раз дали неважный.

— Верно, верно. Я пойду.

— Брось, Коля, не ходи! — запротестовала певица. — Не все ли равно?

— Нет, нет... я пойду, — и блондин бросился к двери.

Когда последняя закрылась за ним, Осокин насмешливо произнес:

— Птенчик!

Брантон разом повернулась к нему:

— Скажите, Леонид Юрьевич, зачем вы смеетесь над ним? Ведь это нечестно!

— Вот странная постановка вопроса.

— Да, да, нечестно! — горячо повторила Мурочка. — Вы уверяете Николая в своей дружбе, почти неразлучны с ним, а между тем каждый его шаг подвергается вашей иронии, смеху. Что в нем много детского, нетронутого, я признаю, но это должно восхищать, а не смешить.

— Кого как! Я другого взгляда.

— Так оставьте его! Найдите себе друга более развитого, более серьезного.

— Я знаю, что это — ваше горячее желание, — насмешливо прищурился брюнет.

— При чем тут я? — вспыхнула Мэри.

— О, меня не проведете! — возразил брюнет. — Вам надо еще больше забрать его в руки. Я понимаю, понимаю!

Хорошенькое личико певицы покраснело, как зарево.

— Мне забрать его в руки? — воскликнула она. — Вы шутите?

— Не корчите из себя невинности! — злобно произнес он. — Я вижу вас насквозь.

— Вы с ума сошли!

— Не думал, моя крошка. Ваше тайное желание мне ясно как Божий день. Вы хотите женить на себе наивного малого. Ведь это — мечта каждой женщины в вашем положении, а в особенности ваша.

Мэри готова была заплакать.

— Злой человек! — могла только проговорить она и отвернулась от говорившего. — Замолчите!

Но Осокин не замолчал. Только его тон из злобно-

насмешливого сделался вдруг вкрадчивым. Он взял лежащую на столе руку молодой женщины в свои и поднес к губам.

— И все это можно сделать по вашему желанию, — начал он, — все. И женить его на вас, и помочь вам стать честной женщиной, и сохранить его любовь. Ведь вы его любите? Не правда ли?

— Очень! — тихо прошептала Мэри.

— Я знал. И представьте, все это счастье зависит от меня.

— Дайте мне его! — уронила она.

— Могу, но с условием...

— Деньги?..

— Нет, обладание тобой... — страстно крикнул Осокин.

— Никогда! — прошептали побелевшие губы певицы.

— Почему ты не хочешь? — грубо обратился к ней Осокин, трясая ее за плечи. — Почему? Пойми, все твое счастье зависит от этого. Одним мужчиной больше, одним меньше, не все ли тебе равно? Ведь ты — продажная, продажная!

Мэри с силой, которую трудно было предположить в ее тонком, гибком теле, вырвалась из рук Осокина и отскочила к двери комнаты.

— Зверь! — закричала она.

— Ты разбудила его во мне... ты...

— Сейчас придет Коля, и я ему все расскажу! — задыхаясь, произнесла она. — Он оценит и ваше менторство, и вашу дружбу. Негодяй!

Осокин встал в свою очередь и, рисуясь перед ней своей насмешливостью, внушительно проговорил:

— А я расскажу ему, как вы, прелестная недотрога, третьего дня, когда бедный мальчик учился, кутили с дровяником Сизовым, а затем осматривали его дачу в Каменном и уехали оттуда в семь часов утра с двумя сотенными в кармане... Ага, побледнели? — захохотал он.

Мэри действительно побледнела даже под румянами.

— Вы не смеете сказать это! — испуганно крикнула она.

— Как и вы — то, что было сейчас.

— Я буду молчать.

— Благоразумие — мать всех добродетелей.

В коридоре послышался голос возвращавшегося Николая Владимировича.

III

В УБОРНОЙ ДИВЫ

Пока только что описанная сцена происходила в кабинете между Брантон и Осокиным, в другом конце сада, в уборной француженки Фражет, шел разговор, как раз касавшийся этих личностей.

Певица, совсем готовая уже к выходу на сцену, сидела перед зеркалом у туалета и клала последние штрихи грима на лицо, не переставая разговаривать с сидевшим недалеко от нее красивым юношей, поразительно похожим на нее. Ей было лет сорок, но казалось, не больше тридцати, благодаря сохранившей всю грацию и упругость молодости фигуре и живым черным глазам, в которых блистали неподдельные ум и лукавство. И действительно, правильные черты лица, коралловые губы, открывавшие два ряда мелких жемчужных зубов, и соболиные брови под шапкой светлорыжих волос делали эту женщину обольстительно красивой. Она, почти безголосая, имела огромный успех, как на сцене, так и в жизни, и была вечно окружена роем поклонников.

Молодой человек, разговаривавший с нею, имел те же черты лица, те же глаза, что у нее, только волосы на его голове и усиках были цвета воронова крыла, да и рост его был выше ее на целую голову. Они говорили друг другу «ты», и в этом мирке все знали, что это — племянник и тетушка. Звали его Жоржем и больших сведений относительно него не могли добыть даже самые любопытные из поклонников Фражет.

Она всюду таскала за собой этого юношу, а когда ее спрашивали, чем объясняется такая сильная ее привязанность к нему, она, улыбаясь, отвечала: «Жорж приносит мне счастье, а я суеверна». И Жорж жил и веселился на счет ее поклонников, карманы которых были всегда открыты для Фражет, как для них ее сердце и квартира.

Такова была эта парочка, с которой мы поближе

познакомим наших читателей. Разговор между ними шел на французском языке.

— Итак, ты узнал что-нибудь о ней? — спросила певица своего юного собеседника.

— Не трудно было, тетя, — улыбаясь, ответил он, крутя усики. — Она вся как на ладони.

— Прекрасно! Итак?!

— Она дочь француза-парикмахера, это во-первых. Ее мать была немка. Она была кафешантанной этю-алью, из второстепенных, и в конце концов влюбилась в причесывающего ее красивого парикмахера и вышла за него замуж.

— К чему такие подробности?

— Для порядка, тетя. Ведь ты желаешь знать все?

— Только не о ее предках.

— Отлично, приступим к делу. Итак, я начинаю. Прелестная Мэри родилась ровно двадцать лет тому назад, она ровесница мне.

По лицу француженки пробежала болезненная гримаса.

— Нельзя ли без сравнений? — сухо сказала она.

Жорж удивленно посмотрел на нее и лукаво улыбнулся.

— Хорошо, хорошо! Итак, я приступаю к ее детству. Росла Мэри у родных. Они открыли парикмахерскую и зажили как буржуа. Когда Мэри исполнилось восемь лет, ее мать заметила у нее голосок и стала, кроме пансиона, учить ее пению. Крошка делала успехи. Но так как мать, кроме шансонеток, не знала ничего, а на учителя не хватало денег, то Мэри в совершенстве изучила лишь их. Вот откуда ее шик в исполнении.

Фражет злобно посмотрела на него.

— Шик! — презрительно бросила она. — Доморощенный.

— Все-таки он есть, — заступился за отсутствующую Жорж, — это нельзя отнять у нее. Дай ей лучше репертуар, туалеты... о, она бы показала себя!

— Да ты, мальчик, сохранил о ней хорошие воспоминания? — изумилась певица.

— Сознаюсь, тетя, это — таинственная женщина, связь с которой, хотя и мимолетная, оставила во мне приятное впечатление. Ей-Богу, если бы ты категорически не заставила меня порвать с нею, я с удоволь-

ствием продолжал бы ее до сих пор и не прочь был бы взять ее и в наш милый Париж.

Слова юноши несказанно удивили француженку.

— Ты, значит, любил ее? — спросила она. — Но в чем же ее сила?

— О, это трудно объяснить. В ней есть что-то особенное... целомудрие, смешанное со страстностью.

— Теперь я понимаю Осокина, — задумчиво произнесла Фражет.

Жорж встрепнулся от ее последних слов.

— Осокина? При чем тут он?

— Я скажу тебе правду, — ответила Фражет. — Он любит эту Мэри или влюблен, не знаю, но хочет иметь ее своей любовницей. Глупая девчонка почему-то невзлюбила его. А между тем он очень красив, очень!

Молодой человек хитро улыбнулся и сыронизировал:

— До того, что даже вы не могли устоять.

— Мы все со слабостями. Но я продолжаю. И вот, так как ты знаешь, что Осокин — мой большой друг, то он просил меня, чтобы я помогла ему в его происках. Я согласилась. План его такой: как только около нее появится постоянный поклонник, он его удалит...

— Значит, и меня...

— И тебя я удалила от нее по просьбе этого Осокина.

— Но это — подлость! Чего же он добьется?

— Что она разочаруется во всех и предпочтет его другим.

— Слабая надежда для умного человека! — засмеялся Жорж.

— Что делать... у каждой старухи бывает проруха, — договорила певица по-русски.

— Так-то оно так, но мне жаль бедную девушку. Ведь и теперь она влюблена.

— Я знаю и потому-то и просила тебя разузнать о ней. Богатый студент — очень лакомый кусок, и он ее любит. Леонид сходит с ума.

— Но ведь они — друзья.

— Недавние. Он и тут хочет удалить соперника и за этим обратился ко мне.

— К тебе? Странно! Ведь ты даже не знакома с этим студентом.

Фражет загадочно улыбнулась.

— Я не знакома, это верно, но могу рекомендовать Осокину особу, которая тотчас вскружит голову его приятелю. Вот в чем весь секрет.

— И это ты сделаешь? — изумился племянник.

— Конечно! Я получу за это две тысячи.

— Ого! Это — куш! Но разве Осокин богат?

— Я не знаю, — пожала певица роскошными плечами. — Он, говорят, игрок.

— А-а... Но где ты возьмешь красавицу, которая сведет с ума твоего протеже?

— Ты разве не читал сегодня заметки в газетах? — вместо ответа спросила Фражет.

— И не думал. О чем она?

— О том, что через две недели на небосклоне кафешантана появится новая звезда, восхитительная красавица, мадемуазель Люси Раймонд.

Жорж даже привскочил от изумления, охватившего его.

— Люси Раймонд! Люси?! — удивленно вскричал он. — Наша Люси?

— Да, наша Люси! — подтвердила Фражет.

— Люси! Люси! — твердил Жорж. — Моя маленькая кузина! О, как я рад! Я не видел ее шесть лет. Вот, наверно, она выросла.

— Конечно! — холодно ответила певица, которую, видимо, неприятно поразил энтузиазм, проявленный племянником.

— Но ведь у нее наружность ангела, — тараторил он. — Ясное дело, что ни Мэри Брантон, ни еще более красивые женщины не годятся ей в подметки. Но как Люси попала на сцену? Ведь она должна была быть еще в пансионе?

— Я взяла ее оттуда и отдала старику Бражелону, — нехотя ответила Фражет. — Она уже выступала в «Фоли-Бержер».

— Такая молоденькая? Мне ее жаль.

— Не тебе жалеть Люси, — резко отчеканила певица, и ее красивое лицо из угрюмого сделалось злым.

Жорж хотел возразить ей, но, заметив выражение злобы на ее лице, трусливо замолчал. Он знал, что разговаривать с нею в такие минуты — значит только накликать на себя ее гнев.

В этот момент, на его счастье, в дверь уборной постучали.

Стучавший был помощник режиссера, пришедший напомнить певице, что через два номера ее выход.

— Я знаю и сейчас иду, — сухо сказала Фражет в ответ ему и, когда дверь за ним захлопнулась, снова обратилась к присмирившему Жоржу: — Наш разговор не должен выйти за пределы этой комнаты... Помни!

— Разве я был когда-нибудь болтлив? — обиженно произнес он.

— Нет, но твое расположение к этой девчонке может довести тебя до глупости, а мне очень и очень, — подчеркнула певица, — дорого расположение Осокина.

— Но я — могила!.. — воскликнул юноша.

— И еще, — снова начала Фражет, — ты никому ни одним словом не должен намекать на свое и мое родство с Люси. Это — мое желание.

Хорошенькое, несколько кукольное лицо юноши выразило искреннее сожаление.

— Это почему? А я-то думал...

— Звонить об этом на каждом углу? — насмешливо посмотрела на него певица прищуренными глазами.

— Что же такого? Мне было бы лестно и...

— Ни слова больше! — строго остановила его Фражет. — Я тебе запрещаю, и баста... Люси нам чужая...

— И даже Арману нельзя похвастать?

— Ни одной душе! Однако мне пора. Иди в театр, я люблю петь, когда вижу твое лицо в первом ряду.

— Я тебя вдохновляю, — засмеялся он.

— Если хочешь, да.

Жорж поднялся и пошел к двери. На пороге он обернулся, хотел что-то сказать, но раздумал и, проведив только сквозь зубы «жаль», вышел из уборной.

Навстречу ему то и дело попадались певички и хористки, пробовавшие заговорить с ним, но он, против обыкновения, был рассеян и молчалив. Только что окончившийся разговор с его названной «тетушкой» навевал на него много такого, что до сих пор не приходило в его легкомысленную голову.

Жорж не был еще совсем испорченным человеком. Выросший среди кулис, не знавший ни одной родственной души, кроме Фражет, он хотя и не умел работать и жил исключительно на ее счет, но делал это бессознательно, никогда не задавая себе вопроса, чест-

но ли это. В мирке, в котором проходила его жизнь, это было обычным явлением, и никто ни разу не намекнул ему даже на мерзость его поступков. Большинство видело в нем любовника Фражет, и так как почти все были не без грешков, то и проходили молчаливым его поведение.

И вот только сегодня, когда Жорж узнал о скором приезде в Петербург своей кузины и почувствовал, что со стороны Фражет на ее счет затевается что-то скверное и он не в силах противостоять этому, в нем проснулось собственное «я». Впервые он почувствовал тяжесть своей зависимости от этой женщины и невольно стал думать, отчего это произошло.

«Тетя говорит, что я — сын ее сестры, круглый сирота, и что она двух лет взяла меня к себе, — неслись в голове его мысли. — Но почему же она не воспитала меня, как воспитывают всех детей? Отчего не отдала учиться, не сделала меня самостоятельным? Ведь Люси — тоже ее племянница, и ее все-таки поставили на ноги, хотя тетя, видимо, не любит ее? А я, что я могу? Я вечно у ее юбки, вечно смотрю на ее руки, и теперь, когда из алчности моя воспитательница хочет погубить двух девушек, из которых одна была мне близка, а другую я люблю, люблю по воспоминаниям, как сестру, и полюблю, может быть, еще больше, когда увижу взрослой, я не вправе из благодарности даже предупредить их».

Жоржа охватила дрожь при последней мысли. Как живая, встала перед ним Мэри Брантон со своим милым личиком, в последнее время таким сияющим и счастливым. Ему невольно вспомнилась их последняя встреча два дня тому назад, в аллее сада, когда она ласково поздоровалась с ним и на его вопрос, как она поживает, восторженно ответила:

— Ты и не воображаешь, Жоржик, как я счастлива! Он так меня любит, так любит! А я... еще больше!.. Такое чувство я испытываю в первый раз.

И Жорж тогда обрадовался ее счастью.

А Люси, милая, хорошенькая крошка! Когда Жорж в первый раз увидел ее, он принял ее за ангела, так она была хороша. И что же, он теперь должен отдать и ее, и Мэри в руки женщины, которая не знает пощады?

Жорж хорошо, слишком хорошо знал Бланш Фражет. Сколько эпизодов из ее жизни прошло перед его

глазами, и он имел время убедиться, до чего она неистова как в ненависти, так и в любви. Сколько разорено ею людей! Двое застрелились у ее порога, не вызвав у нее ни капли сожаления, ни одной слезы, а лишь торжествующий смех и адскую злобу в глазах.

Самого Жоржа она любила, он чувствовал это, но это была страшная любовь. Он не помнит, чтобы она ласкала его, не помнит ни одного поцелуя, который был бы дан ею от сердца. Она давала ему деньги, одевала его, и больше ничего. Любил ли он Фражет? Пожалуй, да, но не очень. О сердечности между ними и говорить нечего. Он относился к ней, как к товарищу, и у нее также не было от него секретов, но это и все. Она спокойно смотрела, как ее подруги развращали его, и вместе с ними смеялась его наивности. Вот и вся картина их взаимоотношений. Она в одно мгновение пронеслась перед умственным взором Жоржа.

«Загадочная женщина», — со вздохом подумал он, но так как не в его правилах было долго поддаваться серьезным мыслям, то он и постарался отбросить их, так как уже входил в зрительный зал.

Последний не был особенно полн. В момент, когда Жорж появился в нем, на сцене танцевала негритянка пресловутый кэк-уок и визгливым голосом выкрикивала куплеты по-английски.

Молодой человек прошел в первый ряд и сел рядом с красивым шатеном, который тотчас шумно и приветливо поздоровался с ним:

— Наконец-то! Где ты был?

— У нее! — довольно непочтительно кивнул Жорж за кулисы. — Где же больше?

— Я думал, у какой-нибудь шерочки.

— Я бросил эти глупости, надоело!

— Ого, в двадцать лет? — засмеялся его сосед.

Последний был закадычный друг Жоржа, по происхождению француз, и звали его Арманом Левердые, а во французском театре, где он служил на ролях вторых любовников, Арманом Дюваль. Это последнее имя было более популярно, чем первое, а потому и мы будем его называть так.

Негритянка в эту минуту кончила свой номер и убежала со сцены.

— Отвратительное создание! — поморщился Жорж.

— Она преоригинальная, — возразил его приятель, — и нравится мне.

— Фи! Как ты можешь это говорить?
— Да, уверяю тебя, она ничего! Да и кто лучше?
Уж не эта ли? — кивнул Арман на сцену.

Там теперь надрывалась из всех сил своих легких толстая немка с грузной грудью, почти вывалившейся из сильно декольтированного платья.

Юноша посмотрел и фыркнул.

— Ты прав, эта еще тошнее.

— Уйдем!

— После номера моей тети.

Последнего не пришлось ждать долго. Немку встретили и проводили гробовым молчанием, а вслед за тем из кулис выпорхнула прелестная Фражет с ее восхитительной улыбкой на губах. Она так мило и с таким шиком пропела скабрезную французскую шансонетку, что публика положительно начала неистовствовать, и артистке пришлось повторять без конца.

Когда Фражет кончила пятую шансонетку, ей подали огромную корзину цветов. Мельком взглянув на приколотую на виду карточку, она довольно улыбнулась и особенно низко поклонилась по направлению правой литерной ложи. Там сидел только один господин, заметно прятавший свое лицо от остальной публики.

— Ого! — шепнул Дюваль Жоржу, заметив и взгляд, и поклон певицы. — Это — бобер!..

Последний встрепенулся.

— Кто это? — спросил он.

— Князь Чарыгин! Слышал? Миллионер... особа!.. Добыча знатная...

IV

ДОСТОЙНАЯ ПАРА

Леонид Юрьевич Осокин, неудачный поклонник Мэри Брантон и друг Бланш Фражет, был далеко не заурядной личностью. Родившись в провинции и выросши там, он обладал здоровьем, красотой и, несмотря на посредственное образование, недюжинным умом и светским лоском, которому завидовали столичные франты. Оставшись в двадцать пять лет круглым сиротой, он продал отцовское наследие, состоявшее из имени и дома, и, собрав солидную сумму денег, покатил в Петербург.

Имей он склонность к какому-нибудь труду, он, вероятно, нажил бы состояние, но, к несчастью, в то время думал только об удовольствиях и женщинах, которые очень скоро истощили его карман. Благодаря неопытности и неимению знакомств, он попал в круг сутенеров и плутов и был незаметно для себя опутан сетями этих паразитов. Конечно, главным образом жизни Осокина стали карты. Он быстро понял, что имеет дело с пройдохами самой низкой пробы, но не в силах был отделаться от них вследствие их изворотливости.

Впрочем, сравнивая своих друзей со светскими прожигателями жизни, Осокин не находил между ними особенной разницы, так как нравы были одни и те же, алчность, лицемерие и беззастенчивость. Те же грязные поступки, какие творились около него, он видел и в высшем кругу, только там они шли на большие куши.

В два года вид этого человечества, обуреваемого вечным зверским побуждением кого-нибудь съесть, постепенно привел умного провинциала к полнейшему презрению окружающих. Разоренный в течение этого времени, он потерял последние остатки совести и сделался одним из тех, которыми раньше помыкал.

С исчезновением денег исчезли и прихлебатели Осокина. Вступив сам в их ряды, он встретил от них лишь насмешки и холодность, но это его не тронуло. Спускаясь все ниже и ниже, он уже помышлял о самоубийстве, так как убедился, что счастье игрока навсегда отвернулось от него, как вдруг случайно встретился с женщиной, создавшей новую эпопею в его жизни.

Бродя раз по залам игорного притона, именуемого клубом, без гроша в кармане и выискивая новичка, у которого можно было бы занять трешницу, Леонид Юрьевич машинально подошел к золотому столу, около которого собралось большинство игроков, так как там шла очень крупная игра. Банк держала какая-то дама, ее лица Осокин не видел, встав сзади ее стула, но необычайное счастье, не покидавшее этой дамы, заинтересовало его. Перед банкометчицей лежала огромная сумма денег. Она брала комплект за комплектом и в то время, когда подошел Осокин, прекратила игру. Спокойно достав с колен большую кожаную сумку, она уложила туда все деньги и встала.

— Мерси! — улыбаясь, кивнула она завистливо смотревшим на нее игрокам и повернулась к нашему герою.

Только тут он имел возможность рассмотреть эту женщину. Она была уже не молода, но с остатками бывлой красоты, высока, дородна и, видимо, с темпераментом.

Осокин хотел посторониться и дать ей дорогу, но она неожиданно для него обратилась к нему с вопросом: «Укажите мне буфет!» — и, пока он, растерянный, во все глаза смотрел на нее, энергично взяла его под руку и повела с собою. Оказалось, что она отлично знала, где буфет, и что вопрос был лишь предлогом, чтобы познакомиться с ним. Об этом она тотчас сама и сказала Леониду Юрьевичу.

Затем, нисколько не стесняясь, она объяснила ему, что она — вдова, имеет роскошную квартиру для свиданий замужних женщин со своими поклонниками и зарабатывает хорошие деньги.

За второй бутылкой шампанского, которую эта женщина потребовала с выигрыша, откровенность ее увеличилась до крайности, и она сама циничным образом предложила Осокину ехать с нею. Он согласился.

Через неделю он уже жил у нее, ездил на рысак и на его правом мизинце заблестело бриллиантовое кольцо. Его воспитание завершилось.

Клеопатра Провиз вконец развратила несчастного, попавшего в ее руки, отняв у него и последние принципы чести, которые у него оставались и исчезли от соприкосновения с нею. Под хорошим влиянием Леонид Юрьевич мог бы еще возвратиться на честный путь, его порочность была еще исправима, но судьба желала иного.

Эта связь продолжалась более года. Проводя все свое время в шумных оргиях и разгуле, Осокин все же не потерял здравого смысла, и к тому времени, когда перзрелая Клеопатра нашла ему заместителя, в его бумажнике оказалось несколько тысяч, послуживших ему временным обеспечением.

Расставшись со своей покровительницей тихо и мирно (они поклялись друг другу в вечной дружбе), Леонид Юрьевич переехал в очень элегантную квартиру и совершенно изменил образ жизни. Перестав встречаться со старыми товарищами, друзьями подруг Провиз, бросив кутежи, он преобразился в элегантного

молодого человека, чрезвычайно скромного и серьезного. Начав посещать фешенебельные рестораны, он свел знакомство с золотой молодежью. Его остроумие, глубокая хитрость и ловкость вскоре сделали его в ее среде необходимым. Без Осокина не обходились ни один ужин, ни один пикник. Он знакомил французок-певиц со своими товарищами, помогал обольщать невинных девушек, и все это под видом такой искренней дружбы и желания услужить, что никому и в голову не приходило, что то, что делает этот человек, и бесчестно, и чудовищно.

Мы застаем Осокина как раз в период последнего фазиса его жизни. Элегантный, красивый, он был кумиром дам и девиц, но на них и не смотрел. Маленькая Мэри Брантон всецело завладела его сердцем и воображением. Он знал ее давно, но как-то не обращал на нее внимания, а тут вдруг страсть неожиданно захватила его. Отдайся ему Мэри в тот день, когда он предложил ей это, он, конечно, забыл бы ее через час, но сопротивление разожгло его и превратило искру в пламя. Он последнее время только и думал о ней. И теперь, в момент нашего рассказа, на другой день после описанного вечера в кафешантане, нежась утром в постели, он не отрывался мыслью от нее.

«Упрямая девчонка, — неслось в его голове. — Отчего она не хочет? Неужели я ей противен? Но ведь я красив... очень красив».

И, схватив ручное зеркало, лежавшее на столике у кровати, он стал пристально разглядывать в него свое правильное матовое лицо.

— Конечно, я хорош... Но что же, где причина? Любит? Ерунда, не верю!.. Она ему изменяет!.. Скорее упрямство!.. Но ты дорого заплатишься мне за него, мерзкая девчонка! Дорого!.. — и он злобно захохотал. — Понадобится, так я и убью тебя!.. — стукнул он кулаком по постели, и так сильно, что пружины в матрасе громко зазвенели.

В эту минуту дверь в спальню осторожно отворилась, и в нее неслышно проскользнула фигура рослого лакея.

— Что тебе? — повернул голову Осокин.

— Изволили за вами прийти, ваше сиятельство, — доложил лакей, вытягиваясь в струнку.

— За мной? Кто?

— От госпожи Фражет... ихняя горничная...
— Что ей надо?.. Говори, не тяни!
— За вами-с. Просят пожаловать, и немедленно.
Очень нужно, докладывает горничная...

«Черт бы ее побрал с ее нуждами!» — подумал Леонид Юрьевич, но через полчаса он уже подъезжал к подъезду дома, где жила певица.

V

ПРИЗНАНИЕ

Фражет занимала огромную, великолепно обставленную квартиру в бельэтаже на Морской улице. Осоклина, видимо, ждали, и, как только он очутился перед ее дверью, та без звонка распахнулась, и перед ним предстала хорошенькая француженка, горничная, не без озабоченности воскликнувшая:

— Наконец-то вы!

— Разве я так нужен? — улыбаясь, спросил он ее, не забывая сорвать поцелуй с ее коралловых губок.

— Очень! Барыня давно уже ждет вас, она в будуаре... Пожалуйста к ней!..

Леонид Юрьевич не заставил себя просить.

Будуар Бланш Фражет находился рядом с гостиной, очень шикарно и со вкусом обставленной, и представлял собою нечто такое, что и не приснилось бы обыкновенному смертному, незнакомому с утонченностью француженок. Причудливо задрапированный блестящей шелковой материей цвета «увядающей розы», он утопал в цветах и электрическом свете (так как два окна были плотно завешены драпировками), масса безделушек, ковров и мебели. В нем преобладали различные кушетки и диванчики, приспособленные и для лежания, и для сидения, и даже для полулежания, с откидными спинками. Все это было того же цвета, как стены и потолок, и только зелень цветов несколько разнообразила и оживляла картину.

В момент прихода гостя хозяйка этого гнездышка, лежащая с книгой на одной из бесчисленных кушеток, быстро поднялась и пошла ему навстречу.

— Наконец-то! — воскликнула она. — Что так долго?

— Спал, — ответил он, поднося ее руку к губам. — Но что случилось? Почему так экстренно понадобилось мое присутствие?

Фражет вместо ответа взяла его за руку и подвела к двум огромным корзинам живых цветов.

— Видишь?

— Конечно! Но что же?

— А это?..

Она повернула к нему свое лицо и показала прелестную бриллиантовую серьгу в один камень.

— Серьги! И, кажется, новые.

— Сегодня прислали, — торжествующе сказала она.

— Что же тут особенного?

— Но ты не представляешь себе кто. Садись и слушай!

Фражет опустилась в розовое кресло и подвинула Осокину низенький пуфик. Он послушно опустился на него.

— Начну со вчерашнего вечера, — сказала она. — Ну, слушай. Подают мне вчера карточку. Я смотрю на нее и вижу княжескую фамилию. Обрадовалась, поклонилась в сторону ложи, где сидел щедрый поклонник, и, конечно, жду приглашения на ужин, как это всегда бывает, но, представь себе, ничего!..

— Удивительно!

— Я думаю. Право, я даже рассердилась. Ожидая его, я отказала полковнику Вахлову, и вдруг такой афронт. Пришлось ехать домой.

— Бедненькая, без провожатого!

— Не до них тут было... Обозлилась ужасно!.. С полковника все-таки сотняжку можно было содрать, а тут ничего. И вдруг...

— Что же случилось вдруг?

— Сегодня утром получаю новую карточку, и в ней вот эти хорошенькие штучки, — показала певица на серьги. — Представь мое изумление.

— И опять больше ничего?

— Нет, было еще кое-что, о чем я и хочу серьезно поговорить с тобой.

— Я к твоим услугам.

Бланш достала из кармана пенюяра изящную визитную карточку с княжеской короной и торжественно прочла написанные на ней несколько строк: «Князь

Алексей Алексеевич Чарыгин покорнейше просит прелестную Бланш Фражет принять его завтра в три часа», — а затем вопросительно посмотрела на своего собеседника и спросила:

— Что на это скажешь?

— Удивлен и поражен, — пожал Осокин плечами. — Вот поклонник китайских церемоний.

— А не кажется тебе, что тут дело пахнет чем-то серьезным?

— Не думаю.

— А я почти уверена, — воодушевленно заговорила Фражет. — Он, наверно, влюбился.

— Это немудрено, — любезно сказал Осокин.

— Нет, без шуток! Скажи, что мне делать?

— Очистить хорошенько его карманы.

— Это само собою, но, видишь ли, мечта каждой женщины, свободной, конечно, устроиться прочно. И вот сейчас, перед твоим приходом, мне пришла блестящая мысль, не смогу ли я женить на себе этого человека.

Леонида Юрьевича даже передернуло от этих слов. Он посмотрел на Фражет, как на сумасшедшую, и снисходительно улыбнулся.

— Ты рехнулась.

Она звонко расхохоталась.

— Нисколько, миленький! Слушай дальше, и ты сам одобришь мой план!

— Вряд ли... Планы сумасшедших...

— О, я в здравом уме и твердой памяти, — успокоила она его.

— Не вижу.

— Дерзкий!.. Неужели моя красота ни во что тобою не ценится?

— Очень ценится. Но... брак с князем Чарыгиным... Ты, вероятно, совершенно не знаешь, кто он?

— Знаю отлично. Вчера Дюваль, товарищ Жоржа, посвятил меня во все. Чарыгин — миллионер, не молод, вдов. Он занимает высокое служебное положение, очень нравствен, очень застенчив и мало знаком с женщинами. Опутать такого легче легкого. Немного сопротивления, много кокетства, исповедь кающейся грешницы, и он у моих ног.

— Но его служебное положение, карьера... Подумай: ты и он.

— К черту карьеру, к черту службу!.. Он богат, и

этим все сказано. Нет, положительно мне этот план нравится.

Осокин насмешливо смотрел на певицу.

— А куда же ты своего Жоржика денешь? — спросил он. — Не думаю даже, что и тюфяку-князю понравится его вечное присутствие.

Красивое лицо Бланш внезапно побледнело.

— Жоржа? — испуганно прошептала она.

— Да, вечный твой хвост. Пора тебе, душечка, избавиться от этого альфонса, право...

Молодая женщина гневно вскочила.

— Альфонса! Ты назвал его альфонсом? Как ты смеешь?

— А кто же он тебе. Я не верю, что он — твой племянник, не верю...

— Не веришь?.. Не веришь?.. Но я скажу тебе больше: он — мой сын!..

Пришла очередь вскочить Леониду Юрьевичу.

— Сын?.. Он — твой сын! — изумленно воскликнул он.

— Да. Ты довел меня до признания, так на, получай! Неужели наше сходство не бросалось тебе в глаза?

— Но ты кажешься такой молодой.

Печальная улыбка скривила ее красивый рот.

— Молодой! О, сколько я пережила, сколько пере-страдала! Это знает один Бог!..

Что-то похожее на сочувствие шевельнулось в груди Осокина.

— Бедная!

Фражет вдруг грозно выпрямилась.

— О, я отомщу! Жестоко отомщу! — погрозила она рукой в пространство. — Я еще не расквиталась с вами... Нет! Нет! Возмездие близко! — и прежде чем Осокин успел поддержать ее, она рухнула без чувств на пол.

При падении из кармана пеньюара у нее выпала маленькая фотография.

Леонид Юрьевич поднял ее и, забыв про лежащую, с удивлением стал разглядывать изображенного на ней красивого молодого человека, а под портретом надпись:

«Моей дорогой Марго от любящего Воли».

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

— Милая мамочка! Вот радость! Вот неожиданность!..

С этими словами в небольшую, но изящно обставленную столовую вбежала молодая девушка, махая находившимся у нее в руке письмом и стремительно подбегая к седой даме, сидевшей в голубом кресле у окна, с вязанием в руках.

Та подняла голову от работы и невыразимо нежным и ласковым взглядом взглянула на девушку.

— Неожиданность? Радость? Ты пугаешь меня, крошка. Что случилось? — приятным голосом произнесла она и, притянув к себе говорившую, поцеловала ее в лоб. — Ну, я слушаю...

— Миша едет в Россию! — радостно зашебетала девушка. — Через неделю он будет с нами... Ну разве это — не счастье? Не восторг?.. Боже, как я рада!.. Да ведь и ты, мамочка?..

Лицо старой дамы вдруг стало серьезно. Она ласково положила руку на темную головку дочери и тихо произнесла:

— Конечно, я рада, крошка.

Молодая девушка подозрительно посмотрела на нее.

— Но не так, как я ожидала, — обиженно произнесла она. — Ты как будто знала уже, что он придет. Да? Я угадала?

— Конечно, знала, дитя! Я еще вчера получила его письмо.

— И, зная, мне ни слова!.. — рассердилась дочь. — Я не ожидала от тебя этого, не ожидала.

Неудачная вестница готова была заплакать. Мать нежно поцеловала ее.

— Прости меня, крошка! Если бы ты знала, сколько огорчений доставила мне эта весть, ты не спешила бы радовать меня ею.

— Огорчений? Приезд Миши огорчает тебя?

— Да, огорчает, — со вздохом призналась старуха.

— Мама, опомнись! Что ты говоришь? Твой единственный сын едет к тебе, а ты огорчаешься этим. Разве ты его разлюбила? — с ужасом воскликнула молодая девушка.

Мать отрицательно покачала головой.

— Люблю больше жизни, — грустно сказала она, — но и его будущее для меня не безразлично. Ты, Леля, не можешь понять меня. Ты — еще ребенок.

Красивое, выразительное личико Лели покраснело.

— Не считай меня ребенком, мама! — серьезно сказала она. — Ведь мне уже двадцать лет. Скажи мне все, я пойму. Ты ведь знаешь, как мне больно, когда тебя что-либо огорчает. Довольно в своей жизни ты страдала в одиночестве. Я без слез не могу видеть твои седые волосы, а ведь тебе всего сорок пять лет.

— Милый ребенок! — вздохнула ее мать. — Я не знаю, что бы было со мной, если бы тебя не было около меня. Ну, хорошо, деточка, я посвящу тебя в мое горе. Ты узнаешь все.

Старая дама несколько минут оставалась безмолвна. Она поникла седой головой на грудь и задумалась.

Сходство между матерью и дочерью было поразительное. Обе обладали правильными, нежными чертами лица, большими темно-синими глазами, выразительным, несколько большим ртом и кроткой, приятной улыбкой, располагающей с первого взгляда. Только волосы на голове матери были совершенно белые и лицо в морщинах, тогда как молодая девушка имела чрезвычайно нежный цвет лица и такую великолепную темно-каштановую косу, что ей немалого труда стоило справляться с ней по утрам и расчесывать на ночь. Если прибавить ко всем ее достоинствам хороший средний рост и восхитительную, вполне оформившуюся фигуру, то мы получим полный портрет Елены Матвеевны Сухановой.

Ее мать, Аглая Васильевна, была вдовой полковника, умершего десять лет тому назад и до сих пор не забытого ею. Аглая Васильевна так страстно обожала его, что только оставшиеся после смерти мужа двое детишек удержали ее от самоубийства, но зато не удержали от увядания, и Аглая Васильевна в сорок пять лет глядела шестидесятилетней. Главной причиной такого сильного горя была неожиданность и трагичность смерти полковника, погибшего под копытами взбесившихся лошадей.

Вот маленькая биография этих двух женщин, к которой следует прибавить, что и мать, и дочь обладали дивными сердцами, открытыми только для любви, добра и справедливости и совершенно незнакомы-

ми со злом и людскою гадостью. Они жили совсем уединенно, и те немногие знакомые, которые навещали их, не могли внушить им практичность и осторожность.

После небольшого раздумья Аглая Васильевна решительно подняла голову и пристально посмотрела на дочь.

— Дитя мое, — сказала она, — то, что я скажу тебе сейчас, должно открыть тебе многое, о чем ты и не подозревала.

— Я говорю тебе, мама, что я — не дитя.

— Хорошо, хорошо, но мне придется начать немного издалека.

— Говори, милая, я слушаю, я вся — внимание.

— Так вот, дитя, начну со смерти твоего отца. Ты ведь знаешь, как он трагически умер. Я осталась с вами без средств, без поддержки, и только один Бог знает, сколько я перенесла, пока подняла вас на ноги. Мне приходилось бегать по урокам, унижаться, и я успокоилась немного лишь тогда, когда наконец выхлопотала пенсию.

— Бедная моя! — ласково воскликнула дочь.

— Но вот вы теперь взрослые, вы на ногах. Цель моей жизни окончена, я, кажется, имею право на отдых. Не так ли?

— Конечно, мамочка.

— Ты так думаешь, детка? Ну, а я другого мнения. Я хочу упрочить вашу будущность. Ты помнишь, как я хлопотала прошлый год, чтобы устроить карьеру Миши, сколько я ездила с просьбами и еле-еле добились своего?

— Помню. Мы все были тогда так счастливы, когда он получил место.

— Я больше всех, — со вздохом сказала мать. — И вот теперь все это должно рухнуть.

— Рухнуть? Но почему?

— Дитя мое, твой брат не только написал мне о своем приезде, но и о том, что покидает службу, — грустно ответила Суханова.

— Миша покидает службу в посольстве? Но где причина? Помнишь, он был так рад, что едет в Париж, строил такие радужные планы, хотел выписать нас.

— И теперь ничего этого нет. Он не строит планов, не радуется. Он пишет, что ушел со службы по-

тому, что ему не дали отпуска, а в Петербурге ему необходимо быть.

— Зачем?

— Вот об этом-то мне и надо с тобою поговорить, заручиться твоей помощью.

— Я к твоим услугам, мамочка!

— Спасибо, детка. Вот тебе правда... Миша влюбился.

— Влюбился? Вот тебе раз!.. Право, я не ожидала от него такой прыти.

— Это бы все ничего, — с расстановкой говорила Аглая Васильевна, — но... Я не знаю, как тебе сказать...

— Она бедна?

— И это бы пустяки.

— Но в чем же дело? — нетерпеливо воскликнула молодая девушка.

— Она неприличная... — с трудом выговорила Суханова.

— Что ты сказала? Я не верю ушам.

— Ну да, неприличная актриса, — волнуясь, заговорила мать. — Миша пишет, что обожает ее, хочет жениться, но не смеет признаться ей в этом. И теперь он едет в Россию, так как здесь она получила ангажемент. Вот и все.

— Какая же она актриса? Оперная или драматическая? — с любопытством спросила Елена.

— Шансонетки поет, — с отчаянием махнула рукою мать. — Боже, вот ужас! Вот ужас!.. Не ожидала я на старости лет такого испытания! — и огорченная мать, прильнув к груди дочери, громко зарыдала.

Елена судорожно прижала ее к себе.

— Не плачь, мама, — твердо сказала она, — мы вырвем Мишу от этой женщины. Клянусь тебе!.. Бесчестие не войдет в наш дом!..

Громкий звонок, пронесшийся в квартире, прервал эту сцену.

— Кто бы это мог быть? — испуганно подняла заплаканное лицо Аглая Васильевна. — Как ты думаешь, Леся?

— Право, не знаю, мама... Кто-нибудь из знакомых.

Обе женщины стали прислушиваться к происходящему в прихожей.

До них ясно донесся шум отворяемой двери, звуки

голосов, мужского и женского, и затем шаги, направлявшиеся к столовой. Через несколько секунд в последнюю вошла прилично одетая прислуга и подала своей барыне карточку со словами:

— Очень просят принять.

Суханова прочла и передала дочери.

— Николай Владимирович Мравин, — вслух произнесла Елена, и легкая краска покрыла ее спокойное личико. — Товарищ Миши.

— Странно, что он пожаловал! — недоумевала Аглая Васильевна. — Ведь он не был у нас больше года... Не думаю, чтобы он пришел теперь спроста.

— Ты примешь его, мама? — спросила молодая девушка.

— Надо принять... Вот только поправлю волосы и освежу лицо. Ты попросила его в гостиную, Маша? — обратилась Аглая Васильевна к молчаливо стоявшей прислуге.

— Так точно, барыня, они ждут.

— Хорошо. Иди скажи, что я сейчас выйду.

Прислуга исчезла, и мать с дочерью снова остались наедине.

— Ну, я пройду в гостиную, — с трудом поднялась с кресла мать.

— Мамочка, — робко обратилась к ней Елена, — не могу ли я пройти туда раньше тебя?

— Это зачем?

— Но ведь мы с Николаем Владимировичем — старые друзья... Я бы тоже хотела видеть его.

Суханова пристально посмотрела на дочь и улыбнулась, ласково сказав:

— Иди, если хочешь.

— Спасибо, дорогая! — и девушка быстро выскочила из столовой.

В гостиной, самой лучшей комнате в квартире, очень уютно и мило обставленной, нетерпеливо ходил молодой человек, в студенческом мундире, красивый, элегантный, распространявший вокруг себя аромат бьющих в нос дорогих духов. Это был тот самый юноша, которого мы видели уже с Мэри Брантон и Оскаркиным в отдельном летнем кабинете кафешантана. В эту минуту его лицо выражало сдержанную досаду, и он то и дело поглядывал на часы и на дверь...

— Черт возьми, еще опоздаю к обеду... — шептал он. — Мэри будет сердиться... выйдет история.

Но ожидания его были недолги. В гостиной почти неожиданно для него появилась молодая девушка. Смущенно, с покрасневшимся лицом, она протянула руку студенту, говоря:

— Здравствуйте... Сколько лет, сколько зим...

— Елена Матвеевна? — удивленно воскликнул Мравин. — Вот приятная неожиданность!..

— Почему? Вы разве думали, что я умерла?

— Нет, упаси меня Бог, но я не рассчитывал, что вы меня помните.

— Я никогда не забываю друзей, — задушевно сказала Елена, — не забыла и вас.

Он смущенно опустил глаза и молчал.

— Садитесь, в ногах правды нет, — пригласила его молодая хозяйка, сама садясь на диван и указывая ему на кресло. — Сидя говорится лучше. Вы к нам по делу или так?

— По делу, Елена Матвеевна, — виновато ответил он. — По поручению...

— А-а... Ну, что же, говорите!

— Мне бы надо вашу мамашу...

— Она сейчас выйдет. Хотите, я скажу вам новость? Миша едет в Петербург.

— Я знаю. Он писал мне... Да, впрочем, что скрывать? Я скажу вам всю правду! — решительно воскликнул студент. — Я по поручению вашего брата. Видите ли, в чем дело: Миша просил меня побывать у вас и узнать, найдется ли для него здесь помещение. Ведь вы переехали, и он не знает, весьма ли велика ваша квартира.

— Что же дальше?

— Если ответ будет благоприятен, то мне стоит лишь откланяться, если же нет, он просит меня подыскать ему комнату и приготовить все к его приезду.

— И он обратился за этим к вам? — с горестным изумлением воскликнула молодая девушка. — Отчего же мы не можем это сделать? Мы, которые так любим его.

— Простите, Елена Матвеевна, но он просто не хотел тревожить вас.

— Нет, нет, тут что-то другое.

— Клянусь вам, только одна забота о вас.

— Но он обижает нас! Мама и так оторчена его приездом, а тут еще это.

Молодая девушка от волнения готова была заплакать.

В эту минуту в гостиную вошла Аглая Васильевна. Заметив расстроенный вид дочери и виноватый молодой человека, она подозрительно взглянула на них, но, ничего не сказав, радушно поздоровалась с гостем. Узнав о цели его визита, она не взволновалась и не рассердилась, как Елена, лишь брови ее на минуту нахмурились, и тотчас она дала ему нужные сведения.

— Мне негде поместить его у себя, — сказала она. — Если он поручил вам найти ему помещение, то и я присоединяюсь к его просьбе.

— Но, мама... — перебила ее Елена.

— Да, да! Вы очень обяжете меня этим, — не слушая ее, продолжала Суханова. — Миша теперь — не дитя, пусть поживет самостоятельно. В одном только вы не сможете мне отказать — это взять деньги на первые расходы.

С этими словами заботливая мать положила на стол две двадцатипятирублевки.

Николай Владимирович действительно не мог отказать и не исполнить этой ее просьбы.

Против своего желания он просидел у них больше, чем ему позволяло время. Прощаясь, он дал слово захватить за Еленой Матвеевной в день приезда ее брата, чтобы отвезти ее на вокзал.

Когда дверь за гостем закрылась и мать с дочерью снова остались одни, лицо первой потемнело и предательские слезы снова закапали из глаз.

— Мама, милая, что с тобой? — бросилась к ней Елена.

— Нет у меня больше сына, нет! — рыдала бедная женщина. — Отняли его у меня.

— Но почему ты это решила? Мы силою нашей любви вернем его, успокойся, дорогая!

— Нет, нет, все кончено. Разве ты не поняла из сейчас происшедшей сцены, что он уже не вернется к нам, что он — чужой. Сын не спрашивает у любящей матери, может ли она приютить его, да еще через посторонних лиц... Неужели тебе не понятно, что, присылая своего приятеля, он только вежливо отказался от приюта под нашей кровлей?

— Ты же сама сказала, что у нас нет места.

— Да, сказала и не раскаиваюсь в этом. Есть поговорка, что насильно мил не будешь.

— Зачем? Ведь у нас есть для него комната.

— Ах, не все ли равно, где он будет жить, раз сердце его уже не с нами? — и неутешная мать снова разрыдалась.

Мравин уехал от них тоже взволнованный. Хорошенькое, вдумчивое личико Елены Матвеевны всю дорогу стояло перед его глазами, и он невольно воспроизводил перед собою ее улыбку, жесты, голос. Ласковые слова, которыми она встретила его, тоже запали ему в душу.

— Как она мила! Как мила! — повторял он всю дорогу домой, а там его ждала буря...

VII

НАЧАЛО КОНЦА

Мэри Брантон, которую Николай Владимирович пригласил в этот день обедать, уже полчаса ждала его в его холостой квартире и выходила из себя. Ревность, самая бессмысленная, самая глупая, терзала ее сердечко и перекашивала даже ее хорошенькое личико. Едва раздался звонок Мравина, она, как бомба, влетела в прихожую и набросилась на него с упреками и расспросами, нисколько не стесняясь присутствия старика-лакея.

— Где ты был? Отчего опоздал? Как не стыдно заставлять себя ждать... — выкрикивала она, подозрительно вглядываясь в него злыми глазами.

— Как не стыдно заставлять себя ждать... — повторяла она.

— Но, Мэри... — пытался остановить ее Николай Владимирович. — Не кричи так... Я был по делу...

— По какому делу?

— Сейчас все объясню, дай мне раздеться.

— Оттягиваешь время, чтобы придумать оправдание.

— Как это глупо!.. — рассердился он.

— А с твоей стороны низко, что ты заставил женщину целый час ждать тебя.

— Прости, дорогая, но, право, мне надо было быть у матери моего товарища. Я сегодня получил от него письмо, он просил меня зайти к ней с поручением. Я задержался в университете и потому опоздал. Доказательство — письмо.

— Покажи мне его, — повелительно приказала Мэри.

Николай Владимирович послушно достал из кармана письмо Суханова и передал ей.

Молодая женщина прошла в его кабинет и, сев в кресло перед письменным столом, стала читать его.

По мере этого чтения ее взволнованное личико успокаивалось, но едва она дошла до последней страницы, оно снова вспыхнуло.

— Ах, так у него есть и сестрица! — воскликнула она. — Теперь я понимаю вашу задержку.

— При чем тут его сестрица? — попробовал протестовать Мравин.

— Нет, нет, не отрекайся!.. Ведь эта великолепная девица выходила к тебе?

Николай Владимирович, еще слишком неопытный, чтобы умело лгать, хотел сказать Мурочке правду, но, увидев метавшие молнии глаза и раздувавшиеся, как у бешеной лошади, ноздри, решился солгать:

— Конечно, нет... С какой стати...

— Это — правда? — успокаиваясь, спросила она.

— Разве я когда-нибудь тебе лгал?

Мэри отшвырнула от себя злополучное письмо. Как все легкомысленные женщины, она скоро и успокаивалась. Опасаясь, что волнение оставило следы на ее хорошеньком личике, она поспешно подбежала к зеркалу, маленькой пуховкой подправила свой цвет лица и тогда только, подбежав к Мравину, запечатлела на его губах горячий поцелуй.

— Скверный. Заставил меня страдать.

— Но вольно же волноваться из-за пустяков. Какая ты подозрительная! — недовольно заметил Николай Владимирович, и перед его глазами снова всплыл образ Елены Сухановой, спокойной и нежной.

«Она бы не стала меня мучить такими сценами», — невольно подумал он, и в первый раз во все время трехмесячной связи с Мэри глухое недовольство поднялось в его душе.

Ему вдруг бросились в глаза подрисованные глаза Мэри, ее подкрашенные щеки, и даже туалет, который он сам выбирал ей, показался ему и кричащим и вульгарным. Туман страсти, в который он попал еще впервые в своей жизни, начинал проясняться. Николай Владимирович еще не отдавал себе отчета в своем охлаждении, но уже чувствовал, что тесной духовной

связи между ним и его возлюбленной не существует, а тот приток страсти, который он принял за любовь, начинает иссякать, и впереди предвидится лишь одна привычка.

Воспитанный в старых барских традициях, привыкший вращаться только в изысканном кругу, всегда ходивший на помочах мамыши и папыши, как единственный их сын, Мравин, очутившись на свободе, в силу противоречия окунулся с головой в трактирную жизнь, но она оказалась не в силах привлечь его навсегда. Столкнувшись сегодня с тихой, мирной обстановкой, окружавшей когда-то и его, он невольно почувствовал сожаление о ней и с ужасом оглянулся на себя. Все те кутежи и попойки, которыми он жил до сих пор изо дня в день, показались ему до того омерзительными и противными, что желание вернуться к прошлому незаметно закралось ему в душу.

И неразлучно с этим был и образ красивой девушки с ласкающими синими глазами. Вспоминая, как он глупо вел себя с нею, как не нашел ничего сказать в ответ на любезное заявление, что она всегда считала его другом, Мравин внутренне ругал себя и злился.

Мэри, прикалывающая огромную шляпу перед зеркалом, вывела его из неприятной задумчивости.

— Так куда же мы едем, Коля? — спросила она, когда ее трудная работа была окончена.

— Как куда? — восторженно воскликнул Мравин.

— Ну да, в какой ресторан? Ведь ты приглашал меня сегодня обедать.

— Ах, да, — спохватился он. — Ну, конечно, на Мойку, где всегда...

— Нельзя ли куда-нибудь в другое место? Там надоело.

— Невозможно... Я обещал Осокину...

Мэри с досадой топнула ногой.

— Осокину! Осокину! Как будто без этого господина нам не дали бы обедать?

— Что ты имеешь против него? — спросил Мравин.

— Ровно ничего... Но мне надоело, что мы всегда троим... Это скучно.

— А мне, наоборот, весело, — резко сказал он.

Мэри пристально посмотрела на него, но ничего не сказала.

Ее хотя и легкомысленное, но на этот раз искрен-

не любящее сердечко вдруг почему-то больно сжалось, как бы в предчувствии беды.

Молча вышли они из квартиры, молча доехали до ресторана, и эта странность не вызвала замечания со стороны Николая Владимировича, всегда чуткого к настроению своей подруги, но сейчас углубившегося в свои мысли. Только когда они очутились в прихожей ресторана и до них донеслись звуки вальса, молодой человек обратился к своей даме:

— Видишь, как здесь весело, а ты не хотела сюда ехать.

Она молча пожала плечами и стала подниматься по устланной ковром лестнице.

В зале им тотчас бросился в глаза Осокин, сидевший за одним из столов, на котором были накрыты три прибора.

— Наконец-то! — воскликнул он, вставая навстречу пришедшим. — А я уже думал, что вы не придете. — Он с жадным любопытством вглядывался в их лица, а затем, неожиданно сказав: — Голубки опять ссорились, — рассмеялся.

Мэри вспыхнула и выдернула у него руку, которую он подносил к губам.

— Не ваше дело! — грубо сказала она. — Мне наконец надоели эти вечные насмешки над тобой и мной. Я не понимаю, отчего ты, Коля, не запретишь ему их?

— Но он же шутит.

— Я не понимаю таких шуток. Да и кому какое дело до нашей жизни? Если мы и ссоримся, то тем слаще бывает примирение, — ядовито закончила Мэри и насмешливо посмотрела на Леонида Юрьевича. Он чуть-чуть побледнел. — Не правда ли, Коля, ведь поцелуи слаще после ссоры? — не утерпела она, чтобы не помучить своего неудачного поклонника.

Сдержанное бешенство мелькнуло в его глазах.

Молодая женщина ждала удовлетворительного ответа от своего возлюбленного, но последний на всю ее тираду только пожал плечами.

Осокин заметил его движение, полное равнодушия, и адская радость засияла на его лице.

«Скоро, скоро конец твоему призрачному счастью!» — решил он.

СТРАШНАЯ СДЕЛКА

В этот же день вечером Осокин вел длинный разговор с Бланш Фражет в ее уборной после ее выхода. Певица, нисколько не стесняясь, в это время переодевалась в свое обыкновенное платье. Грандиозная корзина цветов вновь украшала ее уборную, и, указывая на нее своему собеседнику, Фражет, шутя, сказала:

— А мой план ведь осуществляется...

— План? Какой?

— Женить на себе Чарыгина.

— Ты не оставила еще этой безумной идеи? — изумился Леонид Юрьевич.

— Не только не оставила, но иду к ней верными путями — кружу князю голову, кокетничаю и в то же время недоступна.

— И ты думаешь, что он долго выдержит эту марку?

— Пока я не добьюсь своего.

— Сумасшедшая! Избитый прием!

— Который, это доказано историческими данными, всегда доводил до цели, — и Фражет привела ему десятки примеров, когда распутнейшие женщины своим кокетством и ловкостью женили на себе лучших людей.

— Желаю успеха! — иронически поклонился ей Осокин. — Итак, ты — будущая княгиня.

— Несомненно! Ты и не представляешь себе, какой Чарыгин тюфяк. Характера не существует, доверчив, как малый ребенок, умен, но не для практической жизни.

— Далее.

— Есть одно обстоятельство, которое меня беспокоит, и я хочу даже посоветоваться о нем с тобой. Ты знаешь, я привыкла жить своим умом. Но здесь ты мне должен помочь.

— Я весь к твоим услугам.

— Дело вот в чем, — хмурясь, начала Бланш, — у моего поклонника есть очень серьезная связь с женщиной, продолжающаяся уже десять лет.

— Черт возьми, как он постоянен!

— Конечно, он уже охладил к ней, — продолжала Фражет, — но бросить ее все же не решится. Надо нам избавить его от нее.

— Трудненько.

— Я это знаю и потому обратилась к тебе. Ты должен мне помочь... конечно, не даром, — поспешила прибавить певица, видя, что Осокин смеется над ее словами. — Поговорим серьезно.

Леонид Юрьевич насторожился. Веселое настроение, которое он сохранил с обеда, удачно поссорив Мравина с Мэри Брантон, сменилось внимательностью. Раз дело шло о наживе, ему не приходилось пренебрегать им.

Фражет в это время кончила свой туалет, взяла стул и села против своего собеседника.

— Мы заключим договор, — с расстановкой сказала она, — если мой план удастся и я сделаюсь княгиней, то заплачу тебе пятьдесят тысяч. Согласен?

— Смотря по тому, что мне предстоит сделать.

— Избавить меня от соперницы.

— И это все?

— Все! Но предупреждаю, что это будет нелегко. Главное, чтобы князь ничего не знал. Надо сделать так, чтобы та женщина сама бросила его. Только таким образом его совесть будет спокойна. Я опасаясь даже, что из привязанности к ней он решил побороть свою страсть ко мне.

— Ого! Дело более чем серьезно. Но откуда у тебя такие сведения?

— Со слов самого князя.

— Вот как? — изумился Леонид Юрьевич. — Он так с тобой откровенен? Это что-то новое.

— Я говорю тебе, что он — несмышленое дитя.

— Но ведь вы только три дня знакомы.

— Это ничего не значит. Я узнала всю его биографию после первого же визита. Помнишь, в три часа дня... Он просидел у меня до девяти вечера.

Осокин в комическом ужасе всплеснул руками.

— Я ли это слышу! Шесть часов провести с женщиной и угощать ее вместо любовных восторгов банальным изложением своей биографии? Нет, я отказываюсь этому верить.

— А между тем это было именно так. Я настолько очаровала князя, так ловко расспрашивала его, сумела представиться такой сердечной и простой, что он выложил мне всю свою душу.

— И состояние своих финансов.

— О, об этом я меньше всего беспокоюсь. Он — миллионер, и этим все сказано.

— Ну, а о любви вы говорили?

— Какое! — махнула она рукой. — Князь говорил мне о любви к другой.

— Станный поклонник! — захохотал Осокин. — Подносит цветы певице, дарит ей бриллианты и изливается в чувствах к другой. Ведь и эта корзина от него?

— Конечно! Это — дар красоте. Чарыгин, бедняжка, и сам не подозревает, что влюблен в меня до безумия. Я говорю тебе, он не от мира сего. Теперь ты веришь, что я смогу его скрутить?

— Верю-то верю, но мне интересно знать, что представляет собою твоя соперница. Неужели она не видит шалостей князя?

— Она за границей, — снова переходя на серьезный тон, сказала Бланш. — И приезжает через неделю.

— Раненько. Это неприятно.

— Надо ее быстро скрутить. Я полагаюсь на твой ум. Заметь, пятьдесят тысяч на полу не валяются, — значительно прибавила Фражет.

Осокин утвердительно кивнул головой.

— Знаю, дорогая, и повинуюсь. Конечно, ты дашь мне документик.

— Непременно.

— Ну-с, а подробности о ней?

— Жгучая брюнетка, хорошо образована, музыкантша, очень нравственная, очень набожная, умна, как бес, любит благотворить. Зовут Александра Тихоновна Кроликова.

— Это все? Немного.

— Твое дело узнать больше.

— Постараюсь.

— Итак, союз? — протянула ему руку Фражет.

— На жизнь и смерть, — Осокин с минуту оставался безмолвен, смотря куда-то в угол. Когда он снова взглянул на певицу, в его темных глазах сверкала мрачная решимость. — А если нам не удастся разделиться с нею мирно? — глухо спросил он. — Идти дальше?

Фражет сильно вздрогнула, но твердо ответила:

— Идти.

- Даже? — значительно подчеркнул Осокин.
— На все. Только чтобы я была в стороне.
— Но тогда расходы увеличиваются.
— Я прибавлю, — лаконично сказала певица.
Страшная сделка состоялась.
— Ну, как твои любовные дела? — после большой, неловкой паузы, натянуто улыбаясь, спросила Бланш.
— Дело в подкреплении, — ответил Леонид Юрьевич. — Скоро ли оно прибудет?
— Через три дня, дружок.
— И действительно девочка хороша?
— Очаровательна!
— Она действительно твоя племянница?
— Я ее воспитала.
— Она будет жить с тобой?
— Конечно.
— И ты не боишься, что твой Жоржик влюбится в нее?
Фражет нервно засмеялась.
— Будем надеяться, что этого не случится.
— Скажи, ты уверена, что она согласится пококетничать с Мравиным? — спросил Осокин.
— Уверена ли я? — холодно отчеканила певица. — Я уверена в этом так же, как в том, что буду княгиней Чарыгиной. Она — моя раба из благодарности, а князь — мой раб по страсти.
Леонид Юрьевич довольно потер руки.

IX

ПОЗДНЯЯ СТРАСТЬ

Князь Алексей Алексеевич Чарыгин был действительно человеком «не от мира сего». Немного ученый, немного философ, он как-то не сумел пристроить себя к действительной жизни и жил вне ее интересов.

Занимая высокий пост в одном из департаментов, он очень мало интересовался его делами, не рвался вперед и служил лишь потому, что все служат. Сравнительно еще молодой (ему было сорок три года), он избегал общества, проводил большую часть своего времени в кабинете за чтением книг и разрешением философских вопросов. Иногда он выезжал в театры, но

никогда на балы, что создало ему немало врагов в великосветских гостиных.

Чарыгин был вдов. Многие еще помнили его женитьбу пятнадцать лет тому назад на княжне Черкасской, которая через год бросила его, укатив за границу с красавцем тенором из итальянской оперы. Эта тяжелая семейная драма и наложила свой отпечаток на князя, превратив его из жизнерадостного человека в отшельника. Все знали, что он безумно любил жену.

Пять лет после этого князь провел в своем имении, не показываясь и не принимая никого, и только после этого срока снова появился на петербургском горизонте.

Была и причина этого возвращения: Чарыгин влюбился снова.

Предметом его страсти оказалась дочь его управляющего Александра Тихоновна Кроликова, красавица брюнетка восемнадцати лет, только что окончившая гимназию в Киеве и приехавшая к отцу отдохнуть на лето. Эта страсть оказалась взаимной: молодая девушка тоже полюбила князя и, не рассуждая о невозможности между ними брака, пошла за ним. В Петербурге они очутились вместе. Она поселилась в маленькой квартирке недалеко от его особняка на Английской набережной и поступила на курсы.

Для Чарыгина настала счастливая пора. Он хотя и не сделался жизнерадостным и общительным для света, но в квартире своей Саши умел и шутить, и смеяться. Впрочем, никто не проникал в эту закулисную сторону его жизни. Очень умная, очень нравственная Кроликова настолько привязала к себе князя, что он десять лет их связи не только не искал ни с кем сближения, но старательно избегал его и сторонился людей. Александра Тихоновна тоже довольствовалась лишь его обществом.

Два года назад Чарыгин получил из-за границы известие, что его жена умерла в Биаррице, но это его несколько не огорчило — княгиня стала ему совершенно чужда. До него стороной доходили о ней слухи, но они были столь малоутешительны, что князь предпочитал их не слышать.

Вдовство несколько не изменило его жизни. Ему, в последнее время занятому научным сочинением, и в голову не пришло предложить Кроликовой обвенчаться, последняя тоже молчала. Нелегальное положение давно

мучило молодую женщину, но гордость не позволяла ей напомнить князю о его долге по отношению к ней, и их связь продолжалась без изменений.

Каждый год они ездили за границу, но в год, предшествующий нашему рассказу, Кроликова поехала одна, так как князь, ссылаясь на дела, отказался. В действительности же Чарыгина удерживали в Петербурге не дела — он снова влюбился.

Это случилось за месяц до предполагаемого их отъезда за границу. В это время весна только что вступила в свои права. Петербуржцев потянуло на острова. Не удержался в один прекрасный вечер и князь и, приказав заложить лошадей в экипаж, поехал кататься.

На Стрелке он случайно встретился со своим старым лицейским товарищем, Всеволодом Александровичем Кутузовым, оживленная беседа с которым закончилась ужином в загородном саду, с неизбежным хороводом цыган. Жуир и кутила, Кутузов умел быть душой общества, а так как в этот вечер был в особенном ударе, то быстро затормошил и князя. Никогда ничего не пивший, кроме красного вина с водой, последний опьянел с первого бокала шампанского, и небывалое оживление овладело им. Он шутил, смеялся, заигрывал с цыганками, а когда одна из них поцеловала его, он не только не рассердился, но ответил ей тем же. Серьезный ученый муж в этот вечер исчез.

Кутузов, зная о патриархальной жизни Чарыгина, от души смеялся этому превращению и подзадоривал его к дальнейшей атаке цыганки. Но князь пока ограничился этим.

Утренний рассвет застал их в ресторане. Цыгане ушли в другой кабинет, и приятели мирно беседовали о прошлом, о школьных годах, оставивших по себе массу приятных воспоминаний. Рядом в кабинете вдруг раздались звуки рояля, и чарующий женский голос запел модную французскую шансонетку. Князь прислушался.

— Кто это поет? — спросил он Кутузова.

— Кажется, Фражет, — лениво ответил тот.

— Какой дивный голос!.. Он чарует.

— Ну, положим, — насмешливо покачал головой Всеволод Александрович, — голоса-то у нее нет, осталось одно уменье. Впрочем, она — красивая баба.

— Ты смотришь на женщину, как на товар, —

упрекнул приятеля князь, а затем с необъяснимым себе самому волнением стал слушать несшиеся из соседней комнаты звуки, и его кровь понемногу начала загораться.

Скабрезные слова песенки, подчеркиваемые исполнительницей, возбуждали его воображение и будили в нем такие инстинкты, о существовании которых в себе он и не подозревал.

Как пьяный вышел он из кабинета. Он не слышал, что говорил ему Кутузов, и, дойдя до двери комнаты, где пела француженка, бесцеремонно заглянул в нее. Фражет стояла как раз лицом к двери, обольстительная, полуобнаженная, и взгляд Чарыгина долго не мог оторваться от нее. Всеволод Александрович оттащил его.

Когда они сидели уже в экипаже, князь восторженно повторял:

— Какая красавица! Какая красавица!

— Ничего! — процедил сквозь зубы Кутузов.

— Вся огонь, вся страсть. Вот это — женщина!

— Не в моем вкусе.

— А как поет! Восторг!

— Да ты, кажется, влюбился, — расхохотался Всеволод Александрович.

— Нет, я так, — сконфузился Чарыгин. — Очень мила.

— Смотри! Это — не женщина, а акула. Она сожрет тебя. О ней ходят дурные слухи, — предупредил его Кутузов. — Мне она вообще неприятна, не знаю даже почему.

На этом их разговор о Фражет кончился.

На другой день Чарыгин был снова в саду, но один и, прослушав то отделение, в котором пела Фражет, уехал домой. На следующий день повторилось то же самое. Он увлекся певицей не на шутку.

Кутузов через неделю после их встречи уехал за границу, и потому никто не мешал князю каждый день занимать кресло в театре и слушать свой новый предмет страсти.

После отъезда Кроликовой он стал смелее. Страсть, внезапно охватившая его, все больше разгоралась, но, малоопытный в делах подобного рода, он не знал, как начать знакомство, и ограничивался лишь анонимным подношением корзин. Наконец князь решился написать Фражет.

Результат от этого знакомства получился самый неожиданный для князя. Вместо желанного сближения с красавицей француженкой он, неожиданно для себя, разыграл перед нею кающегося грешника и этим положил преграду скорому осуществлению своего страстного желания.

Наивный и доверчивый, несмотря на свои годы, он, конечно, и не подозревал, что сделался жертвой женской хитрости и лукавства, и жестоко обвинял себя в излишней откровенности. Он серьезно поверил громким фразам Фражет, что она никогда не отбивала и не отобьет мужчины, который уже занят, и что только свободный человек может искать ее благосклонности.

Чарыгин уехал от нее еще более влюбленный, но и не менее несчастный. В нем сосредоточились как бы два человека. Один громко одобрял его откровенность и побуждал к дальнейшим честным поступкам, другой же рисовал самые соблазнительные картины возможных наслаждений, если он сумеет побороть свои добрые намерения.

«Надо бросить Сашу», — вертелось у него в мозгу, но против этого возмущалась вся его порядочность.

Раздевавший князя старый лакей с удивлением посмотрел ему вслед, когда он, стремительно сбросив пальто, чуть ли не бегом прошел в свой кабинет.

Там Алексей Алексеевич бросился на диван и целых два часа пролежал не шевелясь. В нем шла борьба долга со страстью, когда он наконец встал, его лицо было спокойно, только бледность выдавала пережитое волнение. Князю в то время показалось, что он поборол себя и выкинул Бланш из сердца и из головы.

В подкрепление своих хороших намерений он взял с письменного стола кабинетный портрет Кроликовой, снятой до пояса, и стал жадно вглядываться в ее спокойно улыбающееся лицо. В нем было так много энергии, уверенности в самой себе, что и князю невольно сообщалась эта уверенность.

— Я поборю себя, — говорил он сам себе. — Неужели моя сила воли не сумеет подавить низменные инстинкты, вспыхнувшие во мне? Нет, нет! Я не расстанусь с Сашей, если бы даже мне пришлось страдать от этого всю жизнь. Только она одна способна дать мне тихое, мирное счастье. Напишу ей, чтобы она приехала, и всему конец.

И, боясь, что он передумает, Чарыгин написал телеграмму в Ниццу, где находилась в то время Кроликова, что он немедленно желает видеть ее и что она очень нужна ему.

Телеграмма полетела. Но — увы! — хорошие намерения князя не были очень устойчивы. На другой же день он уже раскаивался в своей поспешности, а вечером сидел в театре и поднес корзину Фражет. Последняя только лукаво улыбнулась.

Встретив ее в антракте в саду, князь с виноватым видом сообщил ей о приезде Кроликовой, из малодушия умолчав, что он сам ее вызвал.

Француженка быстро начертала свой план действия. Она, конечно, догадалась, что его подруга жизни едет неспроста, а вызванная им же, но не показала и вида, что имеет что-либо против. Ведь они были только друзья, и больше ничего.

В этот же вечер они ужинали вдвоем в отдельном кабинете, и даже неизменный Жоржик не присутствовал на этом торжестве.

Коварная женщина умело плела паутину. Разжигая чувственность князя, она в то же время разыгрывала из себя святошу, тяжелыми обстоятельствами поставленную в необходимость петь на сцене, и уверяла, что ее призвание — тихая семейная жизнь. Как бы нечаянно, она то обжигала Чарыгина своим горячим дыханием, то своими атласными руками дотрагивалась до его рук, а рыжими душистыми волосами до его лица. Ей доставляло особенное удовольствие видеть вспыхивающие страстью глаза Алексея Алексеевича, а его робость и сдержанность только заставляли ее внутренне хохотать.

Х

СТАРЫЙ ЖУИР

На другой день повторилось то же самое. «Большой ребенок», как звала князя Фражет, был совершенно в ее власти.

В тот вечер, когда она беседовала с Осокиным, князь тоже был в театре и терпеливо ждал выхода полюбившейся ему Бланш. Совершенно незнакомый с закулисной жизнью, он не решился проникнуть к ней

в уборную и ограничился тем, что бродил близ двери на сцену.

Мимо него то и дело шмыгали певички, некоторые пробовали даже задеть его, но он молчаливо продолжал свою одинокую прогулку. Вдруг его кто-то окликнул по имени:

— Князь Алексей! Ты ли это?

Чарыгин быстро обернулся и лицом к лицу столкнулся с Кутузовым, виновником его знакомства с Фражет. Последний был щегольски одет, заметно подкрашен и имел молодцеватый вид.

— Я, — натянуто улыбаясь, ответил князь, пожимая протянутую руку. — А ты откуда?

— Из-за границы, конечно! Вчера приехал, сегодня уже здесь.

— А-а... — неопределенно протянул князь. — Ну, что же, думаешь веселиться?

— Конечно! Да и ты, я вижу, не теряешь золотого времени. Кого ты ждешь?

— Да никого.

— Та, та, та! Не хочешь быть откровенным? Но ведь я все равно узнаю.

Князь сконфузился.

— Ты, право... не подумай. Я ведь так.

— Да что мне думать? Ты — не дитя. Все мы грешны. Но кто же она?

— Фражет, — чуть слышно пробормотал Чарыгин.

— Ну, что же, мир и любовь! — одобрил его Кутузов. — Баба красивая.

— Между нами ничего нет, — поспешно уверил его приятель.

Всеволод Александрович удивленно посмотрел на него.

— Это что-то новое. Почему же?

— Мы — только друзья.

— Друзья, ха-ха-ха! Ну, и угораздило тебя такую глупость сказать. «Друзья»! Так я и поверил. Но кто же водит дружбу с шансонетными певицами?

— Но она особенная.

— Все это — глупости, — серьезно заявил Всеволод Александрович. — Она просто водит тебя за нос, чтобы дороже содрать. Слушай, что я тебе скажу: ты устрой сегодня ужин и пригласи меня, я быстро подвину твои дела, ручаюсь.

— Удобно ли это?

— Чего удобнее? Пусть Фражет захватит с собой какую-нибудь подругу... Веселее будет. Кстати, я сегодня свободен.

— Хорошо! — после некоторого колебания согласился князь. — Но, пожалуйста, ты не позволяй себе ничего... она такая скромная.

— Фражет скромная? — снова захохотал Кутузов. — Ой, ты меня уморишь!

— Сам увидишь.

— Хорошо! Хорошо! Иди к ней! Да вот, кстати, она, — кивнул Всеволод Александрович на вышедшую из театра француженку, которая шла по аллее как раз в их сторону.

Князь так и рванулся к ней навстречу.

— Здравствуйте, здравствуйте! — ласково приветствовала она его, обжигая горячим взглядом. — Мерси за корзину. Право, вы меня чересчур балуете.

— Что вы, помилуйте. Я так счастлив, что могу вам чем-нибудь служить.

— Будем ужинать? — спросила она князя.

— Конечно! У меня даже сегодня к вам особенная просьба. Не позволите ли пригласить моего приятеля? Он только что из-за границы.

— Отчего же. Как его зовут?

— Всеволод Александрович Кутузов.

Фражет тихонько вскрикнула.

— Что с вами? — беспокоился князь.

— Ничего, ничего, — тихо ответила она. — Что же, я согласна ужинать с вашим другом.

Обрадованный Чарыгин поспешил подвести к ней Кутузова. Обворожительно улыбаясь, Фражет протянула ему затянутую в перчатку руку.

— Друзья князя — мои друзья, — сказала она ему.

— Как и подруги князя — мои подруги, — развязно ответил Всеволод Александрович, с легкой насмешкой смотря ей прямо в глаза.

Она вспыхнула и закусил губу.

— Не правда ли, мадемуазель, князь чрезвычайно неопытен в делах ухаживания? — как ни в чем не бывало продолжал Кутузов. — Я хочу просветить его по этой части. Не будете ли и вы любезны помочь мне в этом? Я слышал, вы такая опытная, — иронически подчеркнул он последнюю фразу.

Бланш невозмутимо перенесла эту насмешку.

— Отчего же? — с легким вынужденным смехом сказала она. — Я готова. Князь действительно мало похож на нынешних распущенных мужчин, совершенно не уважающих женщин. Впрочем, мне кажется, это можно поставить ему только в заслугу, — выразительно добавила она, бросая чарующий взгляд в сторону безмолвствующего Чарыгина.

Удар пришелся Всеволоду Александровичу не в бровь, а в глаз. Опытный в оценке женщин, он понял, что имеет дело с недюжинной натурой.

«Хитрая bestия! Ну, да ничего, я тебя развенчаю», — подумал он и как ни в чем не бывало перешел разговор на другую тему.

— Мадемуазель, не можете ли вы, как хорошо знакомая со здешними обитателями, дать мне добрый совет?

Фражет, предчувствуя новую западню, насторожилась.

— В чем дело?

— Я хотел бы наше трио превратить в квартет. Нет ли у вас достойной вас подруги, которая согласилась бы своим присутствием скрасить наш ужин?

— Увы, — отрицательно покачала головой Фражет, — в этом я не могу быть вам полезна. У меня нет здесь подруг.

— Ну, так есть просто хорошие знакомые.

— И этого нет.

— Вы — такая нелюдимая? Тогда вопрос: кто здесь самая красивая, конечно, после вас, — любезно вставил Кутузов, — этуаль?

— Все очень красивы.

— Итак, вы не хотите мне рекомендовать?

— Извиняюсь, — колко бросила Бланш и резко повернулась к князю: — Идемте.

Он смущенно предложил ей руку и двинулся вперед.

Кутузов, насмешливо посвистывая, пошел сзади.

«Подожди, подожди, голубушка... — мелькнуло в его голове, — ты строишь из себя недотрогу, но я вижу тебя насквозь. Интересно, сколько тебе хочется содрать с князя? Ну, да много не возьмешь, я буду настороже. Однако где я видел ее раньше? Удивительно знакомо мне ее лицо!»

Но память на этот раз изменила ему.

Когда они проходили веранду, Кутузов невольно

обратил внимание, с какой почтительностью кланялись Фражет ее товарки. Знакомый с некоторыми из них по зимнему сезону, он подошел к одной и спросил о причине этой почтительности.

— Да она с директором очень близка, — лукаво улыбаясь, пояснила та, — ну, кому есть хочется, тот и заискивает.

— Вот оно что! — протянул Всеволод Александрович. — А давно это случилось? Ведь зимой ничего подобного не было.

— Верно! Она и поступила только за месяц до закрытия. С весны это у них началось.

— Так, так. Что же, они действуют открыто? — любопытствовал Всеволод Александрович.

— Ничего подобного, все шито-крыто. Мы-то, конечно, знаем и догадываемся.

— Только-то? — разочарованно протянул Кутузов. — Ну, прощай, крошка! — И он пошел догонять князя с его спутницей.

Это ему удалось только у самой двери кабинета.

Едва они вошли в кабинет, Бланш обернулась к Кутузову и, насмешливо улыбаясь, сказала:

— Однако вы здесь — свой человек. Мои рекомендации были бы излишни.

— Пожалуй, — согласился он. — Я и не подозревал, что ваш антрепренер так постоянен и не меняет состава исполнительниц круглый год. Конечно, это похвально, но не особенно интересно. Если бы вы были любезны и передали ему мой отзыв, он, может быть, принял бы его во внимание.

— Почему же именно мне вы советуете сделать это? — жмурясь, спросила Фражет.

— Потому, что я слышал о ваших с ним особенно дружеских отношениях, — невозмутимо ответил он.

Фражет насильственно расхохоталась.

— Князь, — обратилась она к Чарыгину, — вы слышите? Ваш друг, видимо, желает унижить меня в ваших глазах. Запретите ему это.

— Всеволод! — умоляюще произнес князь. — Замолчи.

— Разве я сказал что-либо обидное для мадемуазель?

— Вы повторяете глупую сплетню. Ваш намек на антрепренера...

— Был моим собственным заключением. Я видел,

с какой почтительностью кланялись вам ваши подруги, и решил, что или они вас чрезмерно уважают, или вы в хороших отношениях с директором. Так как первое нелегко, то остается второе.

— Вы — большой дипломат, — со сдержанным безразличием сказала певица.

Пикировка на время прекратилась. Компания занялась обсуждением меню ужина, и вскоре обширный стол был весь заставлен закусками и водками.

Князь понемногу оживился, и его веселый смех огласил кабинет. Фражет тонко кокетничала с обоими мужчинами, но — странное дело! — в то время как Чарыгин млеет от ее ласковых взглядов, на Кутузова они совершенно не действовали. Какое-то глухое недоверие, даже вражда загоралась в нем, когда он смотрел на нее.

«Где я ее видел? — не переставал думать он. — Положительно я ее знаю».

Он даже обратился к ней с этим вопросом.

— Встречались ли мы с вами, мадемуазель Бланш?

Фражет незаметно вздрогнула и смутилась.

— Кажется, нет. Я вас не помню.

— Вы мне удивительно знакомы! — задумчиво повторил Кутузов.

Певица постаралась переменить разговор.

— Я могу вам сказать новость! — воскликнула она.

— Интересную? — спросил князь.

— Для вас не знаю, для вашего же друга очень. Ведь, не правда ли, он большой любитель женщин?

— Хорошеньких, — вставил Всеволод Александрович.

— О дурнушках я и не говорю. Через три дня, господа, вы узрите новую звезду — прелестную, молодую, талантливую женщину.

— Ого, какие новости! Откуда они у вас?

— Из самого верного источника! Эта особа — моя родная племянница, дочь моей сестры.

С этими словами Фражет достала из ридикюля маленькую фотографическую карточку и протянула ее мужчинам.

Князь мельком взглянул на нее, но зато Кутузов так и впился в нее глазами.

На ней была изображена девушка действительно поразительной красоты. Стройная, как лилия, она бы-

ла одета в легкую тунику, и чудные формы ее девственного тела рельефно выделялись на портрете. Старый жуир не мог оторваться от карточки.

Бланш с торжествующей улыбкой смотрела на него.

«Теперь ты в моих руках», — думала она.

— Что, хороша? — спросила она после большой паузы.

— Дивно прекрасна! — захлебываясь, произнес Всеволод Александрович.

— Князь, — неожиданно обратилась Фражет к Чарыгину, — сходите за моей накидкой. Она осталась в уборной. Мне что-то холодно.

Влюбленный не заставил себя просить и рванулся исполнять приказание.

ХІ

КЛЮНУЛО

Кутузов, все еще любовавшийся карточкой новой звезды, не слышал приказа певички, и только когда за князем закрылась дверь, удивленно промолвил:

— Куда это он?

— Я просила принести мне накидку, — сказала она, на что Всеволод Александрович, пожав плечами, заметил:

— Бедный князь уже на побегушках.

— Что вы имеете против меня? — пристально посмотрев на него, медленно произнесла Фражет.

— Ровно ничего. С чего вы взяли.

— Не отрицайте! — остановила она его движением руки. — С первых ваших слов я поняла, что вы — мой враг... Я это вижу. Но какова же причина этой вражды? Вы скажете мне ее?

— Ее нет.

— Она есть. Я могу думать только одно, а именно: что вы боитесь за вашего друга, князя... Правда это?

— Отчасти, — согласился Кутузов. — Откровенность за откровенность. Скажите, зачем вы водите его за нос?

Бланш улыбнулась.

— Но ведь мы знакомы четыре дня.

— Что?.. — чуть не привскочил Всеволод Александрович. — Не может быть! Он влюблен в вас уже три месяца!

— Может быть, но я этого не знала.

— Ну и дуралей же он! — воскликнул Кутузов. — Точно восемнадцатилетний мальчишка!.. Впрочем, теперь и наши мальчики куда смелее. Эх, лучше брал бы пример с меня в отношениях с женщинами! У меня раз-два, и готово! — и старый вивер самодовольно закрутил крашенные усики.

Певица лукаво улыбнулась и промолчала.

— Но все-таки, мадемуазель, вы не думаете вечно мучить князя? — спросил Всеволод Александрович.

— О нет!.. Он мне нравится.

«Или, вернее, тебе нравятся его миллионы. Хитрая бестия!» — подумал про себя Кутузов и тотчас спросил:

— Значит, я могу обнадежить своего друга.

— Нет, нет, только не это! — живо остановила его Фражет. — Не мешайте нам вести дело самим... Князь — не ребенок, да и я тоже.

— Повинуюсь и остаюсь в роли созерцателя.

— Которого, если он не будет мешать, ждет щедрая награда, — многозначительно сказала певица.

«Черт возьми, она хочет подкупить меня. Но чем?» — мелькнуло у насторожившегося Кутузова, и он спросил:

— А именно?

— Позволение посещать мой дом, когда в нем поселится прелестная особа, именуемая Люси Раймонд. Ее портрет произвел, кажется, на вас впечатление.

— Огромное, черт возьми!.. — восторженно воскликнул Всеволод Александрович. — Неужели она поселится у вас?

— Непременно!.. Ведь я ей — родная тетка! К тому же она так неопытна... так неопытна, — хитро улыбаясь, подчеркнула Бланш, — что я боюсь, как бы она не увлеклась каким-нибудь красивым юношей и... не сделала глупости.

— Что же вы готовите ей?.. — захлебываясь от охватившего его сладостного ожидания, весь трепеща, спросил Кутузов.

— Надо найти солидного покровителя. Девочка так хороша, что найдется много охотников, — ответила Фражет.

— Дорогая!.. — воскликнул Кутузов, беря ее за руку и поднося последнюю к губам. — Заболвите словечко за меня!.. Клянусь, я не останусь у вас в долгу.

Фражет сделала отрицательный жест.

— Мне ничего не надо, я хлопочу только для бедной малютки, и так как вы кажетесь мне порядочным человеком, то я согласна заболвить за вас словечко.

Кутузов бросился целовать ей руки. Былого отвращения как не бывало. Фражет в эту минуту казалась ему лучшей и добрейшей женщиной, которую он когда-либо встречал. Конечно, если бы он в эти мгновения взглянул ей в лицо и заметил ту злобно торжествующую улыбку, с которой она смотрела на него, то не радовался бы так, но — увь! — эта улыбка осталась для него невидимой.

Вернувшись с наикдкой, князь застал их мирно беседующими. Его лицо просияло при этой картине.

— Право, твоя Бланш — премилая женщина, — шепнул ему Всеволод Александрович. — Мы с нею подружались.

Чарьгин благодарно посмотрел на него.

Ужин затянулся до рассвета. Разговор всю ночь вертелся больше всего о Люси. Фражет рассказывала различные эпизоды из ее детства и юности, и эти рассказы еще больше воспламеняли Кутузова. Он уже видел себя обладателем этого дивного создания, и его чувственность все воспламенялась.

Карточка, которую певица как бы нечаянно оставила у него, не дала разрушиться очарованию и на другой день, когда голова Кутузова избавилась от винных паров.

В следующий же вечер вместе с корзиной князя Фражет получила роскошный букет с карточкой Кутузова.

«Клюнуло... — с торжеством подумала она и зло улыбнулась. — Скоро!»

В саду налицо оказались и князь, и Кутузов. Они снова стали просить ее отужинать с ними, но она отказалась:

— Еду домой, устала.

Чарьгин получил позволение проводить ее до дома.

Когда его чудные рысаки отнесли их довольно

далеко от сада, певица вздохнула и тихо произнесла:

— Как тяжело жить!

— Это невозможно!.. Вы молоды, хороши, любимы...

— И презираема, — добавила Фражет.

— Неправда! — горячо возразил он.

— Нет, правда... Все, все презирают нас, женщин кулис. На нас смотрят, как на товар... Вот и вы тоже! Вы и хороший, и добрый, и честный, а не можете отрешиться от общего предрассудка... Ведь правда? Сознайтесь!

— Клянусь вам!

— Это неискренне. Я знаю, что вы думали вчера, знакомя меня с вашим другом: «Авось он подвинет мое дело, он такой опытный!» Угадала?

Чарыгин смущенно молчал. Бланш приложила платок к глазам. Плечи ее вздрагивали, она тихо плакала. Взволнованный князь беспокойно задвигался на сиденье и робко стал упрашивать ее:

— Успокойтесь, ради Бога... Клянусь, я уважаю вас больше всего на свете... Ну, Бланш, успокойтесь!

Вдруг две теплые ручки обвились вокруг его шеи. Фражет приблизила свое лицо к лицу Чарыгина и, прямо глядя ему в глаза, спросила:

— Не лжешь?

— Нет, — твердо ответил он и прибавил полным глубокой нежности голосом: — Я люблю тебя... люблю...

Она радостно вскрикнула, и их губы слились в долгом жгучем поцелуе.

— Моя, моя! — шептал восхищенный Чарыгин, сжимая гибкий стан певицы и покрывая страстными поцелуями ее лицо.

Фражет вдруг высвободилась из его объятий, и в безмолвии кареты прозвучала решительная фраза:

— Никогда я не буду твоей!

— Но почему? — с отчаянием воскликнул влюбленный.

— Потому что не хочу, чтобы ты перестал уважать меня!..

Князь мучительно застонал.

КОВАРНЫЙ ДРУГ И МАТЬ

Николай Владимирович Мравин только что выпил утренний кофе и готовился выйти из дома, как в его квартиру позвонили.

«Кого несет? — с неудовольствием подумал он. — Вот некстати... Надо сказать, чтобы не принимали».

Он протянул руку к звонку, чтобы позвать лакея, но последний уже отворял дверь, а через минуту в комнату вошел Осокин.

Пожимая обеими руками руку студента, он весело воскликнул:

— Слава Богу, что застал! Вчера два раза был, и никого!

— На что я тебе так понадобился? — сухо спросил Мравин.

— Дело, дружок! Пришел от имени нескольких дам прелестных и кавалеров звать тебя на пикник. Согласен?

— Смотря когда и куда.

— Завтра, завтра. Прекрасная компания собирается, кутнем на славу. Твоя Мэри прямо в восторге.

Николай Владимирович отрицательно покачал головой.

— Завтра не могу, — решительно отказался он.

— Не можешь? — удивился Леонид Юрьевич. — Что за причина? Ты до сих пор никогда не отказывался.

— На этот раз я делаю исключение.

— Это невозможно! Я отказываюсь верить... Повторяю тебе, что твоя возлюбленная страстно хочет этого... Неужели ты огорчишь ее?

Легкая гримаса появилась на лице Мравина.

— Мало ли какие взбалмошные идеи приходят ей в голову. Не могу, и кончено! — упрямо сказал он.

— Поссорились? — злорадно вырвалось у Осокина.

— Ничего подобного! Просто у меня дело, которого я не могу не исполнить.

— Не боясь сцены со стороны Мэри?

— Ах, мне все равно! — махнул рукой студент.

— Значит, охлаждение? — с нескрываемой радостью спросил его приятель.

— Ты чему же радуешься? — подозрительно заметил Мравин.

— Я? Ничего! — притворился Осокин. — Я просто так спросил.

— Излишнее любопытство.

— Между друзьями нисколько. Почему тебе не сказать истину, если это — правда? Я могу помочь тебе в разрыве с Мэри.

— Тебе, кажется, его всегда очень хотелось, — насмешливо произнес Николай Владимирович. — Право, приходится верить словам Мэри, что ты влюблен в нее.

Леонид Юрьевич, несмотря на огромную силу воли, не мог не смутиться. Он даже чуть-чуть побледнел и невнятно пробормотал:

— Это — ложь.

— Похожая на истину. Ну, да мне все равно. Одно могу сказать тебе, что если захочу порвать с женщиной, близкой мне, то никогда не возьму посредника. Зачем оскорблять ее?

Осокин был уничтожен.

«Щенок! Мальчишка!» — внутренне ругался он, но его лицо изобразило веселую улыбку, и он переменял разговор.

— Итак, ты отказываешься от пикника, и наотрез?

— Положительно!

— Но сегодня-то, надеюсь, мы ужинаем вместе?..

— Ни сегодня, ни завтра я не свободен. Передай, пожалуйста, и Мэри, если, конечно, ее увидишь, что раньше послезавтра мы не увидимся.

— Слушаюсь. Но все-таки ты прими к сведению, что завтра от семи до девяти ты можешь еще застать нас в квартире Мурки Певуны. Может быть, ты передумаешь.

— Невозможно. Я буду в это время на вокзале, — задумчиво сказал Мравин.

Леонид Юрьевич сразу насторожился.

— На вокзале? На каком? — вкрадчиво спросил он.

— На Варшавском, конечно. Ведь это почти единственный вокзал, к которому приходят заграничные поезда.

Леонида Юрьевича вдруг осенило.

«Ба!.. — внутренне воскликнул он. — Да ведь завтра, и как раз в эти часы приезжает племянница

Бланш. Уж не ее ли он едет встречать?.. Нет, это невозможно! — сейчас же отогнал он от себя эту мысль. — Но тогда кого же?»

Он попробовал узнать это от Мравина.

— Друга ждешь? — наугад спросил он.

— Да, — нехотя ответил молодой человек.

— Ну, не буду тебе мешать... Улетаю!

Николай Владимирович по уходе Осокина тоже заторопился.

Сегодня утром он получил записку от матери Суханова, в которой та просила его зайти к ним вечером, чтобы переговорить о некоторых подробностях семейного свойства, и теперь молодой человек спешил найти помещение другу, чтобы дать ясный отчет его родным. В это же время в его душе все ликовало.

«Я увижу ее!» — твердил он про себя бесконечное количество раз, и образ прелестной Елены Матвеевны стоял перед ним.

Визит Осокина несколько охладил его пыл, напомнив о неприятной действительности, но как только закрылась дверь за Леонидом Юрьевичем, прежнее радужное настроение вернулось к Мравину.

Уходя, он весело сказал лакею:

— Никого не принимай и не пускай ждать. Скажи, что я уехал на целый день.

— А мамзель если придет?

— И ей скажи то же самое! — и, довольно насвистывая, Николай Владимирович вышел на улицу.

Между тем его коварный приятель, покидая его, решил сыграть с ним злую шутку.

«Он завтра будет на вокзале, — рассуждал дорогой Осокин, — значит, неизбежно встретит многих из наших... Фражет тоже будет... она его видела... Прошу ее, чтобы она взяла с собою Козырева, знакомого с Николаем, и чтобы тот еще до прихода поезда познакомил этого щенка с ней... А когда поезд придет, представим ему и племянницу... Убьем двух бобров сразу... А Мэричке в это время пошлем анонимное письмо, что ее возлюбленный, прослышав о прелестях вновь приезжающей, спешит познакомиться с нею и едет на вокзал. Пусть она за ним подсмострит. Больно будет бедняжке, ну, а не сопротивляйся Осокину... Он умеет мстить! Если она заттит Николаю завтра скандал, тем лучше. Он немедленно бросит ее, а я тут как тут... Если нет, поведем дальнейшую атаку...

Вряд ли этот зеленый мальчишка устоит перед такой поразительной красавицей, какой на портретах кажется Люси. Тем более что Мэри надоела ему».

С этими мыслями Осокин вошел в свою элегантную квартиру. Сбросив пальто, он прямо прошел в кабинет и сел к письменному столу. Через десять минут анонимный донос был готов.

«Милая крошка! — стояло в нем. — В то время, когда ты спокойно спишь, кушаешь и веселишься, считая себя любимой, твой возлюбленный думает о другой. Хочешь доказательств? Поезжай завтра на Варшавский вокзал, к приходу скорого поезда, и ты увидишь его в обществе другой, прелестной, обольстительной, пленившей его сердце заочно, по портрету. Ясно, что последует дальше... Закрой лицо вуалью, чтобы тебя не узнали, иначе ты можешь сделаться посмешищем. Наблюдай незаметно... Верный друг».

Запечатав письмо в конверт, Леонид Юрьевич вновь оделся и вышел из дома, решив лично опустить донос в почтовый ящик. Через пять минут письмо, несшее за собою горе Мэри, лежало на дне почтового ящика.

Исполнив свой злой замысел, Осокин сел на извозчика и велел везти себя на Морскую, где жила Фражет.

Пройдя в будуар хозяйки, он застал ее совершенно одетой для прогулки, а с нею Жоржа, которому она с материнской заботливостью поправляла галстук. Француженка была в отличном расположении духа и, как только вошел Осокин, не здороваясь, повернула к нему лицом своего сына и задорно воскликнула:

— Правда, мальчик недурен в этой новенькой паре?

— Даже очень! — любезно ответил Леонид Юрьевич.

— Это — мой подарок ему сегодня... для дня рождения, сюрприз... Ты доволен, мой дорогой? — обратилась она к Жоржу.

Хорошенькое личико юноши сияло.

— Конечно, тетя. Ты ведь знаешь, что я все лето мечтал иметь именно такой костюм. Синий цвет мне к лицу.

— Ну, а теперь поцелуй меня и отправляйся восвояси, — сказала Бланш, подставляя юноше щеку.

Он звонко чмокнул ее и, на ходу пожав руку Осокину, выскочил из комнаты.

Фражет задумчиво смотрела ему вслед.

— Какое он еще дитя! — тихо сказала она.

— Хорошо дитя! В двадцать лет имело уже более двадцати любовниц... Ты шутишь, дорогая?

— Нисколько, — отрицательно покачала она головой. — Жорж действительно еще совершенное дитя. Несмотря на внешний разврат, душа у него такая чистая, что мне иногда делается страшно. В кого он? Отец его был развратник, бесчестный человек, я тоже никогда не отличалась особенною строгостью принципов, и вдруг этот ребенок.

— Ты как будто жалеешь о чистоте его души? — недоуменно спросил Осокин.

— Да, да! — страстно воскликнула Фражет. — Я желала этого, безумно желала!.. Видеть сына человека, которого я ненавижу всеми силами своей души, всеми фибрами своего тела, негодяем, преступником — это было моей мечтой, целью моей жизни! Я девятнадцать лет шла к ней... Я развращала Жоржа с детства. Я не дала ему никакого образования, единственно с той целью, чтобы он в конце концов сделался вором.

— Но ведь он — твой сын! — удивленно воскликнул Леонид Юрьевич.

— Да, он — мой сын, — мрачно сказала Фражет, — но от человека, который беспощадно разбил мою молодость, вырвал из груди сердце и сделал из нежного цветка фурию, ненавидящую все человечество. О, ты не знаешь, что я пережила! Сколько унижений, сколько нищеты. Я три года голодала во Франции, пока выбралась на дорогу, но зато поклялась жестоко отомстить ненавистному мне человеку, и отомщу ему.

— Значит, он жив?

— О, он жив! Такие не умирают! — со злобой сжала кулаки Фражет. — Он блаженствует! Он богат, еще красив, еще любим!..

— Он здесь, в Петербурге? — с живостью спросил ее собеседник.

— Этого я тебе не скажу... Зачем? Все выплывает наружу в свое время.

— И тебе не жаль приносить в жертву мести своего ребенка? — после небольшой паузы спросил Осокин.

— Жаль ли мне его! — задумчиво проговорила Фражет. — Да, жаль! Я и не подозревала, что существует инстинкт матери, и только теперь уверовала в

него. Видя Жоржа полным неведения, я почувствовала жалость, да, жалость, вдруг поняла, что люблю его, люблю безумно... ведь он — моя кровь, моя плоть. И после многих лет озлобления, которые я жила только для мести, я не могу совершить ее так, как желала... Это ужасно!

Она закрыла лицо руками.

Леонида Юрьевича поразила эта страстная исповедь. Он считал Бланш только хищницей, и вдруг перед ним явилась глубоко чувствующая женщина, посвятившая себя идее мести. Он невольно стал уважать ее.

«Бедная, — мелькнуло в его голове. — Ты, видимо, много страдала, что дошла до такого озлобления».

Фражет недолго оставалась молчаливой. Отняв руки от лица, она пристально посмотрела на Осокина и как бы угадала его мысли, протянула ему руку.

— Спасибо, что хоть ты пожалеешь меня! Я не так преступна, как несчастна. Если бы ты знал, как оскорбил меня тот человек, которого я единственно любила в своей жизни, ты понял бы меня. Я поклялась отомстить и отомщу. Но Жоржа я спасу... его я не принесу в жертву... Это выше даже моих сил. Бессознательно я любила его всегда. Помнишь мой обморок, когда ты сказал мне, что замужество с князем должно разлучить меня с Жоржем? В ту минуту я поняла, что это невыносимо. Один ребенок будет не тронут.

— Значит, есть и другой? — воскликнул ее собеседник, внимательно ловивший каждое ее слово.

— Это я оговорила, — пробормотала Фражет, сильно смутившись. — Забудь мои слова... и поговорим о другом.

Фражет сказала это крайне решительно, и Осокин понял, что настаивать на дальнейших расспросах будет бесполезно.

— Ты ведь пришел неспроста? — спросила певица.

— Конечно! За твоей помощью, — и Леонид Юрьевич рассказал о своем визите к Мравину, о его отказе ехать на пикник и об анонимном письме, которое он послал Мэри. — Ты должна во что бы то ни стало устроить завтра знакомство твоей племянницы с этим молодчиком, — закончил он свой рассказ. — Раз Мэри увидит их вместе, взрыв произойдет, и она — моя.

Фражет, улыбаясь, выслушала его, а затем сказала:
— Умный ты человек, но одно я не могу понять, как мог ты увлечься настолько, чтобы растрачивать свой ум и способности на придумывание глупейших планов.

Леонид Юрьевич обиделся.

— Мой план вовсе не глуп.

— А по-моему, так колоссально. Все эти анонимные письма и выслеживания хороши лишь в романах. Жизнь куда проще. Ты любишь Брантон, она любит другого — хорошо! Тот к ней охладел, это — ясно, значит, он скоро бросит ее. У нее он — не первый и не последний. Ну, она поплачет и утешится, и утешителем можешь быть и ты. Нет ничего легче овладеть женщиной, когда она в горе. Что же делаешь ты? Из самой обыкновенной истории ты устраиваешь драму. Все эти выслеживания, письма только доведут эту Мэри до того, что она вообразит себя безумно влюбленной и пустит себе или своему возлюбленному пулю в лоб...

Осокина передернуло.

— Ты меня пугаешь.

— И не без основания. Твоя Мэри — пустая, взбалмошная бабенка, а такие-то и способны на самые дикие поступки. Дал бы ты делу идти своим чередом, и все обошлось бы мирно.

Леонид Юрьевич стал бледен как полотно.

— Но ты думаешь, — заикаясь, начал он, — что... она... нанесет скорее вред ему, чем себе.

— Думаю, что ему, — иронически взглянув на него, сказала Фражет.

Осокин с отчаянием схватился за голову.

«Как мужчины делаются глупы, когда они любят! — думала Бланш, глядя на него. — Даже самые умные».

ХІІІ

ИСПОВЕДЬ ПРИЯТЕЛЯ

Кутузов кончал завтракать, когда лакей доложил ему, что его желает видеть князь Чарыгин.

— Так просите же его сюда! — воскликнул он, и когда лакей повернулся, чтобы идти, крикнул ему вдогонку: — Скажи, что я один.

Через пять минут князь сидел за столом против приятеля. Он был бледен, имел растерянный вид и смотрел как-то виновато. От предложения Кутузова позавтракать отказался и попросил только чашку черного кофе, которую и выпил залпом.

— Что с тобою? — участливо спросил его хозяин. — Ты как будто убит чем-то.

— Плохо, совсем плохо, — безнадежным тоном ответил Чарыгин.

— В чем дело?

— Фражет не хочет быть моей!.. Ах, если бы ты знал, как я измучился в эти два дня!.. Ты ведь не знаешь, что произошло третьего дня вечером, когда я поехал ее провожать, — дрожащим голосом продолжал князь. — Мы объяснились!.. Она любит меня, она сама сказала мне об этом, но не хочет быть моей.

Всеволод Александрович улыбался.

— Только-то?..

Чарыгин со скорбным изумлением посмотрел на него.

— Ты смеешься? — упавшим голосом пробормотал он.

— Конечно, милый друг! Неужели ты серьезно поверил в ее слова?

— Что она меня любит?

— Ну, это мы оставим в стороне, а вот что она не будет твоей любовницей?

— Ты думаешь, она солгала? — радостно встрепенулся Чарыгин.

— Конечно же! Неужели ты не понимаешь ее тактики? Ей хочется подороже взять с тебя.

— О, если бы это! Я готов отдать ей все состояние... Но тут не то, уверяю тебя.

Кутузов иронически улыбался.

— Ты думаешь? Ну, брат, я больше тебя жил в этом мире и знаю его нравы. Наивен тот, кто верит в добродетель кафешантанной певицы. Разница бывает лишь в цене... уверяю тебя...

— Но ведь Бланш знает, что я готов отдать ей все...

— Знает, но не уверена, вот и все. Предлагал ты ей что-либо определенное?

— Да разве я осмелился бы? — уныло покачал головой князь.

— Наивен же ты... Влюбился и плати. Это пошло,

но неизбежно. Не в наши с тобой годы искать чистой привязанности... Кто нас полюбит даром? В особенности француженки. Это — народ практичный!.. Бьюсь об заклад, что ты даже не подарил Бланш ничего ценного...

— Ошибаешься. Я ей поднес серьги в две тысячи.

— И не помогло? — с искренним изумлением воскликнул Кутузов. — Ну, и несчастливец ты! У меня всегда такие подарки приносили награду. Однако будь откровенен и расскажи, как ты вел все лето атаку.

— Ничего не было... Я ездил в театр, подносил ей цветы без карточки, вот и все. Некому было меня представить.

Всеволод Александрович расхохотался.

— Представить, ха-ха-ха! Нет, ты положительно ребенок. Слишком много ученых книг прочел, а действительной жизни не изведal.

— Верно, верно! Теперь жалею об этом.

— Но все-таки ты с нею познакомился?

— Ну да, в конце концов расхрабрился.

— И почему же сразу не атаковал ее?

— Не сумел. Она стала говорить со мною крайне сердечно, я расчувствовался и вместо желанного объяснения наговорил ей чепухи про свои отношения к другой женщине, расхвалил ее чудный характер и так далее. Одним словом, первый предложил ей братскую дружбу.

— Разве твоя связь с Кроликовой не кончена?

— Нет, Анна через неделю будет в Петербурге... Я вызвал ее сюда.

— Это-то зачем? — удивился Кутузов.

— Думал, ее присутствие излечит меня от этой преступной страсти...

— Пошло самобичевание! Преступная страсть и тому подобные слова. В чем твой проступок? Тебе понравилась красивая, пикантная женщина, и тебе хочется обладать ею... вот и все...

— Это бесчестно по отношению к Саше. Я бы должен вырвать эту страсть.

— О, брат, это нелегко в наши годы!.. Вот я, например... Как понравится мне какая бабенка, так тут хоть в клетку запри: я доберусь. Вот я и над тобой не смеюсь и хочу помочь тебе именно потому, что сам в этом отношении не без грешков... сам горю от огня любви. Понимаю и тебя.

— Спасибо тебе, — протянул Чарыгин через стол руку Кутузову. — Помоги, голубчик! Уговори Бланш. Скажи, что я на все согласен... все ей дам...

— Хорошо, хорошо.

Когда успокоенный князь уехал, Кутузов долго ходил по своему обширному кабинету.

«Что хочет Бланш от князя? — все думал он. — Тут загадка! Обыкновенно эти феи набрасываются на таких, как князь, обирают их елико возможно, а тут не то. Поеду к ней вечером и попытаюсь до истины, — в конце концов решил он. — Воевать с нею не буду — племянница хороша, а так, по душам поговорю. Жаль Алешу».

Остановившись на этом решении, Всеволод Александрович оделся для прогулки и поехал кататься.

Проезжая на одной из аллей Каменного острова, его экипаж поравнялся с коляской, где сидела элегантная дама с молодым человеком. Кутузов с удивлением узнал Фражет. Она, улыбаясь, закивала ему.

— Я собираюсь к вам вечером, — сказал он.

— Очень рада... По делу или так?

— По делу, и важному.

— О-о! Если только разговор будет о князе, то я не приму вас, предупреждаю.

— Это почему?

— Уговор дороже денег... а мы ведь его заключили... помните?... И награду определили.

— Но я не понимаю, почему нельзя говорить?

— Предоставьте это дело мне. Кстати, сообщаю вам приятную новость: Люси завтра приезжает. Будьте на вокзале, и, конечно, с цветами, поняли? А теперь до свидания!..

И коляска Фражет свернула в боковую аллею.

XIV

НА ВОКЗАЛЕ

Наступил день приезда Люси Раймонд.

Ровно с полчаса до прихода поезда к подъезду Варшавского вокзала подкатила карета с Фражет и Жоржем, а за нею коляска с Кутузовым, державшим в руках внушительную коробку с цветами. Певица, выйдя из кареты, дождалась старого жуира и, здорова-

ясь с ним, шутливо кивнула в сторону картонки, которую он передавал носильщику:

— Не забыли?

— Как же можно! Белые розы. Я даже вспомнил, что ваша прелестная племянница любит именно их.

— Баловник! Ах, да, позвольте представить вам моего племянника, — вспомнила Бланш про молчаливо стоявшего в двух шагах от нее Жоржа. — Прошу любить и жаловать.

И она с особенным выражением в глазах смотрела, как мужчины пожимали друг другу руки.

— Очень, очень рад! — ласково сказал Всеволод Александрович, почувствовав вдруг особенную симпатию к хорошему личику юноши. — Вы — брат ожидаемой приезжей?

— Двоюродный, — ответила Фражет.

— Так, так! Что же, вы рады, что она приезжает? Жорж слегка вспыхнул.

— Очень, — восторженно ответил он.

Певице, видимо, не нравился этот разговор. Она взяла юношу под руку и увела его в вокзал.

— Идемте... пора...

Кутузов пошел сзади.

Когда они были в зале первого класса и Фражет уселась на диван и посадила рядом с собою Жоржа, старый жуир обратился к ней с вопросом:

— Вы позволите устроить маленький банкет в честь приезжей в здешнем буфете? Бокал шампанского и приветственный тост не испортит дела?

— Нисколько.

— Так я бегу заказать вино и велеть заморозить его.

Всеволод Александрович быстро пошел к буфету.

Бланш задумчиво смотрела ему вслед.

— Тетя, этот господин очень симпатичен, — неожиданно раздался около ее уха голос Жоржа, — он мне понравился.

Она быстро повернулась к нему. Ее великолепные глаза блистали ненавистью, а слова — злобой, когда она сказала:

— Он не должен нравиться тебе! Слышишь? Ты должен ненавидеть его, как ненавижу его я.

— Но за что же? — наивно удивился юноша.

Она прикусила губу, поняв, что сказала лишнее.

— Ну, хотя бы за то, что он — скверный, нехороший человек, — вывернулась она.

— Постой, постой! — остановил ее Жорж. — Откуда ты знаешь, что он нехороший? Ведь вы всего несколько дней знакомы.

— Я слышала...

— Разве можно верить слухам? — с комической укоризной покачал головой юноша. — Не ты ли всю жизнь твердила мне, что слухам нельзя верить, что люди часто плетут небылицы по глупости или по злобе.

— Но что этот человек — негодяй, я знаю наверное, — резко отчеканила Бланш.

— Зачем же он с нами на вокзале?

— Зачем, зачем? Да потому, что он богат... не молод, а Люси надо пристроить.

Молодой человек побледнел.

— Так ты хлопчешь о Люси, — дрожащим голосом произнес он. — Я не знал. Но почему же ты хочешь вручить ее судьбу негодяю, а не честному человеку?

— А это — не твое дело! — сердито сказала Фражет. — Я попрошу тебя больше не расспрашивать. Знай лишь одно: если я увижу тебя в дружеских отношениях с этим старым ловеласом, то выгоню тебя на улицу. Запомни это, не суйся не в свое дело! — и она, быстро встав, пошла по залу.

Жорж сидел совершенно сраженный. Фражет в первый раз обращалась с ним так резко, а ее фраза, что она выгонит его на улицу, больно уколола его самолюбие.

«Что же я такое? — думал он. — Неужели я ни на что не способен? Ведь другие же служат, получают деньги... почему же я не могу? Не вечно же мне пресмыкаться перед нею! А Люси! Бедная сестренка! Что тебя ждет? Продажа тела, вот и все. Нет, надо предупредить ее! Я не могу».

Он так задумался, что не видел, как к нему подошла Фражет, и не одна, а в сопровождении театрального агента Козырева. Тот улыбался во всю ширину своего жизнерадостного лица и, весело подмигивая, говорил певиче:

— Красавчик — ваш Жоржик! Будь он бабенкой, все с ума сошли бы. Да и теперь, я думаю, многие девицы и дамы сидят из-за него в желтом доме, а?

Бланш, улыбаясь, слушала его.

— Жорж, — ласково дотронулась она до плеча юноши, — довольно сердиться. Я пошутила. С тобой здороваются Иван Петрович.

Молодой человек быстро поднял взор на говорившую.

— Пошутила? — переспросил он.

— Ну конечно же! Протяни руку нашему другу!

Жорж молча пожал руку Козыреву.

— А теперь я пойду потолковать с Иваном Петровичем, а ты подожди к Деро, вот он идет, — показала певица на входившего в зал высокого, смуглого брюнета с прониженным лицом и бегающими глазами. — Займи его пять минут! — и певица, взяв под руку Папашку, пошла с ним на платформу вокзала.

— Зачем вы вызвали меня, прелестнейшая, сюда? — спросил Козырев, когда они очутились вдвоем.

— Дело вот в чем. Вы ведь знаете Николая Владимировича Мравина?

— Имею это удовольствие.

— Так дело в нем. Он сейчас должен быть здесь. Мне необходимо с ним познакомиться.

Козырева несколько удивила ее просьба.

— Познакомиться? С ним?

— Ну да, это мне необходимо! Надо привлечь его в нашу группу, когда придет поезд, и познакомить его с Люси. Поняли?

— Больше половины! Исполнить исполню, но хотел бы знать и цель этого. Неужели вы хотите мадемуазель Люси посватать ему? — недоверчиво спросил Иван Петрович.

— Все возможно... все возможно...

— Не верю! — покачал он головой. — Правду, прелестнейшая, правду!

— Чужая тайна. Пойдемте в зал, — повернула обратно певица.

Когда они вернулись в зал, то застали Жоржа разговаривающим с Деро и Кутузовым. Два последних оказались старыми знакомыми, и оживленная беседа быстро завязалась.

Адольф Федорович Деро был управляющим увеселительного заведения, где подвизалась Фражет с Козыревым, он очень почтительно с нею поздоровался и осведомился о ее здоровье.

— О, я здорова! — ответила она.

— Наш директор не может похвастаться этим, — сказал он. — Ему сегодня нездоровится, и он просил меня извиниться перед вами и вашей племянницей, что не мог быть.

— Мы ему прощаем, — улыбнулась Фражет, не спуская глаз со входа в зал. Она ждала Мравина.

Он не заставил себя долго ждать. Когда часы показывали, что осталась лишь четверть часа до прихода поезда, Николай Владимирович показался в зале под руку с прелестной молодой девушкой.

Бланш, увидя их, даже вскрикнула от досады.

— Что с вами, дорогая? — спросил стоявший рядом с нею Козырев.

— Смотрите! — кивнула она головой в сторону вошедшего Мравина. — Он не один.

Иван Петрович посмотрел и одобрительно закивал головой.

— Вижу, вижу. Очень хорошенькая, очень. И похожа на настоящую барышню.

— Да не в этом дело! — сердито перебила его Фражет. — Теперь, может, не удастся наш план. Неловко же вам подойти, когда он с дамой, и тем более подвести ко мне.

— Это почему же? Подойду, возьму за рукав, приведу и положу его к вашим ножкам.

— Вы думаете, он пойдет?

— Посмотрел бы я, как бы он не пошел!

— Тогда попытайтесь. Только через десять минут надо быть на платформе.

— Иду, иду, дорогая! — и жизнерадостный господин засеменил по направлению, где находился Мравин со своей спутницей.

Последний, понятно, и не подозревал о готовившейся на него атаке и спокойно беседовал с Еленой Матвеевной о ее брате, которого они оба с нетерпением желали обнять.

Со времени возобновления знакомства с матерью и сестрой Суханова последний стал особенно дорог Мравину, а та досада, которую он испытал при получении письма Михаила Матвеевича с просьбой подыскать квартиру, сменилась благодарностью и особенным рвением в исполнении его просьбы. Это рвение выразилось в том, что Николай Владимирович снял ему квартиру в том же доме, где жил сам, питая небезосновательную надежду, что Елена будет заглядывать к

брату и это даст ему возможность очень часто видеться с нею.

Молодая девушка не на шутку увлекла Николая Владимировича. Ее природный ум, серьезное образование, начитанность и прелестная наружность так пленили его, что он только и мечтал о том, чтобы чаще встречаться с нею и возбудить в ней симпатию.

До сих пор ни с одной женщиной Мравин не чувствовал себя так легко, как с Еленой, и, конечно, теперь уже несколько отремонтированные прелести Мэри Брантон не представляли для него интереса. Он в эти два дня совершенно забыл о ней и о том мире, в котором только что вращался, и очень неприятно поразился, когда к нему с протянутой рукой и радостным восклицанием подошел Козырев.

— Молодой человек! Как здоровы? — затараторил папашка. — Целую вечность не видел вас.

— Очень хорошо! Благодарю вас, — сухо ответил Мравин, еле пожимая протянутую руку.

— Рад, душевно рад. А я уж беспокоился. Какими судьбами здесь очутились?

— Приятеля встречаю.

— Так, так! Ну, а мы, и я в том числе, новую звезду. Слышали, вероятно? Люси Раймонд. Красавица, доложу я вам, писаная. Я, грешным делом, увидев вас, подумал, что и вы за тем же, ну, а теперь...

— Извините, меня ждут, — нетерпеливо перебил своего говорливого собеседника молодой человек, с тревогой поглядывая на отошедшую немного в сторону Елену Матвеевну.

Но от Козырева было не так-то легко отделаться. Он схватил студента за рукав пальто и, рассыпаясь мелким смешком, воскликнул:

— Не пушу, батенька, не пушу. Раньше мою просьбу исполните.

— В чем дело? — сердито спросил Мравин и, думая, что Козырев попросит у него в долг, полез за бумажником.

— Не денег, не денег! — заметив его движение, закачал головой Иван Петрович. — Просьба самого невинного свойства. С вами хочет познакомиться одна прелестнейшая женщина.

— Со мной? Женщина? — удивился Николай Владимирович.

— Да, да! Вот она стоит с тремя мужчинами, в конце зала. Видите?

— Мадемуазель Фражет!

— Она самая. Что? Удивлены?

— Чрезвычайно. Что она от меня хочет?

— А уж об этом вы ее спросите.

— Но сейчас я не могу. Вы видите, я не один.

— Барышня подождет. Нельзя же отказать в просьбе женщине. Ведь вы — мужчина.

— Но сейчас ведь придет поезд.

— Еще десять минут, успеете.

Николай Владимирович, не возражая больше, подошел к Сухановой и сказал ей:

— Простите, Елена Матвеевна, я на минуту покину вас. Со мной хочет познакомиться одна дама, я не вправе отказать.

— Пожалуйста! — милостиво разрешила молодая девушка, хотя при слове «дама» ее синие глаза чуть-чуть вспыхнули.

Николай Владимирович отошел с театральным агентом.

Фражет, заметившая их приближение, встретила Мравина обольстительной улыбкой и, протягивая ему свою маленькую руку, кокетливо сказала:

— Рада, очень рада знакомству с вами. Я так много слышала о вас... хорошего, конечно.

— Это, вероятно, ошибка, — возразил студент. — Вы мешаете меня с другим. Право, я не обладаю выдающимися качествами.

— Нет, нет, и ваши качества, и ваша наружность именно выдающиеся.

Эта грубая лесть неприятно подействовала на Мравина. Он уже пожалел, что согласился на это знакомство.

Будучи представлен Жоржу и Кутузову (с Деро он был знаком) и подав им руки, он хотел откланяться и вернуться к своей спутнице, но Бланш остановила его.

— Вы разве не жаждете взглянуть на новую звезду и быть представленным ей?

— К сожалению, я здесь не один и не располагаю своим временем. В другой раз...

— Ловлю вас на слове, — живо воскликнула Фражет. — Через два дня у меня маленький завтрак в честь приезжей, и вы должны быть.

— Постараюсь, — поклонился Мравин.

— Нет, нет, дайте слово! Я не люблю неопределенных обещаний.

— Хорошо, даю, — после некоторого колебания согласился Николай Владимирович.

— Bravo! Bravo! — воскликнула певица. — Приглашаю и вас, господа! — обратилась она к остальным собеседникам.

Мравин наконец получил возможность удалиться и, почтительно раскланявшись, поспешил к одиноко сидевшей Сухановой.

Последняя, не отрывавшая взора от группы, в которой он только что был, живо взглянула на него и спросила:

— Кто эта дама, с которой вы только что говорили?

— Шансонетная певица Бланш Фражет. Не знаю, почему ей пришла фантазия искать со мной знакомства.

— Какая она красавица.

— Вы находите? — спросил Мравин.

— А вы нет? — пытливо посмотрела на него Елена.

— Нет, — искренне ответил студент. — Эта дама слишком приторна. Вероятно, и ее племянница, которую она ждет, такая же.

— Она ждет племянницу? — воскликнула молодая девушка.

— Да, видимо. Я давно слышал об этом.

— Боже мой, Боже мой! — всплеснула руками молодая девушка. — Так это, значит, та самая женщина, племянницей которой увлекся Миша.

— Миша увлечен племянницей Бланш Фражет?

— Ну да, Люси Раймонд. Разве он не писал вам?

— Нет! Он что-то распространялся об увлечении, но я ничего не понял. Так он влюблен?

— Безумно! Подумайте, какой удар для мамы! Ее дочь будет шансонетной певицей!

— Это невозможно! — согласился студент.

Публика в это время заволновалась, спеша на платформу, так как до прихода поезда осталось менее пяти минут.

Мравин предложил руку Елене Матвеевне, и они, оживленно разговаривая, последовали за всеми. В это же время в противоположной стороне зала тоже поднялась со скамьи женщина под густой вуалью и быстро пошла вслед за ними.

На платформе, куда высыпали все ожидающие поезда, сразу стало оживленно и шумно. К группе мужчин, окружавших Фражет, присоединились еще два господина — один тощий, другой тучный, — известные в петербургском полусвете под кличками: Мими — первый, Лулу — второй, неизбежные посетители всех кафешантанов, знакомые со всеми звездочками и звездами и никогда не упускающие случая присутствовать при встрече новых этуалей. Оба были франтовато одеты, имели нагло-глупые физиономии и считали себя знатоками женской красоты. Теперь они рассыпались в любезностях перед Фражет, однако она рассеяннo слушала их и все поглядывала в ту сторону, откуда должен был прийти поезд.

Певица переживала какую-то странную тревогу. Ее сердце, давно не испытывавшее волнение, то замирало, то начинало усиленно биться, и когда вдали показалась черная приближающаяся точка, ноги ее так задрожали, что она должна была ухватиться за руку Жоржа, стоявшего с нею рядом.

Последний, к счастью, не заметил этого. Он тоже волновался и не отрывал взора от подходящего поезда, задавая себе все один и тот же вопрос:

«Какая-то она?»

Но вот поезд все ближе и ближе. Шипя и пыхтя, прошел мимо них паровоз, замелькали вагоны.

Вдруг Жоржа как будто ослепило. У окна вагона первого класса, медленно проходящего мимо их группы, стояла девушка ослепительной красоты, белокурая, прелестная, как ангел, ее большие голубые глаза удивленно и испуганно смотрели прямо перед собою. Сзади нее виднелись лица молодого человека и старика, но их юноша не успел рассмотреть.

— Люси! Люси! — крикнул он, бросился за вагоном и первый очутился у входа в него.

За ним последовали остальные.

У Кутузова в руках очутился букет белых роз, подаренных ему державшим картонку носильщиком, и он торжественно выдвинулся вперед. У этого же вагона очутились и Мравин с Сухановой. Сзади молодой приезжей последняя заметила голову брата и заторопила своего спутника.

— Идемте... он там! — воскликнула она и, взяв Мравина под руку, потащила вперед.

Пара ревнивых глаз следила за ними сзади.

Первой на площадке вагона появилась Люси. При свете ясного августовского вечера она показалась еще прелестнее, чем за стеклом вагона. Ослепительной белизны и нежности личико поражало правильностью и гармоничностью черт, а также каким-то неземным выражением, полным кротости и затаенной грусти. Стройная, высокая, элегантная в своем светло-сером дорожном платье, с двумя туго заплетенными густыми и длинными золотистыми косами за спиной, она производила впечатление ангела, нечаянно попавшего на землю.

Увидав прямо перед собою восторженно улыбающееся личико Жоржа, она улыбнулась в свою очередь и тихо произнесла:

— Жорж!

— Люси! — воскликнул юноша, и их руки слились в горячем пожатии.

Но вот тень тревоги мелькнула на лице Люси. Отстраняя Жоржа, к ней с протянутыми руками подходила Фражет.

— Дорогое дитя! — притягивая девушку к себе и целуя прямо в губы, произнесла она. — Как я рада видеть тебя!

— Тетя, — смущенно пробормотала та.

— Позволь представить тебе наших друзей, — облобызавшись с племянницей, перешла Бланш на деловую почву. — Все они — твои горячие поклонники.

Кутузов, не отрывавший взора от красавицы девушки, приблизился и, протянув ей букет, торжественно произнес:

— Мадемуазель, приветствую вас на русской земле. Пусть эти розы служат вам счастливым предзнаменованием, что ваш путь на моей родине будет усыпан ими.

Люси нерешительно взяла цветы. Ни удовольствия, ни радости от столь торжественной встречи не отразилось на ее лице. С тревожным ожиданием оглянулась она на только что оставленную дверь вагона и радостно вспыхнула, когда в ней показался молодой человек в мягкой светлой шляпе, с перекинутой через плечо дорожной сумкой, несший в руках два баула, очевидно принадлежавшие ей.

За ним показалась фигура старика. Маленький, безобразный, весь обросший седыми волосами, он был одет во что-то столь нелепое клетчатое, что, когда по-

казался перед глазами публики, наполнявшей платформу, многие захохотали.

Не смеялась и даже не улыбнулась только одна Бланш Фражет. Ее великолепные огненные глаза выжили такой ужас при виде этого старика, ее лицо так побледнело, что можно было ожидать, что она упадет в обморок. Но этого не случилось. Фражет только забыла продолжать представление Люси окружавшим ее мужчинам и как кролик, смотревший в пасть боа при его приближении, не отрывала взора от старика, который шел прямо к ней.

Вдруг, к общему удивлению всей публики и спутников Фражет, этот странный человек бросился к Бланш на шею и воскликнул:

— Дочь моя!

— Отец, — пятась, пробормотала Фражет, — ты ли это?

— Я, я, собственной персоной... Соскучился и прикатил.

— Но отчего же не предупредил?

Старик хитро подмигнул ей одним глазом.

— Знал, что не позволишь, а мне так хотелось в Россию... давненько я в ней не был, давненько!

— Молчи, — испуганно шепнула певица, оглядываясь по сторонам.

Старик насмешливо покосился кругом.

— А это кто же будет? — спросил он, подмигивая на окружающих ее мужчин.

— Ах, потом, потом... все узнаешь... Отойди теперь ради Бога от меня!

— Стыдишься родного отца?

— Мне надо заняться Люси.

— Ты за нею присматривай, — шепнул он, — она вон к тому господинчику равнодушна.

Бланш быстро обернулась в сторону племянницы. Последняя в этот момент брала баулы от молодого человека и, передавая их суетившемуся Жоржу, нежно смотрела на него.

Фражет быстро подошла к ней.

— Люси, я тебя жду! — строго сказала она.

— Сейчас, тетя. Позвольте представить вам моего хорошего друга, мосье Суханова.

Певица сухо ответила на почтительный поклон молодого человека.

— Идем, — взяла она за руку молодую девушку.

Та послушно пошла с нею.

— Господа, пожалуйста в буфет! — провозгласил Кутузов, обращаясь к встречавшим новую звезду. — Бокал шампанского подкрепит мадемуазель Раймонд, а нам даст возможность поздравить будущую знаменитость!

Вся группа во главе с Фражет и Люси двинулась в вокзал.

Старик в страшном костюме, кивнув головой Суханову, поплелся за ними.

К последнему между тем подошла Елена Матвеевна с Мравиным и горячо обняла брата.

Суханов, такой же красивый и стройный, как сестра, был очень эlegantный молодой человек с добрым, мечтательным выражением лица и милой улыбкой, способной обворожить каждого знавшего его. Его первый вопрос был о матери, и, узнав, что она здорова и ждет его, он заспешил отправляться скорей с вокзала. Позвав двух носильщиков, он сдал им квитанции от багажа, приказав вещи по одной доставить к себе, а по другой — на квартиру Бланш Фражет, на имя Люси Раймонд.

Мравин и Суханова значительно переглянулись, услышав его распоряжение.

— Какая она красавица! — шепнула Елена студенту, наклонившись к его уху.

— Да, поразительная! — ответил он.

Они и не заметили, что их тихий разговор возбудил сильное волнение дамы под густой вуалью, стоявшей сзади них. Она с треском разорвала батистовый платок, который держала в руках, решительно откинула с лица вуаль и громко, вызывающе произнесла:

— Николай Владимирович, на два слова.

Мравин быстро обернулся.

Лицом к лицу с ним стояла Мэри Брантон. Ее глаза в эту минуту метали молнии, губы вздрагивали, а вся поза была так необыкновенна, что Суханова, тоже обернувшаяся на ее громкий возглас, слегка попятилась.

Мравин сильно смутился.

— Мадемуазель Мэри! — пробормотал он. — Вы какими судьбами?

— Я хочу поговорить с вами... — возбужденно сказала она.

— Я к вашим услугам. Но не лучше ли отложитъ? — вывертывался Николай Владимирович.

— Нет, сейчас, сию минуту... Дайте мне руку...

— Но я же здесь — не один, я занят.

Молодая женщина зло захохотала.

— Я вижу, вижу! — громко крикнула она. — Вот потому-то и желаю говорить с вами... Променяйте приятное общество на неприятное... Слышите?

Николай Владимирович готов был провалиться сквозь землю. Он видел, как во время этого разговора личико Елены Матвеевны покрылось алой краской, и она, отступая, искала глазами брата, чтобы бежать к нему. К несчастью, Михаил Матвеевич в эту минуту отошел объяснить что-то носильщику.

Мравин поборол свое волнение. Твердо глядя в глаза взбешенной женщины, он тихо, но внушительно сказал ей:

— Поезжай ко мне, я сейчас там буду... Здесь не место для сцен... дома поговорим...

— Негодяй!.. — прошипела она.

— Ни слова больше!.. Или я не ручаюсь за себя.

Он больно схватил ее за руку.

Мэри струсила и, быстро вырвав у студента руку и тяжело дыша, отступила на несколько шагов.

— Так вот как ты поступаешь со мной!.. — пробормотала она.

Мравин больше не слушал ее. Проворно повернувшись, он подошел к Сухановой и виновато прошептал:

— Простите, Елена Матвеевна, что я сделал вас свидетельницей некрасивой сцены. Простите!..

— О чем вы говорите, Николай Владимирович? — тихо сказала она, причем ее губы дрогнули. — Я не понимаю.

— Но эта женщина... ее тон... Он оскорбил вас...

— Нисколько. Я ничего не слышала. Найдите мне лучше брата, пора ехать.

Елена Матвеевна сказала это так надменно и гордо, что Мравин сразу понял, что сделал ошибку, извиняясь перед нею. Понутив голову, он пошел за Сухановым.

Последний сам шел ему навстречу и улыбался.

— К нам? — спросил он, еще раз пожимая руку друга.

— Нет! К себе.

— Почему?

— Не хочу мешать твоей встрече с матерью.
— Ну, как хочешь!.. Однако сегодня увидимся?
— Если ты не устал с дороги.
— Нисколько. Мне есть очень много о чем потолковать с тобой. А где же Леля!..

— Вот она! — показал Мравин на ждавшую их Елену Матвеевну.

Через пять минут все трое вышли на подъезд вокзала.

Для Сухановых подали карету. Молодая девушка сухо простилась со своим провожатым и не пригласила его бывать, из чего Мравин заключил, что она разочаровалась в нем.

Щемящая боль сжала его сердце.

«Все кончено!» — говорил он себе по дороге домой, и чувство злобы к Мэри все возрастало. Когда же он очутился в своей квартире и увидел ее, сидящую у письменного стола, с вызывающей миной на лице, то им овладело безумное желание ее ударить.

— Проклятая! Проклятая! — топнув ногой, прокричал он.

Не ожидая такого начала, Брантон взвизгнула и закрыла лицо руками.

Мравин устыдился своего порыва и смягчился.

— Зачем ты была на вокзале? — спросил он.

— Затем, что хотела убедиться в твоей измене, хотела поймать тебя...

— Глупо, и больше ничего!

— Нет, не глупо!.. — закричала Мурочка. — Теперь я знаю, что стоит твоя любовь. Я все видела — и как ты шептался с этой девчонкой, и как ухаживал за нею!.. Это подло!.. И ее умильные взгляды, бросаемые на тебя...

— Ты не смеешь говорить это. Она — порядочная девушка...

— Занимающаяся ловлей женихов. Знаем мы этих порядочных!..

— Мэри! — грозно крикнул Николай Владимирович.

Она вскочила с места и вплотную подошла к нему.

— Что же, ударь! Бей! Ведь я — не порядочная!

— Замолчи!

— Никогда, слышишь, никогда!.. Я люблю тебя и не отдам без боя... Кто она? Говори, кто она? Твоя новая любовница? Да?

— Она — порядочная девушка, повторяю тебе. Это — сестра моего школьного товарища.

— Ты любишь ее?

— С чего ты взяла? Мы и знакомы-то очень недавно.

— Любовь может быть с одного взгляда... Говори, я угадала? Да, угадала?..

Мэри имела вид безумной. Крепко вцепившись в борт мундира студента, она пристально смотрела ему в глаза, готовая, казалось, если он даст утвердительный ответ, вцепиться ему в горло.

Мравин слегка струхнул. Преступное малодушие овладело им. Вместо того чтобы быть искренним и разом стряхнуть с себя тяготившие цепи, он стал уверять Брантон, что она ошибается.

— Не любишь? Нет? Не лжешь? — все еще не верила Мэри.

— Уверяю тебя! Она даже мне не нравится.

— Милый, — потянувшись к нему губами Мэри, — это все оттого, что я люблю тебя... Люблю больше всего на свете. Разлюби меня ты — и для меня все будет кончено в жизни... Все...

— Ревность — дурное чувство. Кажется, до сих пор я не давал тебе повода, — поучительно сказал Мравин.

— О, я не подозревала бы и до сих пор, если бы не проклятое письмо, которое я получила вчера вечером. В нем говорилось о твоей измене и о том, что ты влюблен во вновь прибывшую певицу Люси Раймонд.

— Какой вздор! — возмутился Николай Владимирович.

— Теперь я сама вижу, что это — вздор, но это не помешало мне провести ужасную ночь.

— Какая наглость писать подобные письма!

— Ну, автор не совсем был неправ, — погрозила ему пальчиком молодая женщина. — Ты все-таки был с женщиной.

— Женщина — женщине рознь. Интересно бы знать, кто написал это письмо? Оно еще у тебя?

— Увы, я так обозлилась, что изорвала его в мелкие клочки.

— Как и платок на вокзале. Отелло в юбке!

Наконец временный мир был заключен.

Час спустя, когда Мэри надевала шляпу, а Нико-

лай Владимирович стоял около нее, держа шпильки, она вдруг лукаво улыбнулась и сказала:

— А знаешь, Коля, ведь твоя сегодняшняя барышня равнодушна к тебе...

— Что ты говоришь ерунду? — вспыхнул Мравин.

— Нет, нет, правда. Она не спускала с тебя глаз, когда ты отходил. Ты ей сильно нравишься, я уверена в этом... Я знаю женщин.

— Замолчи!.. — недовольно сказал он.

— Ишь, плутишка, сам доволен, а сердишься!.. Ну, хорошо, хорошо, умолкаю и улетаю.

Через две минуты Мэри уже не было в квартире. Николай Владимирович по ее уходе вернулся в кабинет и, опустившись в кресло, глубоко задумался.

XV

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРОВЕНИЕ

С вокзала после выпитого шампанского и неизбежных приветственных речей Фражет повезла Люси к себе.

Молодая девушка, все время печально-задумчивая, очутившись наедине со своей покровительницей в карете, испуганно прижалась в угол и молчала. Бланш в первые минуты тоже хранила молчание, внимательным взглядом знатока разглядывая приезжую и давая ей оценку.

— Ты очень мила! — наконец сказала она. — Но почему ты так бледна? Нездорова?

— Нет, я здорова, — тихо ответила Люси.

— И что у тебя за вид испуганного зверька? Разве я собираюсь ударить тебя? Ты как будто этого ждешь.

— Нет... я так... — пробормотала молодая девушка, покраснев.

— Тебе нечего меня бояться... — наставительно заговорила Фражет, взяв ее за руку. — Если я мало любила тебя в детстве, то на это были у меня свои причины. Теперь все переменялось... Ты — взрослая, и мне остается только устроить твое счастье. Скажи, ты согласна следовать дальше моим советам?

— Конечно, тетя!

— Итак, постараемся с первых шагов совместной

жизни понять друг друга. Ты, конечно, знаешь, чем ты мне обязана. После смерти твоих родных я взяла тебя совершенно голую и воспитала в шелку и бати-стах. Это чего-нибудь да стоило. Ты получила приличное образование, стала музыкантшей, певицей и теперь на хорошей дороге. Не каждая девушка может этим похвастаться.

— Я вам глубоко благодарна, — прошептала Люси.

— Благодарность надо доказать, — живо продолжала Бланш. — Первое, что я требую от тебя, — это — полное послушание. Согласна ты дать мне слово, что ничего не сделаешь без моего совета?

— Даю.

— Второе — полная откровенность. Все, все, что ты ни услышишь, ни узнаешь, ты должна передавать мне. Между нами не должно быть тайн. Ты согласна?

— Но...

— Без «но». Я требую этого во имя благодарности. Когда я окончательно устрою твое счастье, упрочу твою будущность, то освобожу тебя от своей опеки, но теперь должна знать все, что касается тебя. Я обещала твоим родителям сделать тебя счастливой, — лицемерно вздохнула Фражет.

Недоверие и робость на лице Люси при этой фразе уступили место радостному изумлению.

— Так это — правда! Правда?

— Правда, дитя мое, — притворяясь растроганной, ответила Бланш. — Твоя мать, моя сестра, умирая, сказала мне: «Береги мою девочку и сделай ее счастливой! Молю Бога, чтобы Он внушал ей послушание и покорность к твоим советам. Ты не пожелаешь ей зла». Бедная сестра была права.

Молодая девушка жадно слушала ее.

— Милая мама! — мечтательно произнесла она. — Ты не ошибаешься во мне... Я буду послушна, ради твоей памяти... буду...

Огонек торжества мелькнул в глазах Бланш.

— Это хорошо, дитя мое! Повторяю, не зла я хочу тебе, а добра. Чем лучше ты устроишься, тем спокойнее будет моя совесть.

— О, я не гонюсь за большим, — возразила Люси. — Я довольствуюсь маленьким счастьем, совсем маленьким.

— Ты должна быть богата.

— Зачем? Разве богатство дает счастье. Нет, мне не надо его.

— Глупая девчонка! Деньги — это сила. Человек без денег — ничтожество. При своей красоте и талантах ты будешь иметь миллионы.

— Нет, нет, я не хочу их! — энергично запротестовала молодая девушка. — Мне достаточно хорошего человека с честной, правдивой душой.

— Кажется, такой уже имеется? — сухо спросила Фражет, слегка нахмурившись.

Люси как бы съежилась при этом вопросе, но без колебания ответила:

— Да, есть.

— Уж не тот ли молокосос, которого ты мне представляла на вокзале? Я угадала?

— Да, — послышался чуть слышный ответ.

Тонкие, подвижные ноздри певицы гневно раздулись.

— Вот как! — еле сдерживая раздражение, воскликнула она. — Значит, счастье уже близко. Ты любишь его? Отвечай!

— Не знаю, — прошептала молодая девушка.

Фражет сразу успокоилась.

— Не знаешь — значит, не любишь.

— Нет, нет, это не так! Он такой хороший, такой добрый, так любит меня, что я не могу не любить его, но я не знаю — та ли это любовь, которую должна чувствовать женщина к мужчине. Я люблю его, как брата. С ним, я уверена, найду счастье, — горячо говорила Люси.

— Это — не настоящая любовь, — авторитетно возразила Фражет. — Надеюсь, ты ничего не обещала ему?

— Нет, ничего. Он не объяснялся... Он слишком робок для этого. Но я вижу его насквозь. Из-за меня он бросил место в Париже, приехал сюда.

— Глупец! Если он служит, значит, не богат?

— Да, он беден, — с краской на лице ответила Люси.

— Тебя разве так прельщает бедность? — спросила певица, пристально посмотрев на нее.

— Да! — смело ответила молодая девушка.

— Странно! Я думала наоборот. Ты росла в холе, и вдруг...

— В холе! — горько засмеялась Люси. — Это вы

так думаете, а на деле было совсем другое. Теперь я уже могу говорить!.. Меня не будут бить, а раньше... раньше я не смела...

— Что ты говоришь? — искренне изумилась Бланш.

— Правду. Я знаю, что вы высылали на меня крупные суммы, но они на меня не тратились. Когда вы изредка приезжали, меня, правда, одевали прилично, устраивали в пансион, но, как только вы уезжали, я снова жила в жалкой, нищенской обстановке, иногда голодная. Последние восемь лет, когда вы не были совершенно в Париже, мне было особенно плохо.

Фражет не верила своим ушам.

— Почему же ты мне не жаловалась? — спросила она.

— Почему? — горько улыбнулась Люси. — Да разве вы поверили бы мне? А побои? Попробуй я сказать слово, меня избили бы до полусмерти.

Гневная складка появилась на лбу певицы.

— Негодяй! — пробормотала она. — Он, значит, воровал мои деньги?

— И пропивал со своей любовницей Марго, — пояснила молодая девушка.

— Ты, значит, ничему и не выучилась? — спросила Бланш.

— О, этого нельзя сказать! Но не в пансионе. В доме, где мы жили, снимала комнату старая дева Клодина Марнье, отставная школьная учительница, она меня учила бесплатно.

— А музыке?

— И музыке тоже... и пению.

— Старый негодяй! Ведь я переслала ему десятки тысяч франков на твое образование.

— Он их пропивал... Когда, по вашему приказанию, я дебютировала в «Фоли-Бержер»¹, мне нечего было надеть, он не хотел мне делать костюм.

— Как же ты обошлась?

— Мадемуазель Клодина и тут выручила меня. Я насилу отвоевала себе право получить половину платы за свое пение и отдала ей.

— Подлый старик! Не знаешь ли ты, зачем он теперь прикатил сюда?

¹ Известный кафешантан в Париже.

— Марго умерла, и ему больше нечего делать в Париже. Он говорил, что соскучился по вас.

— Соскучился!.. — гневно топнула ногой Бланш.

— Только не выдавайте меня ему! — умоляюще обратилась к ней Люси.

— Хорошо, хорошо. Ты тоже обещаешь мне, что, пока я не заговорю с тобою первая и не дам тебе своего согласия, ты не будешь видаться со своим возлюбленным и даже переписываться с ним.

Молодая девушка колебалась.

— Но если я встречу его случайно?

— Этого не может случиться. Мы не будем расставаться. Не забывай, что всего неделя до твоего дебюта, и тебя надо экипировать с головы до ног. Ты должна произвести фурор. Наш антрепренер надеется сделать из тебя гвоздь зимнего сезона, который не за горами. Итак, ты не должна только искать встречи с ним.

— Хорошо! — со вздохом согласилась Люси.

Карета подъезжала к дому, где жила Фражет.

Фражет отвела для Люси две лучшие комнаты своей роскошной квартиры, устроив в одной будуар, а в другой спальню и убрав все это самым изысканнейшим образом. Сообразуясь с цветом волос молодой девушки, она отделала ей будуар бледно-голубым атласом, а спальню — матовым шелком цвета морской волны, оживленным лишь позолотой и цветами.

Вступив в эти бонбоньерки в сопровождении Бланш и Жоржа (старик пошел переодеваться по приказанию дочери), Люси не могла не воскликнуть от восхищения.

— Милая тетя, как мне благодарить вас! — со слезами радости воскликнула молодая девушка. — Тут так хорошо, так хорошо! Я не верю, что я буду здесь жить.

— Чтобы доказать тебе это, пойдем сюда, — взяла ее за руку Фражет и подвела к роскошной вызолоченной кровати. — Вот пеньюар, который ты сейчас наденешь. Он на твой рост и твою фигуру. Нравится ли он тебе?

Люси с восторгом смотрела на лежавшую на шелковом одеяле какую-то смесь дорогих кружев и воздушного шелка бледно-голубого цвета.

— И это — мое? — прошептала она.

— Твое, все — твое. Скоро ты будешь владеть еще более прекрасными вещами... Только выбрось из

головы мечты о бедности: они тебе не к лицу. С такой прелестной рожицей надо делать карьеру, а не отдавать себя на нищету, — и Фражет покровительственно потрепала Люси по нежной щечке.

Облако грусти заволокло личико девушки. Секунду казалось, что она сбросит очарование окружающего, но молодое легкомыслие взяло верх, и она вновь вернулась в свое прежнее восхищенное состояние.

Жорж, безмолвный свидетель этой сцены, тоже радовался ее радостью. Его восхищенный взгляд не отрывался от сияющего лица молодой девушки, и он тоже был не прочь обнять Фражет за ее доброту.

Но всякому очарованию приходит конец. Певица, решив, что она достаточно задобрила неопытную девушку и что та теперь не скоро очнется от своего радужного настроения, взяла Жоржа под руку и сказала:

— Ну-с, а теперь за дело! Люси оправится после дороги, переоденется, а я должна заняться своими делами. Не будем же мешать ей... Через час, дитя мое, ты должна быть готова.

И, кивнув девушке, она вышла из комнаты.

Юноша с сожалением оглянулся на покидаемое прелестное убежище юной красавицы, но не смел протестовать и только крикнул ей:

— Переодевайся скорей, Люси! Я буду ждать тебя!..

— Хорошо, хорошо! — весело ответила она.

Как только дверь закрылась и Люси не могла их ни видеть, ни слышать, выражение лица Фражет совершенно изменилось и вместо добродушной на нем появилась ироническая улыбка. Выпустив руку Жоржа, она насмешливо сказала:

— Очарован, влюбился... я вижу...

— Ах, тетя!.. — мог только воскликнуть он.

— Молокосос! Но вот что я скажу тебе: не для тебя она, заруби это себе на носу... Я ее предназначила для другой цели. Слышишь?

— Для противного Кутузова? — обидчиво сказал Жорж.

— Это — не твое дело. Одно скажу тебе, что не потерплю, если ты начнешь бегать за хвостом Люси. Ты должен относиться к ней, как к сестре, не более. А теперь иди в столовую, распорядись насчет лишнего прибора и можешь там остаться, пока я не приду.

— Я могу пойти к себе?

— Нет! Я буду там говорить со стариком Бражелоном.

— А надолго к нам милый дядюшка? — с любопытством спросил юноша.

— Не знаю, ничего не знаю, — сердито ответила Бланш и, зашуршав шелковыми юбками, быстро пошла прочь.

XVI

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Половина Жоржа, на которую она теперь спешила, выходила окнами во двор, она была совершенно изолирована от ее комнат широким коридором, в конце которого находились людские и кухня, и состояла из трех комнат, не роскошно, но с комфортом и изяществом мебелированных. В большой, светлой спальне, убранной турецкими коврами и такой же мебелью, в это время находился приехавший с Люси старик, он уже переоделся в домашний костюм Жоржа и теперь сидел перед ореховым туалетом и с самодовольством закручивал нафабранные усы, весело подмигивая себе в зеркало.

Фражет застала его за этим занятием и, встав в дверях комнаты, иронически захохотала:

— Хорош. Хорош! Хоть сейчас под венец!

Достойный папаша живо обернулся.

— Ах, это — ты! — разочарованно произнес он.

— А вы кого же ждали?

— Видел у тебя тут прехорошенькую канашку... горничная, наверно... Я ей шепнул, чтобы она пришла мне помочь.

Красивое лицо певицы покрылось пятнами. Не выдержав больше, она подскочила к старику и, тряся его за плечо, хрипло и злобно крикнула:

— Старый развратник, зачем ты приехал? Зачем?

Он ничуть не испугался, а, хитро сощутив маленькие черненькие глазки и жмурясь, как кот, которому щекочут за ухом, невинно отвечал:

— Станный вопрос, моя крошка!.. Соскучился по тебе, вот и все.

— Не играй комедии! — злобно сказала Бланш. — Говори правду, гадкий фигляр!.. Ведь я все

знаю, все твое поведение за последние восемь лет и раньше... Ты — негодяй! Ты обворовывал меня!.. Куда ты девал деньги, которые я высылала тебе на девчонку? Куда? Отвечай!

Бражелон на минуту как бы смутился, его лицо даже слегка покраснело, но это было только на минуту. Приняв нахальный вид, он гордо подбоченился и смело ответил:

— Туда, откуда они не вернутся.

— Вор! Да как ты смел? Мало того что ты воровал, ты совершал подлоги. Письма начальницы пансиона, мадам Корбье, были сфабрикованы тобою? Да? Ведь Люсьен и не была в пансионе.

— Сознаться так сознаваться... Да, грешен!.. Да и на что ей было образование? Довольно и того, чему ее выучила старая дура Клодина.

— Негодяй, негодяй! Ты, оказывается, морил ее голодом, бил.

— Раз девчонка сказала это, то, сознаюсь, правда.

— Но ведь ты от меня получал содержание?

— Я — да, но ты забыла мою подругу жизни. Марго имела хороший аппетит. Она съедала все то, что ты высылала на девчонку, вот и все.

Самоуверенный нахальный тон старика, как удары хлыста, действовал на Бланш. Вся красная от охватившего ее гнева, она готова была вцепиться ему в лицо, и только огромная сила воли сдерживала ее. Поняв, что бесполезно говорить с ним на эту тему, она перешла на другую.

— Отвечай честно и правдиво, зачем ты здесь? — спросила она, когда поток его нахально-иронических фраз иссяк.

— Я же объяснял?! — смеясь, ответил Бражелон.

— Правду? Правду? Что ты хочешь от меня? Тебе мало трехсот франков, которые я высылала, дам больше. Сколько хочешь?

— Ничего, — отрицательно покачал старик головой.

— Хочешь единовременную сумму? Изволь... Только уезжай!

Он не соглашался.

— Но тогда что же тебе надо? Не думаешь ли ты, что я поверю твоим родительским чувствам. Ведь я же знаю, что ты никогда не был моим отцом. Ну, отвечай, говори что-нибудь.

Бланш почти умоляла.

Старик вдруг вплотную подошел к ней, приблизил свое лицо к ее лицу и внятно произнес:

— Я хочу видеть, доведешь ли ты свою месть до конца, в которой ты клялась на могиле своей матери... Помнишь?

Фражет вскрикнула и закрыла лицо руками.

Старик отвратительно захохотал.

— Что? Неприятно вспоминать? Или ты отказалась от своего прежнего намерения? «Мести, мести, до седьмого колена!» — кричала ты тогда, когда он выгнал тебя с твоим щенком на улицу. Помнишь? Помнишь?

— Замолчи, несчастный! — иступленно крикнула Фражет, вся дрожа от горечи воспоминаний.

— Мне не заткнешь рта! — нагло продолжал старик. — Вместе работали, вместе пойдем и к расплате. Довольно старик Бражелон влачил жалкое существование, он захотел пожить и поживет. А барыши, что ты получишь за девчонку, поделим пополам. Она не дешево стоит, клянусь нашей святой церковью!

— С чего ты взял, что я буду продавать ее? — спросила Бланш.

— Э, милашка, я знаю тебя. На что же она тебе иначе? Поройся в своей памяти и, может быть, вспомнишь следующую фразу: «Он назвал меня продажной, кокоткой, так я сделаю его дочь еще худшей. Я выкупаю ее в грязи, пропитаю ею и тогда покажу ему. Вот моя месть!» Что ты на это скажешь?

— Что у тебя прекрасная память, — дрожа от злости, пробормотала Фражет.

— Я еще помню и многое другое. Но я вижу, что тебе неприятно слушать меня, и умолкаю.

Бланш тяжело опустилась в близко стоящее кресло и задумалась. Ее красивое лицо подергивалось от внутреннего волнения, но не раскаяние и страх искажали его, а злоба и ненависть.

Старик, стоя против нее с засунутыми в карманы руками, слегка раскачивался и не спускал с нее глаз. Он как бы наслаждался вызванной в ней бурей и с жадным любопытством следил, чем она разразится.

Бланш наконец заговорила. Указав ему место рядом с собой, она наклонила свою голову близко к его уху и шепотом произнесла:

— Ты прав! Я не отказалась от мести, мести ужасной, сверхчеловеческой.

— И выгодной для нас, надеюсь? — быстро спросил он.

— Нет! Выгоды от нее не будет.

— Тогда я не желаю ее, — рассердился Бражелон.

Фражет положила ему на плечо руку.

— Выслушай меня сначала, а потом возражай. Я хотела исполнить план заветной мести одна, но ты пришел незванный, непрощенный. Ну, так давай работать вместе, как в прошлом. Только ставлю тебе одно условие. Не протестуй и не возражай, что бы я ни задумала.

— Вот еще, — грубо ответил Бражелон, — не позволю же я тебе отдать девчонку даром. Я решил поработать на ней тоже десяток-другой тысяч.

— Ты их получишь, даже больше.

— Неужели? — радостно вспыхнул старик.

— Да, если будешь послушен и не наделаешь глупостей. Я ведь очень богата, ты это знаешь. У меня миллион...

Бражелон даже привскочил при этом слове.

— Миллион... миллион! — вскрикнул он. — Где ты взяла его?

Загадочная улыбка зазмеилась на губах певицы.

— Где? — медленно произнесла она. — У них, у моих поклонников. Это — плата за мое тело.

— Дорого же ты продавала его! Не то что в Париже.

— Мои соотечественники слишком избалованы, — улыбнулась Бланш. — Англичане, американцы, немцы и русские не так требовательны. Мне платили щедро, слишком щедро. Некоторые даже своей кровью. Много прошло через мои руки миллионов глупцов и умных, молодых и старых.

— Ты все еще чертовски красива!

— Искусство, и больше ничего. Но скоро конец. Теперь последний ход. Я буду у пристани и смогу отдохнуть.

— И эта пристань?..

— Выйду замуж за дурака, но титулованного и богатого.

— А я, Жорж и Люси?

— Все будут на своих местах, последняя даже особенно прочно устроится.

— Что ты хочешь делать с нею?
— Ничего, кроме того, что пристрою ее к богатому пожилому господину.

— Ты морочишь меня! — визгливо крикнул Бражелон. — Где же твоя жажда мщения? Продаешь Люси, так давай мне половину!

— Я за это не получу ни сантима.

— Тогда зачем же уступать ее ему? Найдется, который заплатит.

— Я так хочу, — твердо сказала Фражет.

Бражелон подскочил к ней с сжатыми кулаками.

— Этого не будет, клянусь памятью моего отца! Мы отдадим ее только за деньги.

— Ты и их получишь, — спокойно заявила Бланш.

— Но цель этого поступка?

— Цель — мщение! Когда я скажу тебе, как его зовут, ты поймешь. Хочешь?

— Говори! Говори! — вырвалось у старика.

Фражет тихо шепнула ему одно слово.

Он побледнел и, пятясь от ужаса, пробормотал:

— Что ты... что ты. Это невозможно!

— Отчего же? Он влюблен в нее.

— Но это — святотатство... это — преступление, которому нет названия... Бог не допустит.

— Тебе ли говорить о Боге?

— Я молюсь. Марго была очень набожна.

— Ты, может быть, замолил и свои преступления? — насмешливо прищурилась Фражет.

— Не говори! Не говори мне о них! — в ужасе замахал Бражелон руками. — Воспоминания и так очень часто меня тревожат.

— Жалкий фигляр! — презрительно бросила Бланш.

Старик вдруг с силой схватил ее за руки и страстно прошептал:

— А ты... ты не раскаиваешься?

— В чем? — бесстрашно посмотрела на него Фражет.

— Но ведь и на тебе кровь... ее кровь. Ведь мы вместе убили ее, вместе... не отрицай этого.

— Лжешь! Ты... ты один сделал это. Припомни! Я не хотела ее смерти, я хотела только ребенка, мы пришли украсть его. Когда я брала его из люльки, то

услышала крик сзади. Я обернулась... Ты убивал ее. Ужасная картина. Но... Но я не виновата.

— Несчастливая, ведь ты же толкнула меня на это, из-за тебя — я преступник.

— Ты получил плату.

— Ничтожную. Но скажи мне, она не является к тебе по ночам?

Фражет презрительно пожала плечами.

— Никогда! Что за вопрос?!

— А меня она преследует, — с ужасом заметил старик, дико озираясь кругом. — Я всегда чувствую ее присутствие около себя. Она является мне ночью, днем, как только я остаюсь один. Когда была жива Марго, она являлась редко, но теперь... теперь я всегда жду ее появления. Она ничего не говорит, а только смотрит, жалобно смотрит. Я оттого и бежал сюда, думая, что ты спасешь меня, Бланш, избавь меня от нее! — и он судорожно, жалко зарыдал.

Фражет, взволнованная, не знала, что делать.

— Перестань! — строго начала она. — Тебя преследуют галлюцинации... Надо лечиться.

Вдруг дикий, нечеловеческий крик огласил комнату. Старик, ухватившись за Фражет, указывал ей на дверь, около спущенной портьеры которой в наступавших сумерках ясно виднелась белая фигура.

— Смотри... она... она...

Бланш невольно задрожала.

Белая фигура у двери зашевелилась, и до оцепеневших от страха Фражет и старика донесся ее испуганный голос:

— Простите, я вас напугала.

Это была Люси.

Певица тотчас стряхнула с себя минутное ощущение боязни и ласково сказала:

— Входи, входи.

Бражелон не был так хладнокровен. Он все еще дрожал и, когда девушка сделала два шага по направлению к ним, закрыл лицо руками и тихо застонал.

Бланш тронула его за плечо.

— Безумец, ты выдаешь себя! — шепнула она.

— Она... она! — лепетал он.

— Ну да, это — Люси! — громко сказала певица. — Он принял тебя за привидение, — с неискренним смехом продолжала она, обращаясь к девушке. —

Твой голубой пеньюар вечером кажется совершенно белым, и мы не узнали тебя.

— Как жаль, что я напугала вас! Но в комнате стало темнеть, я не могла найти кнопку ни звонка, ни электричества и решила искать кого-нибудь наугад. Услышав ваши голоса, я пошла на них. Вот и все.

На лице Фражет появилась тревога. Она быстро подошла к девушке, приподняла ее личико и подбородок и, пристально смотря ей в глаза своими жгучими, блестящими глазами, полусмущливо, полусерьезно спросила:

— Ты нас подслушивала?

— Что вы, тетя! Я никогда не занималась и не буду заниматься этим, — обиделась Люси.

— Я рада. Это нехорошо! — и, подойдя к своему отцу, певица весело воскликнула: — Ну, старина, брось бояться привидений! В моем жилище они не появляются! Предложи лучше мне руку, и пойдем в святылище, где наши желудки получают изысканную пищу, а наш ум от бокала хорошего шампанского — игривое направление. Люси, тебе я предлагаю в кавалеры Жоржа. Однако где же он? — и Бланш с легкомысленностью восемнадцатилетней девушки подбежала к двери, выходящей в коридор, и звонко крикнула: — Жорж! Иди сюда.

Молодой человек оказался невядалеке, и обе парочки двинулись в столовую.

Эта большая и уютная комната производила самое отрадное впечатление, и память о недавнем испуге совершенно изгладилась. Роскошно сервированный ужин привел всех в приятное настроение, и даже Люси, робкая от природы, разошлась и так мило шутила, что привела в окончательный восторг Жоржа.

Фражет незаметно наблюдала за нею. Иногда по губам Фражет, когда девушка была особенно очаровательна и оживленна, змеилась злая усмешка, но быстро пропадала. Она старалась быть ласковой с Люси, быстро раскусив, что с такой натурой, как у Люси, надо брать добротой, и на этой почве решив повести ее к намеченной цели.

Казалось, вид этого невинного, ангельского, красивого существа должен был размягчить даже самое жестокое сердце, но с Бланш случилось наоборот. Будь девушка менее красива, она, пожалуй, смягчилась бы, но тут уже заговорили женское самолюбие и злость отцветающей красавицы, видящей в каждом хорошень-

ком личике соперницу. А Люси была более чем хорошенькая. Фражет уже ясно видела, как все сойдут с ума при первом ее появлении, и мысль о том, что она — вершительница судьбы этой девушки, доставляла ей огромное удовольствие.

За ужином разговор коснулся музыки и пения.

— Я еще не слышала тебя, — сказала Фражет Люси. — Не будешь ли ты добра спеть что-либо после ужина?

— Она поет, как ангел, — вставил Бражелон. — Я слышал.

— Ты имела успех в «Фоли-Бержер»? — спросила певица.

— Да, имела, — краснея, ответила Люси. — Но... про меня мало писали. Мне нечем было заплатить за рекламу.

— А публика?

— Публика бешено аплодировала ей, — вмешался снова старик. — Весь цветочный киоск перешел к ней. Надо отдать Люси справедливость, она чертовски трогательно поет.

— Ты, значит, пела лирические романсы?

— Да. Я шансонеткам не училась.

— А дядя Мишель? Ведь он взялся тебя обучать именно этому жанру.

Бражелон махнул рукой.

— Где мне! Правда, в молодости я занимался обучением разных дур и считался специалистом этого жанра, а теперь устарел. Впрочем, я пробовал, но у Люси ничего не выходит... нет способностей.

— Надо было развить их, — сердито нахмурилась Бланш.

Старик, лукаво улыбаясь, промолчал. Ему непонятны были высшие соображения своей дочери сделать из своей воспитанницы наглухо исполнительницу порнографических куплетов, и он приписал ее злость лишь тому, что ее деньги пропали даром. Но ссориться с ним Бланш остерегалась.

Когда ужин был окончен, все перешли в будуар, и Люси, несмотря на усталость, должна была спеть две-три песенки своего репертуара. Чистый, высокий голос юной певицы действительно трогал душу, а безыскусственность передачи очаровала слушателей.

Семейным советом было решено, что ее первый выход будет в костюме прованской крестьянки с гита-

рой в руках и она исполнит лишь народные песенки.

В глубине души Фражет надеялась, что нелепый костюм скроет красоту девушки и не вызовет тех бурных восторгов прессы и публики, которые способны затмить ее собственную славу.

«Ею увлечется один, и этого довольно, — решила она. — Ему-то я сумею выставить ее в надлежащем свете».

На этой мысли она успокоилась.

Неважно спалось Люси эту первую ночь в новой обстановке. Несмотря на окружающую роскошь и невиданный ею комфорт, на мгновение так ослепивший ее, она чувствовала себя нехорошо, против воли жалея о своей бедной комнате в Париже, об узкой и жесткой девичьей кровати и даже об умершей подруге дяди Бражелона, грубой, но доброй женщине, иногда ласкавшей сиротку. Неискренняя доброта и ласковость Фражет не ввели Люси в заблуждение, и хотя она дала ей слово послушания и полной откровенности, но инстинктивно не доверяла ей.

Жорж понравился ей больше. С ним она почувствовала себя сразу легко, и хотя он тоже был достаточно испорчен нравственно, но в нем почудились ей и хорошие наклонности.

Люси и страшила, и интересовала новая жизнь. Выросшая в обстановке, не допускавшей и мысли об иллюзии, а рисовавшей лишь одну грязь, она как-то сумела сохранить свою душу чистой и мечтала о другой жизни, тихой и спокойной. Развращенный, шумный Париж не заразил ее своим тлетворным дыханием, грязь закулисной жизни не обрызгала ее. Люси как ветерок прошла сквозь все это, оставшись в полном неведении.

«Что-то ждет меня дальше?» — с этим вопросом на устах и в сердце заснула Люси в эту первую ночь под кровом своего смертельного врага, поклявшегося погубить ее.

XVII

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Мравин весь этот вечер просидел дома. После сцены и примирения с Мэри он почувствовал себя разби-

тым и, помня обещание Суханова зайти к нему после свидания с матерью, разделся, облачился в домашнюю пару и, взяв книгу, улегся на диван. Однако ему не читалось. Только что пережитые волнения разбредили нервы и невольно возвращали мысли к происшедшему, для него неприятному и страшному.

Одна мысль, что Елена Матвеевна не захочет больше встречаться с ним, лишит его той маленькой доли симпатии, которую он заметил в ней к себе, повергла Николая Владимировича в ужас, и он готов был разрыдаться, как маленький ребенок. У него как-то сразу открылись глаза на свои отношения к Брантон, чувство к которой еще неделю тому назад он считал безграничным, но теперь не находил даже отголоска его в своем сердце. Страсть тоже прошла. Вульгарные ласки развращенной кокетки перестали возбуждать его чувственность, а иной нити между ними не было.

Сравнивая этих двух женщин, попавшихся на его дороге, — Мэри и Елену Матвеевну, он не мог не признать преимуществ Сухановой, правда, немного холодно-чопорной, но красивой, изящной, с чистым сердцем и, главное, без прошлого.

Прошлое Мэри всегда особенно возмущало Мравина. Откровенная девушка часто рассказывала ему о нем, о своем «первом», и это всегда корбило молодого человека. В высшей степени порядочный и нравственный, он не понимал жажды Мурочки делиться пережитыми романами, иногда со скабрёзными подробностями, и всегда чувствовал себя неловко, как только его возлюбленная начинала, как она говорила, болтать с ним «по душам». Привыкшая, чтобы ее выпрашивали по этому поводу, Мэри не стеснялась и с Мравиным, не подозревая, что причиняет ему этим боль, так как он, еще юный, искал иллюзии даже в соприкосновении и с заведомо продажной женщиной. Брантон же, как ему показалось, он любил.

И вдруг все это чувство, построенное в воздухе, неожиданно рухнуло. Один взгляд лучистых синих глаз — и очарование трехмесячной связи рухнуло.

Лежа теперь на диване и переживая последнюю сцену с Мэри, он мысленно ругал себя за подлую трусость, заставившую его лгать ей и не высказать всей правды, жестокой, но неизбежной.

«Нет, я с нею покончу!.. — наконец решил он. —

Дам ей денег, и конец. Не так же она меня любит, что решится на что-нибудь... Через день забудет...»

Но тайный голос шептал ему другое:

«Она бешеная... Берегись ее, будь осторожен... Что, если она убьет тебя или себя?»

На этом его мысли были прерваны раздавшимся звонком.

В полной уверенности, что это Суханов, Мравин остался лежать, и действительно, тот через минуту вошел в комнату. Приятели вновь обнялись и расцеловались.

— Как живешь? Что занятия? Успешно? — забросал приятеля вопросами Михаил Матвеевич.

— Расскажи лучше о себе! — улыбаясь, перебил его Николай Владимирович. — Как твоя карьера?

Красивое, меланхолическое лицо Суханова омрачилось.

— С карьерой у меня кончено, — немного дрожащим голосом произнес он. — Разве сестра и мать не говорили тебе?

— Говорили, но я не понял. Что же случилось? Расскажи, если это не секрет.

— От тебя нет... История очень простая: я влюбился, и не как мальчишка, а серьезно, на всю жизнь... Она ехала сюда, и я последовал за нею.

— Я многого не понимаю.

— Сейчас поймешь. Видишь ли, история не совсем обыкновенная. Ты, конечно, не станешь отрицать, что я не ветреник, не легкомыслен, что не брошусь сломя голову за первой попавшейся юбкой и не разобью сердца своей матери из-за нее?

— Конечно, нет. Ты всегда, даже еще в училище, был особенно серьезен и благороден.

— Таким и остался. Но дело не в этом. Я расскажу тебе всю историю с начала и надеюсь, поймешь меня. Мама меня поняла.

— Я слушаю, — с живейшим любопытством воскликнул Мравин.

— Приходится вернуться на год назад, — начал Суханов. — Ты помнишь, когда я кончал училище, меня потянуло к дипломатической карьере. Мама много хлопотала, и наконец я получил место одного из младших секретарей русского посольства в Париже. Это была необыкновенная удача. Полный радужных надежд и планов, я уехал... Я уже видел себя, сидя в

вагоне, вершителем судеб всей Европы, но по приезде сильно разочаровался. У меня, видишь ли, не было сильной протекции и важного родственника в резерве. На меня смотрели свысока и начальство и товарищи. Я очутился почти в роли лакея. Не умея ни льстить, ни дерзить, я показался членам посольства таким ничтожеством, что на меня не обращали никакого внимания... А ведь это хуже пощечины!

— Бедный друг! — пожал ему руку растроганный Николай Владимирович. — Отчего ты не написал мне? Князь Оболенский всегда к твоим услугам... Ведь он — брат моей матери.

— Спасибо, но я не ишу протекции. Да дело и не в ней, это только, так сказать, маленький пролог к последующему рассказу. Зная мое служебное положение, ты скорее поймешь, до чего я был одинок в этом международном мировом городе, где все мне было чуждо, все враждебно. Быстро сблизиться с незнакомыми людьми я не умею и потому, сняв комнату в большом, густо населенном доме, я весь отдался наукам и чтению книг, в которых не имел недостатка.

— Невеселое занятие в твои годы! — вставил Мравин.

— Не скажу, чтобы я скучал. Конечно, меня не обходили приглашениями на посольские балы, и я даже посещал их, но толкаться среди незнакомых людей не доставляло мне удовольствия, и потому я по возможности избегал их. Правда, со мной пробовали заигрывать несколько великосветских львиц, проводящих всю свою жизнь в интрижках с красивыми юношами, но ты знаешь, что я не богат, и мысль о том, что я не могу даже заплатить за ужин с одной из этих женщин, отталкивала меня от них. Альфонсом же я никогда не был и не буду.

— И они не обижались?

— Очень! Одна даже перестала отвечать на мои поклоны.

— И хорошенькая?

— Красавица!

— Счастливец!

— Не произноси этого слова! Я никогда не был им. Ведь эти женщины не искали моей души, их прельщала лишь моя наружность, «настоящего русско-го», как называли они меня.

— Ты красив, это верно.

— Ах, что мне в этом! Что толку в моей наружности и красоте, когда девушка, которую я обожаю, дороже которой для меня нет на свете, нисколько не пленилась ею, и я даже не знаю, любит ли она меня хоть немного?

— Не знаешь, любит ли она тебя? — удивленно спросил Николай Владимирович. — Но тогда зачем же ты приехал? За мифом?

— Нет, чтобы спасти ее.

— Спасти? От чего?

— От позора... от унижения, а вернее, от ужасной женщины, которая хочет продать ее.

— Фражет? — невольно вырвалось у Мравина.

— Ты ее хорошо знаешь? — схватил его за руку Михаил Матвеевич.

— Наоборот, совсем мало... Но как все это странно!

— Слушай меня дальше и все поймешь. — Суханов провел рукой по лбу. — Я расскажу тебе наше первое знакомство с этой девушкой, имя которой Люси Раймонд. Мы жили в одном доме, я занимал две небольшие комнаты с отдельным ходом, она со своими родственниками жила надо мной. Не видя ее, я часто слышал, как она пела, музицировала, всегда в известные часы, и — странное дело! — я как-то невольно спешил к этому времени домой. Повторяю, я ни разу не видел ее лица... Не более как через месяц до меня донеслись и новые звуки из верхней квартиры, но такого странного свойства, что я невольно призадумался. Казалось, там были пьяные, дрались и швыряли мебелью, и одну секунду мне послышался даже слабый женский крик.

— Что же там случилось?

— В первый раз я так и не узнал. Консьержка¹, приходившая убирать мою квартиру, видимо, не прочь была посвятить меня в тайну этого шума, так как спросила, не беспокоили ли меня вчера верхние жильцы, но, получив отрицательный ответ, умолкла, боясь заслужить мое неудовольствие. Вечером шум повторился, на другой день тоже. Наконец, на восьмой день он сделался так невыносим, что я решил позвать консьержку и с этой целью пошел к выходной двери. Едва

¹ Привратница.

лишь я отворил ее и сделал шаг, чтобы выйти из квартиры, как ко мне метнулась чья-то белая фигура и дрожащий, взволнованный голос произнес: «Ради Бога, спрячьте меня... Он меня убьет!» Не успел я еще ничего ответить, как белая фигура проскользнула мимо меня в комнату, и я почувствовал, как нежные женские руки потянули меня за платье от двери, и незнакомка продолжала умолять: «Заприте дверь! Заприте... пока он не видел». Машинально я запер дверь и только теперь посмотрел на свою неожиданную гостью, бессильно опустившуюся в кресло с повисшими вдоль туловища руками. Ее прелестные голубые глаза были полны слез, и она так умоляюще смотрела на меня, что я невольно с гневом воскликнул: «Кто осмелился тронуть вас, мадемуазель?» — «Мой дядя», — ответила она и нежным, мелодичным голоском поведала мне мало-помалу свою грустную повесть. Ей было семнадцать лет. Своих родителей она не помнит, но ей говорили, что они были актеры, а воспитывала ее сестра ее матери, известная кафешантанная певица Бланш Фражет, высылавшая каждый месяц триста франков на ее долю. Жила она у отца этой певицы, Мишеля Бражелона, пьяницы и распутника, который вместо того, чтобы отдать девочку в пансион, как этого требовала его дочь, держал ее при себе, а деньги, которые ему высылали, пропивал со своей любовницей, грубой, но добросердечной женщиной. В этом я убедился впоследствии.

— Ты, значит, познакомился с ними? — спросил Мравин.

Суханов утвердительно кивнул головой.

— Мало того, распутный старикашка под пьяную руку бил ребенка, — продолжал он, — и совершенно безнаказанно. Певица Фражет раньше приезжала в Париж, и тогда девочку приводили в порядок, отдавали в школу, но в последнее время певица забыла о ней, и Бражелон властвовал над нею. К счастью, в том же доме жила одна старая учительница, полюбив кроткого, умного ребенка, она занялась им, и Люси не осталась неграмотной. Такова была грустная повесть моей внезапной гостьи. Она не жаловалась, но сердце обливалось у меня кровью, когда я видел этот нежный цветок в такой ужасной обстановке. И я решил, что могу облегчить ей участь. Между нами, как-то странно, тотчас установились дружеские отношения.

Люси призналась мне потом, что давно знала меня по рассказам консьержки и сама, следя за мною с верхней площадки лестницы, чувствовала ко мне невольное влечение.

— И долго она в тот вечер пробыла у тебя? — заинтересовался Николай Владимирович.

— Что-то около часа. Наверху продолжали бушевать, и когда шум стих, Люси встала и стала прощаться. «Тетушка Марго связала дядю Мишеля, — сказала она. — Теперь он заснет... я пойду». Мы расстались. С того дня я стал часто встречать Люси на лестнице, мы с нею болтали, и раза два-три я даже возил ее в театр. Нас, впрочем, сопровождала Клодина.

— Это кто такая?

— Учительница и благодетельница Люси. Пресмешная, но и предобрая особа. Она много лет прожила в России, сносно говорила по-русски, и я с удовольствием болтал с нею. Одним словом, мое одинокое существование с этих пор скрасилось. Через месяц знакомства со старой девой она меня пригласила к себе на чашку чая, и мало-помалу я стал бывать у нее каждую неделю два-три раза. Что за милые были эти вечера. Клодина садилась за рояль, Люси пела под ее аккомпанемент, а я наслаждался, с полузакрытыми глазами, слушая их... Чудное время!..

— А неприятного шума над твоей головой больше не было слышно? — спросил студент.

— О, он аккуратно повторялся каждый месяц, как только поступали деньги от Фражет.

— И прелестная Люси продолжала прятаться у тебя?

— Ничего подобного. Тот случай был исключительный, так как Клодины не было дома и она, на несчастье, заперла свою комнату.

— На чье несчастье, а на твое счастье, — улыбаясь, заметил Николай Владимирович.

Суханов грустно покачал головой.

— Нет, ты ошибаешься. Я действительно страстно полюбил Люси, но ответа не получал... Она смотрела на меня только как на брата.

— Значит, любила другого?

— И этого нет. Я никогда не видел ее разговаривающей с мужчинами. За нею, правда, бегали, ей писали письма, пробовали соблазнять ее богатством, но

она ко всему этому относилась как-то по-детски — посмеется от души и тотчас забудет. Одним словом, это был совершеннейший ребенок.

— Соблазнительно прекрасный.

— Как ангел! — восторженно вырвалось у Михаила Матвеевича. — Эта идиллия длилась более полугода. В течение этого времени я успел познакомиться с родными предмета моей страсти и иногда даже посещал их.

— И они не подозревали о твоей любви?

— Конечно, нет. Я всегда был только вежлив. Мишель Бражелон мне сильно не нравился, но о его сожительнице не скажу этого, так как она была хоть и распутная, но добрая женщина, всегда державшая сторону Люси в домашней перепалке. А они у них случались почти каждый день. И вдруг вся эта мирная жизнь полетела вверх дном. Однажды к Бражелону явился какой-то господин, предъявил письмо его дочери Фражет, в котором она поручала ему произвести экзамен ее племяннице, и если она годна для сцены, то выпустить последнюю в качестве кафешантанной певицы. Можешь себе представить, какой это подняло переполох. Господин оказался чем-то средним между театральным агентом и режиссером и тотчас принялся за дело. Люси понравилась ему. Он предрекал ей известность, но бедная девушка в первое время и слышать не хотела о публичном появлении перед толпой и только после долгих уговоров согласилась.

— Ты-то, конечно, не принимал в них участия? — спросил его Мравин.

— Представь, принимал! — виновато опустил голову Михаил Матвеевич. — Тут сказалась душевная подлость. Думал, увидит она ближе грязь жизни и поймет мое чувство.

— И что же?

— Представь, Люси осталась такой же, как была. Не знаю, имел ли Бражелон какое-либо тайное приказание своей дочери, или по собственной инициативе, но он изо всех сил оберегал ее от поползновений к ухаживанию разных нахалов, в чем я служил ему ревностным помощником. После спектакля, или, вернее, номера отделения, мы тотчас увозили Люси домой. Ни одного раза она не ужинала там.

— Она имела успех?

— Огромный! Через два месяца получили новое

письмо от ее воспитательницы, в котором та извещала Люси, что устраивает ей ангажемент в Петербурге и чтобы она готовилась к поездке. Меня это прямо-таки сразило, да и Люси не обрадовало. Она инстинктивно боялась Фражет. Не знаю, была ли та ее в раннем детстве, или что-либо другое, но Люси начинала дрожать, как только произносилось ее имя. Прошел еще месяц. Со дня на день ждали телеграммы от певицы о дне выезда, и каждый трясся о своей шкуре. Я страшился разлуки, Бражелон жалел ускользавшие деньги, а Клодина и Марго оплакивали теряемую любимицу.

— Ну, а ты тогда и решил ехать за Люси? — спросил студент.

— Нет, если бы не один странный и даже страшный случай. Я неожиданно овладел тайной.

— Тайной? Какой же это? — с удивлением спросил Мравин.

ХVIII

ПРИПОДНЯТАЯ ЗАВЕСА

Суханов, помолчав немного, приступил к рассказу:

— Это случилось три недели тому назад. Я сидел вечером дома и читал книгу, как вдруг ко мне в квартиру раздался сильный звонок и затем стук в дверь. Отворяю последнюю и вижу перед собою снова Люси. Она была полуодета, с распущенными волосами и таким испуганным лицом, что я взволновался и хотел уже задать ей вопрос, что случилось, однако она схватила меня за руку и со слезами воскликнула: «Идемте скорей к нам, у нас несчастье». Не расспрашивая, я побежал за нею наверх. Оказывается, Марго, подруга Мишеля Бражелона, варя яйца на бензинке, нечаянно облила себя последним и подошла близко к огню, отчего на ней вспыхнуло платье и она получила сильные ожоги. Когда я пришел, то застал уже около нее суетившуюся мадемуазель Клодину и консьержку, последняя тотчас же послала за доктором. Бражелона дома не было. Обожженная женщина все время неистово стонала, но не теряла сознания, когда пришел доктор, она с мужеством вынесла перевязку и только на его ободряющие слова, что она скоро поправится, горестно воскликнула: «Нет, это — мой конец». Она не ошиблась.

— Несчастливая умерла? — с участием слушая рассказ друга, спросил Мравин.

— В ту же ночь. Она даже не сильно страдала. Ее друг Бражелон так и не возвращался. Я, Люси и Клодина не отходили от нее, исполняли каждое ее желание, и это, видимо, сильно растрогало бедную женщину. И вот в эту ужасную ночь, у постели умирающей, случился такой момент, когда мы остались с нею наедине. Молчавшая до этого мгновения Марго вдруг встрепенулась, сделала мне знак глазами, чтобы я наклонился к ее лицу, и тихо, но внятно произнесла: «Затворите дверь, чтобы они не вошли». Удивленный, я исполнил ее просьбу. Она снова попросила меня приблизиться к ней. «Я хочу открыть вам ужасную тайну, — сказала она. — Я знаю, что умираю, и поэтому надо очистить свою совесть. Не раскаяние заставляет меня сделать это — я давно не знаю его, но жалость к бедной девочке, такой доброй и внимательной ко мне». Это она говорила о Люси.

— Черт возьми, да это похоже на роман! — воскликнул Николай Владимирович.

— К сожалению, **очень печальный**... — поник головой Михаил Матвеевич. — Итак, продолжаю. Бедняжка Марго, прежде чем начать свой рассказ, минут пять собиралась с мыслями. Я наблюдал за нею, за ее лицом и чувствовал, как любопытство все больше и больше овладевало мною. Но вот она снова заговорила. «Милый мосье, — сказала она, — я давно вижу, что вы любите Люси, и любите сильно и молчаливо, как наши парижане любить не могут. Это-то и побуждает меня рассказать вам кое-что о ее рождении. Я знаю немного, но достаточно для того, чтобы понять, что она — жертва преступления и злой воли женщины, ненавидящей ее отца, лишена многого такого, что для нее было бы спасением. А теперь она погибает». Проговорив эти слова, умирающая остановилась. Я точно обезумел и, упав на колени перед постелью, на которой она лежала, стал умолять ее продолжать.

— И она?..

— Была без чувств. Я добыл одеколон, соли, стал натирать Марго виски и в конце концов привел ее в себя. Тогда она досказала мне остальное. С Бражелоном она познакомилась десять лет тому назад... Она была гризетка, он учил танцам и пению ее жаждущих

сценических успехов подруг. Они сошлись. Через два месяца этой связи Бражелон предложил Марго пере-ехать к нему, на что она охотно согласилась. У него она нашла Люси. Девочка была забита, запугана, грязна, но ее ангельская красота все-таки расположила к ней сердце Марго. Любопытная, как все женщины, она стала расспрашивать своего любовника, откуда у него этот ребенок, но получала уклончивый ответ. Это еще больше подстрекнуло ее любопытство. Роясь однажды в старом комод Бражелона, она наткнулась на связанный узелок, конечно, она заглянула туда и нашла в нем белое детское платьице из чрезвычайно дорогой материи, белые туфельки и массивный золотой крест на розовой шелковой ленточке. Эта находка Марго заинтересовала. Когда пришел домой Бражелон, она поднесла к его лицу эти вещи и спросила: «Откуда это у тебя? А?» Он сначала побледнел, потом рас-свирипел и, выхватив из ее рук вещи, воскликнул: «Где ты взяла их, тварь?» Марго указала на комод. Бражелон подошел к топившемуся камину, швырнул туда вещи и долго смотрел, как они горели. Когда ни-чего не осталось, он обернулся к изумленной Марго и странно изменившимся голосом сказал ей: «Никогда не расспрашивай меня о них!.. Забудь, что они существо-вали, а иначе...» — и он сделал такой угрожающий жест, что Марго струсила. На этом дело с находкой кончилось. Однако любопытство Марго было затронуто. Она на другой день раскопала золу в камине, отыска-ла почерневший, но уцелевший крест и спрятала его в свой сундук. Прошло полгода. Однажды Бражелон при-шел домой очень взволнованный, позвал Марго и при-казал ей одеть девочку и одеться самой. «Я отдам ее в пансион, — заявил он, — а так как ко мне приез-жает дочь, то ты временно поселишься отдельно, я сниму тебе комнату». Сказано — сделано, Марго посе-лилась отдельно, а Люси была водворена в пансион. Бражелон тоже преобразился: он оделся франтом, пе-рестал пить и стал ездить ежедневно на вокзал встре-чать приезжую. Наконец она явилась. Поселившись в лучшей гостинице, она выступила в одном кафешанта-не и заблестала очень ярко. Ее папаша не отходил от нее и совершенно забыл о Марго.

— Бедняжка! — покачал головой студент.

— А она была очень ревнива. Ей вдруг пришла сумасбродная мысль: не обманывает ли ее любовник и

не выдает ли любовницу за дочь. Раз вбив себе в голову эту мысль, она решила убедиться... Выспросив консьержку дома, когда бывает у ее Мишеля красавица певица, она к этому времени пробралась в квартиру Бражелона, спряталась за шкаф и принялась ждать. Судьба покровительствовала Марго. Ей удалось увидеть и услышать их вместе. Конечно, о любви тут не было и речи, они говорили только о делах. Как поняла Марго, разговор шел о Люси. «Как медленно растет эта чертова девчонка! — сказала Фражет. — Мне, кажется, не дожить до того момента, когда я подкину ее, падшую, отцу. О, это будет день великого торжества! Хотя прошло уже шесть лет, как совершился тот ужас, но моя кровь все так же кипит ненавистью, как только я вспомню о нем. «Мести, мести!» — кричит все внутри меня». — «Да ведь ты и так отмстила», — хихикая, ответил ей Бражелон. «Мало... Ты думаешь, он очень страдал?.. Ты не знаешь его!» — «Ну, лишиться жены и ребенка в один день — не шутка». — «Для него — ничто... А вот когда я предложу ему взять его дочку к себе, развращенную, погибшую, он вспомнит Бога, осознает, что нельзя безнаказанно выгонять женщину с ребенком, да еще обзывая ее позорным именем». Фражет говорила это с ненавистью и злобой. Затем разговор перешел на денежную почву. Марго дослушала его до конца, но в то время ее мало интересовала судьба Люси, а больше личные дела, и она забыла о нем. Фражет уехала, и Марго снова стала жить с Бражелоном. Люси очутилась с ним. Прошло несколько лет. Марго забыла и о спрятанном кресте, и о разговоре и только год тому назад неожиданно вспомнила все. Случилось это так. Раз ночью Марго была разбужена диким криком спавшего с нею рядом старика. Открыв глаза, она увидала его прижавшимся к стене с широко раскрытыми от ужаса глазами и протянутыми руками, бормочущего непонятные слова. «Она, она! — шептал он. — Вот стоит... Уйди, уйди! Что тебе надо? Не смотри так жалобно! Не надо... Не надо». Марго попробовала успокоить его, и это удалось ей. Через неделю это повторилось снова. Бражелону чудилось привидение, и мало-помалу Марго проникла в его тайну. Он погубил какую-то женщину и украл у нее ребенка: этот ребенок была Люси. Сделал он это по наущению Фражет, видимо мстившей своему любовнику за то, что тот выгнал ее. Девочка

выросла, и вот ее хотят продать. Марго умоляла меня спасти Люси, передала мне найденный крест, присовокупив, что Люси, несомненно, русская по рождению и ее родители — знатные и богатые люди, так как бедным вряд ли стала бы мстить такая женщина, как Фражет. Через полчаса после этого рассказа она умерла. Теперь осудишь ли ты меня, что я, бросив службу, решил ехать за Люси?

Николай Владимирович горячо пожал ему руку.

— Конечно, нет. Владея этой тайной, мы, может быть, раскроем страшное преступление, а это — долг каждого порядочного человека.

— И кроме того, я люблю Люси, — тихо сказал Суханов.

— Тем более ты должен охранять ее от мстительной женщины. Что же ты думаешь предпринять?

— Сам еще не знаю, — ответил Михаил Матвеевич, — но во всяком случае вырву Люси из рук этой ужасной женщины...

— Это будет нелегко, — с сомнением покачал головой Николай Владимирович, — чем ты можешь доказать справедливость слышанного тобою?

— Сомневаться в словах умирающей...

— Но ведь, кроме тебя, их никто не слышал. Попробуй громкогласно заявить об этом, тебя выдадут за сумасшедшего.

— А крест? Он ведь у меня.

— Что же из этого? Он не заговорит. Нет, решительно, ты должен быть осторожен.

— И дать совершиться гнуснейшему из преступлений? Нет, это невозможно! Мое сердце и так обливается кровью, что Люси сегодняшнюю ночь проведет под кровлей своего гнусного врага. Я должен вырвать ее оттуда.

— Постой, постой! — остановил его Мравин. — Почему же ты дорогой не объяснил ей всего и дал уехать к этой женщине? Не проще ли было объяснить ей ее положение и, если бы она испугалась, увести хотя бы в гостиницу? Ведь силой ее не стали бы отнимать от тебя, а пока что мы бы нашли ее покровителя из знатных, с которым ее воспитательнице было бы нелегко бороться.

Суханов уныло махнул рукой.

— Это было невозможно. Не забывай, что мы ехали вдвоем. Бражелон не отходил от меня ни на шаг.

Мравин на минуту задумался.

— Вот что я посоветую тебе, — сказал он наконец, — о насильственных мерах ты забудь. Фражет, конечно, нелегко выпустит из рук попавшую к ней добычу, а ты можешь сильно скомпрометировать себя. От таких людей, как Фражет, можно всего ожидать. Самое лучшее, что ты можешь сделать, это постараться докопаться до прошлого Фражет, разоблачить ее тайну, а тогда начать действовать.

— А пока она толкнет Люси на путь разврата, продаст ее какому-нибудь старому сластолюбцу! — с отчаянием воскликнул Михаил Матвеевич.

— Ну, это не совсем так. Мы, милый друг, пережили уже то время, когда насиловали девушек, да еще находящихся на виду, и я считаю Фражет слишком умной, чтобы она пошла на это. Она, конечно, продаст ее, но не так скоро, как ты думаешь, а мало ли что может случиться в течение этого времени? Во всяком случае, я уверен, на скандал и насилие она не пойдет. Если ты уверен в своей Люси, что она сама не хочет этого, то твое дело не проиграно.

Лицо Суханова несколько прояснилось.

— О, в ней-то я уверен! — воскликнул он.

— Тем лучше. Далее я советую тебе предпринять следующее: есть у нас в Петербурге один очень опытный сыщик, но не служащий в полиции. Он обладает очень скверным характером, не может ни с кем ужиться и потому ушел из сыска, но нюх у него замечательный, и чем запутаннее дело, тем он охотнее за него берется. Я познакомился с ним полгода тому назад, когда у дяди украли бриллианты его жены, и он нашел вора, я очень подружился с ним. Он хорошо образован, окончил университет, не беден и занимается сыском, как он говорит, из «любви к человечеству». Ты поедешь к нему и расскажешь свое дело. Я уверен, он тебе поможет.

Михаил Матвеевич со слезами обнял товарища.

— Ты воскресил меня! Я непременно последую твоему совету.

Друзья еще долго беседовали на эту тему. Был выработан план действий, и Суханов значительно успокоился благодаря советам и доводам благоразумного Мравина.

Хотя Николай Владимирович и горячо занялся судьбой Суханова и Люси, но мысль о Елене Матвеев-

не все же не покидала его. У него на губах так и горел вопрос, не говорила ли она про него, и когда они прощались, он не выдержал и сказал Суханову:

— Твоя сестра ничего тебе не передавала про меня?

— Передавала? — удивился Михаил Матвеевич.

— Ну, говорила что-нибудь, — сконфуженно пробормотал молодой человек.

Суханов пристально посмотрел на него, улыбнулся и лукаво сказал:

— Говорить говорила.

— Что? Что? Скажи, не мучь меня!

— Многое! Однако, я вижу, и твое сердце не пустует. Тебе нравится Елена?

— Безумно! Она — чудная девушка! — восторженно вырвалось у Николая Владимировича.

— Я согласен с тобою, — тепло отозвался Михаил Матвеевич. — Елена — это редкая жемчужина. Помимо красоты, она добра, великодушна, любящая дочь и хорошая хозяйка. Она — совершенство. В ней нет ничего, что напоминало бы наших современных барышень. Она вся — поэзия и в то же время проза, но проза прелестная, полная очарования.

— И теперь ей, по моей вине, пришлось столкнуться с грязью жизни, и я, наверно, страшно упал в ее мнению. Ах, эта несчастная Мэри! — с отчаянием воскликнул Николай Владимирович.

— Какая Мэри? — не понял Суханов.

— Моя любовница! Ей вздумалось следить за мною, и она подошла ко мне при твоей сестре.

— Но... но при чем же тут моя сестра?

— Боже мой, да я влюбился безумно в нее. Я не могу жить без нее. Тебе, как другу, я могу открыть это, ты поймешь меня, так как сам любишь.

Суханов остановил его жестом руки.

— Постой, постой! — сухо сказал он. — Ты любишь мою сестру? Не так ли?

— Горячо... больше жизни.

— Но тогда о каких же любовницах идет речь? Неужели рядом с чувством к Елене ты носишь в своем сердце образ другой женщины? Нет, я не могу этому верить, это невозможно.

— Ты — чересчур идеалист, — сконфуженно ответил Мравин. — Правда, я люблю твою сестру, полюбил неожиданно, но есть и другая женщина...

— Которую ты тоже любишь?

— Нет, клянусь тебе!

— Ты, значит, не можешь порвать с нею? Ты виноват в ее позоре?

Николай Владимирович улыбнулся.

— О, в этом не виноват, нет! Она прошла огни и воды, пока попала ко мне.

— Тогда брось ее! Я искренне сочувствую твоей любви к моей сестре, она достойна ее, и был бы рад, если бы она ответила тебе, но извини, твоя душевная грязь возмущает меня. Если Елена узнает правду, ты можешь распроститься с надеждой...

Искренний испуг появился на лице Мравина.

— Ты думаешь, она не простила бы?

— Все, кроме лжи. Елена очень горда. Теперь я понимаю ее пасмурный вид сегодня. Она, видимо, симпатизирует тебе, но сомневается...

— Так я ей безразличен? — радостно вскрикнул молодой человек.

Суханов утвердительно кивнул головой.

— Мой совет: порви со старой связью или брось мечтать о Елене. Она — не современная барышня и легко не посмотрит на это.

— Порву, порву! — обещал Николай Владимирович.

По уходе приятеля он еще долго сидел задумавшись. Уже рассвет забрезжил в окно, когда он встал с места, подошел к письменному столу, набросал несколько слов на клочке бумажки, запечатал его в конверт и понес на кухню, где спал лакей.

Тот при его приходе открыл глаза.

— Отнесешь в восемь часов это письмо к мадемуазель Брантон, — сказал ему Мравин, кладя конверт на стол. — Не забудь. Очень нужно.

«Сегодня я с нею покончу», — облегченно подумал он, ложась спать.

ХІХ

ДВА ВЫСТРЕЛА

Мэри Брантон только что проснулась, несмотря на то что пробило уже два часа. Она сладко потянулась в мягкой, широкой постели, лениво открыла глаза, об-

вела ими свою уютную, светлую спальню и протянула руку к кнопке звонка, вделанной в стену около кровати.

На звонок тотчас явилась горничная. Это была вертлявая, миловидная особа с лукавыми глазами и большой дозой фамильярности со своей хозяйкой. Звали ее Катей. Едва она успела переступить порог комнаты, как затараторила о своих кухонных делах, не слушая вопросов барыни, и той пришлось прикрикнуть на нее, чтобы она уgomонилась.

— Довольно! Довольно! — сердито сказала Мэри. — Подними лучше штору и дай мне пенъюар.

Молодая женщина была не в духе, Катя заметила это, слегка улыбнулась, но, зная по опыту, что в такие минуты шутить с барыней опасно, замолчала и стала исполнять приказания.

— Ванна готова?

— Готова.

— Приготовь кофе!

— Слушаю-с.

Девушка, исполнив свое дело, уже хотела выйти из спальни, но, вспомнив что-то, быстро опустила руку в карман и достала письмо.

— Принес раненко утром лакей Николая Владимировича, — подавая его Брантон, отрапортовала она. — Просил передать тотчас, как проснетесь.

— От Коли? — слегка удивилась Мэри. — Странно! Что это может значить?

— А вы прочтите, что пишут, и узнаете, — посоветовала Катя.

— Ах, я знаю это и без тебя! — сердито крикнула Мэри. — Убирайся вон!

Девушка исчезла.

Молодая женщина нерешительно повертела в руках письмо, минуту подумала, но затем быстро распечатала его.

«Мэри! — прочла она его содержание. — Непременно приходи сегодня ко мне. Мне надо с тобой серьезно и решительно объясниться. Я буду ждать тебя целый день. Мравин».

Молодую женщину как будто что-то кольнуло.

«Не пишет даже «милая», — с болью подумала она. — Что же это такое? О чем он хочет со мной объясниться? А что, если это — разрыв?»

Тяжелое предчувствие давило грудь Мэри.

«Скорей, скорей узнать, зачем он зовет!» — пронеслось в ее голове, и она торопливо стала одеваться.

Приготовленная ванна была забыта. Когда Катя через четверть часа внесла на подносе чашку кофе и булки, то застала свою барыню совершенно одетой и причесанной.

Девушка от удивления чуть не уронила на пол своей ноши.

— Батюшки, барыня, да что это с вами? — вскрикнула она. — Когда это вы успели?

— Надо, надо. Не мешай мне! Неси мне шляпу и пальто...

Едва горничная вышла из комнаты, Брантон быстро подошла к постели, сунула руку под подушку и вытащила оттуда маленький блестящий револьвер. Одну секунду она подержала его перед глазами, затем криво усмехнулась и опустила в карман.

— Успокоение от всех житейских бурь и невзгод, — произнесла она, — верный друг.

Вернувшаяся горничная подала ей шляпу и пальто.

— А как насчет обеда? — робко спросила она. — Марья ждет приказаний.

— Пусть сделает, что хочет, — небрежно сказала молодая женщина и, в последний раз оглядев себя с ног до головы в зеркало, пошла из комнаты.

На улице ее мрачное настроение рассеялось. Теплый ветерок освежил ей голову и прояснил мысли.

«Не пустая ли это тревога? — подумала Мэри. — Ну, не написал «милая», что за беда? Просто, наверно, рассердился на вчерашнее и хочет сделать выговор. Ну, конечно, не более! — Она даже улыбнулась при последнем соображении. — Правда, я поступила вчера нехорошо. А все это противное письмо. Не напиши мне его какой-то злой человек, ничего бы и не было. Да, и девушка, с которой был Николай, кажется совершенно порядочной. Может быть, мне только показалось, что она поглядывает на него слишком пристально. Конечно, показалось. И чего я так заспешила?»

Мэри замедлила шаги. Извозчика ей не хотелось брать, так как Мравин жил от нее не более как в полуверсте, и прогулка до него только дала ей время собраться с мыслями. Когда она увидела знакомый дом, то была почти спокойна.

Швейцар, хорошо знавший частую гостью молодого

студента, широко распахнул дверь подъезда, и Мэри уже переступила ее порог, как вдруг неожиданная встреча чуть не заставила ее упасть. Прямо на нее шла Елена Суханова, та, которую она вчера безумно приревновала к своему возлюбленному.

Молодая девушка тоже узнала Мэри. Ее лицо слегка вспыхнуло, она презрительно сжала губы и, окинув гордым взглядом побледневшую соперницу, быстро прошла мимо нее.

Брантон окаменела. Одну минуту она осталась безмолвна, затем почему-то захохотала и бегом бросилась вверх по лестнице.

В голове у нее не было уже мыслей, были только сплошной гнев и желание скорей отомстить тому, кто, по ее мнению, так жестоко надругался над нею. Теперь она не сомневалась в смысле письма его и не подыскивала объяснений.

Очутившись перед знакомой дверью, Брантон сильно дернула звонок и, потеряв терпение, так как ей долго не открывали, стала стучать в нее руками.

Щелкнул замок, и Мэри очутилась лицом к лицу с Мравиним.

Молодой человек, прошедший бессонную ночь, был бледен, серьезен и несколько удивлен ее странным способом давать о себе знать, но ничего не сказал и молча пропустил ее в квартиру. Брантон вошла, почти шатаясь.

— Раздевайся, — холодно сказал Николай Владимирович, — и идем в кабинет, там поговорим. Спасибо, что не замедлила отозваться на мое письмо. Мне очень грустно было писать тебе его, но долг порядочного человека прежде всего. Я не буду лгать.

Холодный, спокойный тон Мравина подействовал на молодую женщину угнетающе. Она вдруг притихла, злоба слетела с нее, и она покорно пошла за ним в кабинет.

Николай Владимирович усадил ее в кресло.

— Мэри, — серьезно и строго начал он, — я скажу тебе правду. Я виноват перед тобой. Я никогда не любил тебя серьезно, и все мое чувство было не больше как угар страсти. Я очнулся от него. Мы должны расстаться.

— Зачем? — слабым голосом пробормотала Брантон.

— Да затем, что я не люблю тебя. Не можем же

мы быть любовниками без любви. Пойми! Я долго думал об этом и пришел к такому выводу.

— Ты полюбил другую? — замирающим голосом спросила Мэри.

Мравин колебался ответить ей откровенно.

— Правду, правду! — мучительно застонала Брантон. — Смотри мне в глаза и говори. Я требую этого во имя прошлого... во имя Бога!

Николай Владимирович мужественно выпрямился и твердо ответил:

— Да, я полюбил другую.

Мэри вскрикнула от страшной сердечной боли. На секунду она закрыла глаза, а когда подняла веки, то они были полны слез.

— Полюбил... другую... — шепотом повторила она роковые слова. — А я... что буду делать я?

Мравин взял ее бессильно опущенную руку.

— Ты забудешь меня и полюбишь другого. Я знаю, тебе разрыв будет тяжел, но что же делать? Я тоже страдаю.

— Ты страдаешь? — крикнула Мэри, вновь охваченная злобой. — Лжец! Ты торжествуешь! Насладился одной, бросаешь ее, как грязную тряпку, а на смену уже готова другая... помоложе... посвежее... Но знай, так поступают только подлецы! Да, подлецы и мерзавцы, и ты худший из них! Обмануть женщину, накануне клясться ей в любви, а потом спокойно заявлять, что расстаешься с нею, потому что равнодушен, это — низость! Зачем ты вчера не сказал мне этого? Впрочем, ночь, проведенная с новой любовницей, решила все. Я понимаю... понимаю...

Она истерично захохотала.

Мравин изумленно смотрел на нее.

— Какая ночь? Какая любовница? — ничего не понимая, спрашивал он.

— Которая сейчас вышла от вас! Неужели вы и ее уже успели забыть? Или вы притворяетесь?

— Но я уверяю тебя, ничего подобного не было, — оправдывался Николай Владимирович. — Это решение, правда, созрело во мне сегодняшней ночью, но без чьего-либо влияния, совершенно самостоятельно.

— Но ведь я — не слепая. Я сейчас встретила внизу лестницы ту самую особу, которая вчера была с вами. Посмейте отрицать, что она была не у вас!

— Да конечно же нет. Она была у брата, я снял

для него комнату в одном с моей квартирой подъезде.

— Лжешь... лжешь!

— Клянусь тебе, Елена Матвеевна — порядочная девушка, и ты не смеешь оскорблять ее. Это предположение только дико.

— Так она была не у тебя? — несколько успокоилась Брантон. — Это хорошо.

— Пора кончать наш разговор, — нетерпеливо сказал Мравин. — Я высказал тебе правду, теперь обсудим этот вопрос. Я не хочу расстаться с тобой немиролюбиво. Останемся друзьями! Мы друг другу не причинили зла, и потому нам нечего ссориться. Подадим друг другу руки и...

— И? — повторила Мэри, сверкнув глазами.

— Возьми от меня некоторую сумму. Я приготовил.

— Как ты смел предложить мне это! — закричала Брантон. — Разве я когда-нибудь продавалась тебе? Разве я брала у тебя плату за свою любовь? Отвечай!

— Нет, — смущенно сказал Мравин. — Но...

— Ты решил поступить так, как поступают со всеми женщинами, подобными мне? Конечно, ты и тебе подобные не верят в нашу любовь! Не так ли? Надоела, заплати ей, и она даже с удовольствием уйдет от тебя, получив вперед деньги. О, гнусные, злые люди.

— Мэри, прости!

— Мне нечего прощать тебе. Ты такой же, как и все. Мне жаль себя, свое бедное сердце, которое могло так ошибиться и проснуться для человека, не стоившего его. Я любила и люблю тебя не за твои деньги, не за твою молодость и красоту, а за душу, в которой, мне казалось, я нашла отклик всему хорошему, что таилось во мне. Но, видно, таким, как я, не суждено счастья.

Болезненная судорога пробежала по хорошенькому бледному личику молодой женщины.

Николаю Владимировичу стало жаль ее. В эти минуты с нее слетела ее вульгарность, все то, что коробило его в ней, и перед ним стояла глубоко страдающая женщина, прекрасная в своем горе, но... все-таки чуждая ему.

Он это понял окончательно и, боясь поддаться жалости, молчал.

— Теперь все кончено для меня, — между тем заговорила Мэри, — ни будущего, ни настоящего. Ты

будешь счастлив, тебя полюбят, а я... куда денусь я? Какое ты имел право врываться в мою жизнь, выбить меня из обычной колеи, показать настоящее счастье и затем бросить вновь на потеху толпе? Какое? Где тут справедливость? Меня раньше брали, как вещь, платили, выгоняли, но я не знала другой жизни и была покорна. А теперь? Твои лстивые речи пробудили во мне новый мир, зажгли другие желания, показали иную жизнь, и я уже не могу быть прежней. Продаваться я больше не могу. Что же мне делать? Научи! — и Мэри умоляюще протянула руки к Николаю Владимировичу.

— Я помогу тебе вырваться на честную дорогу, — смущенно пробормотал он.

— На какую? Я ничего не умею, ничего не знаю.

— Можешь выучиться. Моя материальная поддержка всегда к твоим услугам.

Мэри печально улыбнулась.

— Опять деньги! Да неужели ты не можешь понять, что я не могу жить без твоей любви? В ней все мое спасение. Не гони меня, и я исправлюсь, брошу сцену, стану порядочной женщиной.

— Я не могу этого, — решительно сказал Мравин.

— Это твое последнее слово? — глухо спросила Брантон.

— Последнее.

Несчастливая обманутая молодая женщина еще больше поблднела и в изнеможении опустилась в кресло.

В комнате воцарилось молчание.

Мравин, которому было тоже тяжело, подошел к окну и стал смотреть в него.

Брантон не сводила взора с его стройной, высокой фигуры. Ужасная мысль, что она в последний раз видится с ним здесь, с глазу на глаз, как тисками охватывала ее голову. Не видеть его никогда больше, не слышать его речей, еще вчера полных любви, было для нее невыносимо. Если бы она имела хоть маленькую надежду, что ее мольбы могут поколебать его, то ползала бы перед ним на коленях, вымаливая хоть каплю любви, но она видела, что он был непоколебим.

«Все кончено, — неслоь в ее голове, в то время как сердце больно ныло. — Здесь будет другая, я буду забыта, надо уходить навсегда».

Она почувствовала, что не в силах сделать это.

Вдруг она встрепенулась. Под рукой, лежащей на коленях, она ощутила взятый из дома револьвер и быстро достала его. Смертоносное оружие блеснуло в ее руке.

«Один нажим курка — и все кончено», — пронеслось в ее голове, и она решительно приложила маленькое дуло к корсажу, на то место, где билось сердце.

Еще секунда — и все было бы кончено, если бы Николай Владимирович в эту минуту не обернулся. С быстротой молнии он понял, что готовится совершиться, и бросился к Брантон с криком:

— Мэри! Что ты делаешь?

Молодая женщина неподвижно смотрела на него и не убирала оружия. Маленький пальчик уже лежал на курке, и готовился последовать выстрел, но в этот момент молодой человек быстро схватил ее за руку и потянул к себе. Выстрел раздался, но пуля попала прямо в грудь Мравина.

Одновременно в комнате прозвучали два крика. Николай Владимирович зашатался, схватился за грудь и как сноп повалился на пол.

Мэри стояла над ним обезумевшая, пораженная. Ее рука все сжимала револьвер, и когда в коридоре слышались торопливые шаги бежавшего на шум и выстрел лакея, она машинально поднесла его к своему боку. Раздался новый выстрел, и вторая жертва повалилась рядом с первой.

Вбежавший Семен чуть не сошел с ума при виде такой картины. Крича благим матом, он бросился от места страшного происшествия и через минуту взбудоражил весь дом.

Прибежал живший на этой лестнице доктор, послали за полицией, и вскоре маленькая квартирка Мравина была переполнена людьми. Раненые подавали слабые признаки жизни. Их уложили на диваны, сделали перевязку и приступили к расследованию причин этой загадочной драмы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

СТРАШНАЯ НАХОДКА

Семену Пахомову, стрелочнику на линии Варшавской железной дороги, не спалось. Хотя до прихода поезда осталось еще полчаса и он мог бы спокойно вздремнуть, но он встал, зажег фонарь и вышел на воздух. Темная, сырая ночь окутывала землю, воздух был влажен, а ноги утопали в лужах воды. Семен, выйдя за порог, уныло обвел глазами окружавшую его домик непроглядную тьму и тихо поплелся к полотну дороги, бормоча себе под нос:

— Ишь, темень какая! Хотя бы зима скорей — все от снега-то светлее. А тут хоть глаз выколи, ни зги не видно. Да где это Мартышка-то запропастился?

Мартышка был пес, его единственный друг и приятель, и они отлично понимали друг друга. Десять лет тому назад бобыль Пахомов, отняв щенка от мучивших его деревенских мальчишек, привел к себе, отогрел, и с тех пор они не расставались. Мартышка был огромный пес неизвестной породы, необыкновенно умный и привязчивый, и с ним его хозяин мог спать спокойно. Правда, он обладал одним недостатком — иногда убегал на неделю или на две в лес, но так как это бывало не часто, то Семен с этим примирился. И сегодня Мартышка опять исчез.

Стрелочник не был трусом, но все же в эту темную октябрьскую ночь чувствовал себя не особенно ловко.

«Вот злодеям раздолье! — думал он, осторожно ступая в темноте. — Всякое дело обделать можно. Словно ад кругом. Пойти путь осмотреть, что ли?» — решил он и, взбравшись на насыпь, осторожно пошел по шпалам.

В полуверсте от его домика находился густой и высокий лес, шум которого достигал слуха сторожа.

«Али вернуться? — задал себе вопрос Семен, дойдя до него, но сейчас же решил отрицательно: — Пойду дальше. Не съест, чай, никто... тут волков не водится».

Он продолжал свою одинокую прогулку.

Вдруг мимо Семена что-то шарахнулось и бросилось в лес. Он трижды перекрестился.

— Никак нечистая сила? Господи, спаси и помилуй! — произнес он, но сейчас же успокоился: — Заяц, видимо... не к добру это! — Пахомов остановился и стал вглядываться в даль. — А вот и он, родненький, — прошептал он, когда вдали показалась светящаяся точка.

Поезд быстро приближался. Сторож спустился с насыпи, высоко поднял над головой фонарь и стал ждать. Вот, шипя, пролетел мимо него паровоз, замелькали вагоны с освещенными окнами и скрылись вдали. Семен снова остался один и, грустно вздохнув, поплелся в обратный путь.

Не успел он пройти и двадцати шагов, как до его чуткого уха донесся жалобный собачий вой, все увеличивающийся и переходящий в лай. Пахомов приостановился и прислушался. Звуки повторились. У Пахомова сильно забилось сердце. Он узнал голос своей Мартышки, и тревожное подозрение, что с псом случилось несчастье, мелькнуло у него в голове.

Он стал громко звать собаку, свистеть, хотя вой не уменьшался, но она не бежала на его зов. Тогда Семен бросился к ней. Спотыкаясь о шпалы, бежал он по насыпи и чем более приближался к зловещему лаю, тем тревожнее билось его сердце.

«Поездом ее задавило, что ли? — неслось в его голове. — Вот не было печали! Ах, бедняжка ты мой славный!.. друг ты мой сердечный!»

Вдруг что-то мягкое и теплое метнулось ему на грудь и смазало по лицу. Семен чуть не упал.

— Ахти, Господи! — испуганно воскликнул он, но сейчас же засмеялся от радости — в его объятиях находился Мартышка, радостно взвизгивавший и лизавший хозяина в лицо.

Когда первые минуты радостного свидания прошли, стрелочник внимательно осмотрел собаку фонарем и, найдя, что она цела и невредима, взял за ошейник.

— А теперь пойдем-ка домой! — ласково сказал

он, толкая ее вперед. — В такую ночь и собакам гулять не пристало? Ну... ну!

Мартышка неожиданно уперся на месте и снова завыл.

— Да что с тобой? — удивился Пахомов. — Идем же, глупый!

Он снова потянул собаку вперед.

Результат получился тот же. Мартышка стоял на месте и вместо того, чтобы идти за хозяином, пятился назад.

Пахомов выпустил ошейник из рук. Мартышка словно только и ждал этого, отскочил назад и вновь завыл.

Мужик окончательно ничего не понимал. Он уже хотел идти один домой, но вдруг увидел, что собака вновь подскочила к нему и, схватив зубами конец его старенького пальто, потянула его за собою.

«Что с нею?» — недоумевал Семен и, заинтересованный, двинулся вперед.

Умный пес, видя, что его поняли, радостно завилял хвостом, выпустил полу хозяина и бросился вперед.

Прошли шагов шестьдесят. Семен уже хотел вернуться, не видя цели этого путешествия, но Мартышка вдруг остановился, завыл и стал рыть лапами землю. Перед ним чернела какая-то масса.

Стрелочник быстро навел на нее фонарь, да так и замер от ужаса. Перед ним лежало окровавленное женское тело. Вместо лица виднелась сплошная кровавая масса, одна рука была совершенно отрезана и лежала на пол-аршина от трупа, а другая судорожно сжимала кожаный ридикюль с металлическими украшениями. Это, несомненно, была жертва колес поезда. Зрелище было так ужасно, что Пахомов в страхе даже закрыл глаза.

Быстро перекрестившись несколько раз и немного придя в себя, он снова взглянул на лежавшую массу — очевидно, женщину, нерешительно затоптался на месте и произнес:

— Ишь, сердечная... лежит. Что же мне все-таки делать? Тронуть боюсь — начальство забранит, а как ее тут оставить? До станции восемь верст, когда еще доберешься... а идти надо. Мартышка, пожалуй, около нее побудет, и то правда. Поездов до утра не будет, значит, никто не тронет ее.

Решив так, Пахомов погладил собаку, указал ей на труп и, приказав сидеть около, быстро двинулся в путь.

Стрелочник шагал быстро и, несмотря на неудобства пути, через два часа стучал в квартиру начальника станции. Другого начальства он не знал и не хотел знать.

Через четверть часа все, кому следовало, были на ногах. Полетели телеграммы о происшедшем к высшим властям, а для оказавшихся на станции нижних полицейских чинов была подана дрезина. Пахомов должен был проводить их к месту страшной находки.

Труп же лежал одиноко, среди леса, и около него грустно сидела собака, по временам выражавшая свое сочувствие воем.

II

РОКОВАЯ ВЕСТЬ

На другой день все петербургские газеты были полны описанием этого ужасного случая.

Изувеченная поездом женщина, по найденным при ней документам, оказалась дворянкой Александрой Тихоновной Кроликовой и, как предполагалось прессой и судебными властями, сорвалась с площадки вагона в то время, когда переходила из одного вагона в другой.

Никаких следов того, что совершено преступление, найдено не было. Деньги и золотые вещи, бывшие при ней, на довольно значительную сумму, оказались целы, а следы борьбы на теле невозможно было разобрать, так как оно было сильно исковеркано.

В богатой происшествиями петербургской жизни этот случай не произвел бы большого шума, если бы жизнь этой безвременно погибшей женщины не была связана с другой, а именно с жизнью князя Чарыгина. В сумочке, зажатой в руке покойной Кроликовой, нашли пачку его писем к ней, и это придало заурядному происшествию яркую окраску.

Пронырливые газетные репортеры ухитрились пробраться не только в квартиру, оставленную на попечение старой няни покойной, но и в ее спальню, и подробно описали обстановку, а в особенности кровать и туалетные принадлежности.

Чарыгин узнал о смерти близкой ему женщины накануне, в шесть часов вечера. Он одевался для поездки к Фражет, а в это время лакей доложил ему, что его желает видеть какой-то господин по очень важному делу. Князь приказал принять посетителя. Тот оказался товарищем прокурора окружного суда Савицким, частным образом командированным к Чарыгину для сообщения ему об ужасном случае и для принятия его распоряжения о теле покойной.

Князь выслушал его наружно спокойно.

На любезное предложение судебной власти предоставить его распоряжениям мертвое тело Кроликовой князь горячо рассыпался в благодарностях и просил, если возможно, доставить его к ней на квартиру. Все распоряжения по погребению он взялся вести сам, и исполнившему свой служебный долг товарищу прокурора осталось только раскланяться.

По его уходе Чарыгин резко переменялся. Спокойствие мигом оставило его, и он, упав в кресло, громко, тяжело зарыдал. Рыдания продолжались более получаса, и слезы, как всегда, несколько успокоили осиротевшего князя.

Выплакавшись, он вскочил с места, несколько минут ходил по комнате большими шагами, а затем заторопился выйти из дома — куда и зачем, он сам не знал.

К Фражет его уже больше не тянуло. Образ этой женщины, в последнее время так властно царившей над ним, как-то странно легко вылетел из его головы, и ему показалось бы диким, если бы кто-либо предложил идти искать утешения в ее дружеском участии. В эти минуты она перестала существовать для князя.

Покачиваясь, как пьяный, шел Чарыгин по улице. Сырой, прохладный воздух не только не освежил его разгоряченной головы, но еще больше затуманил ее, когда ноги невольно привели князя к дому, где жила его теперь покойная подруга, он не узнал его, но когда узнал, весь так и задрожал.

Почти бегом поднялся он по лестнице, достал из кармана ключи от двери и отпер ее. В квартире было тихо. Она была прибрана, так как ждали на днях хозяйку, воздух был чист, и Чарыгин со странной смесью удовольствия и ужаса оглядывался кругом.

Гнездышко, созидаемое им годами, было прелестно. Везде чувствовалась любящая рука, женская заботли-

вость, и это теперь особенною болью отзывалось в душе князя. Взглянув на белый небольшой зал с огромным концертным роялем посредине, он представил себе, что завтра в нем будет стоять гроб, и слезы снова потекли из его глаз.

Легкие шаги послышались сзади. Это шла старушка Марфа, оставленная при квартире. Она нисколько не удивилась и не испугалась, увидав князя. Ее старческие морщинистые веки были красны от слез, а вся голова как-то странно тряслась. Подойдя к Чарыгину, она положила ему руку на плечо и ласково сказала:

— Плачь, плачь, дитятко!

— Это ты, няня? — обернулся он к ней. — Ты, значит, знаешь?

— Знаю, знаю, родненький. Пришли люди, сказали.

— Кто же у тебя был?

— Да тут газетчики разные... часа три тому назад. Наскакали с дворником, сразу огорошили меня, старую, и, пока это я обмерши была, по всей квартире забегали. Не знаю, право, хорошо ли это. Не сбrehать ли чего лишнего.

— Брось, до этого ли теперь, няня! — горько воскликнул князь. — Боже, какое несчастье! Кто мог ждать?

— Она предчувствовала, голубушка, — со вздохом сказала старуха. — Не хотелось ей, князь-батюшка, ехать, очень не хотелось. Плакала, ручьями разливалась. Кабы не болезнь, никогда не поехала бы, сказывала.

— Почему же она мне не жаловалась? — изумился князь.

— Горда была очень! «Не хочет, — говорит, — князь со мной ехать, не надо. Одна поживу. Надоела я ему, видно».

— Боже! Боже! Это она-то!

— Да ведь и впрямь ты, батюшка, стал с нею неласков. Бывало, каждый это день вместе, не нагладишься, а с весны словно домовой на тебя сел. Все ты норовил пораньше удрать. А она это чувствовала. Молчала из гордости.

— Подлец я, няня! — упавшим голосом уронил князь.

— Что ты говоришь несуразное, батюшка? Ты — хороший человек, да обошли тебя, видно. Чуяло мое

сердце, что с тобой что-то неладное, хотела даже спросить тебя, да она, покойная, запретила.

— Покойная! — с отчаянием воскликнул Чарыгин.

— Божья воля! — покорно склонила голову старуха. — Он возрождает, Он и уничтожает.

— Где же справедливость? Умереть такой молодой, прекрасной, доброй... Проклятие! — потряс кулаками в воздухе князь.

— Грех творишь, нельзя, — испуганно схватила его за руку Марфа. — Ну, умерла, значит, судьба — против нее не пойдешь. А проклинать не надо, нехорошо. Тяжело покойнице будет. Жаль, кто говорит, жаль, а надо смириться. Ведь уехала она огорченная да расстроенная, а кто знает, не огорчил бы ты ее еще больше по ее возвращении? Может, ей Господь милость послал смертью-то. Не такая она, как все, была. Добрая и милостивая... а таких всегда обижают.

Чарыгин, слушая рассуждения старухи, все ниже и ниже склонял голову. Чувство непоправимой вины охватывало его все сильнее, и тем тяжелее было ему. К тяжести потери любимого существа прибавилась еще тяжесть угрызений совести, иногда беспощадной в своих проявлениях.

А старуха все говорила:

— Не плачь, батюшка, а похлопочи лучше. Не на больничных же ей досках валяться, пусть сюда привезут. Ты все можешь. И не плачь. Тяжело покойнику, когда по нем плачут. Сказывали мне газетчики, что завтра утром, раненько, нашу Сашеньку в Питер привезут. Правда ли?

— Правда, няня. Так я пойду хлопотать.

— Иди, иди, Господь с тобой!

Князь, уныло опустив голову, вышел из квартиры.

III

ПРЕСТУПНИК

Бланш напрасно ждала князя в этот день. Более удивленная, чем обеспокоенная, она ломала голову, придумывая различные предлоги его отсутствия, и остановилась лишь на одном, что Кроликова вернулась и задержала его.

«Приедет в театр», — мысленно успокоила себя Фражет.

Заказанный ею дома обед для себя и князя остался нетронутым, Люси с Жоржем обедали у одной из ее подруг, и певица проскучала несколько часов в одиночестве.

В театре она была раньше всех. Пройдя к себе в уборную и убедившись, взглянув на часы, что одеваться еще рано, она взяла книгу и стала читать.

Прошло полчаса. В театре уже начало чувствоваться оживление, застучали женские каблучки, вдруг к Фражет в дверь раздался сильный стук.

— Можно войти? — послышался взволнованный голос, и прежде чем певица успела ответить, дверь распахнулась, и на пороге ее очутился Осокин.

Вид у него был необычайный. Всегда одетый с иголочки, державшийся гордо и прямо, он в эту минуту как-то весь сгорбился, его взгляд блуждал, а платье было смято и грязно.

Фражет даже ахнула, увидав его в таком виде.

— Что с тобою? — воскликнула она.

— Сейчас, сейчас, — быстро проговорил Осокин и как-то особенно плотно стал запираť дверь. Когда это было исполнено, он подошел к певице, опустился рядом с нею на стул и, прямо глядя ей в глаза, глухо произнес: — Ты знаешь новость? Твоя соперница, любовница князя, погибла.

— Не может быть! — воскликнула Фражет.

— Сегодня на рассвете ее нашли в восьми верстах от станции Серебрянка...

— Ничего не понимаю, — пожала плечами певица.

— Она упала с площадки вагона и погибла под колесами поезда.

— Значит, ты тут ни при чем? — живо спросила Бланш.

Осокин неопределенно пожал плечами.

— Несчастный случай, и больше ничего. Завтра это происшествие под таким соусом будет поднесено читающей публике газетами.

— Откуда ты узнал?

— Не все ли тебе равно? Ясно лишь одно, что я поспешил к тебе с радостной вестью. Ведь она радостна для тебя, не правда ли? — пытливо заглянул он в глаза певице.

— С чего ты взял? Бедный князь будет так огорчен. Он очень любит эту женщину. Несчастливая!.. Такая ужасная смерть!

Лицо Леонида Юрьевича стало злым, и он грубо спросил:

— Зачем ты играешь со мною комедию?

Фражет притворилась непонимающей.

— Комедию? Какую?

— Что тебе жаль ту женщину. Ты радуешься, должна радоваться ее смерти. Или ты забыла наш договор?

— Договор? Но ведь я шутила. Неужели ты принял его всерьез? — сделала большие глаза певица.

— Шутила? Это для меня — новость! — яростно воскликнул Осокин, побледнев как мел.

— Я думаю. О чем говорить! В особенности теперь. Ее уже нет... следовательно...

— Наши счета кончены, — иронически подсказал Леонид Юрьевич.

— Конечно. Я всегда готова помочь тебе, но о прошлом не должно быть и разговора.

— Значит, ты серьезно думаешь, что тебе помогла рука Провидения? — спросил Осокин, злобно рассмеявшись.

Бланш чуть-чуть побледнела.

— Ты же сам сказал: несчастный случай!

— Подготовленный моими руками, — сверкнул глазами Леонид Юрьевич. — Если бы не я, то Кроликова сегодня утром была бы здесь, и кто знает, не вернулся бы князь окончательно к старой привязанности?

— Ты морочишь меня! — недоверчиво воскликнула Бланш.

— Изволь подробности. Помнишь, неделю тому назад князь показал тебе телеграмму от нее, в которой она уведомляла его, что на неделю остановится во Пскове у замужней сестры? Помнишь? Ты в этот же день сказала мне об этом. И вот у меня созрел план. Надеюсь, ты заметила, что я целую неделю не появлялся в саду? Я был в отъезде.

— Дальше, дальше.

— Я поехал в Псков. По счастливой случайности Кроликова остановилась в гостинице, а не у сестры, и я быстро разыскал ее. Дальнейшее было нетрудно. Я стал ходить по ее пятам и очутился вместе с нею в поезде. Результат...

— Ты сбросил ее с площадки? — дрожа от ужаса, спросила Фражет.

— Да, — мрачно наклонил голову Леонид Юрьевич.

— Никто этого не заметил?

— Нет. Это было ночью. Я долго подстерегал ее, очень долго. Наконец, когда я уже стал отчаиваться, она вышла из купе. Прыжок — и я очутился около нее. От страха или от испуга она даже не закричала. Схватив ее в охапку, я выскочил с нею на площадку и бросил на рельсы. О, какой ужасный предсмертный крик мне пришлось услышать, когда колеса вагона переезжали ее! Мне не забыть его никогда!

Осокин дрожал, как в лихорадке. Фражет с отвращением, смешанным со страхом, смотрела на него. Минут пять длилась тяжелая пауза.

— Чем ты докажешь, что это — не измышление твоей фантазии? — первая нарушила молчание певица.

— Докажешь? — криво усмехнулся Леонид Юрьевич. — Изволь! У меня есть такое доказательство, перед которым померкнут и счет псковской гостиницы, и билеты туда и обратно. Вот оно. — Он опустил руку в карман и достал из него длинную тонкую прядь блестящих черных волос. — Это — ее волосы. Какими-то неведомыми путями они зацепились за пуговицу моего пиджака, и я нашел их, уже очутившись у себя в купе. Если и теперь ты не веришь и отказываешься от нашего договора, то мне не остается ничего более, как поехать к прокурору и рассказать все.

— Я верю, — тихо сказала Бланш. — Но отчего ты сделал это без моего совета? Мы же решили это сделать здесь, в Петербурге?

— И попасться, как кур во щи. Благодарю! Теперь ни у кого нет и не будет подозрения, а тогда... мы могли бы угодить на каторгу. Не думаю, что это пленяло тебя.

Фражет была уничтожена. В первый раз в жизни она потерялась и не знала, как выбраться из устроенной западни. Зная хорошо своего бывшего любовника, она не сомневалась, что в случае отказа он способен исполнить свою угрозу, и хотя не чувствовала себя виновной в совершенном убийстве и была уверена, что ее даже не привлекут к ответственности, но огласка и

позорные подозрения все равно лишили бы ее князя и богатства.

Леонид Юрьевич хорошо знал это и играл с Бланш, как кошка с мышкой. В конце концов ей пришлось идти на все уступки.

— Так-то лучше! — философски заметил он.

— Почему у тебя такой ужасный вид? — спросила она.

— Я только что из больницы, — нахмурился, ответил Осокин.

— Это ново. Не от Брантон ли?

— От нее. Бедняжка сильно обрадовалась, увидев меня.

— Она, значит, поправляется?..

— Очень слабо. Затронуты легкие. Как только ей позволят встать, я увезу ее на юг Франции.

— И она согласна?

— Безумно рада. Она совсем переменялась ко мне. Я попрошу тебя должную мне сумму приготовить не позднее, чем через месяц.

— Но ведь я обещала уплатить, когда буду женой князя.

— Долго ждать. Впрочем, я делаю уступку — через месяц десять тысяч, на остальные векселя... Иначе...

— Хорошо, я согласна... — поспешно сказала певица. — Но ты уверен, что не оставил ни малейшего следа?

— Вполне уверен, — спокойно ответил Осокин. — Позволишь закурить? — Он протянул руку за портсигаром и вдруг смертельно побледнел. — Портсигар! Где же портсигар? — пробормотал он. — У меня нет моего портсигара. Знаешь, серебряного, твой подарок...

— Ты, наверно, оставил его дома, — спокойно сказала Фражет.

Осокин отрицательно покачал головой.

— Я не был там. У меня для этого были свои соображения.

— Ну, потерял где-нибудь. Что за беда?

— А что, если он выпал у меня во время борьбы с той... с раздавленной поездом? — глухо произнес Леонид Юрьевич. — Что тогда?

— Не знаю, право. Как тебя найти по нему? Ведь не у одного тебя портсигар.

— Вспомни, что ты выгравировала внутри него.

Там и твое и мое имя полностью. Черт бы побрал припадок твоей нежности ко мне, внушивший тебе ужасную мысль писать посвящение.

Певица тоже побледнела.

— Да, да, я и забыла это, — растерянно произнесла она. — Это ужасно!..

— Пахнет каторгой, — зловеще заприорочествовал Осокин.

— Нет, не верю, что ты потерял его там, — энергично воскликнула Бланш. — Вспомни, ты курил по приезде или в поезде... после этого?..

— Да, из кожаного портсигара. Вот и он. Теперь в нем нет папирос, и я вспомнил про другой. Я хорошо знаю, где он лежал у меня. Вот здесь, — и он указал рукой на наружный карман пиджака.

— Но ведь ты был в пальто?

— Без него. По росту и сложению Кроликовой я понял, что борьба будет нелегка, и оставил пальто в своем купе. Я почти не сомневаюсь, что потерял портсигар там.

Фражет с отчаянием глядела на своего собеседника.

— Несчастный, ты погубил себя! — дрожащим голосом произнесла она.

— И тебя, — подчеркнул он.

— При чем тут я?..

— Неужели ты думаешь, я буду щадить тебя?

— У тебя нет доказательств.

— Как не было оснований убивать совершенно незнакомую мне женщину. Ясно, что я сделал это по твоему наущению, так как тебе одной была от этого польза.

Красивое лицо Бланш исказилось отчаянием и злобой.

— Однако какой ты негодяй! — шипящим голосом произнесла она. — И какая тебе будет от этого польза? На воле я могу быть тебе полезнее, чем в тюрьме. Деньги всеильны, а я богата... очень богата...

Глаза Осокина алчно блеснули.

— За молчание сто тысяч! — прохрипел он.

Бланш так и шатнуло.

— Ведь мы сошлись на пятидесяти.

— Я не хочу меньше. И деньги не далее как через три дня, иначе я погиб! Меня схватят... Если портсигар найдут около нее, меня арестуют... это ясно как день. Значит, мне надо бежать. Три дня я могу

скрываться, а затем умчусь за границу. С деньгами я не пропаду.

— Я не могу дать тебе такую сумму, — решительно заявила Фражет. — Сохранить старые условия я согласна, а дальше нет. И за что такая надбавка?

— А Мэри ты забыла?

— При чем тут она? — не поняла Фражет.

— Но ведь, скрываясь, как убийца, я теряю даже малейшую надежду когда-нибудь обладать Брантон, а это — мечта моей жизни. Неужели она не стоит пятидесяти тысяч?

— Ты смеешься надо мной? — нахмурилась Фражет.

— Смеюсь! О, как ты заблуждаешься! — страстно вырвалось у Леонида Юрьевича. — Я люблю Брантон, пойми, люблю. Отказаться от нее, отдать ее снова другим — это значит вырвать кусок моего сердца. Это — какая-то роковая любовь. Когда я сегодня увидел ее ласково улыбающуюся мне, я чуть не сошел с ума от радости. Она наконец доверилась мне. Я видел по ее глазам, чувствовал по ее тону, что она тронута моей внимательностью. Ведь я первый из мужчин навестил ее. Все остальные забыли.

— Значит, ее любовь к студенту прошла.

— Совершенно. Она сама сказала мне это.

— Фиглярка! — презрительно кинула Бланш.

Леонид Юрьевич угрожающе поднял руку.

— Еще одно дурное слово о ней, и я ударю тебя, — бешено крикнул он. — Алчность заставляет тебя изрыгать на нее хулу... больше ничего. Итак, я жду твоего согласия!

В Фражет шла борьба. Жадность боролась с трусостью, и последняя наконец победила.

— Согласна, — упавшим голосом произнесла Бланш. — Но рассрочка неизбежна.

— Подпиши векселя. У меня есть с собою вексельная бумага...

Фражет вдруг встрепенулась, как бы что-то вспомнив.

— Постой, постой! — остановила она своего собеседника движением руки. — Зачем торопиться? Подождем до завтра. Ведь тревога может быть и ложною. Портсигар могут не найти.

— Ему негде больше быть, как в поезде или около раздавленной.

— Почем знать? Счастливые случайности всегда возможны. Один, два дня откроют все.

Осокин подозрительно посмотрел на певицу.

«Не хочет ли она выиграть время, чтобы как-нибудь иначе отделаться от меня? — задал он себе вопрос, но сейчас же успокоил себя: — Попадусь я, пропала и она».

Бланш угадала его мысли.

— Ты сомневаешься во мне? Глупец! Я не хочу тебе вреда, клянусь в этом. Поезжай сегодня в гостиницу, ночуй там, и если завтра газеты принесут тебе опасность, я охотно подпишу векселя.

— Я верю тебе, — протянул ей руку Осокин.

Она, брезгливо морщась, подала ему свою.

— Сейчас начало первого отделения, — слышался за дверью голос режиссера. — Мадемуазель Фражет, не опоздайте.

— Хорошо, хорошо! — крикнула Бланш. — Иди! — сказала она Осокину. — Не надо, чтобы кто-нибудь видел тебя у меня.

— Боишься подозрений? — кисло улыбнулся Леонид Юрьевич. — Завтра выяснится, кто я и можно ли протягивать честным людям мне руку. Не так ли?

— Ах, какие глупости!

— А как ты думаешь, быть или не быть? Буду я завтра уважаемым, честным человеком или негодяем, убийцей, будущим каторжником?

— Почем я знаю? — невольно вырвалось у Бланш.

— Правда, ты не знаешь, — вздохнул он. — И я не знаю. Что день грядущий нам готовит! — запел он приятным тенором.

Бланш испуганно зажала ему рот рукой.

— Уходи ты ради Бога!

Бланш, оставшись одна, быстро начала одеваться. Когда она была почти готова и прикалывала драгоценности, в дверь уборной раздался осторожный стук, и затем вопрос:

— Можно войти?

— Входите! — милостиво разрешила певица.

Вошел господин, виденный нами на вокзале при встрече Люси и носивший кличку Лулу. Облобызав руку певицы, он неожиданно для нее сказал:

— Вы слышали, любовница вашего князя погибла сегодня ночью под колесами поезда?

— Неужели? — притворилась певица удивленной.
— Да, да. Несчастный случай. Переходя из одного вагона в другой, она оступилась и упала. Я сейчас узнал об этом в суде. Бедняжка!..
— Вы не ошибаетесь? Это — несчастный случай? — невольно спросила Фражет.
Лулу утвердительно кивнул головой.

IV

ПРИЗНАНИЕ

Чистенькая, уютная квартира Сухановых утопает в ярком солнечном свете. Мать и дочь только что кончили завтракать, и последняя с тревожным нетерпением взглядывала на часы. Аглая Васильевна укоризненно покачала головой.

— Опять побежишь туда? — сказала она.
Елена Матвеевна покраснела.
— Ах, мама, ты знаешь, что надо..
— И совсем наоборот. Зачем?
— Да ведь доктор приходит в два... Должна же я знать, что сегодня..
— К чему? Ведь и без тебя может обойтись.
В голосе матери послышалось раздражение.
Молодая девушка бросилась целовать ей руки.
— Мама... мамочка... дорогая! — с волнением воскликнула она. — Не брани меня! Я не могу не ходить туда... Не могу...

Аглая Васильевна тяжело вздохнула.
— Да пойми ты, что это неприлично для молодой девушки. Что могут подумать люди?
— Что мне до людей? — нахмурилась Елена Матвеевна. — Я иду к брату, а не к кому-нибудь.
— У которого лежит больной товарищ.
— Ну и что же? Я делаю доброе дело... Одной сестре милосердия не управиться, а я ей помогаю..
Суханова грустно покачала головой.
— Это ли тянет тебя туда.
— Что-то иное, — смущенно пробормотала дочь.
Мягкая рука матери дотронулась до ее подбородка.
— Нет ли тут более серьезного, дитя мое? Не заговорило ли твое сердечко? Как мать, я имею право на твою откровенность.

Елена Матвеевна прямо посмотрела ей в глаза.

— А если и так, мама? Ты будешь недовольна?

Аглая Васильевна сразу нахмурилась и сделала строго лицо.

— Ты еще спрашиваешь? — с укором сказала она.

— Но почему? Где причина?

— Причин много... их миллион... Но нет, я не верю этому... Ты шутишь.

— Нет, нет, мама, — настойчиво пристала к ней дочь. — Я не шучу... Скажи, что ты имеешь против Николая Владимировича?.. Ну, дорогая! — и молодая девушка ласково заглянула в серьезное лицо матери.

— Ах, все, все! — раздражительно ответила та. — Хотя бы эта история, уложившая Мравина в постель. Какой ужас, какой позор! И ты после всего этого можешь симпатизировать ему? Нет, это — ложь, ложь...

— Но если он сделал это ради меня, ради любви ко мне? — тихо произнесла Елена.

— Это еще что за новость?

— Ах, мама, ведь ты не знаешь ничего! Миша мне все объяснил. Я виновата во всем. Николай Владимирович полюбил меня с первого взгляда, но у него была другая... Она его очень любила. Он захотел тотчас порвать с нею, когда понял свое чувство ко мне, и эта поспешность погубила его. Он не виноват...

— Елена, опомнись! — вне себя крикнула Суханова. — Ты оправдываешь его гнусное поведение!.. Связь с той женщиной — позор для него... Я никогда не допущу вашего сближения!

— Мама, оно уже произошло, — твердо ответила Елена.

— И ты сказала ему, что любишь его?

— Да, сказала.

— Какой стыд! Нет, ты — не моя дочь. В мой век девушки не выходили замуж за людей, имеющих открыто любовниц.

— Но твой век, мама, был веком идеалов, наш же век — грубого реализма. Признаюсь, мама милая, тебе, что люблю Николая уже давно — с того времени, когда он часто ходил к нам. Когда я вновь увидела его три недели тому назад, то чувство мое возродилось.

— Но эта история должна была оттолкнуть тебя от него.

— Нет, мне стало его лишь жаль. Когда я увидела

Николая бледного, мечущегося по кровати, в бреду, без конца повторявшего мое имя, я не знаю, что произошло со мною... Я все, все простила ему. А потом, когда его просветлевший взор встретился с моим и я прочла в нем безграничную благодарность и любовь, то поняла, что не в силах жить без него.

— И все это без моего ведома, без моего согласия! — грустно покачала головой Суханова. — Никогда я не думала, Елена, что ты со своей гордостью падешь так низко.

— Почему низко, мама?

— Выбрать себе в мужа развратника, кутилу! Это не возвышает нравственного уровня женщины.

— Но почему ты решила, что Николай — развратник и кутила, мама? Ведь все это в прошлом. Будущее будет не то. Мечта Николая жить в деревне, и мы осуществим ее. Ведь ты поедешь с нами, дорогая?

— С чего ты взяла? — сердито отстранила дочь Аглая Васильевна.

— Ты должна, мама. У Коли чудное имение на юге, и мы заживем, как в раю.

— Подожди, подожди! — заворчала мать. — Вот он встанет на ноги, закутит, тогда вспомнишь меня.

Елена Матвеевна счастливо улыбнулась и весело сказала:

— Не закутит!

Она вскочила со скамеечки, на которой сидела у ног матери, поцеловала последнюю в обе щеки и, напевая, пошла к двери.

— Уходишь? — крикнула ей Суханова.

— Да, мамочка.

— Постой, постой!.. Скажи, лучше этому... твоему... раненому?..

В тоне вопроса Аглаи Васильевны послышались уже ласковые нотки. Елена мигом снова висела у нее на шее.

— Дорогая... хорошая ты моя! — покрывая поцелуями ее морщинистое лицо, шептала она. — Не можешь ты сердиться на меня за то, что я сама нашла свое счастье. Ведь благословляешь? Да?

— Что с тобою делать? — слабо отбивалась Суханова. — Ну, пусть, задушишь.

— Спасибо, спасибо. Я сегодня скажу это Коле. Как он рад-то будет, ты и не представляешь. Он все

время только и твердит, что боится тебя, теперь он быстро поправится.

— Рана-то у него серьезная?

— Нет, пустяки. Ничего важного не задето.

— Кланяйся ему от меня!

— Хорошо, хорошо! — и молодая девушка, еще раз расцеловав мать, быстро выбежала из комнаты, а через пять минут бодро и весело шла по улице.

Все, что она только что передавала матери, была правда. Мравин, нечаянно раненный Брантон, поправлялся, и для него занялась заря нового счастья.

Перенесенный в квартиру своего друга Суханова по желанию последнего, он попал на попечение его сестры, и взаимная симпатия молодых людей превратилась в более сильное чувство.

Елена, как девушка с сильным характером и откровенная, ответила на робкий вопрос молодого человека, любит ли она его, утвердительно, и все старое было забыто.

Молодая Суханова смотрела на жизнь практичнее своей матери и не искала в будущем муже совершенства, удовольствовавшись малым. В Николае Владимировиче она угадала чуткую, добрую душу и не без уверенности надеялась, что вылепит из него какую угодно фигурку, очень схожую с ее идеалом мужа. Правда, она мало надеялась на одобрение своего выбора со стороны матери, но сегодня и это ей блестяще удалось устроить, и впереди ей мерещилось лишь светлое счастье.

V

В БОЛЬНИЦЕ

Душно и жарко в больничной палате. Август стоит небывало теплый, и больным прямо-таки нечем дышать.

Комната небольшая и вся белая. В ней всего шесть кроватей, но больные все с наружными болезнями, и от запаха карболки невозможно передохнуть. Впрочем, лежащие уже привыкли к нему.

На самой крайней постели находится Мэри Брантон и задумчиво смотрит перед собой. Бедняжка очень переменилась со времени последнего рокового разговора

ее с Мравиным, закончившегося поранением и его, и ее, и совсем не похожа на прежнюю шикарную певицу, нагло вульгарную, а иногда жалкую и смешную. Иссиня-бледное личико как-то стало меньше и напоминает лицо ребенка, задумчиво и печально смотрящего на свет Божий.

Мэри всегда была такая. Пробовали заговаривать с нею рядом лежащие больные, но она не отвечала, и только когда приходила ее наперсница, горничная Катя, немного оживлялась, и легкая краска проступала на ее щеках.

Впрочем, Брантон не могла пожаловаться на невнимание к себе извне. Каждый день ей посылались фрукты и цветы, она лежала в платной палате, и все это делал какой-то неведомый благодетель.

Наконец, ее навещали подруги. Подкрашенные, расфранченные являлись они к ее постели, произносили ненужные утешения, затем передавали закулисные сплетни и удалялись с гордым сознанием исполненного долга.

Мэри только бесили эти визиты. Она пробовала просить доктора, чтобы к ней никого не пускали, но он шутя заметил, что в ее настоящем положении ей необходимы развлечения и он не вправе ввиду ее болезненного состояния лишать ее этого развлечения.

— Да это пытка, а не развлечение, — протестовала Брантон.

— Так нужно!.. Так нужно!..

Ей пришлось смириться.

И сейчас, лежа с открытыми глазами, она с тоской думала, что через час начнется прием посетителей и к ней кто-нибудь явится. А говорить ей вовсе не хотелось.

Со вчерашнего дня Мэри одолевали грезы. Пришел человек, которого она раньше ненавидела, сказал несколько бодрящих слов, и ей страстно захотелось жить.

«На юг обещал увезти, — радостно думала она. — Как хорошо!.. И люди, и природа другие... И он, видно, хороший... Пожалел меня... Единственный пожалел. — Что-то приятное защекотало ей грудь. — Как хорошо быть любимой! Отчего я раньше ненавидела его?.. Злым считала... Он — не злой... Заплакал, увидав меня. Видно, искренне любит... Это меня-то! Не верится даже. Да, но зачем бы он стал притворяться?

Что ему теперь во мне? Больная, слабая... Поправлюсь ли еще когда-нибудь? Уж служить больше не могу... Петь нельзя, легкие повреждены. Разве в тело войду, в статистики возьмут».

Брантон горько улыбнулась.

Воспоминания о Мравине как-то побледнели и стусеивались в ней. Не было ни былой злобы, ни былой любви.

Когда Катя стала рассказывать ей про Мравина, Мэри слушала совершенно равнодушно и только широко перекрестилась, узнав, что он поправляется.

— Дай Бог ему всего хорошего! — сказала она.

Ответственности перед судом ей тоже не приходилось бояться. Молодой человек, как только получил возможность говорить, потребовал к себе ведшего это дело следователя и подробно показал чистую правду. Ни умышленного, ни нечаянного убийства не было налицо, был лишь несчастный случай, и его виновники достаточно расплатились своей кровью.

Об этом Брантон сообщила та же Катя. Промолчала горничная лишь о ставшей многим известной помолвке Мравина с молодой Сухановой.

Однако и это не могло уже расстроить молодую женщину. Любовь как дым испарилась из ее сердца. Мэри не жалела о случившемся, но жажда жизни не покидала ее.

Поддержка Осокина пришла как раз вовремя.

«Какой он милый, какой милый! — не переставала думать Брантон. — Воскресил меня одним словом «юг». Как я хочу туда! Жаль, что он не придет сегодня... Как мне хочется видеть его. Хотя бы никто другой не приходил... Господи!»

Как бы в ответ на эту мольбу к постели Мэри, шурша шелковыми юбками, подходила нарядная дама. Ее немолодое, южного типа лицо выражало притворное участие, и она с раскрытыми объятиями кинулась к Мэри.

— Дорогая моя!.. Ангел мой! — воскликнула она.

— Это ты, Даржан? — слабо улыбнулась больная.

— Я, моя крошка, собственной персоной, — целуя ее в обе щеки, зашебетала певица. — Ну, как ты? Как твоё здоровье?

— Лучше. Поправляюсь.

— Слава Богу! Мы все без тебя соскучились... И сколько новостей... Сколько новостей!

Брантон поморщилась, предчувствуя изложение целого вороха сплетен.

Даржан придвинула себе табуретку, села на нее около самой кровати и, взяв бледную прозрачную руку больной и лъстиво улыбаясь, сказала:

— Вчера о тебе директор спрашивал.

— Вот как? — удивилась Мэри. — Что ему вздумалось?

— Но ведь ты теперь — героиня. Газеты немало кричали о тебе, твои карточки нарасхват. Когда ты поправишься, тебя на части разорвут антрепренеры. Счастливица!

— Счастливица?.. — с недоумением повторила Брантон.

— Я думаю, — завистливо продолжала Даржан. — Твоя карьера теперь обеспечена... Ты будешь получать втрое, вчетверо больше прежнего.

— Но постой... Ведь я потеряла голос.

— Да разве он нужен? Вот ерунда! Теперь все — реклама. Я, слава Богу, двадцать лет подвизаюсь в российских кафешантанах и ни разу не встречала известной этуали с голосом. Безголосые только и имеют успех. Надо уметь ловко пустить рекламу, вот и все. Давно ли тебя мало кто замечал, а теперь только и справлиются, скоро ли ты выступишь.

Мэри покраснела и нахмурилась.

— Я еще не знаю, буду ли я служить, — сухо сказала она. — Мне надо хорошенько поправиться... На юг уеду.

В лукавых черных глазах Даржан зажегся огонек любопытства.

— На юг? — нараспев повторила она. — Это хорошо. Одна думаешь ехать?

— Одна, — отрывисто ответила больная.

— Еще приятнее. А у нас все новости. Фражетки-на-то племянница, слышала, в летнем сезоне не выступает.

— Отчего же?

— Да от нее все с ума сошли. По-моему, она — дохлая кошка, а все кричат — поразительная красавица. Наш-то Пуд Пудыч как увидел ее, так обомлел, повторяет, что «ангел», да и только. «Не хочу, — говорит, — в несоответствующей обстановке показывать ее. Надо и новые декорации, и то, и се». Ну, и отложил до зимнего сезона.

— Она правда очень хороша?

— Не от мира сего. Бледная, тощая, длинная, глаза — что небо, волосы цвета спелой ржи... На чей вкус, а мне не нравится.

Певица завистливо фыркнула. Мэри чуть улыбнулась и устало закрыла глаза.

— Спать захотела? — спросила посетительница. — Так я пойду. Что же директору сказать? Будешь ли ты служить?

— Ах, ничего не знаю! — с досадой отмахнулась от нее Брантон.

Даржан, сердито пожав плечами, вышла из палаты. Больная снова погрузилась в сладостный мир грез.

VI

УСЛОВИЕ

— Божественная, я изнемогаю! Когда же вы прольете целительный бальзам на мои раны?

Эти две фразы произнес Всеволод Александрович Кутузов, сидя наедине с Бланш Фражет в ее уютном будуаре, ровно через неделю после трагической смерти Кроликовой.

Певица, томно полулежавшая на одной из кушеток, слегка усмехнулась и, сверкнув на своего собеседника насмешливо блестящими глазами, наивно спросила:

— О чем говорите?

— Конечно, о прелестной Люси! Я влюблен, влюблен, как никогда!..

— При чем же тут я? — пожала она плечами.

— Как при чем! Вы — всё! Люси смотрит на все вашими глазами, повинуется вам. Замолвите ей за меня два-три слова!

— Странная просьба! — засмеялась Бланш.

Кутузову было не до смеха. Он чувствовал себя не на шутку влюбленным, но — увы! — пока безуспешно. А ему редко приходилось видеть женщин, которым не только не льстили его ухаживания, но которые совершенно игнорировали его особу и не обращали на него ни малейшего внимания.

Так именно относилась к нему Люси. Приветливая со всеми, она почему-то лишила этой приветливости

Всеволода Александровича и при виде его всегда делалась испуганной, мрачной и неразговорчивой. Подарки от него принимались ею неохотно, и только неограниченное влияние Фражет удерживало молодую девушку от отсылки их обратно.

Кутузова все это страшно бесило. Знай он, что победа будет легка, он, конечно, и не желал бы ее так сильно, но теперь препятствия разожгли легкую влюбленность во всепожирающее пламя страсти, и старый ловелас уже не мог отступить. Хорошо понимая, что сердце молодой девушки никогда не забьется в унисон с его сердцем, он решил прибегнуть к содействию Бланш, несколько раз туманно намекавшей ему на это. С этой целью он был у нее и сегодня.

Услышав ее смех, он вспыхнул:

— Нет ничего странного. Я говорю дело. Вы много раз намекали мне, что не прочь содействовать моим планам, и вот я прибегаю к вашей помощи. Я люблю вашу племянницу. Я — не мальчишка, бросающий на ветер слова, и мне можно верить. Чувство, которое я испытываю к ней, мне еще ни разу не приходилось переживать в моей жизни, и оно разве только слегка походит на то, которое я испытывал когда-то к моей покойной жене. Но оно больше, в тысячу раз больше!

Певица при последних словах Кутузова слегка побледнела. Если бы он мог взглянуть ей под опущенные веки, то ужаснулся бы горевшему в ее глазах огню ненависти и злобы и не спешил бы отвечать на заданный ею вопрос, произнесенный слегка дрожащим голосом. Но все это ускользнуло от него.

— Так вы никогда никого искренне не любили? — спросила Бланш.

— Никогда! — с некоторым оттенком гордости ответил Всеволод Александрович.

— А в молодости, в далекой молодости? Вспомните!

— Никогда и никого! Могу поручиться за себя! Я брал женщину, вот и все.

— Негодяй! — процедила сквозь зубы певица.

Всеволод Александрович недослышал.

— Что вы сказали? — спросил он.

— Ничего! Продолжайте! — кинула она.

— С удовольствием. Итак, я безгранично люблю вашу племянницу. Что же ей надо лучшего? Я богат,

могу сделать ее шикарнейшей женщиной Петербурга, обеспечить.

— Вы предлагали ей все это?

— Нет еще, но сделаю это! Одно мне не нравится — что она как-то умышленно холодно относится ко мне. Что это? Кокетство или нечто другое? За разъяснением я пришел к вам. Дорогая, помогите! Берите, что хотите, но помогите!

Бланш пристально взглянула на него и медленно сказала:

— А если я запрошу слишком дорого?

— Не захотите же вы разорить меня! — кисло улыбнулся он.

— О, до этого не дойдет! Лично для себя мне не надо денег, я возьму другое, но есть лица...

Кутузов был в недоумении.

— Про кого вы говорите?

— Пока это — секрет, но... не более как на полчаса. Сначала обсудим все то, что я должна буду сделать, а затем назначим и цену. Итак, я начинаю. Люси вас не любит, она почти ненавидит вас.

— О! — жалко воскликнул влюбленный.

— Да, почти ненавидит! Эта ненависть инстинктивная! Люси сама призналась мне в ней. Из всех окружающих ее поклонников вы — единственный, который ей несимпатичен. Согласитесь, что ваши шансы стоят невысоко?

Кутузов растерянно молчал.

— Затем деньги. Вы богаты, это — правда, но далеко не так, как князь Гагаринцев. А он тоже влюблен в Люси. Я уверена, что если умело повести на него атаку, то его можно даже женить. К тому же он молод и красив. Сопоставьте все это.

— К чему вы мучаете меня! — запротестовал Кутузов.

— Не думаю, я говорю только правду, — равнодушно возразила Фражет, — хотя и горькую. Итак, все против вас. Могу помочь только одна я. Дешево не берусь...

— Сколько, сколько? — сдавленным голосом прохрипел Кутузов.

— Прежде всего для себя. Помогите мне женить на себе князя Чарыгина.

— Женить? Князя? — изумленно спросил Кутузов.

— Ну да, вашего друга и приятеля. Он, вы хоро-

шо знаете, влюблен в меня, и стоит ему только подать эту мысль, он ухватится за нее.

— Но он в таком случае будет сумасшедшим! — с искренним негодованием воскликнул Кутузов.

— Так вот вы как смотрите на меня! — холодно сказала Фражет. — Это мне приятно.

Всеволод Александрович спохватился, хотя и поздно.

— Я не хотел обидеть вас, дорогая, — вкрадчиво начал он. — Вы — прелестная женщина, но... согласитесь, ваше предложение поразило меня.

— Вы не отказываетесь? — быстро спросила певица.

— Как вам сказать?... Право, я не могу взяться. Такое дело... брать на себя ответственность...

— Значит, отказываетесь? — не отставала она.

— Да, — решительно тряхнул он головой.

Певица несколько минут оставалась безмолвна.

— Ну, хорошо, — наконец прервала она наступившее молчание. — Я согласна на уступки. Не надо мне вашего содействия в этом деле, только привезите ко мне князя не позже завтрашнего дня. Кроме того, не говорите ему ни полслова о нашем разговоре. Согласны?..

— На это конечно. Только сомневаюсь, удастся ли? Князь после смерти своей возлюбленной заперся в своем кабинете и никого не принимает. Я два раза был у него и уехал ни с чем.

— И все-таки я настаиваю на исполнении своего желания. Если завтра князь не будет здесь, я отказываюсь помогать вам и уступаю позицию князю Гагаринцеву...

Кутузов побледнел от ревности.

— Я сделаю невозможное, — пробормотал он.

— Так-то лучше, мой друг! — насмешливо улыбнулась певица. — Две-три маленькие жертвы с вашей стороны, и прелестнейшая женщина будет ваша.

— А второе условие?

— Пустяки. Дело идет о милом Жорже. Вы знаете, ведь он — мой родной племянник. Естественно, я беспокоюсь о его судьбе. Умри я, бедный ребенок пойдет по миру. Необходимо обеспечить его.

— И вы хотите, чтобы я?..

— Пришли мне в этом на помощь. Тысячи три-че-

тыре в год ему будет достаточно, а когда вы умрете, капитал в несколько десятков тысяч.

Пораженный Всеволод Александрович безмолвствовал.

— А чтобы это было крепко и нерушимо, — спокойно продолжала Фражет, — мы все это оформим у нотариуса. Вообразите, что он — ваш незаконный сын, и не мучайтесь жадностью. Тем более и Люси он — брат. — При последних словах она зловеще улыбнулась. — Что же, согласны?

— Пожалуй, согласен, — после небольшого колебания ответил Кутузов. — Но вы ручаетесь, что Люси...

— Не далее как через две недели будет вашей возлюбленной и будет с вами мила и ласкова.

— В таком случае вы — волшебница! — восторженно воскликнул Всеволод Александрович. — Значит, по рукам?

— Если вы исполните и первое условие, то есть привезете не позже завтрашнего дня ко мне князя. Тогда по рукам. Заключение условия у нотариуса в тот день, когда Люси переедет в нанятую ей вами квартиру, но перед тем, как вы поедете туда. Согласны?

— На все, на все! Прелестная девчурка очаровала меня, и нет жертвы, которую я не принес бы ради обладания ею, — страстно вырвалось у Кутузова.

Бланш злобно-насмешливо взглянула на него.

«Старый идиот! — мысленно обругала она его. — Радуйся, радуйся! Посмотрю я, что ты запоешь, когда узнаешь, кем тебе приходится Люсьенка. Наконец-то я доведу свою месть до конца!»

В этот момент их разговор неожиданно был прерван почти вбежавшим в комнату Жоржем, сзади которого показалась и Люси.

Молодая девушка была в белом суконном костюме, и ее ангельская красота еще более выигрывала от этого цвета. Неподдельное оживление виднелось на ее личике при входе в комнату, но ее взгляд встретился с восторженным взглядом Кутузова, она побледнела и испуганно потупилась.

Фражет ласково поманила ее к себе.

— Хорошо катались, детки? — материнским тоном спросила она. — Довольны?

— В восторге, тетя! — поспешно ответил Жорж. — Твои лошади чудесны, и только князю Гагаринцеву удалось перегнать нас.

— Ах, вы видели князя?

— Конечно! Бедняжка не сводит глаз с Люсьеночки, а она совершенно равнодушна. Прикажи хоть ты, тетя, ей полюбить его! — смеясь, воскликнул Жорж.

Бланш бросила беглый взгляд на Всеволода Александровича. Он нервно ерзал на стуле.

— Сердцу нельзя приказать! — улыбаясь, ответила она. — Раз он не нравится Люси, что же делать!

— Он не может не нравиться! — с жаром воскликнул юноша. — Такой красавец! Я хоть и не женщина, но положительно влюблен в него.

— Люси, что же ты ничего не скажешь? — ласково дотронулась певица до руки молчавшей девушки.

— Князь очень мил, — тихо сказала та, вспыхнув.

— Ты, Люси, положительно мраморная фигура, — сердито надулся Жорж. — Мил — это мало. Князь очарователен!

— Ну, довольно об этом! — остановила его Бланш. — Занявшись спором, вы еще не поздоровались с мосье Кутузовым. Будьте же вежливы.

— Ах, простите, пожалуйста! — подошел к Всеволоду Александровичу Жорж. — Добрый день.

— Ничего, ничего, — снисходительно пожал тот руку ему, — я не обижаюсь. Молодость рассеянна.

— Не причисляете ли вы себя к старикам? — воскликнула Фражет.

— Конечно, божественная. В мои годы...

— Влюбляются не хуже мальчишек и делают глупости еще больше, чем они.

— О, это не подлежит сомнению, — с жаром подтвердил Всеволод Александрович. — Я готов ради любви на все, — и он значительно взглянул на Люси.

Последняя равнодушно вынесла этот взгляд. Здороваясь, она ограничилась кивком головы в сторону несимпатичного ей поклонника и теперь сидела рядом с певицей, совершенно безучастная к происходившему разговору. Ее хорошенькое личико было печально, а темные круги под глазами указывали, что она или плохо спала, или много плакала.

Фражет, отчаявшись втянуть ее в общий разговор, тонко дала понять Кутузову, что ему пора уходить. Когда последний поднялся и стал прощаться, она сказала Жоржу:

— Ты бы проводил мосье.

Юноша видимо неохотно встал и последовал за Всеволодом Александровичем.

Когда мужчины вышли из комнаты, Люси тоже встала, чтобы идти к себе, но Бланш остановила ее:

— Подожди, мне надо поговорить с тобою. Почему ты такая печальная?

— Я? Вы ошибаетесь...

— Нет, я не ошибаюсь. Ты не хочешь быть со мной откровенна? Как хочешь, не говори! Я не любопытна. Ответь мне лишь на вопрос, как тебе нравится только что вышедший отсюда господин?

Люси с недоумением взглянула на свою собеседницу.

— Этот господин? Право, не знаю!

— Прошу тебя серьезно разобраться в своих чувствах, — строго сказала Фражет. — Я не шучу словами.

— Но такой вопрос...

— Вызван твоей непонятной холодностью с ним. Ты делаешь вид, что ненавидишь его. За что? Ведь ты хорошо видишь, что он без ума от тебя.

Молодая девушка сильно покраснела.

— Да, вижу, — нерешительно начала она, — но не могу побороть себя. Я его боюсь. Когда он подходит ко мне, меня охватывает страх, сердце сжимается, и мне начинает казаться, что от одного его прикосновения я буду бесконечно несчастна.

— Глупости! — сердито воскликнула Фражет.

— Я сама сознаю это, — виновато продолжала Люси, — но не могу отрешиться от этого чувства. Я боюсь его!

— Совершенно лишнее в твоём положении! Ты должна, наоборот, полюбить его.

— Полюбить? — широко раскрыла Люси свои голубые глаза.

— Да, полюбить, — подтвердила певичка. — Он любит тебя и готов на все. Ведь пора же тебе устроиться самостоятельно. Не можешь же ты век торчать на моей шее, пора и расплачиваться. Кутузов очень богат и не прочь обеспечить тебя.

Молодая девушка побледнела как полотно.

— Вы хотите... чтобы я... шла на содержание? — растерянно прошептала она.

— А к чему же иному ты себя готовишь? — насмешливо прищурилась Бланш. — Уж не в добродетель ли?

тельные ли старые девы? Ты забыла, милашка, что ты — кафешантанная певица, а наша дорожка одна. Богатый любовник, бриллианты — и карьера перед тобой. Я положительно требую, чтобы ты согласилась на предложение Кутузова. Он — очень порядочный господин.

— Тетя, пощадите! — умоляюще протянула к ней руки Люси. — Все, только не это! Я постараюсь одна пробить себе дорогу. Я, наконец, уйду со сцены! На что мне она?

Фражет зло захохотала.

— А долг мне? Его ты не считаешь? Сколько я тратила и трачу на тебя! Должна же ты в благодарность хоть слушаться меня. Я хочу, и ты будешь его возлюбленной.

Бледное лицо девушки вспыхнуло неожиданной энергией.

— Никогда! — прямо глядя в лицо своей мучительницы, твердо выговорила она. — Лучше смерть.

— Вот ты как заговорила! — яростно вскочила с места Бланш. — Проклятая девчонка! Осмелюсь повторить, что ты не послушаешься меня?!

— Никогда! — смело повторила та.

Певица подняла руку, и звонкая пощечина раздалась в комнате. Люси слабо вскрикнула и упала без чувств.

— Ничего, я укрошу тебя! — злобно толкнула ее Бланш ногой. — Ты не уйдешь из моих рук!

VII

ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ

Кутузов, выйдя с Жоржем на улицу, быстро распросался с ним. Оба они стесняли друг друга, не находили вследствие разницы возрастов точки соприкосновения и поспешили избавиться от скучного разговора.

К тому же Всеволоду Александровичу хотелось остаться одному, чтобы обдумать только что происшедший разговор. Его довольно нечистоплотную совесть не смущала совершенная сделка, он привык к такого рода делам, обходившимся ему иногда дороже, иногда дешевле, но тут, кроме денег, приходилось совершить дело, трудность которого ставила его в тупик.

Казалось бы, чего проще привести князя Чарыгина к Фражет? Но Всеволод Александрович не знал, как за это взяться. С его другом в последние дни творилось что-то странное. Он три раза заезжал к князю, но не был принят, и стороной, от слуг, до него дошли слухи, что Чарыгин куда-то уезжает. В последний раз, когда лакей категорически отказался впустить его, Кутузов мысленно дал себе обещание не переступать порога «бешеного», как он называл Чарыгина, а теперь приходилось делать новую попытку.

Будь он менее влюблен, он отказался бы от исполнения этого условия, но тут говорила бушующая кровь, и не в правилах начавшего разрушаться старого ловеласа было отступать перед чем-нибудь, когда животное желание охватывало его. Намеку Бланш, что она собирается женить на себе князя, он не придал ни малейшего значения и был в полной уверенности, что певица хочет лишь изрядно пощипать золотые перышки Чарыгина.

«Ну и баба! — мысленно сердился он. — Бестия, какой еще не встречал! Сорвала на своего щенка уйму денег, и все мало. Впрочем, еще хорошо, что мне не своим карманом придется расплачиваться с нею. А упустить девчурку жалко. Хороша, как никто! — Чарующий образ Люси, как живой, встал перед глазами Кутузова, и плотоядная улыбка зазмеялась на губах. — Не отдам я ее ни князю Гагаринцеву, ни другим, — твердо решил он. — Хоть из могилы да вытащу князя и привезу к Фражетке. Поеду-ка я к нему сейчас».

Через пятнадцать минут Кутузов был уже у знакомого подъезда. Против обыкновения, ему навстречу не выбежал швейцар, Всеволод Александрович беспрепятственно вошел в дом и, не найдя никого и в швейцарской, стал подниматься по лестнице.

Тишина кругом стояла могильная. Казалось, в доме был покойник и все живущие присмирели, боясь спугнуть его покой.

Кутузов ничего этого не замечал. Окрыленный надеждой, что ему удастся наконец видеть князя, он неудержимо стремился вперед и чуть не сшиб с ног шедшего ему навстречу лакея с подносом в руках.

— Где князь? — строго спросил Всеволод Александрович. — Мне надо видеть его.

— Князь не принимают, — ответил тот.

— Я тебя не спрашиваю об этом, — еще строже произнес посетитель. — Отвечай на мой вопрос?

Лакей, видимо недавно поступивший, опешил.

— В кабинете-с, — растерянно пробормотал он. — Прикажете доложить о вас?

— Незачем, голубчик! — снисходительно кивнул ему Кутузов. — Мы с князем — старые друзья, без докладов обойдемся, — и, не слушая протестующего бормотанья лакея, он быстро пошел в кабинет князя.

Дверь в последний была плотно закрыта.

«А что, как не впустит меня князь?» — с досадой подумал непрощенный гость, но смело взялся за ручку двери.

Она бесшумно отворилась. Всеволод Александрович переступил порог комнаты и остановился в изумлении. Представившаяся его взору картина была далеко не из обыкновенных.

На самой середине комнаты стоял на мольберте большой поясной портрет молодой женщины, весь украшенный живыми цветами, а перед ним, распростершись во весь рост, на полу лежал князь — не то мертвый, не то без чувств. Он не шевельнулся и тогда, когда Кутузов сделал по направлению к нему несколько шагов, и только когда последний сильно потряс его за плечо, неподвижная голова князя слегка поднялась и обратила свое бледное лицо на вошедшего.

Чарыгин сильно изменился в последние дни, и эта перемена испугала даже черствого Всеволода Александровича, никогда ни на кого, кроме своей особы, не обращавшего внимания.

— Боже мой, что с тобой? — растерянно крикнул он.

Князь несколько секунд смотрел на него, как бы не узнавая, но затем слабое подобие улыбки искривило его сухие, бледные губы, и он прошептал:

— Это — ты!

— Да, я. Ворвался к тебе почти силком, — взволнованно ответил Кутузов. — Вставай и расскажи мне, что случилось. Я ничего не понимаю.

Чарыгин, опираясь на руку приятеля, тяжело поднялся с пола и трагическим тоном прошептал:

— Не понимаешь? Но ведь она умерла.

— Да ведь все мы смертны — сегодня я, а завтра ты. Против судьбы не пойдешь. К чему же так убиваться?

— Ах, да не могу, не могу иначе! — простонал князь. — Стоит Саша передо мною день и ночь... то — как живая, то — вся окровавленная, как в гробу.

— Это же галлюцинация.

— Сам знаю, а не могу оторваться, не могу. Чувствую, что с ума схожу, а сил нет вырваться из этих грез наяву.

— Надо идти к людям. Ты действительно можешь спятить в одиночестве. И к чему эти портреты? Чтобы забыть, надо все выбросить, все уничтожить.

— Сил моих нет. Нет забвения моему горю.

— Ерунда! — энергично возразил Всеволод Александрович. — Всякое горе проходит. Старайся развлечься.

Чарыгин уныло покачал головой.

— Никогда мне не забыть. Милая, славная женщина. Ты не можешь себе представить, что это было за чудное существо! Сколько любви, самопожертвования! Как права пословица: «Что имеем, не храним!»

— Ну, ты, кажется, слишком хранил свою Шурочку.

— Да, раньше. А в последнее время? Отпустил одну за границу. Поезжай я с нею, ничего бы не случилось.

— Самобичевание. Верь, милый друг, все равно случилось бы. Не так, то этак.

— Ты думаешь? — недоверчиво спросил князь.

— Не думаю, а твердо верю. Кому назначено умереть в такой-то час, тот все равно умрет, будь около нее хоть рота солдат.

— Но такая ужасная смерть. Кровь холодеет, когда думаешь, что пережила бедняжка в момент, когда колеса поезда переезжают ее.

— Конечно, ничего. Ведь ясно, что, не будь она без памяти, она не упала бы с площадки.

Князь таинственно наклонился к уху приятеля и шепнул:

— Знаешь, я подозреваю, что она — жертва преступления.

Кутозов изумленно, испуганно взглянул на него.

— С чего ты взял?

— Мне приснилось, — просто ответил тот.

«Боже мой, да он — сумасшедший!» — пронеслось в голове Всеволода Александровича.

Чарыгин как бы угадал его мысли.

— Ты думаешь, я сошел с ума? — сказал он. — Ничего подобного. Мне действительно приснилась картина, как убивали Сашу. Какой-то человек схватил ее в охапку и бросил на рельсы. Ужасная минута! Я...

— Не пойдем ли мы куда-нибудь пообедать? — перебил его Кутузов. — Там и поговорим.

— Что же, поедем, — покорно согласился князь.

— А оттуда, может быть, и в эдемчик заглянем? — с замиранием сердца спросил приятель.

— Вези куда хочешь! — равнодушно ответил Чарыгин.

— Вот и отлично, вот и отлично, — заволновался Всеволод Александрович. — Пора тебе и развлечься. Одиночество до хорошего не доведет. А о тебе кое-кто уже спрашивал.

— Кто же это? — бесстрастно спросил князь.

— Мадемуазель Фражет.

В темных глазах Чарыгина вспыхнула искорка.

— Она? Вот не ожидал?! — воскликнул он.

— Страшно жалеет тебя, — соврал Кутузов, — и просила меня привезти тебя к ней, чтобы она могла высказать искреннее сочувствие твоему горю.

— Какая она милая! — оживился князь.

«Ключуно! Люси моя», — довольно подумал коварный друг.

Все слуги князя ахнули, когда их все эти дни полумертвый господин приказал подать одеваться и закладывать карету.

Кутузов, ободренный первым успехом, дружески посоветовал Чарыгину убрать портрет Кроликовой подальше.

— Делай как знаешь, — равнодушно махнул рукой князь, — сегодня ты распоряжаешься мною.

Всеволод Александрович не замедлил воспользоваться своей властью. Пока князь одевался, он, выйдя в другую комнату, велел позвать старого дворецкого Матвея и обратился к нему со следующей речью:

— Старый дуралей! До чего ты допустил своего барина? А? Подумай?

Бесцветные глазки старика широко раскрылись.

— До чего-с? Невдомек мне.

— Ага, неведомек. А понял бы, когда его пришлось бы отправить в больницу умалишенных.

Старик испуганно перекрестился.

— Что вы, батюшка, несурзное говорите! Как это можно? Да разве я...

— Ты — ему первый враг. Неужели твоя столетняя голова не догадалась, что раз человек в горе, в отчаянии, то надо его развлечь, а не оставлять в одиночестве и доводить до болезни, — грозно произнес Кутузов.

— Да их сиятельство сами приказали никого не впускать, — оправдывался Матвей.

— Он приказал, а ты бы послушался... раз это ему на пользу! Хорошо, что я настойчив и необидчив и приехал еще раз, тогда как мне уже несколько раз отказывали. А то что бы было? Если бы ты был верный слуга, то тотчас должен был бы дать мне знать, что с князем неладно. Видишь, как я его в полчаса на ноги поднял.

— Простите, не догадался, — винулся старик.

— То-то. Ну, уж хорошо, прощаю! Вот тебе только мой приказ, едва мы с князем за дверь, ты сейчас бери молодцов, отправляйся в его кабинет и убери оттуда портрет, что стоит посредине, цветы, что его окружают, и вообще все, что князю может напомнить пережитую потерю. Понял?

— Как не понять. А только не попадет мне за это?

— Ничего не будет. А если бы, паче чаяния, князь вздумал требовать портрет обратно, ты не давай, а тотчас скажи мне об этом по телефону. Надо спасти твоего барина.

— О, Господи, грехи! — вздохнул старик. — Кто бы мог ожидать!

— Ну, довольно. Иди и исполняй мои приказания! — Кутузов вернулся в уборную, где одевался Чарыгин, и нашел его совершенно готовым. — Едем! — предложил он.

— Хорошо, едем, — покорно ответил тот.

Друзья в молчании вышли из дома.

VIII

УТЕШИЛСЯ

Карета князя уже стояла у подъезда. Всеволод Александрович, обращавшийся со своим другом, как с больным ребенком, заботливо усадил его первого и за-

тем, сказав кучеру адрес ресторана, сел сам. Застоявшиеся в конюшне лошади быстро помчались.

— Ты ничего не имеешь против, что я выбрал именно этот ресторан? — прерывая наступившее молчание, спросил Кутузов.

— Мне все равно, — безразлично ответил князь.

— Не будет нам скучно вдвоем? Не пригласить ли дам? — не отставал Кутузов.

— Распоряжайся по своему усмотрению.

У Кутузова мелькнула счастливая мысль.

— А что, если я действительно распоряжусь, — весело воскликнул он, — и приглашу двух прелестных молодых особ — мадемуазель Фражет и мадемуазель Люси? Ты ничего не имеешь против них?

Легкая судорога пробежала по лицу Чарыгина.

— Нет, нет, — поспешил ответить он, — ровно ничего.

«Положительно сегодня для меня счастливый день: вылечить от наступающего сумасшествия лучшего друга, сделать первый шаг к обладанию прелестнейшим на свете существом и теперь великолепно пообедать в наиприятнейшем обществе!» — подумал Кутузов и вслух сказал:

— Так я, как только мы приедем в ресторан, переговорю с Бланш по телефону.

Когда они подъезжали к Морской, скопление экипажей уменьшило ход их лошадей, и карета начала двигаться шагом. Князь, продолжавший смотреть в окно, вдруг слегка вскрикнул и отшатнулся от последнего. Всеволод Александрович удивленно посмотрел на него.

— Что с тобой?

Чарыгин судорожно схватил его за руку.

— Посмотри, посмотри! — испуганно бормотал он, притягивая приятеля к окну экипажа. — Видишь, этот черный на одиночке?

— Да, вижу, — ответил Кутузов.

— Он... он убил мою Сашу, — простонал Чарыгин.

— Ты с ума сошел! — пожал плечами Всеволод Александрович. — Я знаю этого господина.

— Кто он? Как его зовут?

— Некто Осокин, прожигатель жизни, игрок. Я думаю, он никогда и в глаза не видал твоей возлюбленной. Вот дикая фантазия!

Чарыгин провел рукой по влажному лбу.

— Ты прав, это — только фантазия, но какая ужасная, — тихо сказал он. — Я знаю, надо мной надо смеяться, но чем ты объяснишь то, что случилось со мной три дня тому назад? Я видел сон. Не улыбайся, это, пожалуй, был даже не сон, а что-то вроде сна. Я лежал у подножья портрета Саши. Не знаю, задремал ли я, или все это было лишь плодом моего расстроенного воображения, но я увидел себя стоявшим у полотна железной дороги, и мимо меня медленно-медленно полз поезд. На площадке одного из вагонов я увидел ужасную картину. Саша, в том самом платье, в котором ее нашли, лежала на руках какого-то человека, и он силился бросить ее на рельсы. Я рванул к ней на помощь, но в эту секунду она мелькнула перед моими глазами, и я услышал только ужасный крик и треск от ломаемых костей. С проклятием я выхватил револьвер и хотел выстрелить в убийцу, искаженное злобной радостью лицо которого стояло передо мной, но поезд вдруг прибавил ход и умчался. Что ты скажешь на это видение?

Кутузов, с жадным любопытством слушавший князя, спросил:

— И лицо убийцы было похоже на лицо только что проехавшего господина?

— Как две капли воды, — с жаром ответил князь. — Если бы был хоть малейший повод предполагать здесь убийство, я прямо указал бы на него, как на убийцу.

— И попал бы в неприятнейшую историю, — покачал головой Всеволод Александрович. — По-моему, это — просто совпадение. Ты видел сон, а так как злодеев и убийц всегда принято воображать черными, большеглазыми, свирепыми, то портрет Осокина готов. Бедняк, наверное, и не подозревает, что на него возводится столь тяжкое обвинение.

— Пожалуй, ты и прав, — пробормотал Чарыгин. — А все-таки странно! Очень странно!

— Сбрось ты наконец свою меланхолию. Вот мы и на месте.

Карета действительно остановилась у подъезда ресторана.

При помощи услужливых лакеев и швейцара друзья были с триумфом почти внесены в подъезд и заняли один из роскошных кабинетов.

— А теперь я пойду и за дамами, — весело воскликнул Кутузов, распорядившийся закуской и винами и чувствующий себя как рыба в воде.

Через пять минут Кутузов вернулся, и с довольно кислой физиономией.

— Полное разочарование! — воскликнул он. — Люси не может приехать, а Фражет будет здесь через пять минут.

Радостное волнение охватило Чарыгина.

— Значит, она будет?

— Ты — счастливец! — завистливо произнес Всеволод Александрович. — А мне не везет.

— Ты что же, снова увлекся? — с любопытством спросил князь.

— Влюблен, батюшка, по уши, — с комическим отчаянием произнес старый жуир. — Не девочка, а конфетка. Тебе разве она не нравится? Ведь ты видел ее.

— Не помню, кажется, она очень хорошенькая, — рассеянно ответил князь.

— Ах да, ведь я и забыл, что влюбленные в тетушку никогда не замечают племянниц.

Фражет действительно не долго заставила друзей ждать себя. Благоухающая, элегантная появилась она на пороге кабинета и с чарующей грацией протянула затянутые в перчатки руки Чарыгину.

— Князь! Какое счастье! Я страшно скучала без вашего милого общества! — воскликнула она и в то время, когда он целовал ей руки, коснулась его лба своими горячими губами.

Князя этот поцелуй обжег. Он заметно вздрогнул и побледнел.

— И я... тоже скучал без вас, — смущенно пробормотал он. — Я очень... очень рад видеть вас.

— Так ли это? — пытливо заглянула ему в глаза Бланш. — Есть ли хоть сотая доля правды в ваших словах?

— Поклянись! — посоветовал Чарыгину подошедший к ним Кутузов. — Женщины обожают клятвы.

— Только не я, — серьезно заявила Бланш. — Я люблю правду, и только ее одну, как бы беспощадна она ни была.

— Ну, я думаю, вам ее редко приходится слышать, — смеясь, заметил Всеволод Александрович.

— Тем более она мне желательна на устах кня-

зя, — значительно глядя на последнего, произнесла певица.

— Бросьте этот разговор и давайте приступим к утолению голода! — воскликнул Кутузов. — У меня чертовски разыгрался аппетит! Снимайте шляпу и перчатки, божественная, и за дело! — и, не дожидаясь ни возражения, ни разрешения певицы, он взял ее руки и стал стягивать перчатки.

Через несколько минут они сидели уже за столом. Чарыгин очутился рядом с Фражет, имея услужливого друга напротив, и его обыкновенная робость понемногу стала исчезать от сердечного отношения к нему соседки. В то время как Кутузов занялся обсуждением какого-то блюда с метрдотелем, она наклонилась к нему и тихо спросила:

— Бедный, вы очень страдаете?

— Очень, — жалобно ответил он.

— Мне от души жаль вас, — искренне сказала Фражет. — Старайтесь забыться. Конечно, такую потерю нельзя забыть совсем, но ее можно пережить. Смотрите на меня, как на друга, и будьте со мной искренни! Вдвоем горевать легче.

— Какая вы милая, хорошая! — прошептал князь.

— А вы злой и скверный. Отчего вы раньше не захотели видеть меня?

— Я боялся навязать вам свое горе. Чужое горе только раздражает людей.

— Вы мне — не чужой, и я — не люди, — ласково сказала Бланш, — ваше горе — мое горе. Я не знаю почему, но вы мне кажетесь таким близким, родным. Я страшно тосковала без вас.

— Милая, чудная! — страстно прошептал князь, прижимаясь губами к ее атласной руке.

Искорки торжества забегали в русалочьих глазах дивы.

— Славный мой! — чуть слышно слетело с ее губ.

Кончивший свои прения Всеволод Александрович прервал этот приятный разговор.

— Какое я блюдо заказал, пальчики оближете! — торжественно сказал он. — Его мне в Париже один повар за сто франков продал. Прелесть одна.

— Из чего же оно будет? — спросила Бланш.

— Секрет. Когда подадут, тогда и узнаете.

— А вы — большой гастроном?

— О, я обожаю еду и женщин.

Певица скорчила гримаску.

— Вы женщин приравняваете к еде.

— Женщина — это тоже блюдо. Как последние бывают лакомые и нет, так и женщины. Женщина-жена — это обыкновенное блюдо, иногда постное, иногда невкусное, а иногда и аппетитное. Чужая женщина — это лакомое блюдо. Начнете вы, например, употреблять все одно и то же кушанье, оно надоест вам, а любить одну и ту же женщину — результат тот же.

— Какая кулинарная философия! — улынулся князь.

— Что делать, дружок! До старости дожил на ней, — комически покачал головой Кутузов. — Еда и женщины — вот два кумира, которым я молился всю жизнь.

— Не особенно возвышенны твои кумиры.

— Что делать. Всякому свое! А в общем мы придем с тобой к одному знаменателю. И ты умрешь, и я умру. И ничего мы не оставим потомству.

Грустное облако вновь отуманило прояснившиеся было глаза князя.

— Ты прав, — тоскливо произнес он.

— Господа, бросим скучный разговор о смерти, давайте веселиться! — шутливо постучала стаканом о тарелку Бланш.

— К вашим услугам, божественная! — тотчас отозвался на ее призыв Всеволод Александрович. — Диктуйте вашу программу!

— Прежде всего без философских рассуждений — я их терпеть не могу. Затем налейте мне, князю и себе вина. Третье — поторопитесь с обедом, после которого мы едем кататься. Согласны?

— На все, кроме последнего. После обеда я привык час отдыхать, — возразил Кутузов.

— Тогда мы поедем с князем. Ужинаем же непременно вместе. Кто против моего предложения, поднимите руку! — воскликнула Фражет.

Ничья рука не поднялась.

Начали подавать обед, и разговор на время прервался. Чарыгин казался немного грустным. Фражет слегка дотронулась до его руки.

— Вы ничего не имеете против того, что я вас взяла в плен на сегодняшний вечер? — спросила она.

— Как можно! — с испугом произнес он. — Я

рад, бесконечно рад. Вы — мой ангел-спаситель. Я в вашем присутствии забываюсь.

— О, я быстро вылечу вас! — полушутливо, полусерьезно сказала певица.

— Я буду ваш вечный должник.

— И мой также! — воскликнул Кутузов. — Если бы не я, ты до сих пор лежал бы на полу перед портретом, как язычник перед идолом!

— Я попросил бы тебя... — произнес князь, нахмурившись.

Фражет, предчувствуя ссору, постаралась отвлечь мысли Чарыгина в другую сторону.

— Как вы любили ее! — грустно сказала она. — Как счастлива должна быть женщина, которая принадлежит вам!

— И вы хотели бы быть ею? — дрожа от страсти, произнес князь.

— Безумно! — также шепотом ответила певица.

Кутузов, достаточно приложившийся к бутылкам с винами, ничего не видел и не слышал. Его клонило ко сну.

Обед кончился, и лакеи подавали кофе.

— Как хочется на воздух! — обмахивая платком разгоревшееся лицо, воскликнула певица. — Князь, едем?

— Я весь в вашем распоряжении.

Бланш вскочила из-за стола и, подбежав к зеркалу, стала прикалывать шляпу. Беглый взгляд в зеркало вызвал самодовольную улыбку на ее губы. Она была дивно хороша в эти минуты. Яркая краска, заливавшая щеки, придала особенный блеск глазам, ярко-красные губы так и просили поцелуя, а ноздри точеного носика ходили ходуном.

«Тип вакханки, — подумала про себя певица. — Если он устоит, то не буду я Бланш Фражет. А ведь князь положительно нравится мне. В нем есть нечто, что мне не случалось встречать в прежних моих любовниках. Его нравственная чистота прельщает меня», — и она, улыбаясь, обернулась к князю.

— Едем!

Он вскочил с быстротой восемнадцатилетнего. Кутузов остался в кабинете допивать свой кофе.

— Куда мы поедem? — спросил князь Бланш на подъезде.

— На острова.

Карета помчалась.

— Спустите шторы! — тихо приказала Бланш.

Князь повиновался. Две теплые руки обвились вокруг его шеи. Он потянулся к певице горячими губами и встретил жаркий поцелуй.

IX

БЕЗ ИСХОДА

Таинственный полумрак царил в двух комнатках, занимаемых Люси. Молодая хозяйка очаровательного гнездышка лежала на своей мягкой, роскошной кровати и, впериw в пространство большие, прекрасные глаза, думала невеселую думу.

Жизнь задала ей тяжелую задачу. Позади остался один мрак, впереди предстояли падение, позор, продажа своего тела человеку, одно прикосновение которого заставляло ее содрогаться.

Смерть тоже пугала Люси. Ей до боли было жаль себя, когда она представляла себя в гробу, бледную, разлагавшуюся, и жажда жизни все сильнее и сильнее охватывала юное сердце.

Но где же исход? От Фражет ей нечего ждать пощады, она силой или еще более худшим заставит повиноваться себе, друзей же Люси не имела.

«Куда я денусь в этом большом, холодном городе, если даже убегу отсюда? — задала она себе вопрос. — Я не знаю ни языка, ни обычаев русских. Кто приютит меня?»

Вдруг перед нею, как из тумана, выплыло лицо Суханова, ее парижского друга.

«Разве бежать к нему? — мелькнула мысль. — Нет, это невозможно! Захочет ли он еще принять меня? Там, вдали от родных, я была еще нужна ему, а здесь он забыл обо мне и думать. Ведь не навестил же он меня ни разу, хотя обещал».

Бедняжка и не подозревала, что Фражет два раза отклонила попытки Михаила Суханова к свиданию и приказала лакею никогда не принимать его.

Люси сделалось еще тяжелее. Она хотя и не любила страстно Михаила Матвеевича, но в ней жили теплое чувство к нему и вера в его преданность, а теперь приходилось расстаться с этим чувством.

— Одна, совсем одна... в целом мире, — прошептала Люси с невыразимой тоской, и новый поток слез хлынул из ее глаз.

За рыданиями она не слышала шума осторожно отворенной двери, и только когда чьи-то мягкие, нежные губы дотронулись до ее свесившейся руки, подняла голову от подушки.

— Кто тут? — с ужасом спросила она.

— Я, Люсьеночка, — ответил взволнованный голос Жоржа. — Я, не бойся.

— Ах, это ты, Жоржик! — облегченно вздохнула девушка.

— О чем ты плачешь, моя крошка? — ласково спросил юноша. — Кто тебя обидел?

Люси молчала.

— Отчего ты не хочешь быть откровенной со мной, со своим искренним другом? — не отставал он. — Я, может быть, могу помочь тебе.

— Нет, милый, ты не можешь помочь мне, — тяжело вздохнула она.

— А вот и неправда! — горячо воскликнул Жорж. — Я догадываюсь о причинах твоей грусти и вижу исход.

— Неужели?

— Ну, конечно. Ты плачешь потому, что тетя хочет непременно устроить тебя на содержание. Ведь я прав? Ну, сознайся?

— Да, это правда, — чуть внятно ответила она.

— Не соглашайся, вот и все.

— Она силой принудит меня, — сквозь слезы пробормотала Люси.

Минуты две в комнате царило молчание.

— А знаешь, что я тебе предложу? — снова заговорил юноша. — Беги ты отсюда. Если не хочешь стать такой, как они все, это — единственный исход.

— Куда? — тоскливо спросила она.

— Да и правда... Куда? — смутился Жорж.

— Я сама уже думала об этом, — горячо заговорила Люси, — но ты сам понимаешь, что это невозможно. Будь это в Париже, я нашла бы как просуществовать, но куда я денусь в этом большом, чужом городе. Единственное, что я могу делать, это давать уроки музыки, а кто возьмет меня без диплома, без рекомендаций? А кроме того, тетя всегда может потребовать меня к себе обратно.

— Да, дело скверно, — озабоченно произнес юноша. — Кому же она навязывает тебя?

— Тому господину, которого ты пошел провожать.

— Вот оно что! — удивленно воскликнул Жорж. — А я-то думал!.. Ну, этому не бывать!

— Что же ты можешь поделать?

— Уговорю князя, чтобы он увез тебя.

Молодая девушка, несмотря на обуревавшее ее отчаяние, не могла не улыбнуться.

— И кинешь меня из огня да в полымя? — заметила она. — Нет, милый братишка, твой план никуда не годится. Я не люблю и князя.

— Да разве можно не любить князя? — с искренним удивлением воскликнул юноша.

— Видимо, можно. Сердцу не прикажешь.

— Но в таком случае для тебя нет исхода.

— А смерть? — тихо спросила Люси.

Жорж содрогнулся. С горячим порывом он схватил молодую девушку в свои объятия и, покрывая поцелуями ее мокрое от слез личико, с отчаянием зашептал:

— Милая, дорогая, не говори таких слов! Тебе надо жить, наслаждаться, а не думать о смерти. Пусть умирают старики, а мы, молодые, должны жить и жить. Скажи, что ты пошутила... Успокой меня! Ну, дорогая, любимая!

Люси сделала попытку высвободиться из его объятий.

— Пусти, Жоржик, мне больно.

— Нет, ответь мне сначала. Ведь ты только пошутила?

— Ну, конечно, пошутила, — сказала Люси.

— Постой, постой, — вдруг радостно заговорил Жорж, — я кое-что нашел. Я вспомнил. Тот господин, что приехал с тобой из Парижа, любит тебя? Он хороший?

— Да, он очень хороший, — подтвердила девушка.

— Он приезжал сюда, но ему отказали. Я видел в щелку двери, как это огорчило его. Но тетя Бланш этого хотела. Она запретила мне говорить тебе о его визитах. Он тебя сильно любит... а ты?

— Не знаю... он очень мил, — смутилась Люси. — Во всяком случае, он единственный, которому бы я доверилась.

— Ура, значит, еще не все потеряно!

— Что ты хочешь делать? — испуганно спросила Люси.

— Поеду к нему, объясню, что тебе угрожает опасность, и он тебя укроет.

Молодая девушка печально покачала головой.

— Захочет ли?

— О, непременно захочет, за это ручаюсь! — весело воскликнул Жорж. — Да и кто не захочет укрыть такую красавицу, как ты? Другое дело — сумеет ли он сдержать свой восторг при виде тебя.

— За это я ручаюсь.

— В таком случае за дело. Тетя останется с носом. Только вот не знаю, где он живет...

— Успокойся, у меня есть его адрес, — сказала Люси. — В дороге он получил телеграмму и дал ее мне. Я сейчас найду ее.

Люси проворно вскочила с кровати и подошла к письменному столу, Жорж последовал за нею.

В пылу своей беседы они не заметили, что в дверь, оставленную полуоткрытой Жоржем, давно просунулась чья-то голова, внимательно слушавшая их разговор.

— Ишь, что задумали, чертенята, — прошептала эта голова, когда Люси пошла отыскивать адрес.

Это был Бражелон.

Однако поспешные шаги горничной, раздавшиеся по коридору, оторвали его от приятного занятия.

Быстро юркнув в соседнюю комнату, нечто вроде гардеробной, он переждал там, пока она удалась, и попытался занять старый пост у двери, но это оказалось невозможным. Комнаты Люси ярко осветились электричеством. Юная парочка сидела теперь так, что двери ей были хорошо видны, и старику не осталось больше ничего, как ретироваться.

Впрочем, он знал довольноно.

«Ах, шельмецы! — думал он, крадась воровскими шагами в свою комнату. — Захотели провести Фражетку. Трудно это вам будет, ой, как трудно! На то и дядя Бражелон. Что попало в мои и ее лапы, то уже пропало. Не выскользнуть голубице!» — и он злобно захихикал.

Подслушанное особенно не беспокоило его. Он уже знал от Бланш, что девчонка калпризначает, что Фражет смирится, если не увещеваниями, то колотушками, а на вмешательство Жоржа смотрел, как на детскую забаву.

«Надерет ему уши Фражетка, тогда узнает, как соваться не в свои дела!» — решил Бражелон и спокойно завалился на мягкую тахту, свое излюбленное место с тех пор, как он приехал в Петербург.

Сегодня ему идти никуда не хотелось. Позвонив лакею, он приказал принести из буфета ликеров, закурил дорогую сигару и предался философским размышлениям.

Одиночество старика нарушил Жорж. Юноша вошел в комнату взволнованный, раскрасневшийся, а старик не утерпел, чтобы не заметить:

— Наговорились?

— А вы почему знаете, что я с кем-либо разговаривал? — подозрительно посмотрел тот на него.

— А где же ты иначе был, как не у Люси? Ведь я знал, что ты дома.

— Не суйте своего носа куда не следует, — огрызнулся Жорж.

— Не ты ли, голубчик, именно это делаешь? — подмигивая ему, произнес Бражелон.

— Вы подслушивали? — в упор глядя на старика, пробормотал Жорж.

— А если и так, голубчик? — улыбнулся тот.

— Негодяй! Как вы смели? Подло, гадко вы сделали.

— А не подло и не гадко замышлять каверзы против своей благодетельницы, матери? Ну-ка ответь. И с кем? С какой-то девчонкой. Что она тебе?

— Она — моя сестра.

— Такая же, как я — брат японскому императору.

— Вы лжете! — закричал Жорж.

— Спроси у Бланш, она тебе скажет. Люсьенка — просто подкидыш, щенок, подобранный на улице.

— Тем меньше прав имеет тетя распоряжаться ее судьбой.

Бражелон даже сел при таком ответе.

— Это щенка-то? А благодарность! Да она может убить Люсьенку, и никто не смеет пикнуть. Кто заботился о ней? Кто воспитал ее? Она, Бланш. Кто не дал ей подохнуть от голода?

— Ну, это еще вопрос, подохла ли бы она без вашей помощи и Фражет! — запальчиво крикнул юноша.

Жилы на лбу старика надулись.

— Ты вот как заговорил, мальчишка! Это против своей матери? Хорошо-с.

— Она мне такая же мать, как японская императрица. Отвечаю вашими словами. Я вижу, что, где вам выгодно, вы находите родство, а где нет — отрицаете! Меня больше не проведете.

— Ты сомневаешься в моих словах?

— Конечно! Если Бланш — не чужая мне, то не чужая она и Люси. Иначе и я ей — чужой.

— Ты девчонку ставишь выше женщины, положившей в тебя всю свою жизнь?

Горький смех вырвался из губ юноши.

— Оставьте громкие фразы, дядя Мишель! — тихо сказал он. — И я, и вы отлично знаем, что никто ничего не положил в меня, а менее всего тетя. Она жила и живет в свое удовольствие, а из меня сделала лишь своего прихвостня.

— Неблагодарная каналья! — злобно крикнул Бражелон. — Много бы нашлось охотников пожить на твоём месте.

— Не спорю, но я-то не очень этим доволен.

— Подожди, я выведу тебя на чистую воду, твои шашни с девчонкой! Заговоры вздумал устраивать, мошенник! — закипятился старик.

Жорж побледнел.

— Вы не смеете рассказывать ничего тете!

— Не ты ли мне запретишь, щенок? Молод очень, не тебе учить меня.

— Я вам запрещаю!..

— Ха... ха... ха!..

Этот наглый смех взорвал Жоржа. Кровь внезапно хлынула ему в голову, и, не помня, что он делает, он схватил старика за горло и стал душить.

— Не скажешь... не скажешь! — как в бреду, твердил он, сжимая Бражелона все сильнее.

Тот захрипел в предсмертном ужасе.

Этот страшный хрип привел юношу в себя. Со страхом и отвращением отшвырнул он тело старика, впавшего в беспамятство, и с отчаянием схватился за голову.

«Убийца! Убийца! — как молния пронеслось у него в голове, и он беспомощно оглянулся кругом. — Что делать?»

Мысль о бегстве пришла первой. Не соображая,

куда и зачем он бежит, Жорж выскочил из комнаты и бросился по коридору. Навстречу ему шла Люси.

— Куда ты? — остановила она его, когда он хотел проскочить мимо нее.

— Надо бежать, надо бежать, — задыхающимся голосом произнес юноша.

— Бежать? Куда? Зачем?

— Куда-нибудь... все равно. Надо спрятаться... я убил дядю Мишеля. Клянусь, нечаянно. Он хотел сплетничать на тебя и меня... он нас подслушал. Я его задушил.

— Может ли это быть, Жорж? Ты бредишь, — пробормотала молодая девушка, задрожав.

— Нет, это правда. Иди посмотри. А я побегу.

— Куда же? — спросила Люси.

Этот вопрос поставил юношу в тупик.

— Да, куда? — растерянно пробормотал он. — Я не знаю, я совсем не знаю. Ах, что я наделал!

— Но он, может быть, вовсе не умер? Ты наверно знаешь, что он мертв?

— Он захрипел так ужасно, так страшно.

— Пойдем посмотрим, — посоветовала она.

— Идти туда? Нет, это невозможно! Для меня теперь один исход — пулю в лоб.

— Жорж, дорогой, не делай этого! — испуганно вскрикнула Люси. — Подумай, ты только что сейчас отговаривал меня от смерти, а теперь сам ищешь ее. Ведь мы молодые. Кто осудит тебя? Ведь это случилось нечаянно.

— Но ведь мне предстоит суд, ссылка, — безнадежно поник головой юноша.

— Неправда, этого не может быть! Я буду говорить за тебя. Тебя оправдают. Бражелон был злой, скверный человек; кому он нужен? Наконец, на кого ты оставишь меня? Подумай, я погибну.

— Бедная девочка! Ты права. Но ведь, сидя в тюрьме, я буду бесполезен тебе.

— Все равно. Только не умирай!

Внезапно лицо Жоржа прояснилось.

— Хорошо, — сказал он. — Я не умру. Но ты будешь в надежных руках. Не держи меня больше, я пойду... мне надо, — и, не слушая возражений Люси, он быстро вышел.

Люси прислушалась, как за ним захлопнулась дверь, и, глубоко вздохнув, тихими шагами отправи-

лась в комнату, из которой только что выбежал Жорж. Последний, выбегая, захлопнул дверь за собой, и теперь молодая девушка, очутившись перед нею, долго не решалась прикоснуться к ручке. Наконец, собрав все свое мужество, она открыла дверь.

Крик изумления вырвался из ее груди. Мнимо убитый сидел на диване и во все глаза смотрел на нее.

— Вы живы? — чуть слышно пробормотала Люси, пятясь.

— А ты пришла порадоваться моей смерти? — хрипло крикнул старик. — Убирайся, негодяйка!

Люси вдруг радостно засмеялась.

Х

поздний гость

Больной Николай Владимирович Мравин задремал. Суханов, тихим голосом читавший ему книгу, закрыл ее и, сладко зевнув, потянулся к ночному столику за часами.

Последние показывали десять часов вечера.

«Через полчаса дам ему лекарство и на боковую», — пронеслось в голове Суханова, и он зевнул еще раз.

Михаил Матвеевич сильно изменился со времени своего приезда в Петербург. Он побледнел, похудел, под глазами виднелась синева, а черты лица обострились.

Отдав дань дружбе, приютив у себя раненого Мравина, он надолго лишил себя жизненного комфорта, но это не расстраивало его. С нежностью брата ухаживал он за ним и, несмотря на то что была взята сестра милосердия, сидел около больного по ночам, уверяя всех, что его мучает бессонница и для него истинное спасение находится в это время около больного.

Его дружба с Николаем Владимировичем приняла теперь характер родственной близости, что было и понятно, когда Михаил Матвеевич узнал о помолвке Елены со своим выздоравливающим другом.

Как и мать, он в первый момент возмущился признанием сестры, но, выслушав затем ее горячее объяснение, примирился и даже обрадовался совершившемуся факту. Для него ее замужество оказалось прямо-та-

ки манной небесной. Помимо того что мать и сестра являлись материально обеспеченными на всю жизнь, его друг предложил ему наблюдать за управлением всеми своими имениями, которых у него было пять в разных губерниях и которые немилосердно обкрадывались управляющими.

С этой точки зрения все улыбалось Суханову. Он одно время увлекался агрономией, изучал сельскую жизнь и не видел особенных затруднений на новом поприще, но его сердечная рана не заживала, и ее боль сушила его; сгоняла краску с лица, заставляла проводить ночи без сна.

Образ Люси неотступно преследовал Михаила Матвеевича. До него доходили слухи, что она веселится, готовится к блестящему дебюту, имеет массу поклонников, но сердце все-таки рвалось к ней, несмотря на полную безнадежность найти когда-нибудь отклик.

В первые дни по приезде он несколько раз делал попытки видаться с Люси, даже часами ходил около дома, где она жила, но безуспешно — злой рок точно преследовал его. Он немилосердно ругал себя за то, что не сумел раньше открыть любимой девушке свое сердце, а также и тайну ее рождения, но теперь поправить сделанное было невозможно.

В эгоизме личного счастья Мравин не замечал перемены в своем друге, иначе он встревожился бы, до того разительным изменился последний.

Вот и сейчас Суханов закрыл глаза, и, несмотря на зевки, даже легкая дремота не сковала его мыслей.

«Опять, пожалуй, не усну ночь, — с досадой подумал он. — Вот гадость!»

Он хотел встать и пройти в другую комнату, когда заметил, что Мравин смотрит на него во все глаза.

— Ты не спишь? — сказал Михаил Матвеевич. — А я думал...

— Нет, я только закрыл глаза. Ты устал читать. Ну, и довольно, не надо.

— Не хочешь ли чего-нибудь?

— Посиди со мной, вот мое желание. Поговорим о ней.

Суханов невольно улыбнулся.

— Да ведь, кажется, все переговорено. Ну, Елена — милая, хорошая, добрая, красивая, что же еще?

— Расскажи что-нибудь из ее детства, — капризно попросил больной.

Михаил Матвеевич не успел открыть рот, чтобы исполнить его просьбу, как до их слуха донесся громкий звонок в наружную дверь. Друзья переглянулись и стали прислушиваться.

Вот на звонок поспешно выбежала горничная, затем хлопнула дверь, послышались голоса, и Николай Владимирович испуганно сказал:

— Кажется, к нам...

У обоих упало сердце. Мысль, не случилось ли чего с близкими им женщинами, пронизала мозг обоих. С тревожным ожиданием оба смотрели на дверь.

— Сударь, позвольте, я доложу, — донесся голос горничной, видимо удерживавшей позднего посетителя.

— Нет, нет, оставьте меня, я спешу, — ответил тот.

Когда он вошел в комнату, друзья одновременно вскрикнули от удивления. Перед ними стоял Жорж Фражет.

Юноша был взволнован и бледен. Изысканно поклонившись Суханову и Мравину, он по-французски попросил удалить последовавшую за ним горничную.

— Я должен говорить с вами наедине, — сказал он, энергично подчеркивая слова. — Дело крайней важности и близко касающееся мосье Суханова.

Последний, испуганно насторожившийся, поспешил отпустить горничную и придвинул посетителю стул.

— Я к вашим услугам.

— Это — ваш друг? — кивнул Жорж на больного.

— Истинный и неизменный.

— Значит, я могу говорить при нем?

— Конечно, без всякого стеснения.

— Хорошо. Я не знаю, узнали ли вы меня, но я вас узнал, хотя видел всего один раз, на вокзале.

— Мосье Фражет?

— Угадали. Мосье Мравин, я думаю, хорошо знает меня, хотя я с ним мало знаком. Но дело не в том. Я пришел от Люси.

У Михаила Матвеевича захватило от радости дух.

— Она, значит, помнит меня? Вот счастье! — воскликнул он.

— Не только помнит, но любит и уважает. Теперь она прибегает к вам, как единственному защитнику в целом свете, — горячо сказал Жорж.

— Возможно ли это? Но что же ей угрожает?

— Позор, который она не в силах перенести. Женщина, имеющая несчастье считаться благотельницей и родственницей, как моей, так и Люси, хочет продать ее старому развратнику. Бедняжка готова лишиться себя жизни. Спасите ее!

— Но как? Чем? — с отчаянием крикнул Суханов.

— Я придумал, — продолжал Жорж. — Надо устроить бегство Люси. Спрячьте ее в укромном уголке до поры до времени, а затем устройте куда-нибудь в гувернантки. Ведь вы любите ее, я знаю. Не дать же ей погибнуть.

— Я обожаю ее! — страстно вырвалось из груди Михаила Матвеевича.

— Вы думаете, мадемуазель Фражет легко расстанется со своей добычей? — вмешался в разговор Мравин.

Лицо Жоржа исказилось.

— Она не будет подозревать, кто сделал это. Единственные свидетели этого заговора — я и Люси. Третий уже молчит, я тоже скоро замолчу.

Рокового смысла его слов друзья не поняли.

— В таком случае можно попробовать, — сказал Николай Владимирович. — Надо отвезти ее в одно из моих имений.

— Какой вы добрый мальчик! — горячо пожал руку Жоржа Суханов. — Вы очень любите свою сестру?

— Она — единственная, которая любит меня, — просто ответил тот. — Так вы обещаете вырвать ее из рук тети Фражет?

— Конечно!

— Поклянитесь!..

Эта просьба удивила Суханова.

— Хорошо, клянусь! — с недоумением произнес он.

— Теперь я вам верю, — сказал юноша. — Идите завтра в три часа в Пассаж и ждите там Люси. С нею и сговоритесь о дальнейшем. Больше мне некогда разговаривать с вами. Мне пора. — Он встал и протянул друзьям руки. — Помните свою клятву. Спасите Люси!

Он почти выбежал из комнаты.

— Сон это или наяву? — счастливо улыбнулся Суханов.

Мравин, все еще смотревший вслед исчезнувшему гостю, обратился к другу:

— Не кажется ли тебе, что его не следовало выпускать от нас одного?

— Это что за вопрос? — удивился тот.

— Он что-то замыслил дурное, — задумчиво уронил Николай Владимирович.

ХІ

ТРЕВОГА МАТЕРИ

Только в три часа ночи вернулась Фражет домой. Князь провожал ее до самого подъезда, и певица, обменявшись с ним горячим поцелуем, легко выпрыгнула из кареты.

— До завтра, — крикнул ей Чарыгин каким-то помолодевшим, возбужденным тоном.

— Да, да, милый! — в тон ему ответила Бланш, весело кивая головой. — До завтра.

Карета отъехала.

Приехав домой, Бланш нажала пуговку электрического звонка, проведенного в швейцарскую, и почти тотчас же дверь отворили. Мурлыкая себе под нос какую-то шансонетку, Фражет быстро поднялась по лестнице, достала из ридикюля ключ от двери и отворила ее.

Ее удивило обстоятельство, что прихожая была освещена.

«Опять Жанна забыла потушить электричество, — с досадой подумала она, раздеваясь. — Этакая разиня!»

Повесив свое шикарное мантио на вешалку, Бланш прямо прошла к себе в спальню. Яркий свет лился и из последней.

«Да что это? Жанна с ума сошла?» — внутренне рассердилась певица и протянула уже руку, чтобы позвонить горничной, как вдруг последняя сама появилась перед нею, расстроенная и бледная.

— Что это за освещение? — строго спросила Фражет.

— Простите, но... такое происшествие...

— Что случилось?

— Я не могу ничего объяснить... но вот старый барин ждет вас. Они просили вас тотчас к себе.

У Бланш забилося сердце, и она, не спрашивая

далее горничной, быстро пошла на половину Бражелона.

Последний встретил ее, сидя на диване. Его лицо было злобно, и нехорошие огоньки бегали в глазах.

— В чем дело? — прямо спросила Бланш, дурные предчувствия которой усилились дорогой в эту комнату.

— А то, что твой щенок чуть не убил меня, — сердито ответил Бражелон.

— Кто? Жорж?

— Один он у тебя. Хорошо, что я старый актер и сумел притвориться умирающим, чем и испугал его, а то меня не было бы уже в живых. Мальчишка вздумал душить меня за горло.

— Из-за чего у вас вышло? — спросила Фражет.

Бражелон злорадно улыбнулся.

— О, тут целая история! Твой милый мальчик вздумал выступить защитником Люсьенки и уговаривал ее бежать от тебя. Как это тебе нравится?

Фражет побледнела.

— Дальше, дальше! — пробормотала она.

— Я, конечно, подслушал их милый разговор и сказал твоему Жоржику, что выдам его. Он сначала закричал на меня, что я не посмею сделать это, а затем бросился душить меня.

— И это — все?..

— Нет еще. Когда я захрипел, мальчишка выпустил меня из своих рук и, вообразив, что убил меня, скрылся из дома.

У Бланш подкосились ноги.

— И до сих пор не возвращался? — с дрожью в голосе спросила она.

— Нет! Черт его знает, куда он унесся. Люсьенка говорит, что он хотел лишиться себя жизни.

Стон, похожий на рев, вырвался из груди певицы. С искаженным лицом она рванулась к старику и схватила его за плечи.

— Ты убил мне его! — дико закричала она. — Отдай мне моего сына! Отдай!

Бражелон не на шутку испугался.

— Да я-то тут при чем? — растерянно пробормотал он. — Я только защищался. Не дать же мне было ему задушить себя, как курицу.

— Где он теперь? Где?

— Черт его знает. Я уже посылал Жанну к Дюва-

лю, думал, мальчик там, но его не оказалось. Бешеный какой-то.

Фражет, выпустив плечи старика, в изнеможении опустилась на стул.

— Неужели он убил себя? — побледневшими губами прошептала она.

Инстинкт матери впервые заговорил в ней. Ее сердце разрывалось от боли, когда она представляла себе своего жизнерадостного мальчика мертвым, может быть, изуродованным.

«Вот возмездие за прошлое! — молнией мелькнула у нее мысль. — Но нет, этого не может быть».

Она энергично вскочила.

— Ты звонил в участки? — спросила она Бражелона.

Тот отрицательно покачал головой.

— Иди позвони, а также во все больницы. Я пойду к Люси, может быть, она наведет меня на след.

Старик насмешливо свистнул.

— Дождись. Девчонка рехнулась. Хохочет как бешеная. Насилу Жанна увела ее отсюда.

— Это — уж мое дело, — нахмурившись, ответила Бланш. — Иди, куда тебя посылают.

Кряхтя и вздыхая, Бражелон слез с дивана.

Фражет проводила его до комнатки, где был установлен телефон, а сама твердой походкой направилась на половину своей воспитанницы.

Люси она нашла в постели. Около девушки была Жанна, с материнской заботливостью поправлявшая на ней одеяло и при входе своей госпожи испуганно отскочившая в сторону.

Молодая девушка, казалось, спала. Ее щеки ярко пылали, губы вздрагивали и весь облик был так необыкновенно возбужден, что даже ничему не удивлявшаяся певица растерянно спросила горничную:

— Что с нею?

— Несуразное все говорит, мадемуазель, — ответила Жанна, — то плачет, то смеется. Насилу я ее угомонила.

— О чем же она говорит?

— Все о молодом барине. Кричит, что он застрелился и что этого не надо было делать, так как покойник воскрес.

Бланш подошла к постели и положила на лоб Люси руку.

— Ого, какой жар! — испуганно сказала она. —
Надо доктора сейчас же. Позвоните Фалькенсону.

— Слушаюсь.

Жанна хотела выйти из комнаты.

— Постойте! — остановила ее Фражет. — Не ходите! Я позвоню сама, — и, шурша юбками, Бланш вышла из спальни.

Бражелона она застала злым и недовольным. Он никак не мог дозвониться до нужных ему номеров.

— Ничего? — тревожно спросила певица.

— Пока ровно ничего, — с сердцем ответил он.

— Дай мне трубку! — приказала Фражет.

Старик с радостью передал трубку, и Бланш принялась энергично звонить.

Ответы повсюду были отрицательные. Следов Жоржа не находилось.

Когда была наведена справка в последней больнице, Фражет с сердцем повесила трубку и сказала упавшим голосом:

— Значит, его еще не нашли.

— Или он жив и здоров! — воскликнул старик.

Глаза Бланш засияли надеждой.

— Может ли это быть?

— Не будет же он так глуп, чтобы лишиться себя жизни!

— Но он думает, что он — убийца.

— Да ведь и мы с тобою — убийцы, а живем, — с грубым смехом сказал старик.

Бланш пошатнулась, как от пощечины.

— К чему, к чему ты сказал мне это? — с ужасом пробормотала она. — В такую минуту...

— Да просто к слову, — спокойно ответил Бражелон.

— Ужасный человек!

Она в волнении закрыла лицо руками.

— Что делать? Что делать?

— Идти спать и помнить мудрую пословицу, что утро вечера мудренее. Ну, а что Люсьенка? — спросил он.

— Больна, бредит. Ах, я и забыла, что ей надо доктора, — опомнилась певица и зазвонила по телефону.

Старик незаметно улизнул из комнаты и, как ни в чем не бывало, улегся спать.

Фражет металась всю ночь, как раненая львица.

Рано утром Жанна доложила ей, что ее желает видеть какой-то мужик по важному делу. Фражет поспешила выйти в большую, безукоризненно чистую кухню.

Там около двери, переминаясь с ноги на ногу, стоял невзрачный, маленький мужичонка. Он мямлил в руках истрепанную фуражку, бросая боязливые взгляды на толстого повара, писавшего счет за столом, и затем переводил их на дверь, в которую только что проскользнула Жанна с докладом к барыне. С ним никто не разговаривал, никто его не расспрашивал, и это сильно смущало его.

Но вот его ожидания кончились. Дверь, ведущая во внутренние комнаты, быстро распахнулась, и на ее пороге появилась Фражет. Ее под локоть поддерживала горничная, так как певица от слабости еле передвигала ноги.

— Кто ты такой? Что тебе надо? — торопливо спросила она, испытующе вглядываясь в лицо мужика.

Фуражка в его руках задвигалась сильнее.

— К вашей милости, то есть... С письмецом-с, — запинаясь, произнес он.

— Письмо? Какое письмо? — вскрикнула Бланш.

— Да тут один барин дал-с... велел снести. Вам, видно...

У Фражет сильно забилося сердце.

— Где оно? Давай его сюда! — рванулась она к мужику.

— Тут-с оно... при мне... не изволите беспокоиться, — и мужик сунул руку за пазуху.

Бланш почти вырвала у него белый измятый конверт, дрожащими руками распечатала его и, пробежав написанные на листе почтовой бумаги несколько строк, как подкошенная упала на руки подбежавшей Жанны.

— Воды, скорей воды! — закричала та засуетившемуся повару, и общими усилиями они стали приводить в себя барыню.

Мужик потоптался немного на месте и, никем не удерживаемый, пошел из кухни.

Фражет быстро пришла в себя. Первый вопрос ее был о принесшем письме.

— Где он? Где? — спросила она.

— Ушел, должно быть, — ответила горничная.

— Вернуть во что бы то ни стало! Бегите за ним, догоните. Я должна видеть его! От этого зависит все.

Повар бросился исполнять приказание.

Мужик действительно не ушел далеко. Он присел на лестнице отдохнуть и через минуту был снова в квартире.

Певица набросилась на него с расспросами.

— Когда тебе барин дал это письмо?

— Да так часов в двенадцать ночи.

— Где? На какой улице?

— В Старой Деревне я живу. Был я тут, значит, у приятеля, шел домой, а у Строганова моста мне навстречу барин и попадись.

— Один?

— Как есть один. Остановил он меня, я было испугался, а он таково кротко говорит: «Не можешь ли ты, голубчик, последнюю просьбу человека исполнить?» Я говорю: «Отчего же, можно».

— Последнюю! — с отчаянием прошептала певица.

— «Вот, — говорит, — тебе письмо и рубль, — продолжал мужик, — отнеси ты это завтра по адресу раненько утром и отдай!» Я так и сделал.

— И больше ничего?

— Как есть ничего. Взял я письмо и принес сюда. Кажись, не перепутал? — и мужик вопросительно посмотрел на жадно слушавшую его Фражет.

— Нет, нет. Скажи, ты не заметил, в какую сторону пошел этот барин, расставшись с тобою?

— Как же, приметил. Прямахонько через мост, к Елагину, значит.

— Боже мой, он утопился! — дико закричала Бланш. — Несчастный прав, я никогда больше не увижу его! — и она с рыданиями выбежала из кухни.

Жанна бросилась за нею.

Мужичонка еще минуты три потоптался на месте, а затем обратился к изумленно тарашившему глаза повару:

— Можно идти, что ли?

— Иди, иди, любезный, — махнул тот рукой.

Бражелону снился неприятнейший сон, когда кто-то грубо и резко потряс его за плечо. Он открыл глаза и хотел выругаться, но с изумлением узнал в нарушителе своего сна Фражет.

Вся бледная и грустная стояла она над ним и трясла в руке какую-то бумагу.

— Что ты? — приподнялся с подушки старик.

— Читай! — коротко приказала Бланш, передавая ему письмо, принесенное мужиком.

Он послушно стал читать.

«Тетя! — стояло там. — Я ухожу от вас навсегда. Вы никогда больше не увидите меня... Причину вам нечего объяснять... вы сами поймете. Будьте милосердны к Люси, вот моя последняя просьба... Не проклинайте... Жорж».

— Ну? — спросила Бланш, когда Бражелон кончил.

— Глупый мальчишка, и более ничего, — смущенно пробормотал старик.

Певица смерила его холодно-злым взглядом.

— Ага, ты трусил, Мишель... Ведь это ты убил его! Ты. Тебе мало было прежних жертв, ты захотел новых.

Бражелон испуганно нырнул под одеяло и закричал:

— Оставь меня в покое!

— Врешь, старый мошенник, я не оставлю тебя в покое. Я должна отомстить! Ты не будешь больше торжествовать... Ручаюсь тебе! — с безумным хохотом Фражет схватила лежавший на ночном столике револьвер. — Вот эта игрушка расквитается с тобою за все, злодей! — возбужденно продолжала она. — Ты отнял от меня самое дорогое — моего сына, я отниму у тебя жизнь, так как ты только ее и ценишь.

Она с диким наслаждением смотрела, как старик корчился от страха.

— Бланш, пощади! — шептали его посиневшие губы.

— А ты щадил меня, когда своим гнусным приговором довел моего мальчика до самоубийства?

— Я действовал в твоих же интересах, — простонал Бражелон.

— Лжешь, негодяй! Ты боялся, если ускользнет Люсьенка, не получить своей доли.

— А мечь... ты забыла ее?

— Я проклинаю эту мечь! Я жила ею всю жизнь, но, видно, Бог не хочет злого дела.

— Да ведь Люсьенка в твоих руках, не ускользнула.

— Да, не ускользнуло ее тело, а душа... душа, наверно, отлетит туда же, где мой бедный Жорж.

Бражелон, несмотря на то что на него было направлено дуло револьвера, сел на кровати.

— Что ты говоришь? Не может быть! — закричал он.

— У Люсьены воспаление мозга, — холодно отчеканила певица. — Ты теперь видишь, что ни мне, ни тебе больше нечего делать на этом свете.

Минутная храбрость старика мигом улетучилась. Он вновь нырнул под одеяло и жалобно застонал.

Бланш нажала курок.

«Убью его, а потом себя», — хладнокровно решила она и готова была привести в исполнение свой страшный план, но в это мгновение почувствовала, что ее вдруг кто-то сильно ударил по руке, отчего револьвер упал на пол.

Разгневанная, она обернулась назад и увидела бледную, дрожащую Жанну. Девушка, последовавшая за барыней из кухни, все время стояла, притаившись у двери, и в нужный момент явилась на помощь.

— Как ты смела? — задыхаясь, крикнула певица.

— Опомнитесь, мадемуазель! Что вы хотели сделать? — умоляюще залепетала горничная. — Разве можно... беззащитного старика...

А «беззащитный старик» в это время не терял дорогого времени. Быстрее молнии он схватил упавший револьвер, соскользнул с кровати и, отскочив в противоположный угол комнаты, в свою очередь направил его на Фражет.

«Попробуй теперь тронь!» — говорила его поза.

Бланш, сдвинув брови, смотрела то на старика, то на Жанну.

— Чтобы вас обоих не было сегодня в моем доме! — наконец проговорила она. — Вон, сию же минуту!

Жанна заплакала.

— Мадемуазель, простите, — взмолилась она. — Я, право, не виновата. Позвольте мне остаться ухаживать за мадемуазель Люси. Мне так ее жалко.

Бланш мрачно посмотрела на нее.

— Я не беру своих слов назад. Вам отказано, и кончено.

Девушка, рыдая, вышла из комнаты.

— И ты живо вон из моего дома! — крикнула старику Фражет.

— Через полчаса меня не будет, — озлобленно ответил он. — Смотри только не раскайся!

ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

На другой день Суханов в назначенное время был на месте свидания. С радостным нетерпением он вглядывался в проходивших мимо женщин, ища в их лицах знакомые дорогие черты, но — увы! — Люси между ними не было. Прошло полчаса, час, два, а она все не приходила.

Радостное настроение молодого человека прошло. Он теперь уже смотрел тоскливо, но все же не решался уходить, питая смутную надежду, что девушка могла запоздать.

«Еще подожду полчаса», — думал он, измеряя Пассаж большими шагами.

В шесть часов последняя надежда покинула его.

«Что бы это могло значить, что она не пришла?» — в тысячный раз задавал себе вопрос Михаил Матвеевич и не находил на него ответа.

В словах Жоржа он почему-то не сомневался. Тон юноши был слишком искренний, взятая клятва исключала всякое недоверие, да и с какой целью последний стал бы притворяться? Суханов скорее был склонен думать, что Фражет провела о готовившемся бегстве и преградила Люси дорогу.

«Иначе не может быть, — решил он. — Ну, да мы еще поборемся!»

С этой воинственной мыслью он покинул Пассаж.

Мравин ждал его с нетерпением. Когда Михаил Матвеевич вошел в его комнату с мрачным лицом, больной разочарованно воскликнул:

— Не пришла?!

— Нет, — отрицательно покачал головой Суханов.

— Значит, Фражет надул тебя.

— С какой целью? Я сам сначала так думал, но потом не нашел для этого достаточных оснований.

— Просто сыграл с тобой шутку.

— Нет, этого не может быть!.. С какой бы стати он стал являться ко мне сам, имея он такую цель? Достаточно было одной записки... А потом, его необыкновенный вид, его волнение... Нет, я положительно не сомневаюсь, что Люси угрожает опасность.

Николай Владимирович согласился с ним.

— И эту опасность, к сожалению, мы не в силах теперь устранить, — сказал он.

— Нет, это не так, — горячо запротестовал Суханов. — Я не отступлю. Когда я не был уверен в намерениях Люси, я мог молчать, но когда я знаю, что она не хочет стать падшей женщиной, что ей милее смерть, я должен спасти ее. Это — мой долг!

— Но как?

— У меня нет определенного плана, но сердце подскажет мне его. Пора наконец приняться за гнусную женщину, источник коварства и зла. Я теперь понимаю, почему ее сообщник Бражелон так охранял нравственность Люси там, в Париже, они хотели продать ее здесь подороже. Но это им не удастся — я на страже.

Мравин с участием посмотрел на своего друга.

— По силам ли тебе будет эта борьба? — спросил он. — Ты — прямой, честный, а от той женщины можно ожидать всего. Эта обольстительная пантера способна даже на убийство. Не один наш брат пустил себе пулю в лоб на ее пороге. Все, на кого она обращала внимание, не миновали ее чар. Она чертовски красива и не менее чертовски умна. Это — сам дьявол, уверяю тебя.

— Попробуем побороться и с дьяволом! — решительно сказал Михаил Матвеевич. — У меня есть талисман против него — это крест, переданный мне покойной любовницей Бражелона.

— Ну, вряд ли он сослужит тебе службу. Ты все еще надеешься, что при помощи его раскроешь тайну рождения Люси?

— Не только надеюсь, но уверен.

— Фантазер! Если вся эта история действительно не вымышлена, то подумай, разве может что-нибудь доказать кусок золота, почти расплавленный?

— Крест цел, только почернел.

— Однако ты забываешь, что на нем не может быть никаких примет.

— Но есть особенности. Я внимательно разглядывал крест, в нем уже та особенность, что распятие на нем не вычернено, а выпуклое и чрезвычайно изящной работы. Такие вещи — редкость, и мне кажется, не многие магазины имеют их.

— Как определить, в каком городе крест куплен?

— Но я же тебе говорил, что Люси, несомненно, русская.

— Ах, милый мой, не обольщай себя напрасными надеждами! Лучше подумай, как спасти ее от падения, а потом уже займемся исследованием ее прошлого.

— Ты не отказываешься помогать мне в этом? — радостно воскликнул Суханов.

— Я весь к твоим услугам, — протянул ему руку Николай Владимирович. — Твое счастье мне так же близко, как и свое. Ведь теперь мы — братья. Располагай мною, как собой.

— Спасибо, дорогой! Вдвоем мы победим.

— Втроем, — подчеркнул Мравин. — Ты, надеюсь, не забыл, как в первый вечер нашей встречи я советовал тебе обратиться за помощью к знакомому мне сыщику. Так вот теперь я настаиваю на этом плане. Ты немедленно поедешь к нему, он один в состоянии нам помочь. Это — изумительный человек! Если он возьмется за твое дело, ты можешь считать его выигранным. Он не уступит в ловкости и хитрости мадемуазель Фражет. Это — только чертовски умный и смелый малый.

— Кто он?

— Никто не знает. Несомненно, он — не русский, но прекрасно говорит на нашем языке. Образован он всесторонне, с ним можно говорить положительно обо всем. Кроме того, он знает массу языков, даже арабский и индийский. Можно подумать, что он много лет жил в каждой стране света.

— Значит, он — старик?

— Наоборот, он еще молод — ему не более тридцати пяти лет.

— Да он — феномен!

— В полном смысле этого слова! — серьезно подтвердил Мравин. — Ты знаешь, я завидую тебе, что ты увидишь его. С каким удовольствием бы я отправился с тобою.

— Ты убежден, что он поможет мне?

— Если твое дело не безнадежно.

— Ему, может быть, придется дорого заплатить? — с тревогой спросил Суханов.

— Об этом не заботься. Позволь мне оказать тебе эту услугу. Иной, пока я в постели, оказать тебе не могу.

Михаил Матвеевич горячо поблагодарил друга, а затем спросил:

— Когда же мне отправиться к этому сыщику?

— Конечно, немедленно! Тебе придется немало потрудиться, чтобы разыскать его. У него несколько квартир и лишь одна официальная. Мы с ним сошлись, и он открыл мне их адреса: я дам тебе их, и ты поезжай.

— Пойжди! Ты не сказал мне главного — его имени, — вспомнил молодой человек.

— Ах, да! Он мне назвался Юрием Александровичем Грозовым, но, конечно, это имя вымышленное. Я и не осуждаю его за такую осторожность. При его ремесле это необходимо.

Суханов горел желанием отправиться поскорее.

— Дай мне адреса!

— Поднимись ко мне и в правом ящике стола найдешь портфель, а в нем нужный документ. Вот ключи! — и больной, вынув из-под подушки связку ключей, передал их другу.

Молодой человек чуть ли не бегом кинулся в пустующую квартиру Мравина. Быстро отпер он ящик стола, достал портфель, и через минуту в его руках очутился листок с надписью: «Адреса Юрия Александровича Грозова». С такой же быстротой совершил он и обратный путь по лестнице.

Через четверть часа извозчик тряс Суханова в своей пролетке по первому из адресов.

Михаилу Матвеевичу посчастливилось по первому же данному адресу найти Грозова дома.

Сыщик занимал квартиру на втором этаже, окнами на улицу, очень хорошо обставленную, ничто не напоминало в ней о таинственной профессии хозяина. Лакей, с интеллигентным, умным лицом, провел Суханова в гостиную и попросил садиться, говоря, что барин сейчас выйдет.

Сыщик действительно не заставил себя ждать. Это был высокий, стройный господин, очень элегантно одетый, с интересным бледным лицом и большими темно-серыми глазами. Он не носил ни усов, ни бороды, и потому его энергично очерченный рот обращал на себя внимание каждого и придавал особенную прелесть его лицу. Окинув быстрым взглядом своего гостя, Грозов медленно подошел к нему и вопросительно произнес:

— С кем имею честь говорить?

— Суханов, Михаил Матвеевич, — поспешил представиться молодой человек. — Я к вам от моего лучшего друга, Николая Владимировича Мравина.

Серьезное лицо Громова осветилось улыбкой.

— Ага! Очень приятно. Ваш друг поправляется?

— Вы знаете? — удивленно вырвалось у Суханова.

— Что он ранен? Конечно!.. Я думаю, вы осведомлены о моей профессии?

— Да, и даже приехал за вашей помощью. Меня удивил ваш вопрос потому, что в газетах почти не было сообщений об этом. Только в одной была маленькая заметка.

— Я знал об инциденте с ним и без газет, — улыбаясь, ответил сыщик. — Это — наша обязанность.

— Да, да, я забыл. Скажите, вы свободны теперь и можете взяться за мое дело?

— Если оно интересно и требует сообразительности, то с удовольствием, — с легким поклоном ответил Громов. — Я думаю, мосье Мравин говорил вам об этом? Дело о простой краже или об убийстве с выяснением личности убийцы не для меня. Я — сыщик-дилетант и работаю не для денег.

— Я знаю все это и потому обратился к вам, — с жаром перебил его Михаил Матвеевич. — Дело такого рода, что полиция мне не в силах помочь. Не знаю, удастся ли это и вам. Речь идет о преступлении, совершенном много лет тому назад.

Глаза сыщика загорелись.

— В таком случае рассказывайте! — воскликнул он. — Конечно, это преступление не было раскрыто?

— Не знаю, но думаю, что так, потому что одна жертва его жива и находится в руках своих палачей.

— И эта жертва — женщина? — полувопросительно, полуутвердительно сказал Громов.

— Почему вы угадали? — удивился Суханов.

— О, это было нетрудно! — углами губ улыбнулся сыщик. — Стоит посмотреть на вас, чтобы убедиться, что вы влюблены, и именно в ту особу, о которой пришли хлопотать. Ведь я угадал, что именно с этой стороны вы причастны к приведшему вас ко мне делу?

— Да, это верно, — смутился молодой человек.

— Итак, жду подробностей.

Сыщик удобнее опустился в кресло и, полузакрыв глаза, приготовился слушать.

Михаил Матвеевич, не называя имен, подробно изложил ему всю историю знакомства с Люси, признание Марго и, наконец, последние события до сегодняшнего дня.

Ни один мускул не дрогнул на лице Громова во время этого рассказа.

— Сколько лет теперь вашей возлюбленной? — спросил он, когда Суханов кончил.

— Семнадцать или восемнадцать, не больше.

— Она очень хороша собой?

— Красавица! — пылко воскликнул молодой человек.

— А как имена действующих лиц вашего рассказа?

— Бланш Фражет, Мишель Бражелон и Люси Раймонд.

При имени Фражет лицо сыщика слегка нахмурилось.

— Я знаю эту женщину по слухам, — сказал он, — и давно добираюсь до нее. Ко мне уже не раз обращались за помощью против нее, но пока я был бессилен.

— Правда, это — ужасная женщина, — с жаром подтвердил Суханов. — Умоляю вас, спасите мою Люси из ее рук.

— Обещаю вам это, — серьезно сказал Громов. — Крест, который вам передала умершая, с вами? Да? Дайте мне его!

Михаил Матвеевич поспешил исполнить эту просьбу.

Сыщик небрежно повертел крест в руках.

— Дорогая и старинная вещь. Вы, конечно, оставите ее мне?

— Есть о чем спрашивать! Так, значит, вы беретесь за это дело? — радостно спросил Суханов.

— Попробую сделать все, что возможно. Ручаться за успех трудно, однако попытаюсь.

— Но Люси-то вы вырвете из ее рук? — встревожился молодой человек.

— Постараюсь, — уклонился от прямого ответа сыщик.

— А как насчет вознаграждения? — робко спросил Михаил Матвеевич. — Сколько вы хотите?

— Ничего! — резко отрезал сыщик, недовольно поморщившись. — Ведь вы небогаты?

— Да, но... — залепетал смущенный клиент, — Мравин хотел заплатить.

— Это лишнее, — так же резко продолжал Громов. — Я уже говорил вам, что работаю не для денег, я богат и без них. Вы возместите мне лишь расходы.

— Но...

— Если вы не согласны, то обратитесь к другому, — решительно отчеканил сыщик.

Суханов покорно склонил голову. В тоне Громова было так много властности и силы, что он не осмелился протестовать.

— Так я могу идти? — поднялся он с кресла.

— Вы скоро получите известие, — обещал Громов.

Михаил Матвеевич горячо пожал протянутую ему руку.

— Спасите ее! — еще раз попросил он.

— Одно могу сказать — надейтесь, — мягко ответил сыщик. — Я зайду к вам.

Суханов ушел, окрыленный надеждой.

Как только за ним закрылась дверь, лицо Громова резко изменилось — оно стало серьезно, и глубокая складка перерезала лоб. Он несколько минут молча ходил по комнате, затем позвонил в электрический звонок и, когда не более как через пять секунд на пороге комнаты появился открывавший Суханову дверь лакей, повелительно сказал ему:

— Садись и слушай!

Лакей не удивился такому приказанию. Он спокойно опустился в только что покинутые гостем кресло и вопросительно смотрел на шагнувшего мимо него сыщика.

Последний вдруг, круто повернувшись, остановился прямо против него и спросил:

— Ты знаешь, зачем был только что у меня гость?

— Вероятно, по делу, — спокойно ответил тот.

— Да, и очень интересному. Наконец-то нам удастся действительно поработать. Сбрасывай свою амуницию и принимайся за дело! Надо раскрыть преступление, совершенное семнадцать или шестнадцать лет тому назад.

— Трудненько будет.

— Ты знаешь, я легкой работы не беру. Чем больше работы мозгу, тем успешнее я достигаю цели. Подробности дела я расскажу тебе сегодня, но попозже. Сейчас же ты отправишься на разведки.

— Я готов.

— Отлично! Надень лишь костюм попотрепаннее, налей бороду и иди к мадемуазель Фражет, шансонетной певице, адрес узнаешь в календаре.

— Что же я должен там делать?

— Ты должен разузнать все подробности о ее жизни и о жизни ее племянницы Люси Раймонд. Постарайся подружиться с кем-нибудь из слуг. Кстати узнай, не нужно ли им слуги, если да, то смело поступай.

— Будет исполнено, начальник, — поднялся странный лакей.

Громов довольно кивнул ему головой.

— А я отправлюсь в сыскное, — сказал он. — Надо узнать, было ли совершено шестнадцать лет тому назад то, о чем мне сейчас рассказали.

ХIII

ПЕРВЫЕ РОЗЫСКИ

Происшествия в квартире Фражет не остались, конечно, тайной для прислуги того дома, в котором она жила. На другой день только и разговора в людских было, что о них, и в кухню певицы то и дело заглядывали любопытные. Словоохотливый повар в сотый раз повторял историю о письме, принесенном мужиком, обмороке барыни и исчезновении молодого барчука, до сих пор не подававшего и признаков жизни. Выгнанная горничная Жанна, укладывая свои вещи, навзрыд плакала в своей комнате, и от нее меньше всего могли поживиться любопытные. Но с них достаточно было и рассказов повара.

Самое главное участие в этих разговорах принимал швейцар дома, бравый мужчина, из солдат, пользовавшийся особенным расположением Жанны и считавшийся даже ее женихом. Он целый день стоял на улице и разглагольствовал то с дворником, то со шмыгающими горничными, получая от них все новые и новые сведения о происшествиях в квартире певицы. К вечеру у него их собрался порядочный запас.

Часов в восемь, когда на улицах уже стало темнеть, он наконец решил покинуть свой наблюдательный пост, но в этот момент к нему подошел мужчина, по виду лакей, и, вежливо приподняв котелок, спросил:

— Вы будете не Иван Сергеев?

— Нет-с, — ответил швейцар.

- Но позвольте-с, ведь это — дом номер восьмой?
- Да, оно точно! А что вам угодно?
- Вот у меня адрес сюда. Меня просил один приятель навестить его друга, Ивана Сергеева, служащего в этом доме швейцаром. У меня, к нему и посылочка, — и незнакомец кивком головы указал на небольшую корзинку, которую держал в правой руке.
- Так, так, — покачал головой швейцар. — Такого тут нет. Вы откуда же будете?
- Из деревни я, из Новгородской губернии приехал. Там земляк и просил меня. А сам я из лакеев, восемь лет у генерала Бетрищева служил, помер он, я в деревню уехал, а теперь опять сюда... служить...
- А долго ли вы в деревне были?
- Да около года. Где же мне искать земляка, и ума не приложу, — мялся на месте лакей. — Уж не раньше ли вас он здесь служил? Вы давно живете?
- Второй год.
- А кто до вас-то жил, не знаете?
- Нет. Я по газетам сюда поступил. Помер старей-то швейцар, ну, меня и взяли.
- Не Иваном его звали? — озабоченно спросил лакей.
- Да, впрямь, кажется, Иваном, — ответил обрадованный швейцар. — Да, да, вспомнил... так оно...
- Царство ему небесное! — перекрестился незнакомец. — То-то он в деревню ничего не писал.
- Да он бобыль, что ли, был?
- Да, ни кола ни двора... из подкидышей. Ах, ба-тюшки, что же мне теперь с посылкой-то делать? — озабоченно пробормотал лакей.
- Да съешьте, что там есть, сами, — посоветовал, ухмыляясь, швейцар.
- Не пью-с, — отмахнулся тот.
- Да разве там вино имеется? — удивился бра-вый солдат.
- Да еще какое! Настойка на березовых почках, лечебная. Любил покойник. Не позволите ли вы мне поднести ее вам? — неожиданно заключил незнакомец.
- Широкое лицо швейцара сначала выразило удивление, но затем расплылось в довольную улыбку.
- Отчего же, приму с наслаждением. Не зайдете ли вы ко мне чайку попить? Позвольте рекомендовать-ся: Сил Прокофьев.
- Семен Макаров, — протянул в свою очередь

ему руку лакей. — С удовольствием принимаю ваше предложение.

Новые знакомцы двинулись в подъезд.

Швейцар занимал обычное помещение, под лестницей, состоявшее всего из одной комнаты, но обставленной хорошо и чисто. Он предложил гостю стул, а сам стал хлопотать с самоваром. Когда последний был поставлен, он на секунду заглянул в подъезд, затем вернулся и сел против своего неожиданного посетителя.

— Так вы восемь лет жили в лакеях? — начал он разговор. — Хорошее место было?

— Преотличное! — ответил назвавшийся Макаровым. — Дохода масса. Иногда до ста рублей в месяц выгонял.

— Неужели? — удивился Сил.

— Вот ей-Богу. Второго такого не сыщешь.

— А давно вы из деревни?

— Две недели уже. В Колпине у тетки гостил, вчера только в Питер приехал. Место надо искать. Такого, как было у меня, пожалуй, не найти. У вас тут не слышать ли?

— Нет пока. Вот кабы вы баба были, сегодня же поставил, а лакея не нужно.

Чуть заметный огонек блеснул в глазах гостя.

— Горничная, значит, нужна? — равнодушно спросил он.

— Именно. Сегодня утром француженка рассчитала свою девушку. Злющая баба!..

— Неважно, видно, живется прислуге у вас.

— Этого не скажу, а бешеная. Платит хорошо. Да вот вчера вечером случилось у них разные происшествия, ну и пошло. А так все мирно и тихо было.

— А что же такое случилось? — осторожно спросил лакей.

— Разные несуразные дела, — сообщил словоохотливый швейцар. — Перво-наперво, старый барин с молодым подрался. Потом молодой шасть из дома и пропал. Утром письмо с мужиком прислал. «Не вернусь, — пишет, — больше». Барыня в обморок... насилу откачали. Побегала ругаться к старому барину. Тот рассердился и выехал в гостиницу. Жанну вон...

— Жанна — это и будет горничная? — спросил слушатель.

— Да, и моя нареченная невеста. Очень хорошая

девушка, по-французски выучилась, так и жарит. По-нашему-то, по-русскому ее Анной зовут, ну, а французенка в Жанную переделала.

— Итак, ей, бедной, отказали?

— Да, прибежала она ко мне, плачет. Не места ей жалко, а барышню.

— А у французенки и дочь есть?

— Не дочь, а племянница, месяц тому назад с родины ее приехала. Ангел-барышня, красавица неопи-санная, доброты непостижимой. Вот Жанна ее и полю-била.

— Скажите! — покачал головой Макаров.

— А она еще захворала. Вчера ее все эти истории расстроили, она и слегла. Ночью доктор был, утром тоже. Говорят, не выживет.

Последние слова швейцара произвели странное впечатление на гостя. Его лицо вдруг выразило волнение, и он неожиданно сказал:

— Что же вы мне об этом раньше не сказали?

— О чем-с? — вытаращил глаза Сил.

Гость спохватился.

— Да вот о горничной. Ведь у меня есть на при-мете девушка на это место.

— Вряд ли подойдет, — с сожалением покачал го-ловой швейцар.

— А почему?

— Язык французский надо знать, без этого нельзя.

— Она знает — за границей жила, тоже у моего генерала служила. Одной деревни мы с нею. Места она ищет, сегодня я ее встретил. Может быть, будет такая ваша милость, рекомендуете ее? — заискивающе обратился гость к хозяину.

Тот милостиво кивнул головой.

— Можно! А аттестация есть?

— Есть, сколько хотите. А как вашей барыни фа-милия?

— Фражет прозывается.

— Так, так. Значит, землячку-то завтра утром прислать?

— Пришли, пришли.

— Она за благодарностью не постоит.

— Да ладно уж, сосчитаемся.

Самовар вскипел, и беседа прервалась. Швейцар втащил его на стол и начал ставить чашки, а его не-жданый гость развязал бывшую с ним корзиночку и

достал из нее полуштоф березовой настойки, десяток крупных яблок и большой кусок масла.

— Вот и деревенские гостинцы, — улыбаясь, сказал он. — Помянем покойника.

XIV

НА СЛЕДУ

Ищущий места лакея, под видом розыска земляка, забравшийся к швейцару дома, где жила Фражет, и узнавший все происходящее в квартире певицы, был не кто иной, как сыщик Костров, деятельный и преданный помощник Громова.

Расставшись самым дружеским образом с сильно накачавшимся березовой настойкой швейцаром и взяв с него слово, что он поставит на место к певице его знакомую девушку, агент поспешил на квартиру своего начальника.

Последний уже ждал его. Он большими шагами ходил по своему кабинету, то хмурясь, то улыбаясь, и при виде остановившегося в дверях Кострова коротко спросил его:

— Есть что-нибудь?

— Как же, начальник!

— Садись и говори!

Сыщик подробно изложил узнанные им от болтливого швейцара сведения.

— Так, так, — несколько раз во время этого рассказа повторил Громов. — Я так и думал.

Костров кончил и закурил.

— Теперь, милый друг, — сказал сыщик, садясь против своего помощника, — я могу посвятить тебя и в суть дела. Оно мне совершенно ясно. Мы на следу очень опасных зверей.

— Зверей? — удивился Костров.

— Ну, людей, если тебе так больше нравится. Для меня сегодня удивительно счастливый день. Это дело вывело меня из умственной спячки, и мне сразу удалось напасть на верный след.

— Раз зверь выслежен, его нетрудно поймать, — несколько разочарованно произнес младший сыщик.

— На этот раз ты ошибаешься — охота будет долгая и упорная. Прими во внимание одно, что

преступление совершено семнадцать лет тому назад, хотя я знаю даже день и час, когда оно было совершено.

— В таком случае вы — волшебник!

— Нет, я только обладаю маленькой долей сообразительности. Не забывай, что ни одно преступление, совершенное в России, а тем более не раскрытое, не исчезает бесследно. В сыском оно аккуратно сдается в архив, а так как я знал приблизительно год, когда оно было совершено, то быстро нашел его.

— И не может быть ошибки?

— Никакой. Дело идет о похищении ребенка у очень богатых людей и убийстве матери, бросившейся вырывать его у похитителей. Предполагалась месть. Оно так и на самом деле.

— И убийц не нашли?

— Ни убийц, ни похищенного ребенка — годовалой девочки, они как сквозь землю провалились.

— Кого же подозревали?

— Почти никого. Пало небольшое подозрение на бывшую любовницу осиротевшего отца и мужа, некую француженку Маргариту Вернье, но так как ее не нашли, то розыски были прекращены.

— Но это огромная ошибка! — взволнованно воскликнул Костров.

— Я тоже так думаю, но сделанного не воротишь. Искали все какую-то карету, виденную кем-то, но и ее не нашли. Между тем я убежден, что убийцы пришли и ушли пешком.

— Их было несколько?

— Двое. Нашли тогда у палисадника следы женской и мужской ноги. Несомненно, совершив ужасное дело, убийцы скрылись из глаз публики в парке.

— Дело было за городом?

— Да, в Петергофе.

— И ваш вывод, начальник?

— Мой вывод таков, что певица Фражет и Маргарита Вернье — одно и то же лицо, а девушка, которую она выдает за свою племянницу, — не кто иная, как похищенное при помощи преступления дитя.

— Но как это доказать?

— Нелегко, мой милый Костров, но мы попытаемся. Посмотри, как мы быстро продвинулись вперед! Четыре часа тому назад я лишь впервые узнал об этом деле, а теперь знаю даже все детали. Еще одно

маленькое усилие ума — и я выведу виновных на чистую воду.

Сомнение выразилось на лице Кострова.

— Дело все же очень трудное.

— Тем лучше. Твои сведения, принесенные от швейцара, уже дают мне маленькую надежду на успех. Я уже выработал кое-какой план действия. Прежде всего кого мы пошлем на место горничной?

— Я думал о Мане, — поспешил сказать молодой сыщик.

— А она согласится?

— Конечно! Опасности ведь никакой нет.

— Хорошо, возьмем ее, тем более что все равно вам временно придется расстаться, так как ты мне будешь нужен. С завтрашнего дня я превращаюсь в английского коммерсанта, сэра Артура Эдварса, а ты — в моего слугу, Джона.

— Это для чего? — удивился Костров.

— Мы переедем в гостиницу, в которой теперь живет мосье Бражелон, отец прелестной Бланш Фражет.

— Вы думаете, и он — участник? — воскликнул Костров.

— Не думаю, а уверен.

— Что же вы хотите с ним делать?

— Пока только познакомиться и подружиться. Но так как я думаю, что его почтенная дочка очень быстро захочет вернуть его обратно, то надо спешить с моим планом. Пойдем приготовим чемоданы, а затем я на минуту пушу тебя домой, предупредить жену. Обратно приходите вместе. От меня она получит и распоряжения, и паспорт. Ты говорил, что племянница певицы больна?

— Да, а племянник сбежал.

— Ну, он меня не интересует, итак, за дело.

Оба сыщика вышли в другую комнату. Там находился целый склад разных размеров и фасонов чемоданов, из которых они выбрали два английского производства. Перейдя затем в спальню, они достали из огромного зеркального шкафа нужное белье и платье и уложили его в них.

Громов прислуги не держал. Опасная профессия сыщика заставляла его все время находиться настороже, и он предпочитал многое делать сам, чтобы только не быть вдруг проданным своим лакеем. Три по-

мощника, верные и преданные ему люди, если нужно, играли иногда эту роль, и один из них всегда был около него.

Покончив с укладкой, Громов отпустил Кострова домой, а сам, оставшись один, долго сидел задумавшись.

Затеянное дело крайне заинтересовало его. Довести до сознания преступников — вот была его цель, но борьба предстояла нелегкая, так как вряд ли у них остались еще угрызения совести. Громов предчувствовал, что придется действовать хитростью.

Достав из кармана отданный ему Сухановым крест, он стал внимательно разглядывать его в лупу и наконец решил:

«Вещь, несомненно, старинная и редкая, такой не найдешь в магазинах. Теперь интересен вопрос, был ли он надет на малютку при крещении, или это — фамильная драгоценность. Надо узнать. Но как? Поехать ли прямо к отцу ребенка, который жив и здравствует, или узнать как-нибудь стороной?»

Внутренний голос подсказал ему решение.

«Узнаю как-нибудь стороной. Кутузов, как я слышал — жуир, кутила, он, конечно, вращается в полусвете, может проболтаться одной из своих любовниц, а там и пошло писать. Дойдет до преступницы — шабаш, она догадается, скроется или так заметет следы, что ничего не найдешь. Уведомлю его, когда все будет кончено».

Затем мысли его перешли на Суханова и Мравина.

«Скажу им по телефону, что все благополучно», — решил он и тотчас исполнил это решение.

— Что-нибудь узнали? — взволнованно спросил Суханов.

— Многое, очень многое.

— Не можете ли сказать?

— Пока нет, потом.

— Ах, если бы вы знали, как я страдаю!

— Терпение, терпение, больше ничего не могу посоветовать.

— Вы ручаетесь, что Фражет не продаст Люси?

— Ручаюсь, так как девушка сильно больна.

Михаил Матвеевич испуганно вскрикнул:

— Опасно? Она умрет?

— Ну, даст Бог, до этого не дойдет, но, видно, больна серьезно. Одно могу повторить: надейтесь.

ЦЕННЫЕ СВЕДЕНИЯ

На другой день, часов около двенадцати дня, на кухню Фражет робко вошла скромно одетая молодая женщина с письмом в руках. Повар, хлопотавший у плиты, искоса оглядел ее и громко спросил:

— Что вам надо?

— Тут живет госпожа Фражет? — слышался вопрос.

— Тут. А вы от кого?

— Места я ищу... горничной. Ваша, я слышала, ушла, так не возьмет ли барыня меня?

— А уж это не знаем мы, — недружелюбно ответил повар. — Спросите?!

— У кого же?

— У барыни, конечно.

— Значит, я их могу видеть?

— Сколько душе угодно. А кто вас прислал-то сюда?

— Швейцар, Сил Петрович.

Повар широко осклабился.

— Ах, это другое дело, мы с ним приятели. Извольте присесть! — подвинул он стул молодой посетительнице. — Очень приятно познакомиться. Где изволили раньше служить?

— У баронессы Фитингоф... несколько лет...

— Отчего же отошли?

— За границу они уехали, а мне не хотелось.

— Выгодное место было?

— Очень даже!

— Ну, и у нас ничего. На чай хорошо дают.

— Кто же доложит барыне? — спросила молодая женщина.

— Поль, он сейчас придет. Это наш лакей.

Последний был легок на помине. Он вошел с подносом в руках и, поставив его на стол, вопросительно посмотрел на гостью.

— Что вам угодно? — спросил он.

— Сил Петрович их прислал, место горничной они ищут, — дал пояснение повар. — Доложите, Поль, барыне!.. Может быть, возьмут...

Лакей, красивый молодой брюнет, пытливо скольз-

нул взглядом по всей фигуре молодой женщины, видимо, остался доволен ею и громко сказал:

— Что же, доложить можно. Если у вас аттестат есть, то, пожалуй, и возьмут.

— Есть, есть, — поспешно ответила молодая девушка.

— Ну, и отлично. Жалование у нас хорошее.

— Я не гонюсь за ним, только бы поступить. Доложите, пожалуйста!

— Иду, иду, — и, окинув еще раз одобрительным взглядом привлекательную наружность новой горничной, лакей вышел из кухни. Через пять минут он вернулся и пригласил ее следовать за собою. — Барыня очень расстроена и все время лежит в будуаре, — пояснил он ей дорогой. — Племянник ихний пропал вот уже второй день, да и барышня у нас нездорова. А так, когда все благополучно, не житье, а масленица. Никого почти целый день дома нет. А пока трудненько вам будет. Капризничает иногда барыня.

— Я привыкла к этому, — возразила молодая женщина.

— Так-то так, а все-таки... По-французски кое-что понимаете?

— Говорю даже.

Лицо лакея окончательно расцвело.

— Вот что приятно, то приятно. Будем, значит, с вами объясняться.

— И вы говорите? — удивилась молодая женщина.

— Плохо, но умею. Научился. В Париже с одними господами два года прожил. Самоучкой наводстрился.

— Вот вы какой! — одобрительно сказала она. — А куда же вы меня теперь ведете?

— В будуар, к барыне. Они валяются на кушетке.

Фражет действительно валялась на кушетке. Бледная, с темными кругами под глазами, в измятом капоте, она мало напоминала ту блестящую красавицу, какой являлась для поклонников и на сцене, и в жизни, и ее сорок лет, бурно прожитых, резко выступили наружу. Исчезновение Жоржа сломило ее. Великая материнская любовь поборола наконец вечное притворство, и она впервые во всю жизнь была сама собою. Приказав никого не принимать, Бланш целыми днями плакала и проклинала судьбу или звонила по телефону в полицию и больницы, умоляя дать ей знать, если найдут труп или след ее ребенка. При входе новой гор-

ничной, почтительно остановившейся в дверях, она окинула ее лишь мимолетным взглядом и коротко спросила:

— Имеете аттестат?

— Да, мадам, — ответила та.

— Дайте мне его.

Молодая женщина подошла и протянула находившийся у нее в руках конверт.

Бланш быстро вынула из него вчетверо сложенную бумагу и пробежала ее глазами.

— Я вас беру, — окончив читать, сказала она. — Жалованья двадцать пять, обязанности обыкновенные. Когда вы можете поступить?

— Хоть сейчас, — поспешно ответила горничная.

— Хорошо. Вас зовут Мария, я вас буду звать Мари. Оставляйтесь и присмотритесь.

— Вечером только попрошу отпустить меня на полчаса, предупредить родных.

— Конечно... об этом нечего толковать. Поль покажет вам, что делать.

Лакей, стоявший за дверью, быстро подал голос:

— Слушаю-с, мадемуазель, будьте покойны.

— Идите, — устало махнула им певица.

Новая служанка удалилась.

Поль, на которого она произвела приятное впечатление, начал посвящать ее в новые обязанности. Указав ей ее комнату, он помог ей раздеться, выдал кокетливый кружевной передник и наголку, а затем стал водить по всем комнатам, объясняя их назначение и ее прямые обязанности по их уборке. Он привел Мари также в теперь пустующую половину Жоржа и Бражелона и по секрету сообщил ей все подробности последних домашних перипетий.

— Старый барин, злой-презлой, вчера выехал, — рассказывал он. — Страшно ругался... все кричал: «Я тебе отомщу, я тебе отомщу!» Это, видимо, барыне... А она только повторяла: «Вон, вон!»

— Из-за чего же они поссорились? — спросила вновь поступившая.

— Не могу верно сказать, а, видимо, из-за молодого барина. Жанна, наша старая горничная, много знает, но она очень скрытная, молчит. Сам я не слышал. Вечером я не выхожу из прихожей. Видел я только, как молодой барчук мимо меня, словно сумасшедший, в последний раз пробежал, а больше ничего.

— А про какую барышню вы мне давеча говорили? — осторожно спросила Мари.

— Это — мадемуазель Люси. Она из Парижа недавно. Вот уж ангел и лицом и характером!

— Она, кажется, больна?

— Да воспаление какое-то. Мы к ней не ходим. Около нее теперь сестра милосердия. Вам-то придется около нее иногда быть.

— Кто же она вашей барыне?

— Племянница; говорит. Только не очень любит ее барыня. Все хотела сбыть одному богатенькому старичку.

— Да что вы? — сделала большие глаза горничная.

— О, у них это просто: сначала туалеты, подарки да цветы, а потом и все остальное — квартира там.

— И что же, она соглашалась... барышня-то?

— Ну, нет, она не из таковских. Строго-престрого себя держала, а этого старичка особенно ненавидела.

— Скажите! — удивилась Мари. — А что, он очень богат?

— Страсть, видимо. Кольца на пальцах, лошади.

— А как его фамилия?

— Кутузов, Всеволод Александрович, — охотно ответил Поль и вдруг, к своему удивлению, заметил, что лицо его новой товарки внезапно побледнело. — Что с вами? — вскрикнул он.

— Ничего, ничего, — успокоила та его. — Я с утра не ела, вот голова и закружилась. Продолжайте разговор, мне очень интересно. Итак, его фамилия Кутузов? Вы верно это знаете?

— Еще бы!.. Мне-то их не знать!..

— И вы уверены, что ваша барыня довольна, что он ухаживает за ее племянницей?

— Очень даже... Я не раз слышал, как они убеждали мадемуазель Люси принимать его подарки и относиться внимательнее. Они их и сватали.

— Не может быть! — с искренним негодованием вырвалось у Мари.

— Зачем же мне лгать? — обиделся Поль.

Раздавшийся с парадной звонок прервал их разговор.

Горничная, не кто иная, как жена агента Кострова, взявшая на себя роль шпионки по просьбе Громова, на сегодня узнала довольно. С еле скрываемым не-

терпением дождалась она вечера и, отпросившись у своей новой госпожи, чуть ли не бегом бросилась из квартиры. Новость, которую она узнала, ужасала ее.

«Кутузов, Кутузов, тот ли это? — повторяла она всю дорогу. — Неужели эта женщина настолько преступна, что сватает дочь родному отцу».

Громов и ее муж ждали ее в назначенном месте.

— Ну что? Как? — встретили они ее вопросами. — Удалось?

— Блестяще! — ответила она.

— Поступили?

— Да, и уже приступила к своим обязанностям, — и шаг за шагом Мария Кострова рассказала им все случившееся с нею в этот день.

Громова не менее ее поразило известие, что Кутузов является в роли ухаживателя Люси.

— Вы не ослышались? — спросил он Кострову. — Его зовут Всеволодом Александровичем Кутузовым?

— Да, да, именно так. Так как вы рассказали мне утром суть дела и назвали даже фамилию отца пропавшего ребенка, то и меня сразу поразило это обстоятельство.

Сыщик нервно забарабанил пальцами по столу.

— Что это, или я ошибаюсь и никакого преступления эта женщина не совершала, или она настолько гнусное чудовище, что хочет родную дочь дать в любовницы отцу? — задумчиво уронил он. — Скажите, какова собою эта Фражет?

— Рыжая. Поразительно красивая.

— Маргарита Вернье была брюнетка. Конечно, она крашенная теперь. Одно только странно, как Кутузов, если это действительно она, не узнал ее?

— Не забывайте, начальник, что они не виделись семнадцать лет, — вставил молчавший до сих пор Костров.

— Да, да, — согласился Громов, — это возможно. Итак, мы все-таки пойдем дальше. Надо следить за нею. А что, Мария Федоровна, вы не видели той барышни, ее племянницы?

— Как же, видела... Носила ей в комнату молоко.

— Что, по-вашему, она представляет собою?

Глаза Костровой увлажнились слезами.

— Ах, это — настоящий ангел! Чудная красавица. Белая, нежная лилия! Я положительно не могла оторвать от нее глаз.

— Она без памяти?

— В забытьи. Мне удалось подслушать слова навестившего ее доктора, он сказал, что опасности очень большой нет, у нее не воспаление мозга, как он предполагал, а только нервное расстройство.

— Кому это он говорил?

— Госпоже Фражет.

— Вы не видели выражения ее лица в это время?

— Случайно видела. Полное равнодушие и невнимание. Сестра милосердия, ухаживающая за больной, гораздо больше обрадовалась, чем она.

— Это сведение очень драгоценно, — сказал Громов, — и я уверен, что мы на верном следу. Мы должны помнить, что и семнадцать лет тому назад преступление совершено было из мести, так почему же не допустить, что злость сохранилась у Фражет и до сих пор? Сколько утонченной жестокости в ее плане!

— В таком случае она — чудовище! — содрогнулась Кострова.

— Хуже, она — хищный зверь. Но я доберусь до нее. Давно уже я слышал жалобы разоренных ею людей. Пора положить этому конец.

— Ну, а вам удалось что-нибудь? — спросила Кострова.

— Пока ничего, но кое-что сделали, — ответил ее муж. — Зверя видели и первую рекогносцировку произвели.

— Что же, он страшный?

— Дряблый старикашка, не выходит из своей комнаты. Ну, а завтра мы его выкурим из нее... Отчаиваться рано.

— Это ты верно сказал! — воскликнул Громов. — Ни отчаиваться, ни падать духом мы не будем. Надеюсь в самом коротком времени стать не только другом мосье Бражелона, но и познакомиться с мадемуазель Бланш Фражет. Только вы будьте начеку.

— Мы всецело в вашем распоряжении.

— Отлично! Итак, не выходите из своих ролей. Мария Федоровна сейчас пусть отправляется домой к себе, возьмет необходимое платье и едет на свое место горничной. Слушайте и расспрашивайте все, никакая мелочь не должна ускользнуть от вашего внимания. Затем записывайте все, что узнаете, и отправляйте письма в почтовый ящик. Никуда больше не отпраши-

вайте. Весьма возможно, что скоро меня увидите у вашей госпожи, не показывайте вида, что мы знакомы, даже взглядами. А если случится что-либо экстраординарное, сообщите телеграммой.

Молодая женщина встала, чтобы идти.

— Желаю успеха! — пожимая руку Громову и целуя мужа, воскликнула она.

Когда за нею захлопнулась дверь, сыщики торопливо стали переодеваться.

Через полчаса из квартиры Громова выходили два типичных англичанина, один — одетый с иголки, другой — более скромно, но с признаками хорошего тона. Свою первоначальную мысль выдать Кострова за лакея Громов оставил, найдя, что в роли секретаря и друга тот будет более полезен ему.

Они отправились в ту гостиницу, где жил Бражелон. Еще днем они заняли там два номера, рядом с комнатой старика, и хотя им не удалось познакомиться с Бражелоном, но мельком видели его. Теперь они шли ночевать в гостиницу, чтобы не навлечь на себя подозрений и нежелательных догадок.

Швейцар почтительно распахнул перед ними двери.

Подымаясь по широкой, устланной коврами лестнице, Костров шепнул Громову:

— А что, начальник, не заглянуть ли нам в ресторан? Нет ли там нашего молодчика?

— Что же, можно.

Они свернули в залы первого этажа.

Большая столовая была еще почти пуста. Только три столика были заняты, но быстрые взгляды агентов тотчас заметили, что тот, кого они искали, здесь и сидит совершенно один.

Громов спокойными шагами отправился к соседнему столику и занял его. Подозвав затем лакея, он громко заказал ему бутылку шампанского и жареный миндаль.

— Есть я еще не хочу, — сказал он в сторону Кострова на чистейшем французском диалекте, — а бокал шампанского всегда можно выпить.

— Верно, сэр! — откликнулся тот.

Бражелон, мрачно сидевший перед стаканом красного вина, услышав звуки родного языка, поднял голову.

— Не правда ли, мистер Джон, — продолжал Громов, — Россия — ужасно сонная страна... то ли дело Париж!.. Там все кипит, бьется!.. В Петербурге нет

бульварной жизни, а там!.. Вспомните только кафе по вечерам... Что за прелесть!.. А парижане, эти вечно юные, жизнерадостные люди? Клянусь, если бы я меньше любил Англию и англичан, то всему свету предпочел бы Париж и парижан.

— И я, сэр, — флегматично ответил Костров.

— А хорошенькие француженки... Вспомните их! Я, право, молодею при мысли, что через три недели снова поеду во Францию, в Париж. Оглянитесь, какая тоска здесь! Ни красивых лиц, ни оживленного говора. Даже мои миллионы не в силах были бы воцарить здесь веселье.

— Вполне согласен с вами, мосье, — неожиданно послышалось с соседнего столика. — Петербург — отвратительный город.

Громов, бесподобно игравший роль англичанина, медленно обернулся в сторону говорившего.

— С кем имею честь говорить? — несколько высокомерно спросил он.

— С сыном живого, пылкого Парижа, который вы только что так хвалили, — ответил Бражелон.

— О! Очень приятно, — улыбнулся агент. — Сэр Артур Эдварс.

— Мишель Бражелон, кровный парижанин, изнывающий от скуки, — отрекомендовался старик.

— Мой секретарь, мистер Джон Барнер, — указал Громов на своего помощника.

Желанное знакомство состоялось.

XVI

ЦЕНОЮ КРОВИ

В то время, когда на Фражет обрушились одно за другим несчастья, ее сообщник Осокин переживал не лучшее время. Хотя заметки о потерянном им портсигаре и не появилось в газетах и он мог спать спокойно, но какое-то предчувствие говорило ему, что рано или поздно портсигар найдется и его уличат в совершенном убийстве.

Эта угрожающая идея положительно преследовала Осокина. День и ночь его мысли витали около нее, он придумывал различные оправдательные доводы, но все они сводились к одному, что он погиб.

Наружность Осокина тоже сильно пострадала от этого. Он перестал обращать на себя внимание, не брился, нигде не бывал, а целыми часами лежал на тахте и смотрел в пространство.

Даже Мэри отошла на задний план. Он посылал к ней лакея с лакомствами и записками, а сам не бывал у нее, откладывая свой визит со дня на день. Ему было тяжело видеть ее.

Брантон уже не возбуждала в нем животных инстинктов, а то хорошее чувство, которое он испытал при виде ее бледного, просветленного личика в больнице, внушало ему скорее страх, чем любовь. Он не на шутку боялся ее больших глаз, опасался, что не выдержит своей роли преступника и расскажет ей все. А это, он знал, нельзя было делать.

Бланш тоже не могла помочь Осокину. Он получил от нее десять тысяч рублей, они лежали у него на столе, но это его не радовало. Угрызения совести усыпили временно его низменные страсти.

Почти с ужасом вспомнил он свое недавнее прошлое, небольшое, но честно нажитое отцом состояние, свой приезд в Петербург, первое падение, а затем дальше и дальше.

«А ведь я мог быть честным человеком! — с тоской думал он. — А теперь — я убийца! Куда бежать, куда скрыться от надвигающейся каторги?»

Явилась было показавшаяся ему спасительной мысль бежать за границу, но плохое знание языков и небольшой наличный капитал остановили его от приведения ее в исполнение.

«Все равно арестуют и там, — безнадежно махнул он рукой. — В Америку не удерешь, а ближе стоит ли? Найдут».

Да и Мэри было жалко бросить. Осокин испытывал к ней теперь отеческое чувство и дал себе слово во что бы то ни стало устроить ее будущность.

Задавшись этой мыслью, он привел ее в исполнение. Посетив контору нотариуса, он написал завещание в ее пользу, мотивируя себе лично этот поступок такими доводами:

«Если дознаются, что я — убийца и меня арестуют, я отравлюсь. Так лучше пусть все ей достанется, чем какому-нибудь провинциальному родственнику. Десять тысяч — деньги, да и остальные Мэри получит с Фражет, как только та женит на себе князя. С таки-

ми деньгами она проживет. Ну, а если я вывернусь, тогда все равно женюсь на ней».

Дни между тем шли за днями. Однажды Леонид Юрьевич очнулся от своего полусна, особенно мрачно настроенный. Целую ночь его преследовал голос убитой им женщины, и ее предсмертный крик так и стоял в его ушах. В эту ночь он видел ее то жалкою и окровавленную, то грозною и угрожающею, с мрачной улыбкой на бескровных губах. Она показывала на небо и тихо произнесла:

«Час возмездия наступил!»

Осокину было не по себе. Накинув халат, он, против обыкновения, быстро соскочил с постели и прошел в кабинет.

На столе лежали только что полученные газеты. С трепетом, испытываемым каждое утро, Леонид Юрьевич схватил их и, развертывая, так и впился глазами в напечатанные строки. Вдруг из его груди вырвался хриплый крик. В одной из газет, в столбце происшествий, была напечатана маленькая заметка, приведшая его в ужас.

«На недавно трагическую гибель молодой женщины К. около станции Серебрянка, — стояло в заметке, — начинает проливаться свет. Предполагается, что это был не несчастный случай, а нечто предумышленное. На месте происшествия местный стрелочник нашел мужской портсигар со следами крови, ускользнувший от ока правосудия благодаря тому, что он завалился в канаву. Расследование покажет, не причастен ли этот факт к делу о трагической гибели несчастной. Единственное доказательство все еще находится у стрелочника Семена Пахомова, но завтра он доставит его в Петербург. Дело обещает массу интересных разоблачений».

Преступник был сражен. Его охватило отчаяние, граничащее с безумием.

«Все кончено!» — вонзилась в его мозг мысль, заставившая его содрогнуться.

Впереди был позор и каторга или смерть моментальная, но ужасная.

Одну минуту Леониду Юрьевичу явилась мысль пойти в полицию и повиниться, обличить свою сообщницу и подстрекательницу, а потом умереть, но, вспомнив о Мэри, он отбросил ее. Если арестуют Бланш, то пропадут деньги по векселям, и Брантон останется без гроша.

«Нет, лучше я один погибну, — решил он. — Но нет ли выхода?»

И вдруг у него мелькнула блестящая мысль.

«В газетах пишут, что портсигар еще у стрелочника. Его, видимо, не видела полиция. Не попытаться ли силою или подкупом достать или подменить этот портсигар? Тогда я спасен».

Эта идея понравилась Осокину.

Не зовя лакея, он наскоро оделся, захватил несколько пачек сторублевок и неслышно выскользнул из квартиры. Швейцара в подъезде не было. Сев не торгуясь в дрожки первого попавшегося извозчика, Леонид Юрьевич велел везти себя в Гостинный двор и вскоре скрылся там в одном из ювелирных магазинов. Через четверть часа он вышел назад и приказал везти себя на Варшавский вокзал.

Поезд, на счастье Осокина, отходил через полчаса. Купив себе билет первого класса, он забрался в дальний угол зала и стал ждать звонка.

После первых волнений с Леонидом Юрьевичем произошла реакция. Он теперь почти успокоился и более или менее здраво обсуждал свое положение. Делая эту последнюю попытку к своему спасению, он имел в виду, что ему уже больше нечего терять, а в случае удачи он может только выиграть. Конечно, его могут арестовать, как только он явится в будку стрелочника, но по тону заметки он надеялся, что этого не будет. Ведь если бы портсигар попал уже в руки полиции, то все газеты узнали бы об этом и напечатали бы полностью его инициалы, но раз этого не случилось, значит, репортер газеты получил эти сведения из частного источника. Много надеялся Осокин и на медлительность стражей правосудия.

Вдруг его взгляд упал на медленно проходившего по залу высокого господина в форме судебного ведомства, а рядом с ним жандармского офицера. Они шли, оживленно разговаривая, и до Осокина долетела одна фраза, заставившая его снова задрожать.

— Портсигар с инициалами и даже целой надписью? Это крайне интересно! — сказал офицер.

— Да. Я оттого так и спешу ехать, — ответил чиновник.

Преступник проследил за ними глазами. Они подошли к приготовленному поезду и вошли в вагон первого класса.

«Ехать или нет? — сейчас же возник перед Осокиным вопрос. — Не все ли кончено?»

Внутренний голос говорил: «Нет», и он решил ехать.

«На четверть часа поспею раньше к стрелочнику, и все будет спасено», — думал он.

Раздался второй звонок. Осокин пробрался в поезд и занял место в отдельном купе. Подавая кондуктору свой билет, он дал ему пятирублевку и внушительно сказал:

— Если не будет крайней необходимости, не пускайте ко мне никого. Я хочу спать.

Подачка сделала свое дело. Леонид Юрьевич в полном одиночестве доехал до Серебрянки.

Выйдя из вагона, он заметил, что и господин в форме судебного ведомства и жандармский офицер тоже вышли здесь. К ним подошел начальник станции, и они оживленно заговорили.

«Говорите, говорите, — злорадно подумал преступник, — а я тем временем заполучу портсигар, и вы останетесь с носом».

Он быстро сошел с платформы и направился к извозчикам. Зорким взглядом окинув их, он остановился на одном бойко улыбающемся парне, в тарантасе которого была запряжена крепкая, выносливая лошадь, прямо подойдя к нему, взобрался в экипаж и, ткнув возницу в спину, крикнул:

— Поезжай!

— Куда прикажете? — полуобернулся тот.

— Скажу куда, не бойся! — развязно ответил Осокин. — Выезжай лишь на дорогу.

Парень ухарски гикнул на лошадь. Застоявшееся животное так и рванулось вперед.

— Так куда же везти, барин? — когда они немного отъехали, снова спросил парень. — У нас дорог много. По какой вам ехать?

— Ты стрелочника Пахомова знаешь? — вместо ответа спросил седок.

— Как не знать? Знаю! Хороший мужик.

— Так вот мне к нему надо.

Возница видимо удивился.

— А зачем бы вам это? Уж не из полицейских ли вы будете?

— Угадал, угадал, милейший, — спокойно ответил Леонид Юрьевич. — Ну, вези поскорей!

— Да ведь это далеконокко будет, почитай, восемь верст.

— Знаю, знаю и хорошо заплачу.

— Меньше рублевика не поеду, — вдруг решительно заявил парень и придержал лошадь.

— Пять получишь, — нетерпеливо крикнул Осокин, — только торопись! Помчишь — десять дам.

Щедрое обещание сделало свое дело. В руках парня появился кнут, и лошадь помчалась вскачь.

Леонид Юрьевич злорадно оглянулся назад на исчезнувшую из глаз станцию.

— Подольше поговорите, голубчики! — пробормотал он. — Может быть, зайдете и чайку попить к начальнику станции. Вот будет дело. А я пока здесь управлюсь без вас.

Определенного плана, как вырвать портсигар, у него не было. Он купил на всякий случай другой, похожий на утерянный им, но особенно не надеялся на удачную подмену его.

«Лучше подкуплю мужика, — думал он. — Это вернее и безопаснее. Он может заметить подмену, тогда я погибну, а если это будет обоюдной сделкой, то он станет молчать».

Вопрос возницы прервал размышления Осокина.

— А что, барин, — спросил тот, — вы, значит, зачем же к Семену-то едете? По делу или так?

— Конечно, по делу.

— Разумею. Это, значит, насчет портсигара?

— Вот именно.

— Так-с. И презанятная он штука, доложу я вам.

Леонида Юрьевича передернуло.

— Ты разве видел его? — глухо спросил он.

— А еще бы! Пахомов-то, чай, мне дядя. Я в воскресенье после обеда к нему заглянул, а он мне и покажи портсигар-то. Я его надоумил и полиции-то заявить. Он сам побаивался.

— Чего же?

— Да волокиты разной. По судам тоже не сладко таскаться нашему брату-мужику, времени нет. Ну, а я ему говорю, что неладно это дело скрывать — сам под ответ попадешь. Ведь прав я был, барин?

— Прав, прав! — поспешил ответить Осокин.

— Да и убийцу надо наказать. Что ему по свету гулять? — продолжал словоохотливый возница. — Вот

и дал я знать об этом начальнику станции да жандарму. Они и послали телеграмму куда следует. Сегодня от дядьки Семена эту штучку отберут.

— А еще кто-нибудь видел эту штучку? — весь дрожа от охватившего его волнения и страха, спросил седок.

— Кому же больше? Дядька как в лесу живет, хоть и около леса.

— А надписи на нем вы разобрали?

— Дядька что-то читал, да не по-русски они, а я неграмотный.

Вздых облегчения вырвался из груди преступника. С тревогой оглянулся он назад, на гладко расстилающуюся дорогу, но на ней не было видно и признака жизни.

«Чай пьют, я угадал», — насмешливо подумал он.

Несколько минут они мчались молча.

— Это что там за лес виднеется? — спросил он парня, указывая прямо перед собой.

— А лес как лес, — ухмыльнулся тот. — Дядька Семен и живет около него.

— Значит, мы скоро приедем?

— Почитай, версты две осталось. А вы что же, и обратно поедете?

— Конечно.

— Подождать вас придется?

— Да, да, подожди. Только мне бы не хотелось ехать опять этой дорогой. Нельзя ли другой, лесом?

— Отчего же, можно. Только на Плюссу, на другую станцию, попадем.

— Вот и отлично! — обрадовался Осокин. — Я уж тебе хорошо заплачу. Ты в лесу и подожди меня, я скоро.

— А к дядьке мне разве нельзя?

— Нет, нет, ты только помешаешь. Я один должен. Я раньше и слезу.

— Да, к нему все равно не подъехать, — ухмыльнулся парень. — Я хотел пешочком.

— Нет, ты уж не ходи, я один.

Парень согласился.

— Ладно, уж на обратном заеду.

Лес приближался. Леонид Юрьевич, пытливо разглядывавший, что было впереди, различал уже притаившийся недалеко от него маленький домик стрелочника, из трубы которого шел легкий дымок. Проехав еще несколько саженей, возница сдержал лошадей.

— Теперь идти надоть, — сказал он седоку. — Вот по этой тропинке.

Осокин легко и быстро выпрыгнул из экипажа.

— Хорошо, хорошо, я найду, — сказал он, — а ты поезжай дальше и жди меня в лесу.

Семен Пахомов в это время, ничего не подозревая, пил чай в своей сторожке. Его верный пес убежал в лес, и мужик был совершенно один. Он спокойно потягивал горячую влагу из блюдечка, вдруг дверь его избы распахнулась, и на пороге ее вырисовалась фигура изящно одетого господина.

— Вы — Семен Пахомов? — тотчас же слышался вопрос.

— Я-с, — вскочил оторопелый стрелочник.

— Мне надо поговорить с вами, — входя, начал посетитель. — Я по поводу найденного вами портсигара.

— Что же вам угодно-с? — тихо спросил стрелочник, видимо испугавшись.

— Покажите мне его! — повелительно приказал гость.

— Зачем-с?

— Я куплю его у вас, — прямо заявил Осокин. — Я дам вам тысячу рублей, а вы мне — портсигар.

Стрелочник сделался подозрителен.

— Я его не продаю, — решительно ответил он.

— Почему? Ведь вы бедны, вам нужны деньги. Мало тысячи, я дам две!

— Ни за какие деньги я его не продам, — упрямо повторил мужик. — Мне за него в полиции придется отвечать, а в тюрьме на что мне ваши деньги?

Преступник побледнел.

— И за пять не продашь? — хрипло спросил он. — Я тебе взамен его дам другой.

— Нехорошие речи говорите вы, господин! — закричал Пахомов. — На какое дело сманиваете меня, честного служаку. Не надо мне ваших денег! Виноваты вы, видимо, в смерти той бедной барыни и боитесь. Не дам я вам портсигар, за миллион не дам! Уходите, откуда пришли, а то я в полицию отправлю.

Леонид Юрьевич понял, что ставка проиграна. Дикая злоба закипела в его душе.

— Не отдашь, так силой возьму! — заревел он и выхватил из кармана револьвер.

Момент — и в комнате прозвучал выстрел, и стрелочник, слабо вскрикнув, упал на пол.

Убийца, не теряя времени, принялся за поиски портсигара. Его первый взгляд упал на комод, и он с остервенением принялся взламывать его ящики. В среднем он нашел то, что искал. Спрятать портсигар в кармане было делом одной секунды, и Осокин хотел уже покинуть место преступления, но тут его слух поразил возглас в дверях:

— Господи, что вы сделали с дядькой?!

На пороге сторожки стоял привезший его парень.

Бешено заревев, Осокин снова схватился за револьвер.

— Умри, собака! — крикнул он и выстрелил.

Парень как-то недоумевающе взмахнул руками и упал.

Преступника больше ничто не задерживало, и он бегом скрылся в лесу.

XVII

В КЛЕТКЕ ХИЩНИЦЫ

Громов был совершенно прав, когда говорил, что ему скоро удастся познакомиться с Фражет.

Бражелон, легковверный, как все французы, насколько не усомнился в личности мнимого сэра Артура Эдварса, поверил и в его миллионы и так быстро сошелся с ним на самую дружескую ногу, что ему только и оставалось открыть англичанину всю свою душу.

За этим тоже дело не стало. Во время одной из попок, конечно оплачиваемых Громовым, он настолько упился, что начал рассказывать тому свою ссору с Бланш, нападение Жоржа и все перипетии того вечера и утра, приведшие его к решению покинуть приютивший его кров.

Сыщик, притворившийся полупьяным, внимательно выслушал старика, а когда тот кончил и начал жаловаться на безденежье, на невнимательность дочери, заметил:

— Но раз она на вас рассердилась, она вам не даст больше ничего.

— Пусть попробует! — свистнул старик.

— Что же вы можете сделать? — наивно допрашивал Громов.

— То, от чего ей не поздоровится, — похвастал пьяный Мишель. — Я про нее такие делишки знаю, что, спроси я у нее сейчас сто тысяч, даст.

— Неужели? — удивился Эдварс.

— Клянусь Пресвятой Марией!

— Но тогда идите к ней. Чего вы медлите?

На лице Бражелона появилась трусливая гримаса.

— «Идите, идите!..» А кто поручится, что она не хватит меня из револьвера, как тогда грозилась. Бешеная баба!

— Не можете же вы жить без денег.

— Конечно. Я ей сегодня же напишу.

Неожиданная идея запала в голову сыщика.

— Послушайте, — вкрадчиво наклонился он к старику. — Хотите, я поеду вместо вас?

— Вы? — вытаращил тот пьяные глаза.

— Да, я. Вы говорили, что ваша дочь красавица, и у меня явилось желание познакомиться с нею. Я скучаю без женщины. Может быть, она мне понравится.

— За это ручаюсь, — цинично захохотал Мишель, — но она почистит ваши карманы. Предупреждаю.

— О, мои миллионы выдержат этот натиск! Вы согласны?

— Черт возьми, я не понимаю, зачем в этом случае нужен я?

— Я явлюсь к ней парламентаром от вас. Это придаст моему визиту интимность, и мое дело выиграет скорее.

— Или Бланш прогонит вас, не желая слушать, — захохотал старик.

— Это уже мое дело — позаботиться о том, чтобы этого не случилось, — сухо заметил англичанин.

Бражелон, влезший к нему в долги, не захотел ссориться с ним.

— Поезжайте, сэр, если хотите, — согласился он.

— Вы мне дадите записку.

— Это зачем?

— Как же иначе? Чем я докажу, что я действительно от вас?

— Да, да, хорошо, я напишу...

Выпив еще бутылку шампанского, мнимый сын ту-

манного Альбиона взял совершенно пьяного француза под руку и повел в свой номер. При помощи Кострова он усадил его в кресло перед письменным столом и, сунув перо в руки, приказал:

— Пишите записку!

Бражелон повел на него ословелыми глазами.

— Что писать? Я не знаю.

— Я продиктую. Пишите: «Милая Бланш, посылаю к тебе моего старого друга, сэра Эдварса. Он скажет тебе все, что я хочу от тебя. Не сопротивляйся, я ему многое открыл».

Как ни был пьян Мишель, но при последней фразе приподнял голову от стола.

— Это зачем же писать? — спросил он.

— Для устрашения. Ведь требование от нее денег — шантаж, так надо же ее и припугнуть.

— Верно, верно! — согласился пьяный старик.

Когда письмо было написано и запечатано, Громов поспешно спрятал его в карман.

— Уложи старика спать и сторожи. Я поеду, — шепнул он своему помощнику и, не теряя времени, вышел из комнаты.

У подъезда Фражет он столкнулся с выходящим оттуда господином и почтительно приподнял перед ним шляпу. Тот удивленно посмотрел на него, но на поклон ответил. Это был князь Чарыгин.

Громов совсем забыл, что загримирован до неузнаваемости, и в следующую минуту улыбнулся своей ошибке. Войдя в подъезд, он коротко спросил швейцара:

— У кого был князь Чарыгин?

— У госпожи Фражет, — ответил тот.

«И этот попался в ее сети, — подумал сыщик. — Ну и ловкая баба!»

Отворивший ему дверь лакей заикнулся было, что барыня не принимает, но Громов внушительно и строго приказал ему доложить о себе.

— Скажи, по очень важному делу, — коверкая слова на иностранный лад, сказал он.

Лакей не посмел ослушаться. Через минуту он вернулся и доложил, что барыня просит.

Не без трепета вступил Громов в шикарный будуар, который он мысленно сравнил с клеткой хитрого хищного зверя, откуда жертва, как и из клетки, выходит ободранной, а иногда и остается там мертвой.

Бланш ждала его, против обыкновения, не полулежа на кушетке, а стоя посреди комнаты. Взгляд ее огненных глаз был далеко не дружелюбен, но он слегка смягчился, едва скользнул по изысканному и богатому костюму гостя. Грациозно поклонившись, не подавая руки, она церемонно спросила:

— С кем имею честь говорить?..

— Сэр Артур Эдварс из Сити, — ответил он.

— Вы — купец?

— Да, я занимаюсь экспортом различных материй.

— Что же вам от меня угодно?

Громов указал на кресло.

— Позвольте сесть? Я сейчас вам расскажу цель своего визита.

— Я вас слушаю, — ответила певица.

— Приступаю, — поклонился он в ее сторону. — Считаю долгом сделать маленькое вступление и заявить, что я старый, очень старый, — подчеркнул он, — друг вашего отца, Мишеля Бражелона.

Бланш слегка вздрогнула.

— Во-первых, он мне вовсе не отец, — надменно произнесла она. — Вы ошиблись.

— Во всяком случае, он считает себя таковым, — холодно возразил Громов.

— Хорошо, продолжайте! — сердито крикнула певица.

— Вы имели неосторожность выгнать его вон. Это большая оплошность с вашей стороны. Теперь я пришел от его имени. Он требует денег.

Лицо Фражет исказилось бешенством.

— Никогда я ему не дам их, никогда! — закричала она.

— Он грозитя, — значительно произнес англичанин и протянул ей написанное Бражелоном послание.

По мере его чтения Фражет бледнела.

— Сколько вы хотите? — с трудом выговорила она.

— Мишелю Бражелону пока довольно тысячи двести, — невозмутимо ответил Громов, — а мне...

— Что? Что? — почти крикнула певица.

— Право бывать у вас во всякое время дня и ночи.

— Вы с ума сошли!

— Пока еще нет.

— Я прикажу лакеям вышвырнуть вас, — протя-

нула Бланш руку к кнопке электрического звонка.

— Вы пожалеете об этом, Маргарита Вернье! — угрожающе сказал Громов.

Мертвенная бледность покрыла лицо Бланш, в глазах появился дикий ужас.

— Кто вы? Откуда вы знаете? — растерянno прошептала она.

— Так-то лучше, милая барынька! — усмехнулся Громов. — Откуда я знаю — это мое дело, а слушаться вас себя я заставлю. С сегодняшнего дня я у вас в доме — свой человек.

— Вы хотите погубить меня? — простонала она.

— Пока нет, а за дальнейшее не ручаюсь.

— Что вы знаете? — вдруг решительно спросила певица. — Говорите мне... или я вас выгоню...

— Многое... Очень многое. Историю в Петергофе, например...

Фражет пронзительно вскрикнула и упала в обморок. Сыщик поздравил себя с победой.

Между тем это было преждевременно.

Если бы он знал хорошо Фражет, то не так скоро поверил бы в ее обморочное состояние, так как ловкая комедиантка впала в него лишь для того, чтобы вернее обдумать свой дальнейший план действий.

Сквозь полузакрытые ресницы, в то время как Громов тер ей виски, она наблюдала за ним и пришла к убеждению, что это — враг опасный и сильный. Конечно, не укрывшись от нее и его грим, и это навело ее на мысль, что перед нею переодетый сыщик.

«Ну, подожди, голубчик, я тебе задам баню!» — злорадно подумала она и, найдя, что ее обморок был достаточно продолжителен, стала постепенно приходить в себя.

Глубоко вздохнув несколько раз, она томно взглянула на Громова и чуть слышно произнесла:

— Дайте мне воды!

Сыщик поспешил исполнить ее просьбу. Проглотив несколько глотков, Фражет села и несколько минут оставалась молчалива. Громов тоже молчал.

— Послушайте, — наконец слабым голосом заговорила она, — что вы от меня хотите? Я не знаю, кто вы, ни за чем пришли? Если вам наболтал какую-то ерунду Мишель Бражелон, неужели вы поверили ей? Это глупо, наконец.

— Однако эта ерунда не помешала вам упасть в обморок, едва вы слышали ее, — усмехнулся сыщик.

Она грустно подняла взор к потолку.

— Видит Бог, я ни в чем не виновата! Бражелон наклеветал на меня. Да, правда, меня раньше звали Маргарита Вернье, Фражет — мой сценический псевдоним, но, клянусь, я невинна.

— И вы не убили Нины Сергеевны Кутузовой и не украли ее ребенка? — прямо глядя ей в лицо, неожиданно выпалил Громов.

— Нет. Позвольте мне рассказать вам правду... я почувствовала к вам доверие... вы, должно быть, хороший. Выслушайте меня! Меня шантажируют, обирают, — с волнением умоляла Бланш. — Выслушайте.

Громов был сбит с толка. Он ожидал от своего брошенного прямо в лицо обвинения резкого эффекта с новым обмороком и был поражен, что этого не случилось.

«Что это — ловкая комедиантка или действительно невинная? — спросил он. — Послушаем, что она скажет».

И он, стараясь выказать сочувствие, произнес:

— Говорите... Я весь — внимание.

Певица поднесла надушенный платок к глазам.

— Ах, вы не поверите, как мне тяжело рассказывать вам все! Но... ваше обвинение вынуждает меня к этому. Сейчас вам станут понятны и мой испуг, и мое почти сознание в совершенном злодействе. Да, это вам станет очень понятно. Я должна начать издавека, с детства. Оно было у меня крайне безрадостно. Моя мать приехала в Россию служить гувернанткой, была обольщена одним молодым графом и брошена. Плодом этой связи была я. Почти нищая, с ребенком на руках, моя мать чуть не умирала с голода и в это время встретила с Мишелем Бражелоном... с этим бичом всей моей и матери жизни! — с ненавистью добавила певица. — Он приютил нас и в конце концов женился на моей матери. Вначале все шло хорошо. Он был учителем танцев и музыки, у нас был достаток, и мы не нуждались. Но у моего приемного отца вскоре оказался ужасный недостаток. Он стал пить. О, что за ужас начался тогда! Перестал работать, продал все вещи и в конце концов, когда ресурсы все истощились, заставил мою мать продавать себя, чтобы добывать ему денег. Эта каторга длилась восемь лет. Нако-

нец моя мать умерла в чахотке, оставив меня девятилетней девочкой на попечении Бражелона.

— Но почему же она не отправила вас к вашему отцу и вообще не обратилась к нему за помощью? — спросил заинтересованный Громов.

— Он умер через год после брака моей матери, — грустно поникла головой Фражет, — притом моя мать была очень горда. Она происходила из старинного дворянского рода, бывшего до революции очень богатым и знатным, и только крайняя бедность заставила ее служить, но не унижаться. Это была святая женщина. Я никогда не слыхала от нее ни одной жалобы. Когда она умерла, моя жизнь стала еще невыносимее. Раньше меня хоть не били, а теперь это стало обыкновенным явлением. Любовницы Бражелона, а их он менял каждый месяц, всячески измывались надо мною. В четырнадцать лет он продал меня одному старику. Я жестоко сопротивлялась, и это свидание кончилось тем, что я толкнула подлого старика, покушавшегося на меня, в грудь, а он упал и умер. С этого момента и началась моя каторга, длящаяся и до сих пор. Я не знала, что он умер от разрыва сердца, что доказало вскрытие, и считала себя убийцей. Это роковое слово тяготеет на мне всю жизнь. Бражелон всеми силами поддерживал во мне это убеждение. Он грозил, что предаст меня полиции, если я не буду слушаться его, и я слушалась. Впрочем, он больше не пробовал продавать меня. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, я встретила с человеком, которого полюбила. Это был Кутузов. Мы сошлись. Он хорошо заплатил за меня Мишелю, и тот оставил нас в покое. Я блаженствовала. К несчастью, через полгода этой связи я забеременела. Если бы я знала тогда, что от этого проявления природы я буду несчастна, то, конечно, избежала бы от него, но молодость глупа, и я мечтала даже обрадовать этим своего любовника. Случилось, конечно, наоборот. Кутузов охладел ко мне и, когда на свет появился ребенок, перестал почти бывать у меня. Однажды я узнала, что он женился. Мое отчаяние было безгранично. Я была как бешеная, ловила Кутузова на улицах, делала скандалы, умоляла вернуться, грозила. Жестокая горячка, захватившая меня, прекратила все это. Я выздоровела. Бражелон, взявший хорошую сумму с Кутузова, стал уговаривать меня уехать в Париж, чтобы поступить на сцену, и я

согласилась. Как я узнала потом, он распространил известие, что я умерла. По дороге мы застряли в Варшаве. Мой спутник там закутил, встретив каких-то приятелей, и мы прожили там несколько месяцев. Однажды вечером, вернувшись домой пьяный, он протянул мне русскую газету и сказал: «Ну-ка прочти. Тут есть и о тебе». Я начала читать и, к своему ужасу, узнала, что моего бывшего любовника постигло несчастье — у него убили жену и украли дочь, причем подозрение падало и на меня. Конечно, в то время я могла доказать свою невиновность, но, испугавшись, не сделала ни шага к этому, а потом это было трудно. В Париже Бражелон стал шантажировать меня на этой почве. В первое время, когда мне не везло, он заставлял меня, как и мою мать, торговать собою на улице, грозя, если я не соглашусь, выдать меня полиции для передачи русским властям. Всю остальную свою жизнь до сих пор я плачу ему. И теперь этот негодяй осмеливается рассказывать обо мне небылицы! О, это выше моих сил!

Фражет притворно разрыдалась.

Громов внутренне улыбался. Почти поверивший вначале искренности этой исповеди, в конце он убедился, что если не вся она ложь, то добрая половина ее вымышлена. Крест на шее ребенка и предсмертные слова Маргариты, любовницы Бражелона, не верить которым он не имел оснований, лишали трогательный рассказ Бланш вероятности.

«О Люси ни слова! Попробую спросить», — подумал он и, притворяясь тронутым, воскликнул:

— Как мне жаль вас, бедняжка! Действительно, такое поведение Бражелона возмутительно! Но о какой племяннице, живущей у вас, рассказывал он мне?

Фражет привскочила как ужаленная.

— Уж не сказал ли он вам, что это и есть украденный ребенок? — гневно закричала она.

Громов улыбнулся.

— Это ложь, слышите ли, ложь! — выходила из себя она. — Это ребенок моей сестры! Я могу это доказать.

— Но позвольте, — остановил ее собеседник, — по вашему рассказу выходило, что вы были единственная дочь у матери.

Фражет со злобой хрустнула пальцами.

— Двоюродной, конечно, — вывернулась она.

Вдруг ее глаза зажглись лукавым огоньком. — Мы давно беседуем с вами, — вкрадчиво сказала она, — а я вас еще ничем не угостила. Стаканчик токайского не помешает нашей болтовне, — и, не дожидаясь ответа гостя, она нажала пуговку электрического звонка. — Принесите мне из буфета нераскупоренную бутылку вина с красной головкой! — приказала она вошедшей горничной Мари. — А мне — мою мадеру.

Громов не заподозрил в этом приказании ничего странного.

Когда принесенное Мари вино было разлито по стаканам, Фражет высоко подняла свой и воскликнула:

— Выпьем, сэр Эдварс, — вы, кажется, так называли себя? — за сохранение наших дальнейших дружеских отношений!.. Ведь вы не хотите мне зла, не правда ли? — кокетливо заглянула она ему в глаза.

Сыщика передернуло от этого взгляда. Сладкий аромат, насыщавший воздух комнаты, роскошная, манящая обстановка, красавица женщина со жгучими глазами, сладострастно раскинувшаяся на софе, произвели на него впечатление, и ему вдруг страстно захотелось упасть к ее ногам, произнести пылкое признание и затем замереть в ее объятиях. Он еле мог сдержать себя.

Отведя свой взгляд от нее, он залпом выпил свой стакан и тогда только сказал:

— Конечно, мадемуазель.

Бланш подалась вперед всем корпусом и, гипнотизируя его взглядом, тихо произнесла:

— Ведь вы не тот, за кого себя выдаете?

— Да, не тот, — неожиданно даже для себя соткровенничал Громов.

— Я это угадала с первого взгляда на вас. Скажите откровенно, зачем вы пришли ко мне? Ведь не за деньгами, нет?

— Нет, — отрицательно покачал он головой.

— Тогда зачем? В свои последние минуты вы можете быть откровенны.

Громов, которого вдруг начала одолевать неожиданная слабость, вздрогнул.

— В последние минуты? — с дрожью произнес он.

— А вы думали, мой голубчик, что выйдете от меня здоровы и невредимы? Шалишь! Я еще хочу жить, и на свободе. Тюрьма мне не улыбается.

Громов хотел вскочить и не мог. Ужас как бы сковал его члены.

— Что вы сделали со мною, несчастная! — глухо закричал он.

— То, что делают с сыщиками преступники, когда они попадают в их руки. Я вас отравила, — спокойно ответила Фражет. — Вы довольны?

— Демон! — сжал он кулаки.

Дьявольская усмешка появилась на губах певицы.

— А вы — ничего не стоящий актер. Вы пришли разыграть роль шантажиста вроде Бражелона и на первых же порах отказались от денег. Значит, что же вам было нужно? Я сообразительна и догадалась: мое сознание в преступлении!.. Наивно думать, что я это сделаю. Надо было вас уничтожить, и я уничтожила. Меня интересует только вопрос, кто навел вас на мысль копаться в деле, совершенном семнадцать лет тому назад? Ну, говорите!

Громов, от слабости уже не шевелившийся, еле внятно ответил:

— Ты не узнаешь этого, змея. Но берегись: кроме меня есть и другие, знающие твою тайну. Они жестоко отомстят за меня.

— Справлюсь и с ними! — усмехнулась Фражет. — А впрочем, могу вас успокоить: через два часа меня не будет в Петербурге.

— Каким ядом ты отравила меня? — собрав последние силы, простонал Громов.

Вместо ответа певица быстро подошла к нему и поднесла к его носу маленький хрустальный флакончик.

— Довольно, наговорились, — злобно пробормотала она.

Громов стал неподвижен.

С силой, которую трудно было предположить в женщине, Фражет взяла его на руки и понесла из комнаты. Рядом с будуаром находилась ее спальня, а из нее вела дверь в гардеробную, большую комнату, всю заставленную колоссальными шкафами, она-то и должна была сослужить певице теперь службу. Подойдя к одному из шкафов, Фражет положила на пол свою странную ношу, достала из кармана платья связку металлических ключей и, выбрав один, вставила его в скважину замка. Когда обе двери были растворены настежь, певица подняла сыщика и положила его на дно шкафа. Сняв затем два висевших платья, она тщательно закрыла его ими и заперла шкаф.

— Полежи тут, голубчик, до поры до времени! — пробормотала она про себя, выходя из комнаты, и тщательно заперла дверь в гардеробную.

XVIII

ПЛАН АВАНТЮРИСТКИ

Вернувшись в будуар, Фражет внимательно осмотрелась кругом, ища, не оставила ли ее жертва чего-нибудь после себя, подняла с дивана цилиндр Громова с перчатками, пихнула их под диван и, осторожно прислушиваясь, крадучись направилась в прихожую.

Лакея там не было. Схватить пальто устранившегося нежелательного гостя было делом одной секунды, после чего Фражет бегом бросилась обратно в свои комнаты. Заперев пальто и цилиндр в большой шифоньерке, стоявшей в спальне, она позвала горничную, а когда та явилась, недовольно обратилась к ней:

— Почему Поля никогда нет в прихожей?

— Не могу знать, — ответила Мари.

— Странно! Мне приходится самой провожать своих гостей. Сделайте ему выговор! — и затем, указывая на недопитые бутылки с вином, певица добавила: — Их поставьте на буфет. Ключ дайте мне. Я сейчас уезжаю. Экипаж подан?

— Так точно.

Спокойно, как ни в чем не бывало, Фражет пошла одеваться, а через десять минут, совсем готовая к выходу из дома, зашла в комнату Люси.

Последняя сидела с книгой у окна. Сестра милосердия, что-то вязавшая недалеко от молодой девушки, поспешно встала при входе певицы и вышла из комнаты. Фражет ласково поздоровалась со своей племянницей.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Ничего, тетя, только слабость... — тихо ответила Люси.

— Ну, это пройдет... в особенности на воздухе. Я хочу отправить тебя на дачу.

— На дачу? — удивленно подняв голову, спросила молодая девушка.

— Да, за город... Погода чудная, тебя будет окружать спокойствие, и я уверена, ты скоро совсем по-

правишься. Тебя будут навещать, ты не будешь скучать.

— О, скуки я не боюсь, — улыбнулась Люси.

— Мне этого хочется тем более, что я на месяц должна уехать из Петербурга в Париж. Надо возобновить туалеты, репертуар. Ты, детка, останешься одна. Будь умница. Я найду тебе компаньонку, и с нею ты будешь жить. Дачу я тоже нашла...

— А как же Жорж? — с мольбой подняла взор на Фражет Люси. — Кто его будет искать?

По лицу певицы пробежала страдальческая судорога.

— Жорж! Жорж! — раздраженно сказала она. — Разве я знаю, где он? Не могу же я из-за него отдаться на растерзание врагам!.. Пусть пропадает, если сам этого хотел. Я сделала все, что могла. Он, видимо, умер.

— Или томится в неизвестности и горе, — со слезами прошептала Люси. — Он считает себя убийцей.

— Глупый мальчишка! Но довольно о нем. Ты, значит, согласна завтра переехать за город?

— Делайте, как считаете нужным, — покорно ответила молодая девушка.

Бланш, поцеловав ее в лоб, вышла из комнаты. Дьявольский план зрел в ее голове.

Садясь в экипаж, она приказала везти себя в гостиницу «Англия» и всю дорогу была погружена в раздумье.

Когда лошади остановились у подъезда гостиницы, Фражет легко выпрыгнула на панель и быстро вбежала в подъезд.

— Здесь остановился господин Бражелон? — обратилась она к рослому швейцару, почтительно распахнувшему перед нею дверь.

— Так точно. Третий этаж, направо...

— Он дома?

— Дома-с... Прикажете проводить?

— Не надо, я сама найду! — И Фражет быстро пошла по лестнице.

Попавшийся навстречу лакей показал ей дверь комнаты Бражелона. Последняя была не заперта. Певица вошла в нее, и первое, что ей бросилось в глаза, это — храпевший старик, неуклюже растянувшийся на диване. Пустая бутылка и стаканы указывали на причину его несвоевременного сна.

Швырнув на стул свой зонтик, Бланш быстро подошла к спящему, грубо потрясла его за плечо и крикнула ему в ухо:

— Вставай, старый пьяница!

— Ах, это ты, Бланш, — пробормотал Бражелон, открыв ослепшие глаза.

— Вставай, старый болтливый дурак! — злобно потрясла она его. — Спасай свою шкуру.

— Я не понимаю, что ты говоришь.

— Ты, видимо, только тогда поймешь, когда тебя арестуют.

С Бражелона разом слетел хмель.

— Арестуют? — испуганно воскликнул он.

Бланш с ненавистью оглядела его испитую физиономию, смятое платье и гневно топнула ногой.

— Проклятый! За твою болтовню я чуть не поплатилась. Скоро ли ты меня избавишь от своей мерзкой рожи?

— Что же случилось, Бланш? — смущенно пробормотал Бражелон.

— Он еще спрашивает! Выболтал нашу прошлую тайну какому-то сыщику, а теперь притворяешься непонимающим. Или тебе обещали оправдание? Отвечай, пьяница!

Старик пожал плечами.

— Ничего не понимаю. Что я выболтал? Кому?

— Рыжему англичанину, зовущему себя сэром Эдварсом. Что, вспомнил?

Бражелон побледнел.

— Я ему ничего не говорил, — растерянно прошептал он. — Клянусь тебе!

— Однако он все знает.

— Только не от меня.

— Ну, это теперь все равно, — решительно сказала Фражет. — Надо спасать шкуры. Он устранен, но за его спиной есть другие. Необходимо бежать.

— Куда? — машинально спросил старик.

— Садись и слушай! У меня готов план. Ты немедленно покинешь эту гостиницу. Беги, не платя по счету, чтобы не знали, что ты больше сюда не вернешься. Ничего с собою не бери. У того сыщика, наверно, есть помощники, которые следят за тобою. Надо от них ускользнуть.

— Это я сумею, — похвастал Бражелон.

— Отлично! Затем ты скроешься под чужой фами-

лей в какую-нибудь трущобу, предварительно изменив свою внешность. Вспомни старину и получишь заграничку. Все нужное ведь у тебя есть?

— Есть, есть, — поспешил уверить он.

— И последнее, что предстоит тебе сделать для нашего спасения, это сегодня же вечером пробраться в мою квартиру и устроить пожар в гардеробной.

Бражелон вытаращил глаза.

— Это зачем?

— Затем, что надо смести с лица земли следы человека, которого я сегодня отравила. Он заперт в шкафу. Не могу же я вечно держать его там — запах может выдать. Пробравшись тайком в мою квартиру, ты оставишь следы взлома у всех запертых дверей, устроишь пожар в гардеробной, выскочишь за дверь, запрешь ее или, вернее, захлопнешь, так как замок там сам защелкивается, бросишь около нее связку отмычек и скроешься.

— А если найдут труп? — дрожа спросил старик.

— То предположат, что это — труп вора, сумевшего забраться, но не успевшего выбраться. Не забудь оставить в гардеробной подсвечник со свечкой. Надо, чтобы предположили, что он сам поджег, конечно, нечаянно. Сделай взлом нескольких шкафов.

— А если меня заметит прислуга?

— Я ее всю отпущу до завтрашнего утра, так как сама не буду ночевать дома. Комната Люси далеко, и девчонка не услышит. Препятствий быть не может. Помни, что это — наша последняя ставка. Удастся — мы спасены, не удастся — погибли... И ты, мой милый Бражелончик, и я... У нас не более двух дней времени.

— Ты говоришь, сэр Эдварс был сыщик?

— Настоящий!.. Признайся, ты сболтнул ему что-нибудь? Конечно, он спаивал тебя?

— Да, да, — покачал головой старик. — Мы сильно выпили. Но кто бы мог подумать!

— На тебя велась облава. Одно меня успокаивает, что, видимо, у них нет доказательств, иначе нас прямо арестовали бы. Будем надеяться, что удастся ускользнуть.

— А что ты сделаешь с Люси? — спросил Бражелон.

Злая усмешка скривила рот Бланш.

— О, она будет пристроена! Завтра утром за нею

приедет карета и отвезет ее в верное убежище. Оттуда ей не выскользнуть.

Старик пристально взглянул на нее.

— К нему? — значительно произнес он.

Фражет кивнула головой.

— И ничего за это не получишь?

— Ну, нет, двадцать тысяч, меньше не возьму.

— Половину мне! — алчно крикнул Бражелон.

— Возьмешь все, — успокоила она его. — Мне денег не надо... Княгиня Чарыгина не нуждается в жалких двадцати тысячах.

— Княгиня... ты?

— Через четыре-пять дней я буду ею. Сегодня князь сделал мне предложение. Как только мы переедем границу, тотчас же обвенчаемся. Прощай, прошлое, и навсегда!

Бражелон был поражен. Он с восхищением глядел на Бланш Фражет во все глаза и, казалось, не верил своим ушам.

— Ну, и ловкач-баба! — только и мог произнести он.

Фражет, довольно улыбаясь, встала.

— Мне некогда больше болтать с тобою! Прощай! — протянула она ему руку. — Знай, я не поскплюсь, если ты чисто сработает мое дельце. К двадцати тысячам Кутузова я прибавлю еще новых.

— Ты перестала сердиться на меня за Жоржа? — заискивающе заглянул он ей в глаза.

— Не вспоминай мне никогда больше о нем! — резко сказала Бланш. — Противный, неблагодарный мальчишка заставил меня и так много страдать. Черт с ним! Я думаю теперь только о новой жизни и о том, как бы избежать расставленных мне сетей. Прощай! — и она пошла к двери.

Бражелон боязливо окликнул ее:

— Бланш!.. Ты не боишься, что при выходе отсюда тебя могут арестовать?

Фражет презрительно захохотала.

— Нет, мой старичок, я не боюсь этого! Я всегда была смела и останусь такою до могилы. Я верю еще, что моя счастливая звезда не угасла. Враги выжидают, я это чувствую, а когда они захотят схватить меня, я буду далеко.

— Когда я тебя увижу? — спросил старик.

— Завтра, в двенадцать часов, в Летнем саду. Там

и рассчитаемся, — и, невозмутимая и спокойная, Бланш вышла из комнаты.

Спускаясь по лестнице, она столкнулась с Костровым. Последний пристально оглядел ее.

«Черт возьми, — мелькнула у него мысль, — если я не ошибаюсь, это мадемуазель Фражет, отслеживаемая нами птичка. Уж не начальник ли привез ее сюда?»

Он поспешил наверх в свои комнаты. Громова там не оказалось. Почувствовав смутную тревогу, агент поспешил в комнату Бражелона. Последний, едва слышав его шаги, притворился спящим. Кострову это показалось подозрительным. Он попробовал растолкать старика, но так как тот только мычал на его вопросы, его подозрения еще больше усилились.

«Что-то дело не чисто, — решил он. — Не случилось ли чего с начальником? Зачем-нибудь да была эта рыжая тигрица. А что это — она самая, я больше не сомневаюсь», — и он поспешил опять к себе.

«Что предпринять? — тотчас возник в голове вопрос. — Не могло же с начальником приключиться что-либо ужасное среди бела дня в густонаселенном квартале. Однако где же он?»

Беспокойство Кострова с минуты на минуту усиливалось. Он все время нетерпеливо ходил по комнате, но когда прошло полчаса и Громова все не было, решил что-нибудь предпринять.

«Оденусь лакеем и пойду к Маше, — явилась мысль. — Узнаю, был ли там начальник и когда ушел».

Костров стал быстро гримироваться и через четверть часа стал опять тем человеком, который познакомился со швейцаром дома, где жила Фражет, и поставил на место горничной Мари.

Спустившись вниз, он незаметно проскользнул мимо не обратившего на него внимания швейцара гостиной и вышел на улицу. Зорко оглядываясь по сторонам, в надежде встретить Громова, он быстро пошел по панели и через десять минут достиг цели своего назначения.

Издали раскланявшись со швейцаром, он шмыгнул в ворота и скрылся в пролете лестницы.

На ней его ожидала неожиданная встреча. Не успел он подняться и на десять ступеней, как узнал в спускавшейся ему навстречу женщине свою жену. Она шла

совсем одетая и обрадованно вскрикнула, увидя его.

— Ты куда? — спросил Костров.

— Домой, — радостно ответила она. — Всех нас сегодня отпустили гулять.

— Мне надо поговорить с тобою, — серьезно сказал Костров. — Я предчувствую несчастье.

Марья Федоровна испуганно-вопросительно посмотрела на него.

— Меня беспокоит начальник, — прямо приступил к мучившему его вопросу Костров. — Он исчез.

— Давно? — спросила его жена.

— Да, уже часа три.

Молодая женщина улыбнулась.

— Немного. Ты забываешь, что иногда не виделся с ним по нескольку дней.

— Это — другое дело, сегодня же он отправился к твоей певице и пропал. Ты видела его у нее?

Кострова отрицательно покачала головой.

— Нет, — сказала она.

— Не может быть! Он был у нее под видом англичанина. Рыжие баки...

— Постой, постой! — удивленно воскликнула Мари. — Да, он был у нас. Но как я его не узнала?

— Мало проницательности. Но расскажи мне, что он у вас делал?

— Право, не знаю. Он долго сидел в будуаре певицы, затем та позвала меня и приказала подать вина. Я это исполнила. Через четверть часа раздался звонок, но гостя уже больше не было.

— Ты видела, как он уходил? — с волнением спросил Костров.

— Нет, певица выпустила его сама.

— Почему ты знаешь это?

— Потому что она приказала мне сделать выговор лакею за то, что его не было в передней.

— И она часто выпускает гостей сама? — задумчиво спросил сыщик.

— Это — первый случай при мне.

Лицо Кострова становилось все тревожнее.

— Знаешь, Маня, мне сдается, что тут дело не чисто, — с беспокойством произнес он. — Не сыграла ли она с начальником какой-нибудь шутки? Недаром эту певицу зовут пантерой.

— С чего ты это заключил? — испугалась Мари.

— А вот по каким признакам. Начальник отпра-

вился к ней и обещал вернуться тотчас в гостиницу. Между тем он не пришел. Час тому назад я встретил твою госпожу на лестнице нашей гостиницы. Несомненно, она шла от Бражелона. Я отправился к последнему и нашел его спящим. Конечно, он притворялся, чтобы я не расспрашивал, а если это так, то, значит, у него было что скрывать. Из всего я заключаю, что Фражет догадалась или выпросила начальника о ведении нами на нее облаве и приняла свои меры. Но какие — это вопрос. В одном могу ручаться, что когда вернусь в гостиницу, Бражелона там не будет.

Кострова слушала его затаив дыхание.

— Что же ты хочешь предпринять? — спросила она, когда он кончил.

— Пока не знаю, но думаю, что первое, что надо сделать, это найти начальника.

— Он, может быть, отправился по своим делам, — сделала предположение Кострова.

— Вряд ли он сделал бы это, не уведомив меня. Предчувствие говорит мне, что с ним случилось неладное. Не можешь ли ты устроить, чтобы я мог пробраться в квартиру твоей певицы?

— Зачем тебе это? — тревожно спросила жена.

— Произведу маленький обыск для успокоения. Могу я рассчитывать попасть в квартиру?

— Легче этого ничего нет — у меня есть ключ от черного хода. Но вдруг нас заметят?

— Кто? Ведь прислуга распущена.

— Да, но больная барышня с сестрой милосердия дома.

— Ее комната близко от будуара певицы?

— Нет, далеко. У нее отдельный ход.

— Так о чем же толковать? Я сниму сапоги, ты сделай то же.

— Хорошо. В случае чего я скажу, что вернулась домой за забытым платком. Но сейчас идти еще нельзя, повар не ушел.

— Так обождем на улице.

Муж с женой покинули лестницу и походкой гуляющих людей пошли по панели.

Кострова все время зорко следила за воротами покинутого дома и наконец тронула мужа за локоть.

— Повар вышел и уезжает, — шепнула она.

Погуляв еще немного, супруги незаметно скользнули в ворота.

Осторожно, стараясь не шуметь, Мари вложила ключ в замок и впустила мужа в квартиру. Там царил могильная тишина. Сначала они пришли в комнату Мари, там Костров снял сапоги, а затем уже, не производя ни малейшего шума, отправился дальше. Жена следовала за ним.

В прихожей проницательный взгляд сыщика остановился на знакомой ему палке Громова. Он с торжеством показал на нее Мари и тихо сказал:

— Я говорил, что дело неладно.

— Но он мог забыть ее, — возразила она.

— Начальник никогда и ничего не забывает, — уверенно произнес Костров.

Дальнейший осмотр не дал больше ничего интересного.

— Попробую осмотреть все хранилища, — решил наконец сыщик и, достав связку отмычек, стал бесцеремонно отмыкать ящики письменных столов, шкафов и шифоньерок певицы.

Когда он открыл ту, в которой лежало пальто и шляпа Громова, то не мог громко не вскрикнуть.

— Что случилось? — бросилась к нему жена.

— Посмотри! — только и мог выговорить Костров.

— Пальто и шляпа, — побледнела Мари.

— Да это — его, начальника.

— Боже мой, да что же она сделала с ним? — испуганно всплеснула руками молодая женщина.

— Убила, — дрожащими губами, со слезами на глазах, еле мог выговорить Костров.

— Этого не может быть! — запротестовала Мари. — Где же кровь? Я решительно ничего подозрительного не видела, когда убирала.

Молодой сыщик ударил себя по лбу.

— Постой, постой! — вскрикнул он. — Я теперь угадываю, что она с ним сделала: она отравила его. Ведь она его угощала вином.

— Да, да... но бутылка была не раскупорена.

— Это ничего не значит! Она могла или заранее отравить вино ядом, или всыпать его в стакан незаметно для него.

— Хочешь, я тебе принесу это вино? — предложила Кострова.

— Успеется. Теперь надо торопиться отыскать тело начальника. Может быть, не поздно спасти его.

Супруги-сыщики с лихорадочной поспешностью принялись за новые поиски.

— Он не иначе как там, — остановился Костров перед закрытой дверью в гардеробную. — Что это за комната?

— Там висят платья певицы. Отворяй!

Заработала отмычка, и дверь открылась.

Вдруг до вошедших явно донесся тихий стон.

— Он здесь и жив! — радостно воскликнул сыщик. — За дело... Живей!

Стон вторично донесся из одного из шкафов.

— Здесь, — подбежала первая к нему Мари.

Шкаф был открыт, и бесчувственного Громова вынули из него. Он еле дышал. На губах лежал слой пены, все лицо было иссиня-бледное.

Костров мигом очутился около него на коленях и открыл ему рот, чтобы исследовать десны.

— Он отравлен опиумом, — сказал он, кончив осмотр. — Беги в аптеку за противоядием.

Мари не заставила повторять себе приказание. Через минуту, закутав голову платком, она уже спускалась по лестнице.

Молодой сыщик, оставшись один с боготворимым им начальником, бережно поднял его на руки и перенес в спальню певицы на кровать. Заметив на стене шкафчик с аптечкой, он достал из него спирт и стал растирать виски больного.

Громов задышал свободнее.

Кострова вернулась скоро. Принесенное ею лекарство было тотчас влито в рот больного, и нужно было ждать его действия.

— Нельзя же оставлять его здесь? — обратился Костров к жене, когда первые меры были приняты.

— Да, нельзя, — согласилась она. — Но что же делать?

— Надо увезти его отсюда и тотчас отдать на попечение доктора.

— Как же это сделать? Нас могут задержать?

— Смелость города берет. Закутаем его в одеяла, я приведу извозчика к лестнице, уложим его и уедем. Собственно говоря, кому какое дело? Станут расспрашивать дворники, скажем, что везем его в больницу.

— Попробуй. Кстати, и на дворе темнеет.

Через полчаса Громова увозили из дома, чуть не ставшего для него могилой.

ЛИКВИДАЦИЯ

В это самое время, через несколько улиц от места настоящего происшествия, Фражет сидела в кабинете Всеволода Александровича Кутузова и вела с ним «деловую беседу». Предметом этой беседы была Люси, которую певица в буквальном смысле этого слова продавала старому ловеласу. Перед нею на столе лежала пачка крупных ассигнаций, но она не спешила убирать их.

Кутузов, покрасневшийся, взволнованный, в щегольской бархатной курточке, сидел развалившись в кресле и, сладострастно поблескивая глазами, спрашивал ее:

— Так завтра в десять утра? Карета в две лошади, со спущенными шторками, непременно наемная?

— Непременно. Кучеру не давайте адреса.

— Но куда же он поедет?

— Адрес будет у Люси. Я прикажу ей дать его кучеру тогда, когда они проедут несколько улиц.

— А она ничего не заподозрит?

— Наоборот. Я объясню, что делаю это для того, чтобы поклонники не узнали ее местопребывания и не стали надоедать ей.

— Это гениально! — восхитился Всеволод Александрович.

Насмешливая улыбка скользнула по губам певицы.

— В особенности в отношении Люси. Предупреждаю вас, что вам придется повозиться с нею, прежде чем вы добьетесь успеха.

— О, это меня только подзадоривает! Легкие победы скоро теряли для меня вкус.

— Девочка будет сопротивляться.

— Тем приятнее будет победа.

— Вас не шокирует, что она будет обманным образом завезена на вашу дачу? — злорадно спросила певица.

— Кто ради красоты женщины не делается подлецом! — с пафосом воскликнул Кутузов. — Клянусь, я сделаю ее в конце концов счастливой!

Огоньки злого торжества так и забегали в темных глазах Бланш.

— Разве я сомневаюсь в этом! — с непередавае-

мой интонацией сказала она. — Я отдаю вам ее, как отцу. Вы один вправе и можете устроить ее судьбу. Только сдав Люси с рук на руки вам, я могу со спокойной совестью сказать себе, что исполнила свой долг перед ее родителями!

— Можете, дорогая Бланш, можете! — растрогался старый жуир. — Я ей заменю и отца, и брата, и мужа.

— Итак, я могу, значит, уехать?

— Вы уезжаете? — удивился он.

— Да, послезавтра, оттого-то я так и спешу с устройством судьбы моей милой девочки, — и Бланш принялась укладывать деньги в ридикюль.

— Ах, кстати! — воскликнул Всеволод Александрович. — Почему вы переменили свой первоначальный план взять за Люси ренту вашему племяннику, тому милому мальчику Жоржу?

— Он пропал, — грустно покачала головой Фражет.

— Пропал? Что это значит?

— Глупый ребенок поссорился с моим стариком-отцом и ударил его, тот упал, Жорж испугался, подумал, что убил его, и скрылся из дома. Несмотря на все поиски, не удалось установить, где он.

— Славный мальчишка! Очень жаль. Мне он очень нравился.

— Его все любили. Я бы дала сто тысяч, чтобы вернуть его. Но... я не надеюсь увидеть его еще живым.

Кутузов, во время разговора машинально перебиравший на столе бумаги, случайно взглянул на одну из них и воскликнул:

— Постойте, дорогая Бланш, не про вашего ли племянника я получил сегодня письмо?

— Письмо? — широко открыла она глаза.

— Да, да. Дело, видите ли, в чем. Есть у меня один приятель, южный помещик, большой чудака и филантроп. Он — вдовец, недавно потерял единственную дочь и теперь дурачится. Месяц тому назад он приехал в Петербург по каким-то делам, я с ним виделся раза два, но потом бросил — скучно. Надо вам заметить, что любимой его забавой служит езда на автомобиле.

— К чему столько предисловий? — нетерпеливо перебила его певица.

— К объяснению сегодняшнего письма. Вот что он

мне пишет: «Дорогой друг, в последний день моего пребывания в Питере со мною приключилось незаурядное происшествие. Катаясь вёчером на автомобиле по островам, я заметил, как какой-то человек стремительно побежал по откосу к воде и бросился в Неву. Я, конечно, последовал за ним. Благодаря мелкому месту, я тотчас вытащил его, не дав ему потерять сознания. Карманный электрический фонарь, осветив его лицо, показал мне, что это — юноша, почти ребенок, поразительной красоты. Поняв, что я спас его, он заплакал. «Кто вы?» — спросил я, но не получил ответа. Видя, что юноша дрожит от принятой холодной ванны, я перенес его в свой автомобиль и доставил в гостиницу. С ним начались жар и бред...»

— Боже мой! — простонала Фражет.

— «Горячки, к счастью, не было, — продолжал читать Кутузов. — Когда юноша пришел в себя, я стал расспрашивать его, кто он, где живет, но снова не получил ответа. Он плакал, просил меня спрятать его от кого-то, но ничего определенного не говорил. Красота и незащищенность этого ребенка растопили мое старое сердце. Я решил взять его с собою. Теперь он живет со мною, повеселел, учится, но ничего не говорит о своем имени. Разузнай, пожалуйста, старый дружище, не ищет ли какая семья своего пропавшего члена, и сообщи мне. Жаль мне будет расстаться с ним, я бы с удовольствием усыновил его, но мысль, что есть люди, которые, быть может, страдают о нем, оплакивают его, угнетает меня». Ну-с, дорогая Бланш, что вы на это скажете?

Певица улыбалась сквозь слезы.

— Да, это — Жорж, несомненно он! — радостно произнесла она. — Как же я рада, что он жив!

— Что же мне ответить старику-чудаку?

— Не пишите пока ничего. Пусть Жорж живет у него, а мне дайте его адрес.

Всеволод Александрович охотно исполнил ее просьбу.

Фражет встала. Одну минуту добрые намерения вспыхнули в ее душе, она хотела броситься к Кутузову и рассказать всю правду про себя и Люси, но озлобление долгих лет и боязнь встретить проклятие вместо прощения остановили ее.

«Теперь поздно каяться, — мелькнула мысль. — Возврата нет. Через трупы не перешагнешь».

Улыбаясь нехорошей, злой улыбкой, Бланш протянула руку Кутузову.

— Прощайте, и, должно быть, навсегда.

— Прощайте, божественная! Счастливого пути!..

— Берегите же Люси!

— Клянусь! Завтра в десять!

— Да, да. Прощайте!

Выйдя от Кутузова, Бланш приказала взять себя к князю Чарыгину.

Последний чуть не умер от счастья, увидев ее. Не обращая внимания на слуг, он бросился целовать ее руки, радостно лепеча:

— Дорогая... любимая... Какое счастье!.. Ты у меня... Как я рад!..

Фражет нежно прикоснулась к его лбу губами.

— Мне надо серьезно говорить с тобою.

— Идем, идем. Я весь твой!..

Когда они пришли в кабинет князя, Бланш, прямо глядя последнему в глаза, спросила:

— Князь, вы серьезно просили сегодня моей руки?

— Конечно, серьезно, — удивился и почти обиделся он.

— Так вот вам она. Я согласна.

— Милая! — заключил он ее в объятия.

— Но с условием!.. Никогда ты не должен копаться в моем прошлом. Ни одного лишнего вопроса. Затем, я очень деспотична и буду требовать полного повиновения. Согласен ли ты на него?

— На все, на все, моя радость! — восторженно ответил Чарыгин. — Повиноваться тебе — блаженство!

— Хорошо, я испытаю тебя сегодня же. Вот мое непереносимое желание: послезавтра мы едем за границу.

Влюбленный не изумился.

— За границу так за границу. С тобою хоть на край света!

— Там и обвенчаемся, — деловито продолжала Бланш. — Никому здесь ни одного слова.

— Хорошо, хорошо, мое блаженство!

— Ты даже не спрашиваешь, отчего я так спешу уехать? — заглянула князю в глаза певица.

— Что мне за дело? Довольно, что ты этого хочешь. Быть всегда с тобою, вечно любоваться тобою — вот мое единственное желание, а не все ли мне равно, где это будет? Довольно ты измучила меня

здесь. Жизнь без тебя для меня больше невысказана. Я решил умереть, если ты не будешь моей.

— Не надо умирать, глупый! — шепнула Фражет, вся охваченная порывом взаимной страсти.

Их губы слились в долгом жарком поцелуе.

На следующее утро в восемь часов Фражет в карете князя подъезжала к своему дому.

Спокойная на вид, в душе она сильно волновалась, опасаясь, удался ли Бражелону план поджога. В эту минуту ею ставилось на карту все. Если следы преступления скрыты, она могла считать себя почти в безопасности и спокойно удрать от дальнейших поисков врагов за границу, если же нет, то кто знает, не ждут ли ее там для ареста? Сердце учащенно билось и замирало.

Когда лошади остановились у знакомого подъезда, Фражет на секунду даже зажмурилась. Вдруг чья-то рука распахнула дверцу.

— Барыня, какое несчастье-то! — раздался около нее взволнованный голос, по которому она тотчас узнала швейцара. — Не знаю, как и сказать?

— Что такое? — деланно равнодушно спросила Бланш, пристально вглядываясь в его расстроенное, бледное лицо.

— Квартира ваша сгорела.

— Не может быть! Отчего?

— Кто это знает! Может, от электрических проводов загорелось, может быть, и от чего другого. Прислугу-то вы всю распустили, ну, пожара никто совершенно и не заметил. Ночью дело было. Когда третья комната зачалась, тогда только дежурный дворник напротив узрел.

— Боже мой, какое несчастье! — горестно всплеснула руками певица. — А что барышня? Жива, здорова?

— Они не пострадали, хотя и их комнаты попортило. Всю ночь у генерала, что под вами живет, провели, теперь опять к себе поднялись. В квартире-то и сейчас пожарные находятся. Вас не знали, где и искать.

Качая головой и соболевая, Бланш поднялась по лестнице. Из роскошной квартиры певицы уцелели только прихожая и комната Люси, хотя и в них все было залито и перекопчено.

Фражет прямо пошла к ней.

— Дитя мое, какое несчастье! — крепко целуя ее в лоб, воскликнула она. — Кто мог ожидать...

— Ужасно! — закрыла лицо руками девушка. — Я еле успела выбежать. Если бы не сестра, так бы тут и осталась.

Певица сердечно пожала руку стоявшей тут же сестре милосердия.

— Благодарю вас! Если бы я знала, что это случится, то никогда не уехала бы из дома. Но кто мог предполагать? Тебе придется сегодня же переехать на дачу, — обратилась Бланш вновь к Люси. — Я сейчас же распоряжусь каретой. Здесь нельзя оставаться ни минуты. Вонь, копоть... фи! Соберите с сестрой, что уцелело, в чемоданы, а остальное я пришлю тебе уже туда. Горничную я пришлю туда сегодня же. Надеюсь, ты останешься довольна моим выбором. Этот противный пожар ускоряет мой отъезд.

— Мне все равно! — равнодушно согласилась молодая девушка.

— Ну, и отлично! Займись делом, а я тем временем пойду сделаю кое-какие распоряжения и осмотрюсь, — и певица покинула комнату.

Остановив одного из пожарных, она принялась подробно расспрашивать его о всем происшедшем ночью. В сопровождении его она прошла по обгоревшим комнатам, и только туда, где была гардеробная, ей не удалось попасть, так как над этой комнатой обрушился потолок и там еще дымились обломки.

При виде этого зрелища глаза Бланш довольно сверкнули.

— Когда же удастся все это разобрать? — с невинным любопытством спросила она.

— Дня в три, не раньше, — ответил ее путеводитель.

У Фражет радостно забилося сердце.

«В это время я уже буду далеко, — подумала она. — Если и найдут труп, то меня-то уже не словишь. Молодец, Бражелон!»

Подошедший сзади швейцар доложил ей, что ее желают видеть агенты двух страховых обществ, в которых было застраховано ее имущество.

— Скажите им, что мне сейчас некогда, — сказала Бланш. — Пусть обратятся к моему поверенному, я до этого дела не буду касаться, так как уезжаю за

границу, — и, сунув в руку пожарного золотой, она вернулась в комнаты Люси.

Там шла деятельная укладка. Все, что уцелело от копоты из белья и платьев, складывалось в чемоданы и запиралось.

— Где же вся прислуга? — с деланным удивлением спросила Бланш.

— Повар и судомойка вернулись, а Мари и Поль нет еще, — ответила ей сестра милосердия. — Последнего ведь вы отпустили до одиннадцати часов. Он к брату в Царское, кажется, поехал.

— Да, да. Но Мари должна была вернуться.

— Не знаю, отчего ее нет.

Время до десяти часов прошло незаметно. Ровно в этот час швейцар почтительно доложил, что за барышней приехала карета.

Люси была готова. Равнодушно простилась она с Фражет, а та пролила несколько фальшивых слезинок и растроганно сказала:

— Пиши мне, дитя. Как только я за границей где-нибудь поживу подольше, я телеграммой пришлю свой адрес. Я распорядилась, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Дебютировать тебе пока не советую, а чтобы тебе никто не мешал в твоём уединении, никому не дала твоего адреса, и даже кучеру кареты ты отдашь его тогда, когда вы отъедете от дома. На скромность сестры, которая проживет с тобою несколько дней, я рассчитываю. Через два месяца я вернусь. Вот тебе пятьсот рублей на мелочи.

Когда за уезжающими захлопнулась дверь, певица облегченно вздохнула.

«Ну, а теперь в банк, расплата с Бражелоном, и я свободна, как птица».

Она приколола снятую шляпу, накинула пальто и направилась к двери.

В последней ей неожиданно преградил дорогу какой-то человек. Воротник надетого на нем пальто был высоко поднят, мягкая шляпа надвинута на глаза, так что в первый момент Бланш не узнала его.

— Что вам угодно? — строго спросила она.

— Говорить с тобой, — тихо ответил он. — Неужели ты меня не узнаешь?

— Леонид! Это — ты? — слабо вскрикнула Фражет. — Что тебе надо?

— Сказать несколько слов в укромном уголке, —

опасливо оглядываясь, произнес он. — Спрячь меня! Я скрываюсь, за мной следят.

Нервная дрожь охватила Бланш.

— Следят? За что?

— После, после. Уйдем сначала отсюда. Я боюсь.

Бланш провела его в пустые комнаты Люси.

— Нас тут никто не подслушивает? — почти шепотом спросил Осокин.

— Нет, нет. Говори, что случилось!

— Случилось то, что я убил еще двух людей, чтобы вырвать от них портсигар... тот портсигар, который я обронил тогда, сбрасывая любовницу твоего князя.

— Но разве он нашелся?

— Да. Я прочел об этом в газетах. Я хотел купить его у стрелочника, он не продал, я взял силой. К несчастью, он остался жив. Теперь меня ловят. Неужели ты не читала об этом в газетах?

— Ты знаешь, я не читаю русских газет. Но что же ты хочешь от меня?

Осокин хрипло засмеялся.

— Наивный вопрос. Конечно, денег.

— Ты же получил?

— А остальные сорок тысяч?

— Векселям срок не наступил.

Леонид Юрьевич стукнул кулаком по столу.

— Не играй со мной в прятки, Бланш! — мрачно закричал он. — Что я теперь могу сделать с твоими векселями? Сжечь их только. Мне нужны деньги! Понимаешь, деньги! Я с ними убегу в Америку.

— Но где же я возьму?! — развела она руками.

— А мне что за дело! Ты хитришь, милашка, у тебя деньги есть. Подай мне их!

— Клянусь тебе, — протестовала она.

— Не хочешь, так я отдамся в руки полиции. Мне больше нечего делать, — решительно сказал Осокин.

В изворотливом уме француженки мелькнула мысль.

— Поймай, — остановила она Леонида Юрьевича. — Я отдам тебе, но не сейчас. Ты сам должен понять, что не ношу же я с собою таких крупных сумм.

— Когда же? — угрюмо спросил он.

— Послезавтра вечером. Я займу где-нибудь, но ты получишь.

— Ты не обманываешь меня? — пристально посмотрел ей в глаза Осокин.

— Глупый! — улыбнулась Бланш. — Обманывая тебя, я гублю себя.

— Хорошо! Но берегись, если ты лжешь! Два дня еще подожду, но не больше. Куда прийти?

— Самое лучшее на Французскую набережную, в девять вечера. Я буду в карете, захвачу тебя, рассчитаюсь и выпущу, — ответила Фражет, в то время злорадно думая про себя:

«Долго тебе придется там ждать меня, голубчик!»

XX

ПРЕДСМЕРТНАЯ ИСПОВЕДЬ

Поезд-экспресс был готов к отходу. Уезжающих от хмурой, дождливой петербургской осени было много, и перрон вокзала кишмя кишел народом.

У одного из вагонов, в маленькой группе мужчин, стояла Бланш Фражет с большим букетом белых роз в руках и, очаровательно улыбаясь, выслушивала последние пожелания провожающих друзей и поклонников. В душе у нее было ликование. Рядом с нею стоял счастливо улыбающийся князь Чарыгин, спящий и видящий, как бы ему скорее назвать ее своей женой. Впереди ей предстояли блестящее будущее, титул, богатство и человек, которого, кажется, она начинала любить. Сердце не подсказывало ей беды, раскаяние тоже было недоступно для него.

А между тем беда была очень близка.

В то время как Бланш оживленно болтала, эта беда с двух сторон надвигалась на нее. Заслоненная своими спутниками от толпы, она не видела, что из этой толпы за нею следили два зеленых глаза, горящих ненавистью. Это был обманутый ею Осокин. Он не слишком доверял честности своей бывшей любовницы и предпочел следить за нею, результатом чего и был его приезд за нею на вокзал. Тут он понял ее коварный замысел, и жажда мести закипела в нем.

«Сам погибну, но и ее погублю», — думал он и, сжимая в кармане пальто револьвер, только выжидал удобного момента.

Вторая беда шла с другой стороны.

Перед вторым звонком к вокзалу подъехала карета, из которой спешно вышли бледный, еле стоящий на ногах Громов, Костров и еще два сыщика. Первый

был загримирован англичанином и, поддерживаемый помощниками, вошел в вокзал.

— Надо спешить, — шепнул ему Костров. — Вам тяжело, начальник?

— Маленькая слабость.

— Вы бы остались, мы и без вас справились бы.

— Ни за что! — покачал головой сыщик. — Вы не знаете этой женщины. Только мертвец, вставший из могилы, в состоянии лишить ее самообладания. Я хочу посмотреть на ее поражение.

Младший сыщик не возражал. Молча стали они пробираться по платформе, ища глазами намеченную жертву.

В это время Осокин выбрал удобный момент и совсем близко подошел к Фражет. Его отделяла теперь от нее лишь спина одного господина, и стоило ему сделать одно движение, чтобы очутиться с нею лицом к лицу.

Вдруг прямо над его ухом раздался громкий, повелительный возглас:

— Именем закона, я вас арестую!

Крик ярости вырвался из груди Леонида Юрьевича. Он не разобрал, что этот возглас относился не к нему, не видел смертельного испуга, искажившего лицо Бланш, и только одно сознание, что его сейчас схватят, а низкая сообщница, толкнувшая его на путь преступлений, останется на свободе, вывело его из себя. Прежде чем кто-либо успел заметить и его, и его движение, он выхватил из кармана револьвер, изо всех сил толкнул преграждавшего ему путь человека и выстрелил в певичу.

— Погибать, так погибать вместе! — иступленно крикнул Осокин.

Второй выстрел ему не удалось произвести, так как Костров сильным ударом вышиб револьвер из его руки.

Но первый не миновал цели. Фражет слабо вскрикнула, схватилась руками за грудь и медленно опустилась на руки князя.

Сыщики окружили преступника.

— Теперь можете арестовать меня, — со спокойствием отчаяния произнес Осокин.

— Осокин! — удивленно воскликнул один из сыщиков. — Как вы попали сюда? — не удержался он от вопроса.

— Разве вы не меня хотели арестовать? — с удивлением спросил преступник.

— Нет.

— Ну, значит, судьба моя такова, — поник головой Леонид Юрьевич. — Берите меня. По наущению вот этой подлой женщины я сбросил с площадки госпожу Кроликову, близкую женщину находящегося здесь князя, убил стрелочника и его племянника. Со-знаюсь во всем. Можете арестовать меня!

Раненая певица в эту минуту слабо застонала.

— И зачем я убил ее?! — с раскаянием воскликнул преступник. — Пусть лучше испытала она бы весь позор тюрьмы и каторги, который предстоит теперь мне. Это было бы достойнее ее!

Его увели.

Громов наклонился над обезумевшим от горя Чарыгиным.

— Князь, — осторожно дотронулся он до его плеча. — Позвольте перенести раненую внутрь вокзала. Сейчас прибудет доктор.

Тот, казалось, не понял.

— Зачем унести? Я не хочу. Мы едем за границу.

— Но госпожа Фражет ранена. Ей необходима помощь. Сейчас ехать она не может.

— А когда же? — по-детски спросил князь.

— Когда поправится, конечно!

Чарыгин послушно отдал лежавшую на его руках женщину подошедшим с носилками сторожам.

Вызванный по телефону живший по соседству врач быстро осмотрел больную.

— Ну что? — спросил его Громов.

— Рана смертельна, — ответил тот. — Она не проживет более трех-четырех часов.

Глубокая складка прорезала высокий лоб сыщика.

— Жаль! Она достойна худшей участи. Неужели ее невозможно спасти?

— Нет! Тут даже чуда не может быть, — серьезно ответил доктор.

— А она придет в сознание?

— Вряд ли. Но, если вам нужно, я могу употребить средства.

— Ради Бога, сделайте это! — обрадовался Громов.

В это время прибыли вызванный судебный следователь, прокурор, а всю лишнюю публику удалили. Только князь Чарыгин остался неподвижно сидеть около широкого кожаного дивана, на который уложили

певицу. Он тупо смотрел ей в лицо и, казалось, не видел происходившего вокруг.

Врач принялся за дело. Он влил Бланш на губы несколько капель какой-то жидкости, растер виски и стал выжидательно смотреть в лицо. Вдруг она задыхалась глубже, веки затрепетали, и она открыла глаза.

Громов тотчас же подошел к кровати и наклонился над нею.

— Вам осталось жить не более двух-трех часов, — громко сказал он. — Очистите же свою душу, Маргарита Вернье, откровенной исповедью.

Судорога пробежала по лицу певицы.

— Неужели смерть? — чуть слышно спросила она.

— Да, — безжалостно подтвердил Громов. — Смерть для вас неизбежна. Покайтесь же. Сознайтесь в совершенных вами преступлениях, и Бог простит вас. Не медлите, минуты бегут.

— В чем вы хотите, чтобы я созналась? — слабо спросила Фражет.

Громов сделал знак приблизиться следователю и прокурору.

— В том, что вы семнадцать лет тому назад убили жену Кутузова, вашего бывшего любовника?

— Да, это — правда. Ее убил Бражелон. Я была при этом.

— Вы украли ребенка? Этот ребенок теперь взрослая девушка, находится у вас? Ее зовут Люси?

— Да, да, это так. Она — его дочь.

— Где она теперь? Куда вы дели ее? Ведь вы уезжали совсем за границу?

— Да, я отдала ее отцу.

— Отцу? — удивленно спросил сыщик.

— Он не знает, что это — его дочь, и хочет сделать ее своей любовницей. Это — моя месть. Я жила ею всю жизнь. Я знаю, вы ужасаетесь, но если бы вы знали, сколько я когда-то перенесла от этого человека. Я была чистая, непорочная девушка, он опозорил меня, а потом с ребенком выгнал на улицу. Я поклялась мстить и мстила. Но теперь... все равно... смерть...

Струйка алой крови потекла у нее из угла рта.

— Куда же он украл ее? — взволнованно спросил Громов. — Вы ведь знаете? Да?

— Дача... Петергоф... — были последние слова Бланш, после чего она захрипела и забилась в смертной агонии.

Князь, не проронивший во время этого короткого допроса ни одного слова, по окончании его встал и, поклонившись присутствующим, громко произнес:

— Теперь мы можем ехать за границу?

— Можете, можете! — поспешно ответил ему Громов. — Бедняга помешался, — шепнул он следовательно. — Надо вызвать кого-либо из его родных.

XXI

В ЛАПАХ ЗВЕРЯ

Люси не спалось. Она уже два дня на даче, погода была чудная, никто ее не беспокоил, а между тем смутная тревога жила в ее сердце.

Не нравилась ей ни угрюмая, одиноко стоящая дама, ни новая горничная, пожилая, хитрая женщина, лукаво улыбавшаяся при виде ее обнаженного тела, ни угрюмый лакей, имевший вид разбойника. Сестру милосердия, которую Люси привезла с собой, неожиданно вызвали в Петербург, и она осталась совершенно беззащитной среди совершенно незнакомых людей.

Ложась спать в этот вечер, молодая девушка не потушила лампы и теперь была рада этому.

Где-то недалеко ей стали чудиться голоса, вдруг скрипнула дверь. Инстинктивно Люси поднялась на локте и устремила взор по направлению к ней.

Дверь действительно отворилась. Сначала просунулась голова, затем и вся фигура, в которой молодая девушка, к ужасу своему, узнала Кутузова. Она вскрикнула.

Всеволод Александрович сначала испуганно отшатнулся. А затем прямо подошел к девушке. Он был немного навеселе. Его глаза горели возбуждением, лицо было красно, и у него был такой решительный вид, что Люси сразу поняла угрожающую ей опасность.

— Что вы хотите от меня? Как вы сюда попали? — в смертельном ужасе закричала она. — Кто вас пустил?

— Дорогая крошка, не пугайтесь! — развязно начал Кутузов. — Я у себя дома! Это — моя дача, а вы — моя гостья.

— Вы лжете! Тетя Бланш наняла эту дачу для меня. Как вы смее врываться сюда?

— Клянусь, если так не верите.
— Я буду жаловаться тете Бланш.
— Жаловаться ей?! Ха-ха-ха! Да она далеко, моя детка! Сегодня она уехала за границу и вряд ли скоро вернется. Она сдала вас на мое попечение. Я теперь ваш повелитель, вы — моя раба! — и Кутузов дрожащими руками дотронулся до покрывающего Люси одеяла.

— Я буду кричать, если вы не уйдете! — испуганно крикнула она. — Уходите сию же минуту!

— У, какой горячий темперамент! — цинично улыбнулся он. — Она будет кричать! Да кричи себе на здоровье. Разве здесь кто услышит?

— Что вы хотите от меня?

— Конечно, сделать тебя своей любовницей, прелестнейшая из женщин!

— Как вы смеете даже говорить такие вещи?

— А отчего и нет, милая детка! Я дал за тебя двадцать тысяч. Сумма приличная.

Теперь Люси поняла все.

— Вам продала меня тетя Бланш? — дрожащим, сдавленным голосом спросила она.

— Конечно! — откровенно ответил Кутузов.

— И вы думаете, я соглашусь?

— Но почему же нет? Я — не урод, богат.

Люси вдруг овладела дикая решимость. Вскочив в одной рубашке на кровати, она отпрянула к стене и с отчаянием закричала:

— Никогда, слышите, никогда! Я ненавижу вас, вы мне противны! Я лучше убью себя, но не достанусь вам!

Всеволод Александрович усмехнулся. Его глаза с чувственным восторгом пожирали стройную полуобнаженную фигуру молодой девушки, и он ждал только момента, как бы удобнее броситься на свою добычу.

— Знаем мы эти фразы, слышали! — процедил он сквозь зубы. — Не таких укрощали.

Между ними завязалась борьба. Люси боролась с решительностью отчаяния, но ее слабые силы начинали падать. Вдруг дверь в комнату с шумом распахнулась, и чей-то громкий встревоженный голос закричал:

— Опомнитесь, что вы делаете?

Кутузов выпустил свою жертву, бешено обернулся и встретился лицом к лицу с совершенно незнакомым ему человеком.

— Кто вы? Что вам здесь надо? — двинулся он на прищельца. — Как вы смеете врывать в чужой дом?

— Это — моя обязанность! — холодно усмехнулся тот. — Я вовремя поспел, чтобы предупредить ужаснейшее из преступлений. Девушка, которую вы хотите сделать вашей любовницей, — ваша дочь.

Всеволод Александрович смертельно побледнел.

— Дочь... моя дочь! — провел он рукой по лбу.

— Да, родная и, насколько мне известно, единственная. Несколькими часами тому назад Бланш Фражет, или — вернее — Маргарита Вернье, созналась на смертном одре, что убила вашу жену и украла ребенка — вашу дочь. Из мести она хотела сделать ее вашей любовницей.

— Но это чудовищно... Это — какое-то дьявольское наваждение! — в ужасе прошептал Кутузов. — Но кто — вы, явившийся так неожиданно?

— Я — Громов, сыщик. Я здесь не один, со мной друзья мадемуазель Люси. Они очень беспокоятся о ней. Я пойду скажу им, что все благополучно. Вы, конечно, позаботитесь о вашей дочери, — многозначительно прибавил он.

— Идите, идите. Я сейчас позову к ней горничную.

Сыщик удалился.

Когда за ним закрылась дверь, старый ловелас благоговейно опустился на колени перед кроватью, на которой лежала дрожащая девушка, и с мольбой протянул к ней руки:

— Простишь ли ты меня когда-нибудь, дитя мое? Я виноват, жестоко виноват перед тобою! Я — твой отец! Но почему же молчал голос крови? Я должен был угадать, что ты — мое дитя. А я, подлец... негодай!..

Он беззвучно зарыдал.

В Люси шла борьба. Ей трудно было сопоставить чистый, лелеянный ею в душе образ отца с этим несколько минут назад грубым животным, но ее добрая душа наконец смягчилась.

— Я прощаю тебя, папа. Милый папа! — воскликнула она. — Забудем прошлое навсегда!

Отец с дочерью горячо обнялись.

ЭПИЛОГ

Прошло более полугода.

Суханов и Мравин уже месяц как счастливые мужья, и Аглая Васильевна получает от них из-за границы чуть ли не ежедневно восторженные письма.

Обе парочки неразлучны.

Люси, быстро освоившаяся в новой среде, чрезвычайно подружилась с Еленой Матвеевной и так любила ее брата, что о разлуке не могло быть и речи.

Кутузов, восстановивший свою дочь в правах, ничего не имел против этого брака. Ему быстро надоела роль любящего родителя, тем более что маленькая доза неловкости все же закралась в отношениях между ним и дочерью. Он дал за нею в приданое чудное имение на юге, несколько десятков тысяч и счел свою роль оконченной.

Люси, или, как ее теперь звали, Анна Всеволодовна, мало жалела о его отсутствии. Семья мужа заменила ей всех, и в конце концов из нее вышла хорошая хозяйка и мать, которая без отвращения не могла вспомнить свою молодость, а в особенности кафешантанные подмостки. Надо ли добавлять, что она счастлива и благополучно здравствует до сих пор.

Судьба Осокина и Мэри Брантон была совсем иная. Первый на третий день своего пребывания в тюрьме перерезал себе горло осколком стекла и умер, а вторая по-прежнему влачит жалкое существование второстепенной кафешантанной звездочки. По завещанию своего неудачного поклонника она получила найденные при нем десять тысяч, но эти деньги быстро улетучились в вечном водовороте удовольствий и дешевого успеха.

Впрочем, Мэри не унывает. В нее влюбился кассир одного из частных банков, и постепенно у нее начинают появляться крупные бриллианты, рысаки и платья из Парижа. Что за беда, что голос у ней совсем пропал? Она все же пользуется успехом и мечтает об оперетке.

К князю Чарыгину рассудок не вернулся. Он,

правда, не буйствует, но тихая меланхолия не покидает его. Он безвыездно живет в одном из своих имений, под постоянным присмотром врачей и верных слуг, и некоторые надеются на его выздоровление.

На могиле Фражет стоит чудный памятник. Его поставил ей Жорж, поспевший на похороны своей матери, о смерти которой ему сообщил Кутузов. Отец с сыном встретились очень сухо.

Одиноким чудак, приютивший юношу, был графом, и к нему вновь поспешил Жорж, едва были окончены все формальности. Они теперь вместе где-то путешествуют.

Громов до сих пор часто вспоминает эту кафешантанную драму, чуть не заставившую его поплатиться жизнью.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Женщина-демон. Роман из петербургской жизни.....</i>	<i>5</i>
<i>Мечь дивы. Роман</i>	<i>155</i>

Серия «Старый уголовный роман»

Литературно-художественное издание

Гейнце Николай Эдуардович

МЕСТЬ ДИВЫ

Романы

Редактор Н. И. Суворова

Художник Н. Б. Егоров

Технический редактор В. И. Тушева

Корректор М. Г. Курносенкова

Издание подготовлено к печати по автоматизированной
редакционно-издательской технологии на персональных ЭВМ
Операторы: Аблизина Г. П., Аристархова Е. В., Краснова Е. И.,
Пекова Т. А., Меламед Н. И.

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 010006
03.10.1991 г.

Сдано в набор 31.01.95. Подписано к печати с готовых диапозитивов 20.03.95. Формат 84×108/32. Гарнитура таймс. Печать высокая. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,21. Уч.-изд. л. 21,0. Тираж 16000 экз. Заказ № 577. С 031.

Издательство «Современник»
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62
Факс 941-35-44
Тел. 941-36-69 (приобретение тиража)

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Комитета Российской
Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

